

ISSN 1814 - 6961

ОТАН ТАРИХЫ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2017, № 2 (78)**

2 /2017

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы:

Ханкелді Әбжанов

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), Н. Аблажей (Ресей), Б. Аяған, М. Әбусейітова, С. Әжіғали, Н. Әлімбаев, Б. Байтанаев, Қ. Жұмағұлов, Ғ. Кенжебаев, Б. Көмеков, Мансура-Хайдар (Үндістан), Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар, В. Плоских (Қырғызстан), Ю. Петров (Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік Корея), Е. Сыдықов, У. Фиерман (АҚШ), А. Чубарьян (Ресей)

Бас редактордың орынбасары:

С. Смағұлова

Жауапты редактор:

З. Төлєнова

Редактор:

Р. Көбеев

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
«Отан тарихы» журналының редакциясы
Телефон: 272-68-46
E-mail: kazhistory@bk.ru
Электрондық мекен-жай:
www.iie.kz

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS**

**Тарих теориясы
Теория истории
Theory of History**

АБЫЛХОЖИН Ж.Б.
Индустриализация в Казахстане в годы первой пятилетки.....6

ГАЛИЕВ А.А.
Современные тенденции в изучении номадов и кочевой
государственности.....38

**Тарих толқынында
В потоке истории
In the Stream of History**

ДӘУЛЕТХАН Ә.
Батыс Түрік және Түркеш қағанаты тұсындағы
мемлекеттік лауазымдар мен шендер.....51

ТӨЛЕНОВА З.М.
Қазыналы қарттардың тасқа қашап
жазған тарихы – урпаққа тағылым (Жамбыл облысында жүргізілген
тарихи-мәдени экспедиция материалдары негізінде).....68

**Тарихнама және деректану
Историография и источниковедение
Historiography and Source Studies**

БИМЕНДИЕВ А.Ш.
Некоторые инсигнии ханского достоинства
(истоки геральдических знаков казахских чингизидов).....76

АЛПЫСПАЕВА Г.А., САЯХИМОВА Ш.Н.
Разработка недр в Восточном и Центральном
Казахстане в XIX веке (по архивным материалам).....86

**Этнология, археология және ескерткіштану, музейтану
Этнология, археология и памятниковедение, музееведение
Ethnology, Archaeology, Monument Studies, and Museology**

**БАЙТАНАЕВ Б.А., ЕРГЕШБАЕВ А.А.,
СУЛЕЙМЕНОВА Ж.Ж.,
ШАЯХМЕТОВ А.Х., БЕЙСЕНОВ Н.Б.**
Ертеортағасырлық Төрткүлтөбе қалашығындағы
архитектуралы-археологиялық зерттеулер.....94

**Тарих және тұлға
История и личность
History and Person**

АБУЕВ К.К.
Султан-Газы Валиханов.....106

ПОЧЕКАЕВ Р.Ю.
Хан без ханства: феномен султана Садыка в истории отношений
Российской империи и стран Центральной Азии.....114

КУНДАКБАЕВА Ж.Б.
Приобщение к новым формам социальной коммуникации
казахской элиты: посольство Тайкары-ханум
в Санкт-Петербург 1798/1799 гг.....127

ОРАМАХ Ж.
Жәңгір ханның білім жолы.....139

**«Алаш» қозғалысына 100 жыл
100-летие движения «Алаш»
100th Anniversary of the 'Alash' Movement**

САКТАГАНОВА З.Г.
Партия «Алаш»: этапы истории.....149

М.Ж. ТАШЕНЕВ
О политической программе партии.....162

**Қазан революциясына 100 жыл
100-летие Октябрьской революции
100th Anniversary of the October Revolution**

КСЕНЖИК Г.Н.
Столетие революции в Казахстане: новые направления
в междисциплинарных исследованиях.....168

**Жас ғалымдар зерттеулері
Исследования молодых ученых
Researches of Young Scholars**

ОРАЗОВ Р.Е.
Әке жолын жалғастыра алған ұрпақ:
Жапар және Сыздық сұлтандар.....179

АБДЫКУЛОВА Г.
Жатачество как явление социального кризиса казахского
общества в XIX веке.....190

**Еске алу
Некролог
Obituary**

ЕДЫГЕНОВ Н......199

ГАЛИЕВ В.З......200

Реклама.....201

ТАРИХ ТЕОРИЯСЫ ТЕОРИЯ ИСТОРИИ THEORY OF HISTORY

Х. Абжанов,

Руководитель проекта «История казахской государственности (Отан тарихы/Отечественная история)», академик НАН РК

Вступительное слово

История как процесс и наставник жизни привлекает внимание людей с незапамятных времен. Огромный интерес к своему прошлому проявляли и древние насельники Казахстана. По утверждению отца истории Геродота, скифы из поколения в поколение передавали легенды и рассказы о первых предках и правителях, защите ими территориальной целостности страны и боевых действиях против иноземных захватчиков, гордились обычаями и традициями, сложившимися на протяжении многих веков.

Эти и другие богатства древности казахской земли определяли содержание и направления последующих исторических процессов и событий. Они стали предметом специального исследования для авторов средневековья и нового времени. До наших дней дошли многочисленные сведения и факты о политическом строе, социально-экономической и духовной жизни городов и сельских территорий Семиречья и Туркестана, Алтая и Сарыарки, Арало-Каспийского региона. Они изложены в книгах и рукописях на кыпчакском, китайском, персидском, русском, арабском, европейских языках. Впрочем, круг источников постоянно расширялся, и по сей день пополняется новыми материалами.

Первые попытки систематизации информационно-источникового пласта по истории Казахстана предпринимались в XVII-XIX вв. К числу таковых относятся «Шаджара-йи тюрк» Абул-Гази-хана, «Джамиат-таварих» К. Косымулы, «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» А.И. Левшина, труды Ч.Ч. Валиханова.

Профессиональное и системное изучение истории Казахстана с древнейших времен до современности осуществлялось после Октябрьской социалистической революции. В 1936 г. вышла в свет книга профессора истории Востока С. Асфендиарова «История Казахстана». В 1943 г. ученые Алматы и Москвы издали книгу «История Казахской ССР». Работы продолжались и в последующие годы. Ее закономерным итогом стала подготовка 5-ти томной «Истории Казахской ССР», удостоенной Госпремии республики 1982 г. Разумеется, по выводам и содержанию все эти работы соответствовали материалистическому пониманию закономерностей истории и партийно-классовой методологии изучения прошлого.

Распад СССР и крах коммунистической идеологии обусловили глубокие изменения в исторической научной мысли Казахстана. Они нашли отражение в исследованиях ведущих ученых республики, прежде всего сотрудников Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Монографии и концептуальные статьи академиков М.К. Козыбаева, Р.Б. Сулейменова, М.Х. Асылбекова, К. Нурпеиса, М.К. Койгельдиева и др. способствовали рождению новых идей и воссозданию подлинной картины прошлого казахского народа. Концентрированным выражением достижений научной мысли стало издание «Истории Казахстана» в 5-ти томах в 1996-2010 гг.

Провозглашение 1998 года годом национальной истории, осуществление Госпрограммы «Мәдени мұра» (2004-2011), юбилей Махамбета, К.И. Сатпаева,

М.О. Ауезова, А.Х. Маргулана в масштабе ЮНЕСКО расширили горизонты наших исторических представлений и знаний в сочетании с деидеологизацией исторической науки. Новое прочтение получили такие важные события, как присоединения Казахстана к России, национально-освободительные восстания, массовые репрессии, голод начала 30-х годов XX века, демографическое развитие населения, национальные отношения и языковое строительство.

Мощной толчок развитию исторической науки Казахстана дала реализация программы «Народ в потоке истории» в 2013-2016 гг. В рамках данной программы Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова был определен головной организацией проекта «Отан тарихы» в 20-ти книгах. К написанию томов привлекались ученые Алматы, Астаны, Орала, Москвы, Турции, Башкортостана и др. центров, проводились международные конференции. Большую активность проявляли археологи.

На сегодняшний день завершена работа над 17 книгами проекта. В целях организации широкого обсуждения рукописей мы решили опубликовать отдельные разделы книг на страницах журнала «Отан тарихы». Все замечания и предложения читателей будут восприняты с благодарностью. Публикация открывается разделом, подготовленным профессором Ж.Б. Абылхожиным.

Ж.Б. Абылхожин¹

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
Главный научный сотрудник отдела историографии, источниковедения
и современной методологии, д.и.н., профессор
г. Алматы, Казахстан

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Аннотация

В статье с привлечением новых данных рассматривается первая индустриальная пятилетка в СССР, подоплека принятия тех или иных планов по индустриальному развитию, причины установления сырьевого характера народного хозяйства Казахстана, подстегивание темпов выполнения планов развития руководством СССР вопреки рациональным экономическим расчетам, а также последствия подобной «сверхиндустриализации» (массовый голод и падение уровня жизни среди населения Казахстана).

В частности, в работе приведены факты несоответствия планов и реального хода проводимых реформ, их результатов и заявленной официальной статистики, контроля доступа к достоверным данным и их цензуры. Рассмотрен ранее должным образом неисследованный в историографии Казахстана вопрос несоответствия заданных темпов индустриализации с реальной практикой.

Уделено внимание последствиям перекоса в экономике – вытеснению на периферию легкой и местной промышленности в пользу тяжелой индустрии, а также причинам продовольственного кризиса, таким как изъятия по государственным заготовкам продукта крестьянского труда, большой экспорт зерна из внутренних резервов страны, кампания по раскулачиванию наиболее экономически крепких сельских производителей (в казахском ауле – крупных скотовладельцев) и массовой коллективизацией (на фоне чрезвычайно неурожайных 1931-1933 годов). Среди результатов первой пятилетки автором на основе конкретных расчетов выдвигается тезис о крайнем снижении уровня населения (в том числе рабочего класса и крестьян) по сравнению с дореволюционным периодом.

Ключевые слова: пятилетка, индустриализация, экстенсификация, народное хозяйство, Казахстан, голод, пайково-карточное снабжение.

1. Планы первой индустриальной пятилетки

Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) одобрил директиву ЦК «держат курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства» [1]. Через два года Пятнадцатый партийный съезд (декабрь 1927 г.) принял резолюцию «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

В этой связи было указано на необходимость проработки в разрабатываемом плане вопроса оптимизации в структуре национального дохода пропорций между фондами накопления и потребления, взвешенного подхода к рассмотрению проблем межотраслевого баланса: между промышленностью и сельским хозяйством, производством средств производства (тяжелая промышленность, капитальное строительство и пр.) и производством предметов потребления (легкая промышленность, пищевая и пр.).

При этом решительно отвергалась постановка вопроса «максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустриализации, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы» [1, с.277]. Что касается темпов роста, то они, как указывалось в директивах, не должны быть максимальными, их следовало планировать так, чтобы не было срывов.

Таким образом, партийные установки по составлению пятилетнего плана вполне согласовывались с нэповской концепцией и не предусматривали каких-то чрезвычайно форсированных ритмов «сверхиндустриализации». Однако уже совсем скоро Сталин по-вождистски проигнорирует решения съезда и поступит ровно наоборот.

Следует сказать, что дискуссии, развернувшиеся в процессе подготовки плана, выявили различные векторы тяготения. Здесь присутствовали как расчеты на то, что индустриализация будет проводиться в рамках нэповской политической линии (Н. Бухарин и его сторонники), так и ориентации на ее, все более явно вырисовывавшиеся, контрпарадигмы.

Главными разработчиками плановых моделей являлись Госплан СССР (председатель Г. Кржижановский – один из немногих личных друзей Ленина) и ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства), председателем которого был В. Куйбышев, входивший в круг ближайших сподвижников Сталина. Госплан пытался апеллировать к научно обусловленным и реально взвешенным подходам. В его аппарате было подготовлено два варианта плана: отправной (минимальный), учитывавший возможность возникновения непредвиденных обстоятельств, и, так сказать, оптимальный, нацеливавший на максимально возможные контрольные цифры.

ВСНХ, судя по всему, больше уповал на «революционную энергию пролетариата», ибо настаивал на гораздо более высоких плановых показателях и наращивании больших объемов капиталовложений. В его варианте предполагался рост всей промышленности на 134,6 процента, причем для тяжелой – 150,2 процента. Менее высокие темпы предусматривались для легкой промышленности – 121,4 процента [2]. Но даже эти, во многом нереальные задания, были по решению ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. переверстаны в сторону еще большего повышения. В пересмотренном проекте ВСНХ для промышленности в целом устанавливался рост уже в 167 процентов, тяжелой индустрии – 221, а легкой промышленности – на 130 процентов [2].

На заседании правительства СССР в апреле 1929 г., где рассматривались представленные варианты плана (отправной и оптимальный), был принят максималистский проект, предполагавший огромнейшие капиталовложения, сопряженные с разбалансировкой народнохозяйственной системы и подрывом

финансово-денежного хозяйства. Свое, чисто формально процедурное утверждение «Пятилетний народнохозяйственный план на период 1928/29-1932/33 г.» получил на V съезде Советов СССР (20-18 мая 1929 г.).

Уже подходил к концу первый год пятилетки (отсчет ее начался с 1 октября 1928 г.), а «сталинский ЦК» продолжал, так сказать, на походном марше вносить в план повышательные коррективы. В июне-августе 1929 г. были приняты решения о еще более форсированном развитии тяжелой промышленности. В «уточненном» в этой связи плане, добыча нефти, например, должна было составить 41,4 млн. т против запланированных 21,7 млн. т, угля – 120 млн. т (вместо 75 млн. т). В плановом варианте 1930 г. планка этих показателей опять поднималась: по нефти до 42 млн. т, углю – 140 млн. т. Были повышены контрольные цифры и по другим отраслям тяжелой промышленности [2].

А ведь не далее, как на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г. Сталин, критикуя «левую оппозицию», заявлял: «Тов. Троцкий думает подхлестывать наши центральные учреждения расширенными планами, преувеличенными планами промышленного развития. Но преувеличенные планы промышленного строительства – плохое средство для подхлестывания. Ибо, что такое преувеличенный промышленный план? Это есть план, составленный не по средствам, план, оторванный от наших финансовых и иных возможностей», здесь же он неоднократно говорил о «предельном минимальном темпе развития индустрии, который необходим для победы социалистического строительства» [3, с.152]. И вот теперь такая, мягко говоря, метаморфоза: страна получила «сталинский план социалистической индустриализации», обернувшийся для нее не столько «сверхбыстрыми» достижениями, сколько величайшими напряжениями, лишениями и огромнейшими жертвами.

По поводу планов первой пятилетки шли дискуссии и в Казахстане. Секретарь Казахского Краевого комитета ВКП(б) Ф. Голощекин, выступая на VI Всеказахской партийной конференции (15-23 ноября 1927 г.) заявлял: «Уже два года я пропагандирую, что главное звено в нашей промышленности – не постройка гигантов, а развитие местной мелкой и средней промышленности», «союзная промышленность может быть зависима от нас в области шерсти, мяса, кожи и т.д., не говоря уже о том, что у нас имеются технические культуры, которые будут иметь для нашего дальнейшего развития огромное значение», «КАССР должна войти в общую пятилетку как сырьевая база» и т.д. [4, с.52-53, 59, 58].

Один из главных оппонентов Голощекина, С. Садвакасов был против такой узкой перспективы развития промышленности республики. Апеллируя к экономической целесообразности, он выступал за строительство не столько мелких и средних предприятий первичной обработки (маслобойных, шерстомоечных, крупорушечных, кожевенно-дубильных и т.д.), а создание производств, на которых местное сырье, прежде всего сельскохозяйственное доводилось бы до более высоких стадий передела, т.е. до конечной продукции. Иначе говоря, строить промышленные предприятия с привязкой к источникам сырья, а не наоборот – возить сырье к далеким заводам и фабрикам его конечной обработки. «Не лучше ли и железным дорогам вывозить из Казахстана готовое сукно, чем два раза таскаться то с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти», а потому, резонно рассуждал С. Садвакасов, «там, где есть кожа, там [строить] кожевенные заводы, где есть шерсть – шерстомойки и суконные фабрики» [5, с.181].

Рассматривая достаточно острые полемические противостояния внутри Краевой партийной организации Казахстана по вопросам о перспективах развития промышленности республики, некоторые историки делают вывод, что «в острой дискуссии, развернувшейся во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. [...] победила позиция партийно-советского руководства Казахстана во главе с Ф.И. Голощекиным,

и это предопределило сырьевую направленность промышленности Казахстана на весь советский период» (выделено нами. – А Ж.) [6, с.339].

Столь генерализованный, т.е. широко обобщающий вывод не состоятелен хотя бы уже потому, что вытекает из принципа «от частного случая к общему представлению», т.е., что якобы именно исход спора Голощекина со своими оппонентами определил тогда и в будущем сырьевую направленность промышленности Казахстана. Постановка вопроса в таком ракурсе не достигает своей правомерности по ряду причин.

Во-первых, эти дискуссии (и не только в Казахстане, имевшем тогда административно-территориальный статус автономной республики в составе РСФСР, но и в других союзных республиках) не могли вызывать какой-то восприимчивой рефлексии или сколько-нибудь серьезного внимания Центра. Он в это время был озабочен куда как более важными для него вопросами – борьбы с «новой оппозицией» (Зиновьев-Каменев) и «правым уклоном» (Бухарин, Рыков, Томский), – чтобы отвлекаться на мало что значившие для державной Москвы «местечковые» споры на далекой периферии ее «партийной ойкумены».

Во-вторых, если учесть, что со второй половины 1920-х гг. не принимались в расчет, а по сути игнорировались политико-экономические доводы даже Н. Бухарина, «крупнейшего теоретика партии» (характеристика по его адресу, озвученная Сталиным на XIV съезде ВКП(б)), то какой прислушавшейся реакции от «вождя» можно было ожидать на какие-то там суждения маленьких провинциальных «партийных князьков» (Голощекина) и еще менее значимых для него их оппонентов (правда, последним это припомнят в годы репрессий, клеймя их стигмами «буржуазных националистов», «национал-уклонистов» и прочих «уклоняющихся от генеральной линии партии»). Тем более, что после «зачистки» Политбюро от различного рода высокопартийных авторитетных девиантов Сталин превратился в единовластного диктатора, которому уже никто не мог даже пытаться что-то советовать, не говоря уже о том, чтобы навязывать какие-то особые мнения, вопреки его волевым решениям.

И, наконец, в-третьих, и это самое главное. Сырьевой характер народного хозяйства Казахстана предопределялся, конечно же, отнюдь не «победой позиции Голощекина в 1920-е -1930-е годы», а самой логикой вызревавшей к тому времени советской централизованной административно-командной экономики. В качестве главного ресурса ее развития виделась и тогда, и весь последующий советский период экстенсификация, т.е. стратегия бесконечно расширяющегося природопользования (хозяйственная утилизация лесов, ископаемых недр, пахотнопригодных земельных массивов, энергопотенциальных рек и прочее) и эксплуатация ее возможностей посредством наращивания массы труда – людской рабочей силы. Движимой такими экстенсивными экономическими приоритетами, Системе было, конечно же, не до конкретных интересов какой-то территории, той или иной республики и ее населения.

Центр руководствовался здесь исключительно прагматичными для него целями – выявить и максимально задействовать сколько-нибудь перспективные полюсы экстенсивного роста, которые способны на быструю народнохозяйственную отдачу. При этом для него было абсолютно безразлично, где они локализуются, будь то угольные недра Подмосковья, богатые рудные провинции в Центральной России, на Украине и в степях Казахстана или золото у Полярного круга. Главное – вырвать богатства у природы, а уж как, где, кто и до какой степени их будут перерабатывать, откуда и куда будут двигаться потоки материальных и трудовых ресурсов – это уже другой, гораздо более второстепенный для Кремля вопрос. (Кстати, как только были обнаружены богатства свинцовых и медно-порфировых руд Ачисая, Рудного Алтая, Коунрада, Джезказгана, фосфоритов Актюбинска и т.д., то сразу же стали возводить Чимкентский свинцовый и Балхашский

медеплавильный заводы, реконструировать свинцовый завод в Риддере, строить Актюбхимкомбинат, реконструировать свинцовый завод в Риддере, а когда выявился огромный потенциал Джекказганских медных и железных руд, тут же был поставлен вопрос о необходимости сооружения крупных комбинатов по производству меди и черных металлов в Центральном Казахстане).

Всей этой нарождавшейся логики индустриализации по-сталински, естественно, не могли тогда понимать С. Садвакасов и его сторонники, пытавшиеся отстаивать интересы Казахстана. (Конечно, не могли они тогда предвидеть и того, что их чаяния по поводу планов создания в республике крупных обрабатывающих производств, отчасти реализованные тогда в республике – Балхашский медеплавильный, Усть-Каменогорский и Чимкентский свинцово-цинковые заводы, Актюбинский химкомбинат и т.д. – обернутся тем, что исходящие от этих промышленных гигантов техногенные загрязнения водных источников (озера Балхаш, например) и воздушной атмосферы городов породят в будущем зоны серьезнейшего экологического напряжения – тогда об этом вообще никто не задумывался, – а обширная внешняя трудовая миграция в центры экстенсивного роста республики приведет к стремительному сокращению удельного веса коренного населения в ее этнодемографической структуре).

Но вернемся к вопросу об эволюциях заданий первого пятилетнего плана для промышленности Казахстана. Надо сказать, что в изначальном его варианте закреплялась установка ЦК ВКП(б) «строго увязать» планы промышленного строительства в республике «с развитием скотоводства и промышленно-технических культур в сельском хозяйстве» [7, с.51]. В постановлении Совнаркома РСФСР по докладу правительства КАССР о задачах пятилетки в республике (2 августа 1928 г.) говорилось, что «в ближайшую пятилетку [в Казахстане] должно быть обращено особое внимание [...] на значительное расширение промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья» [8, л.38].

Что касается горнорудной промышленности, то здесь указывалось на необходимость осуществлять лишь «подготовку (выделено нами. – А.Ж.) к развешиванию» ее отраслей, т.е. их эксплуатация предполагалась в лучшем случае только во второй, но вовсе не в предстоящей пятилетке. В угледобыче предусматривалось форсированное освоение углей Экибастуза и лишь относительное развитие их добычи на Карагандинских коях. В области энергостроительства предполагались постройка Ульбинской ГЭС, а также «изыскание и составление проекта Карагандинской районной электростанции» [8, л.39].

Из сказанного очевидно, что план первой пятилетки для промышленности Казахстана задумывался первично отнюдь не в каких-то грандиозных масштабах и форсированных темпах. Но вскоре, однако, «промышленная карта республики» стала видеться в совершенно ином свете. Происходило это по мере понимания Центром обилия природных богатств Казахстана.

Геологоразведочные работы, интенсивно развернувшиеся на территории республики в 1928-1929 гг. (работали 50 поисковых партий) и особенно в полевые сезоны 1930-1931 гг. (уже 140 геологических отрядов), выявили здесь целый ряд перспективных в плане промышленного освоения месторождений полезных ископаемых. Согласно геологическим оценкам на тот период, проектные запасы меди определялись в Казахстане более чем в 3,6 млн. т, что равнялось 35 процентам всех ее выявленных ресурсов на территории СССР, превосходя общий потенциал известных на тот период месторождений страны, включая самый мощный тогда меднорудный Уральский регион (по отношению к запасам меди Казахстана потенциал Урала оценивался в 30,4 процента, Закавказья – 2,7, а Сибири – 0,7 процента). В мировых запасах меди (90 млн. т) удельный вес их «казахстанской составляющей» оценивался в 4 процента [8, л.1].

Выявленные общие запасы свинцово-цинковых руд Казахстана превышали суммарные рудные возможности таких же месторождений всех остальных районов СССР на 45 процентов. По марганцевым рудам удельный вес месторождений, разведанных на территории республики, определялся тогда в 16 процентов от их общих запасов по стране [8, л.10,19].

Таким образом, уже только предварительные изыскания, проводившиеся преимущественно посредством традиционных геологоразведочных методов, часто без использования, например, более точной и эффективной геофизической съемки, обнаруживали достаточно емкий потенциал рудных полей республики. К тому же, выявленные здесь руды имели весьма богатое содержание цветных металлов, что открывало широкие горизонты для их масштабной промышленной утилизации.

В этой связи Казахстан оказывается в фокусе «индустриальных интересов» Центра. В августе 1929 г. СТО СССР принял постановление о развитии цветной металлургии страны, в котором указывались районы, где необходимо «сосредоточить главное внимание», при этом особо отмечалось, что «основным для перспективного развития считать Казахскую Советскую Социалистическую Республику» [9, л.91].

Планируемое строительство новых объектов металлургической промышленности предполагало не только расширение ее рудной базы, но и актуализировало задачу наращивания производства угледобычи. 15 августа 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об увеличении угольных и коксовых ресурсов», в котором говорилось: «Как несколько лет тому назад зерновая проблема, так в настоящее время проблема угольная – становится важнейшей политической и хозяйственной задачей, без разрешения которой невозможны быстрые темпы социалистического строительства». В постановлении обращалось особое внимание на перспективы угольных месторождений Караганды, подчеркивалась возможность создания здесь третьей топливной базы страны [10].

В соответствии с установками ЦК геологическое изучение Карагандинского угольного района было значительно активизировано. По первоначальному, уже три года как действовавшему, плану пятилетки каменноугольная промышленность Казахстана была нацелена на разработку Экибастузских углей, а Караганде, как уже говорилось, отводилась роль месторождения местного значения (к концу пятилетки ей определялась добыча всего в 120 тыс. т. угля) [11, л.14]. Но теперь акценты резко смещались в сторону Центрального Казахстана.

В 1931 г. здесь было заложено более двух десятков разведочных шахт, посредством которых уточнялись структура угленосных пластов, глубина их залегания, качество углей на степень коксуемости и зольности (в шахтах, кроме этого, осуществлялась попутная эксплуатационная угледобыча). Было выявлено около 30 угольных пластов горизонтом почти до 60 метров. Геологическими разведками 1931 г. было оконтурено 15 млрд. т промышленных запасов угля против 6 млрд. т, известных на 1930 г., причем, как тогда представлялось, это было только 10 процентов угленосного месторождения. Результаты всех этих исследований позволили прогнозировать объемы карагандинских угольных залежей на уровне гораздо более высоком, чем ранее предполагалось. Уже к концу пятилетки они стали определяться в 30-50 млрд. т (на сегодня эти запасы оцениваются в 90 млрд. т.) [11, с.23].

Становилось очевидным, что в карагандинских степях отнюдь не какой-то локальный угольный район местного значения, а крупный бассейн с обширнейшими угленосными формациями. По своим перспективным возможностям он выходил на третью позицию после Донбасса и Кузбасса, причем по сравнению с последним Караганда имела преимущества в плане возможных транспортных завязок на металлургические заводы Южного Урала (она была к ним, примерно, на 1 тыс. км ближе).

Нефтепромыслы Казахстана по своим производственным возможностям превосходили тогда аналогичные действовавшие производства Крыма, Узбекистана и Дальнего Востока, но несоизмеримо уступали нефтям Баку, Кубано-Черноморского, Волго-Уральского и некоторых других регионов страны. В Казахстане добыча «черного золота» еще с дореволюционной поры традиционно велась в Урало-Эмбенском бассейне, где эксплуатировались, главным образом, промыслы в Доссоре и Макате. В пятилетнем плане первоначально была поставлена задача интенсифицировать их освоение и вместе с тем расширить разведочное бурение новых скважин с целью обнаружения в этом районе новых перспективных нефтяных полей.

Учитывая несоизмеримо более обширные, чем представлялось ранее, возможности использования недр Казахстана, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 15 февраля 1930 г. специальное постановление. В нем отмечалось, что первоначальный вариант пятилетнего плана для республики не учитывает ее нужд (на самом деле, конечно, интересов Центра) и открывающегося народнохозяйственного потенциала. В этой связи ВСНХ СССР и Госплану было предложено в течение двух месяцев пересмотреть план развития промышленности Казахстана на оставшиеся три года пятилетки.

Итак, менее чем через полтора года после начала пятилетки ее план для Казахстана (как, впрочем, и для страны в целом) радикальным образом менялся. Вместо ориентации на сельское хозяйство и местную промышленность (главным образом переработка сельскохозяйственного сырья) в качестве стратегических отраслей определяются цветная металлургия, каменноугольная промышленность и нефтедобыча. С расчетом на них теперь планировалось и развитие промышленной инфраструктуры – железнодорожного транспорта, электростанций, местной промышленности строительных материалов и т.д.

Перенацеливание индустриальных приоритетов нашло свое выражение и в структурной перегруппировке капиталовложений, направляемых в промышленность Казахстана. Если по первоначальному плану в группу «А» (тяжелая промышленность, строительство капитальных объектов и т. д.) должно было поступить 75 процентов всего их объема, то уже в плане, сверстанном на 1931- 1933 годы, – 93. Соответственно, доля группы «Б» (местная, легкая и пищевая промышленность и пр.) снижалась с и без того малых 25 процентов до 7 [12, с.11].

При этом большая часть капиталовложений в группу «А» перераспределялась в цветную металлургию (45 процентов), далее шли нефтяная промышленность (20,4) и каменноугольная – 15,3 процента. В химическую отрасль направлялось 4,8 процента всех средств, на строительство электростанций – 8,5. Предусматривалось также резкое увеличение суммарного объема инвестиций. К концу пятилетки по сравнению с ее исходным годом он должен был возрасти в 24 раза и составить сумму более чем в 1 млрд. 228 млн. руб. [13, с.3].

2. Подстегивание темпов: планы и реальность

Как говорилось выше, первый пятилетний народнохозяйственный план развития народного хозяйства СССР неоднократно перекраивался (апрель – май 1929 г., январь – февраль 1930 г., июнь 1931 г.). Но отнюдь не в коррекции с обнаруживавшимися реалиями, а, наоборот, по-волюнтаристски грубо вопреки им. Революционный призыв «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!» попирали рациональные экономические расчеты. Главным объявлялся только темп. Задумавшаяся промышленная модернизация оборачивалась в ее сталинской модели сверхфорсированной попыткой «проскочить» за 10 лет тот путь, который промышленно развитые страны Запада преодолевали 50-100 лет (И. Сталин).

Непомерно завышаемые в своих объемах планы выдвигали, понятно, столь же непосильные, а если точнее, то попросту нереальные сроки их исполнения. В докладе на XVI съезде ВКП(б) в конце июня 1930 г. Сталин указывал: «Некоторые товарищи скептически смотря на лозунг «пятилетка в четыре года», но о чем

говорит нам проверка исполнения пятилетки в ее оптимальном варианте? Она говорит не только о том, что мы можем ее выполнить по целому ряду отраслей промышленности **в три и даже в два с половиной года** (выделено нами. А.Ж.). Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно» [14, с. 81-82].

Отсюда – постоянное (с интервалом чуть ли не в полгода) пресование сроков выполнения плана до все более сужавшихся минимумов (во благо шапкозакидательского лозунга «Пятилетку в четыре года!»). В полной мере эта партийная установка распространялась на задания пятилетки и для Казахстана. Нажим Центра становился здесь тем категоричнее и безапелляционнее, чем больше его воображение «окрылялось» захватывающими дух картинами открывавшихся природных богатств республики.

Однако, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли (вернее упорно не хотели замечать) про овраги». Рассмотрим ниже, как абстрагированные от объективных факторов командно устанавливавшиеся для Казахстана индустриализационные темпы и директивно же заданные и требуемые результаты, должны были сбываться по приказу Москвы почти немедленно, т.е. к концу пятилетки (1932/33 г.), соотносились с реальной практикой. Иначе говоря, насколько далеки оказались партийно-кабинетные планы от их действительной реализации? (Тем более, что вопрос этот упорно игнорировался не только в советской (что понятно), но и в более поздней историографии Казахстана).

Начнем с планов по цветной металлургии. Как уже отмечалось, в середине июля 1930 г. президиум ВСНХ СССР, руководствуясь директивой ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г., принял постановление об утверждении нового варианта первого пятилетнего плана развития промышленности КАССР на оставшиеся годы пятилетки. В нем, помимо прочего, говорилось: «Учитывая острый дефицит в цветных металлах и необходимость освобождения от импорта» считать необходимым «форсировать темпы развития цветной металлургии в Казахстане...», в частности, **в 1932/33 г. должно быть закончено строительство центрального медеплавильного завода...** [15] (выделено нами. – А.Ж.).

Местом расположением завода был выбран район Караганды, а работать он должен был на джезказганских медных рудах. К подготовке его строительства приступили после принятия постановления СТО СССР от 2 августа 1929 г. Но уже после начала подготовительных работ выяснилось крайне неудовлетворительное состояние дел с геологоразведочными и научно-исследовательскими работами, отсутствие точных подсчетов потенциала рудной базы завода, задерживалось его техническое проектирование, испытывался сильнейший дефицит материально-технического снабжения и строительных материалов, остро стояла проблема с транспортными вопросами и особенно с кадрами. Кроме того, становилось понятным, что крупномасштабное медеплавильное производство весьма водозатратно и объемы стока р. Нуры (в районе Караганды) в маловодные сезоны могут оказаться недостаточными для обеспечения технологических процессов.

В результате взвешивания всех аргументов «за» и «против», проведенных уже задним числом (когда решение о строительстве завода было принято и уже даже начались некоторые подготовительные работы и, более того, установили, как отмечалось выше, срок его окончания – к концу пятилетки), наконец, решили, что экономически более выгодным местоположением будущего завода следует считать северное побережье озера Балхаш. К тому же, к этому времени в прибалхашских степях открыли и предварительно подсчитали залежи Коунрадского месторождения медно-порфиновых руд, позволявших повысить проектную мощность завода с 50 тыс. т (как планировалось ранее) чуть-ли не до 150 тыс. т. меди [16, л.191]. Вскоре строительство Балхашского медеплавильного завода стало разворачиваться. Но закончилось оно, конечно же, не в 1932/33 хозяйственном году, как строго

наказывали директивные народнохозяйственные органы, а только уже на старте третьей пятилетки: первая балхашская медь была отлита 24 ноября 1938 г., а на запроектированные производственные мощности завод стал выходить еще позже.

В самом начале первой пятилетки, после реконструкции старого, еще дореволюционного медно-промышленного предприятия вступил в строй действующих Карсакапайский медеплавильный завод, работавший на джезказганских рудах. Пуск его был приурочен к 11-й годовщине Октябрьской революции, т.е. к ноябрю 1927 г. В этой связи одна из московских газет писала: «Вновь сооруженный завод, оборудованный по последнему слову американской техники, рассчитан на производство 5 тыс. тонн меди в год» [17].

Газета, понятно, не сообщала при этом, в каких тяжелейших условиях находился завод. Располагался он прямо в степи, в 350 км от ближайшей железнодорожной станции (Жусалы). Железнодорожная связь с ним отсутствовала. Крайне неудовлетворительной, если не сказать убогой, была его производственная инфраструктура. Труд на снабжавшем завод сырьем Джезказганском руднике, как, впрочем, тогда везде, был сплошь ручным. Задействовался в основном гужевой транспорт (готовую продукцию вывозили преимущественно верблюжьими караванами, немногие автомобили в жару и мороз глохли в степи). Отсутствовала сколько-нибудь приемлемая социально-культурная и бытовая инфраструктура. Редкие заезжие специалисты задерживались в голимой степной глуши недолго, хроническая текучесть была характерна и для рабочих кадров.

Естественно, что само по себе «оборудование по последнему слову американской техники» без его совмещения с более или менее адекватными факторами и условиями производства (энергетическое и транспортное обеспечение, механизация, квалифицированная рабочая сила, организация труда и многое что другое) было не способно на эффективную отдачу. Отсюда понятно, почему Карсакапайский медеплавильный завод всю первую пятилетку, да и большую часть второй не мог выйти не только на запроектированную мощность (5 тыс. т меди), но и производственные программы, хотя бы приближавшиеся к ней (на свою полную мощность завод вышел лишь в конце 1936 г., т.е. через 8 лет после пуска) [18].

По поводу свинцово-цинковой промышленности Председатель Совнаркома КАССР, У. Исаев, выступая на VII Казахской краевой партийной конференции (начало июня 1930 г.), торжественно объявлял, что здесь также ожидается, согласно плану, невероятный прорыв, причем не далее, как уже к концу первой пятилетки. Уверенность эта связывалась со строительством крупных заводов: Чимкентского свинцового и Риддерского электролитного цинкового [19, с.3].

В отношении первого в директиве ВСНХ СССР от 31 мая 1931 г. прямо указывалось: «Назначить срок пуска Чимкентского свинцового завода на полную мощность в 60 тыс. тонн на 1 января 1933 г.» [20, л.275]. Между тем, вопреки волевым командам, завод удалось построить только в 1934 году, в 1936 г., т.е. почти к концу уже второй пятилетки плавка свинца здесь составила 21,5 тыс. т. – почти в 3 раза меньше проектной мощности [21, с.78].

Что касается Риддерского завода, то в решениях VII Казахской краевой партийной конференции (май 1930 г.) по его поводу отмечалось: «Удалось доказать возможность и необходимость переработки цинковых концентратов на месте, в связи с чем приступлено к сооружению нового цинкового завода на 25 тыс. тонн готовой продукции» [22, с.37]. Эта, только еще предполагавшаяся, производственная возможность будущего завода была почти тут же оформлена в директивный план развития промышленности цветмета Казахстана на оставшиеся годы пятилетки. В утвердившем его постановлении ВСНХ СССР (июль 1930 г.) наказывалось: «Выпуск продукции Риддерского цинкового завода, не достигая полной нагрузки, однако, должен иметь место в 1932/33 г.» Но в сентябре 1930 г. в постановлении СТО СССР планировался выпуск уже по

полной нагрузке: в 1932/33 г. завод обязывался дать стране 25 тыс. т цинка, т.е. максимум его запроектированных мощностей [23, с.37].

Для энергетического обеспечения работы электролитного цинкового завода (и, вообще, металлургии Алтая) параллельно разворачивалось строительство Ульбинской ГЭС. Чтобы уложиться в заданные сроки ее сооружения, люди работали буквально днем и ночью, проживая летом в палатках, а зимой – в насквозь промерзаемых бараках. К стройплощадке электростанции была проложена железнодорожная узкоколейная ветка, но к Малоульбинскому водохранилищу пришлось пробивать горную дорогу (62 км), транспортировка грузов по которой могла осуществляться только лошадьми.

Все эти (и многие другие, включая финансовые и материально-снабженческие) трудности очень серьезно и надолго затягивали темпы строительства Ульбинской ГЭС, а потому первый промышленный ток электростанция смогла генерировать только в начале 1937 г., т.е. в последний год второй пятилетки. Понятно, что только тогда Риддерский завод и смог начать переработку концентрата в рафинированный цинк, ведь процесс электролиза требует огромных энергетических мощностей.

Из сказанного можно понять, что форсированные планы, расписанные летом 1930 г. для цветной металлургии Казахстана, были абсолютно оторваны от реального хода ее развертывания. Отсюда закономерно, что они были провалены.

Так, выпуск черновой меди был запланирован на 1932/33 год в объеме 30 тыс. т. Практически же было произведено за весь 1932 г. и 9 месяцев 1933 г. 7094 т, т.е. выполнение плана составило 23,6 процента. Но если пересчитать из расчета на хозяйственный 1932/33 год, который, собственно, и был указан в плане, то выявляется, что конечные пятилетние задания для медеплавильной промышленности Казахстана были реализованы всего на 13,5 процента. Что касается запланированного суммарного объема выпуска меди в 30 тыс. т, то в этой связи можно привести следующую справку: за все годы первой и второй пятилеток вместе взятых было произведено 24 649 т. [24, л.40].

Производство свинца в последний год пятилетки определялось по плану в 18 тыс. т (первоначальные предложения Казкрайкома ВКП(б) предполагали вообще 30 тыс. т). На самом деле, в 1932 г. было выплавлено 5593 т свинца, за 9 месяцев 1933 г. еще 2177 т. По отношению даже к суммарному производству двух последних лет пятилетки выполнение плана составило, таким образом, 43,1 процента. Но опять-таки, если соотнести объемы производства свинца со строго заданным по срокам 1932/33 хозяйственным годом (последний год первой пятилетки), то получится, что план был выполнен всего на 24 процента. Что касается выпуска цинка (задание - 25 тыс. т), то, как отмечалось выше, то его производство было вообще нулевым [25, л.4].

Как уже говорилось, пятилетний план развития промышленности СССР на 1928/1929 – 1932/1933 годы менялся не один раз и только в сторону своего повышения. Особенно «головокружительные» эволюции претерпевали планы по угледобывающей отрасли. Если по плану 1929 г. производство угля в стране предусматривалось в объеме 75 млн. т, то в уточненном плане – 120 млн. т, а по плану 1930 г. уже 140 млн. т (сразу заметим, что в действительности вся угледобыча составила в конце пятилетки 64 млн. т, т.е. не был выполнен даже отправной, минимальный вариант плана).

В Казахстане в первоначальном пятилетнем плане угледобыча была представлена лишь как отрасль краевого значения, т.е. нацеленная на обеспечение потребностей народного хозяйства собственно республики. Соответственно выстраивались и объемы планов для нее. Так, для Караганды, например, как замечалось выше, план определялся всего в 120 тыс. т угля (помимо нее в план включались угольные копи Ленгера, Экибастуза и Берчогура).

Однако с выявлением крупнейшего угольного потенциала Карагандинского бассейна и с расчетом на его открывавшиеся возможности, плановые задания

для Казахстана, исходящие из Центра, стали стремительно повышаться. В плане лета 1930 г., утвержденном для республики постановлением СТО СССР, на конец пятилетки (1932/33 хозяйственный год) устанавливался рубеж в 1600 тыс. т. угля [26, с.10]. Но уже через год, летом 1931 г. директивами ЦК ВКП(б), и союзного правительства была поставлена задача довести к концу пятилетки добычу угля в Карагандинском бассейне до 3 – 3,5 млн. т. [27]. Ориентируясь на эту партийную установку, «угольный» план для Казахстана был установлен на 1932 г. в объеме 2,5 млн. т. [28, с. 4-5].

Между тем, шахтостроительство и производственная инфраструктура в Караганде только начинали разворачиваться. В 1931 г. здесь было заложено 23 шахты, в большинстве из которых проводились, главным образом, разведочные работы, а добыча угля осуществлялась только попутно. Самая крупная шахта №3, которая должна была выдавать на гора 20 процентов карагандинского угля была введена в эксплуатацию только в конце ноября 1932 г. [29].

Не были построены электростанция, водопровод. Не справлялась железная дорога, и в отвалах скопилось до 60 тыс. т невывезенного угля. Уголь почти полностью добывался с помощью ручного труда: на механизированную добычу приходилось в 1932 г. всего 0,3 процента ко всему ее объему, а в 1933 г. – 3,9 процента [30]. План освоения капиталовложений на 1931 год был выполнен по Караганде менее чем на 50 процентов, плановые задания по техническим сооружениям на 49 процентов, жилищному строительству – 54, культурно-бытовому на 41 процент [31, с.23].

Будучи объективизированными совокупностью всех этих и длинного ряда других проблем, плановые задания, спонтанно завышавшиеся только со ссылкой на огромные потенциальные ресурсы Караганды, оказывались для каменноугольной промышленности Казахстана попросту неподъемными. План 1931 г. был выполнен на 42, а задания на 1932 г. – на 32,8 процента. Близкие результаты выполнения были и по плану на 1933 год. В 1932 г. вся угледобыча Казахстана, включая Байконурские, Ленгерские и Берчогурские разработки, составила чуть менее 822 тыс. т. (собственно Караганды – 722 тыс. т) [31, с.4].

Имея в виду запланированные на первую пятилетку сооружение Актюбхимкомбината и запуск сернокислотного завода в Риддере (должного работать на утилизации сернистых газов от переработки концентратов цинка, которая, как уже отмечалось, в первой пятилетке так и не состоялась), СТО СССР прописал отдельной строкой повышенные задания и для только зарождавшейся химической промышленности Казахстана (постановление от 1 сентября 1930 г.). В 1932/33 г. она обязывалась произвести для сельского хозяйства, точнее производства технических культур, 125 тыс. т суперфосфата, 40 тыс. преципитата (минеральное удобрение), десятки тысяч тонн серной кислоты для промышленности [32, с.11].

Строительство Актюбинского химического комбината началось весной 1930 г., а закончилось в 1934 г. (со всеми же техническими доводками и исправлением выявившихся дефектов комбинат был принят правительственной комиссией только в апреле 1939 г.). В этом же, 1934 г. был сооружен сернокислотный цех, а в конце 1935 г. – преципитатный. В 1935 г. здесь было произведено 13 тыс. т серной кислоты (в 1936 г. – 22,6 тыс. т.) и только в 1936 г. стал производиться преципитат (7,7 тыс. т.) [33]. По Риддерскому сернокислотному заводу планы в силу объективных причин были также сорваны. Уже из приведенных данных становится очевидным, что планы на первую пятилетку для химической промышленности Казахстана были спроектированы не иначе, как по поговорке «запрягать телегу впереди лошади», а потому и остались только на бумаге.

Иначе, как абсурдными нельзя было воспринимать планы, «продуманные» летом 1930 г. в кабинетах куйбышевского ВСНХ (кстати, именно его председателю – В. Куйбышеву принадлежит знаменитый клич первой пятилетки «Темпы решают

все!») для нефтяной промышленности Казахстана. А если конкретно, то для Урало-Эмбенского бассейна.

Как известно, еще в 1911 г. было открыто месторождение Доссор, а в 1913 г. – Магат. В 1914 г. они давали суммарно около 200 тыс. т нефти. Созданный в 1922 г. трест «Эмбанефть» сумел подойти к этому рубежу только к середине 1920-х годов, после трудного восстановительного периода. Вместе с тем трест занимался главным образом нефтеразведочными работами, которые обещали быть весьма перспективными (об этом писал известный академик Губкин в газете «Правда» в апреле 1928 г.).

В расчете на это для Казахстана, опять-таки летом 1930 г. был установлен план добычи нефти в 1932/33, т. е. последнем году пятилетки в объеме ни больше ни меньше, как в 3500 тыс. т (в этой связи стоит заметить, что в начале 1950-х гг. в республике производился 1 млн. т нефти, а во второй половине 1960-х гг., с началом эксплуатации мангышлакских месторождений – около 2 млн. т). Эти, непонятно по каким расчетам произведенные контрольные плановые цифры, разумеется, не были достигнуты (только менее, чем на 60 процентов удалось приблизиться даже к более реальному, резко сниженному плану на 1932 г., установившего объемы нефти в 408 тыс. т). Хотя в течение пятилетки зафонтанировало новое месторождение – Байчунас, добыча нефти составила в 1932 г. 247 тыс. т. Это было на уровне 1927/28 года. Другими словами, каких-то, даже минимально значимых подвижек в наращивании нефтяных ресурсов не произошло. Более того, объемы нефтедобычи в 1932 г. составили 92,2 процента по отношению к уровню 1915 г., а в 1933 г. – 73,2 [34, с.11-12].

Столь же фантастические планы заявлялись на первую пятилетку и в железнодорожном строительстве. В разделе «Транспорт» постановления СТО СССР от 1 сентября 1930 г., директивно утвердившего пятилетний план для Казахстана, в республике прописывалась прокладка 12 железнодорожных линий общей протяженностью 3157 км и Туркестано-Сибирской магистрали длиной 1444 км [35, с.12].

Турксиб, наряду с ДнепрогЭС и Магниткой стал символом первой пятилетки, хотя его строительство стало разворачиваться за год до ее начала, в 1927 г. (первый километр был проложен в ноябре этого года). Своей коммуникацией дорога должна была связать Южную Сибирь с Южным Казахстаном и Средней Азией.

Турксиб почти полностью сооружался посредством тяжелых физических работ. Чтобы представить масштабы задействованного здесь ручного труда, достаточно сказать, что на стройке в отдельные периоды было занято до 30 тыс. человек, которые произвели земляные работы объемом 12 млн. куб. метров (что равно почти пяти пирамидам Хеопса). С помощью экскаваторов было выполнено лишь около 10 процентов этих работ (и только там, где они были не под силу мускульной силе человека). Благодаря этим невероятным затратам человеческого труда, Турксиб еще за 2,9 года до окончания первой пятилетки (1 января 1931 г.) был запущен в эксплуатацию.

Участок железной дороги Акмолинск-Боровое (226 км) был построен всего за пять месяцев в 1929 г. Дорога имела большое значение для вывоза североказахстанского зерна, а потому в условиях кризиса хлебозаготовок вопросу о темпах ее строительства придавалось повышенное внимание и особый контроль.

В уже упоминавшемся постановлении ЦК ВКП(б) от 15 августа, принятого по поводу возможностей Карагандинского угольного месторождения, было наказано в ударном порядке закончить работу по строительству железной дороги Акмолинск – Караганда (223 км). В этой связи дорога строилась ударными темпами, рельсы прокладывались прямо по грунту с грубым отступлением от проектно-техническим

норм, скорость прохождения состава по ней равнялась чуть ли не скорости телеги. О ее открытии торжественно отрапортовали 31 января 1931 г. [36].

Однако уже через год III пленум Казкрайкома в своей резолюции от 18 января 1932 г. отмечал, что дорога не обеспечивает нормальной доставки строительных материалов, крепежного леса, оборудования, а самое главное, вывоз карагандинского угля. Поэтому пленум поручил Казкрайкому поставить перед ЦК ВКП (б) вопрос о реконструкции железной дороги Акмолинск – Караганда [37, с.23]. Таким образом, не успели дорогу проложить, как она в силу своих неприемлемых грузооборотных параметров требовала реконструкции и, соответственно, новых для этого денег.

Ударное строительство названных выше дорог, а также, конечно, Турксиба уверовало Центр в возможность постановки вопроса о более форсированном плане железнодорожного строительства в Казахстане уже в первую пятилетку. На его реализацию выделялось 419 млн. руб. В действительности смогли инвестировать чуть более 322 млн. руб., т.е. в 1,3 раза меньше. Но и эти капиталовложения оказались по большей части замороженными, поскольку к строительству многих дорог даже не приступали, либо консервировали их сооружение на стадии проектно-изыскательских работ и уже начатого строительства.

Так, например, было законсервировано, а попросту говоря заброшено строительство запланированных железнодорожных линий Чимкент – Ташкент (началось весной 1931 г.), Рубцовск – Риддер (сдана в эксплуатацию только в 1939 г.), Павлодар – Акмолинск (постройку смогли начать лишь весной 1941 г., а в эксплуатацию сдали с началом освоения Целины, в 1954 г.). Указанная в плане дорога Акмолинск – Карталы (830 км), должна стать составляющим звеном Южно-Сибирской магистрали (Кузбасс – Южный Урал) и оптимальным путем, вывозящим карагандинские угли на заводы Магнитогорска, Челябинска и Орска (она сокращала транспортное плечо до этих промышленных центров на 1000 км), начала в полной мере сооружаться в 1939 г. и вступила в грузооборот уже накануне Великой Отечественной войны [38, с.354-359].

По форсированному плану железнодорожного строительства в результате прокладки запланированных 12 линий (без учета Турксиба) общая протяженность рельсовых путей сообщения в Казахстане должна была прирасти к концу первой пятилетки на 3157 км. На самом деле, к окончанию 1933 г. удалось проложить только 896 км, или 28,3 процента к плану. В пятилетнем плане предусматривалось, что общая длина всех железных дорог республики возрастет с 3480 км в 1928 г. до 8079 км. В действительности их протяженность составила в 1933г. 5818 км, т.е. на 2261 км меньше плановых заданий. Следовательно, план удалось реализовать только на 72 процента, а если за вычетом мощной «рельсовой прибавки» Турксиба (1444 км), то на 54 процента [39, с.11].

Итак, форсированный пятилетний план железнодорожного строительства в Казахстане в своих чрезмерно завышенных летом 1930г. директивных заданиях и предполагавшихся темпов их исполнения оказался в целом не состоятелен. А капиталовложения, выделенные на его реализацию, в достаточно ошутимом объеме были омертвлены в следствие их распыления, консервации железнодорожных объектов, реконструкции некондиционных участков тех или иных линий, переноса запланированного строительства на более поздние сроки.

Сорванными оказались задания пятилетнего плана и в энергетическом строительстве. По варианту плана лета 1930 г. в Казахстане было запроектировано сооружение двух крупных тепловых электростанций и одной ГЭС. Карагандинская электростанция должна была вырабатывать 60 тыс. кВт электроэнергии, Чимкентская – 15 тыс. кВт и Ульбинская гидроэлектростанция, возводившаяся для энергетического обеспечения промышленного узла Алтая – 16 тыс. кВт. План 1931 г. повышал их проектную энергетическую мощность: Чимкентской и Ульбинской электростанций до 24 тыс. кВт, а Карагандинской до 60 тыс. кВт. [40, с.62].

Уже упоминавшиеся постановления ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. предусматривало форсированное строительство в Караганде временной электростанции мощностью 15 тыс. кВт. Президиум ВСНХ СССР постановил в ноябре 1931 г. запустить первую очередь этой станции (6 тыс. кВт) не позднее 1 июля 1932 г., а вторую не позднее 1 октября того же года [41, с.25].

Однако по целому ряду причин (дефицита лимитов, затяжки с завозом импортного энергетического оборудования и т.д.) все эти директивно установленные планы и сроки их реализации не были выполнены. В конце мая 1933 г., т.е. когда временная электростанция по замыслам плана должна была уже как семь месяцев генерировать промышленный ток в полном объеме (15 тыс. кВт), новый секретарь Казкрайкома ВКП(б), Л. Мирзоян сообщал в своем письме наркому тяжелой промышленности К. Орджоникидзе: «Дорогой Серго! [...] Весь карагандинский бассейн сидит на 200 кВт электроэнергии. Отсутствие электростанции» [42, л.63].

Что касается Ульяновской ГЭС, то ее запустили в эксплуатацию только в последний год уже второй пятилетки (1937 г.), иначе говоря, ее сооружение длилось семь лет. В долгострой растянулось возведение и Чимкентской тепловой электростанции. Таким образом, электрификация как один из опорных базисов индустриализации разворачивалась не в опережающих или, хотя бы в симметричных ей сроках и темпах, а, напротив, в режиме критического отставания. И это лишнее раз говорило о диспропорциональности и отсутствии продуманно выверенных взаимоувязок плана первой пятилетки.

В советской, а по стереотипной инерции и в современной историографии Казахстана повествование о первой индустриальной пятилетке, как правило, завершается тем или иным перифразом сфабрикованной Сталиным и его ближайшими сподвижниками инсинуации, что пятилетний план 1928/1929 – 1932/1933 годов был успешно выполнен, а по многим позициям якобы даже существенно перекрыт, причем по-ударному досрочно – за 4 года и 3 месяца. Такой оптимистический, но сфальсифицированный Кремлем, финал первой пятилетки якобы и стал убедительным ответом пролетариата и его большевистского авангарда – сталинского ЦК ВКП(б) «нытикам» и «пораженцам» из рядов «правого уклона», т.е. бухаринской оппозиции. В изданном в 1933 году сводном отчете «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» с пафосом писалось: «... План выполнен и притом в сроки, явившиеся ошеломляющей неожиданностью для врагов СССР» [43, с.23].

В действительности, форсированные планы «сверхиндустриализации» страны и заданные в связи с этой задачей лихорадочно подстегивавшиеся темпы развертывания тяжелой промышленности (они определялись с таким расчетом, чтобы уже на рубеже 1920-1930-х годов превзойти темпы роста американской, не говоря уже о западноевропейской, индустрии) [44, с.337] обернулись масштабными срывами.

Разумеется, в полной мере это относилось и к Казахстану, где ожидалось быстрое и сразу же яркое «возгорание» крупных индустриальных очагов первой всесоюзной пятилетки. Между тем, как очевидно из приведенных выше данных, будучи оторванными от реальных материально-ресурсных предпосылок, «сверхсмелые» планы, сроки и темпы развития тяжелой промышленности республики оказались проваленными. И, прежде всего в таких ее базовых отраслях, как цветная металлургия, угле- и нефтедобыча, химическая промышленность, транспортное и энергетическое строительство. Иными словами говоря, несмотря на целый ряд несомненных достижений и очевидных результатов первой пятилетки в Казахстане, в целом ее нельзя признать вполне успешной, а тем более считать досрочно выполненной. Такое утверждение будет сродни историческому мифосложению, которое и так долгие десятилетия доминировало в советской исторической литературе и основанной на ее конструкциях пропаганде.

Пытаясь скрыть провалы своих волюнтаристских установок на сверхфорсированную индустриализацию и роковую ошибочность преждевременного разрыва с энзовской моделью (за продолжение реализации которой ратовала «правая оппозиция»), Сталин строго «засанкционировал» доступ к реальной информации по итогам развития промышленности. Должностным лицам за его подписью была разослана строго секретная телеграмма, содержание которой повторяло узкое постановление ЦК ВКП(б), от 1 февраля 1933 г.: «Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ как сводных, так и отраслевых и районных с тем, что и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана. Обязать все ведомства представить в Госплан СССР все имеющиеся у них материалы и работы по итогам выполнения первой пятилетки... (для контроля и цензурирования.- А.Ж.)»[45].

Итоговые же данные Госплана СССР подверстывались в нужных для Сталина раскладах и желаемых динамических рядах посредством всевозможных статистических натяжек и манипуляций. С этой целью, например, там, где это было выигрышным, рассчитывалось не соотношение итоговых объемов выпуска продукции к контрольным цифрам заданного плана, а их рост относительно исходных показателей 1927/28 года, рассматриваемого в качестве базового. В результате получалось, что, скажем, угля стало добываться в Казахстане на 444,5 процента больше, что не удивительно, если учесть почти что нулевое (23 тыс. т) его производство здесь до начала пятилетки [46, с.4].

Обманчивая картина создавалась и вследствие подсчетов итогов пятилетки не в натуральных, физических показателях (конкретное количество произведенных тон металла, нефти, угля, киловатт электроэнергии, километров проложенных железных дорог и их фактический грузооборот и т.д.), а в стоимостных измерениях валовой продукции. Эти цифры производили более благоприятное впечатление. Правда, тоже ложное, если иметь в виду хотя бы уже то, что в годы пятилетки были проведены весьма объемные денежные эмиссии: включали печатный станок, который наращивал денежную массу, не обеспеченную товарным покрытием. А потому уровень инфляции достигал почти 200 процентов, а по некоторым оценкам еще большего роста (более подробно об этом будет сказано в следующем разделе). Между тем, подсчеты роста экономики велись по так называемым «неизменным ценам 1926/1927 г.» и, следовательно, очищались от индексов инфляции, т. е. от так называемого дефлятора ВВП, вносящего очень существенные поправки в разницу между номинальным и реальным внутренним валовым продуктом в этой связи надо вообще сказать, что статистические расчеты развития советской экономики 1930-х годов, не говоря уже об их намеренной фальсификации, были весьма ненадежны уже хотя бы потому, что основы системы определения национальных счетов и темпов экономического роста были заложены американским экономистом, будущим лауреатом Нобелевской премии (1971 г.) Саймоном Кузнецом только после «Великой депрессии» в США, а ее научно выверенная методология и инструменты анализа широко распространились на мировую практику макроэкономической статистики еще позже).

Кроме сказанного, следует иметь в виду, что в валовую стоимость включались огромные суммы денег, омертвленные на самом деле в долгострое или сырье, так и не переработанном в конечную продукцию (медные и свинцово-цинковые руды), либо не доставленного из-за транспортных проблем к потребителю (уголь), кондиционно не качественной, а попросту говоря, бракованной продукции (так называемая испорченная или загубленная стоимость), огромные издержки по трудозатратности и т. д. Но даже со всеми этими натяжками получалось, что за первую пятилетку объемы валовой продукции промышленности Казахстана увеличились по сравнению с ее

исходным годом в 2 раза, тогда как план предусматривал рост как минимум в 15 раз. Отметим также, что статистика, апеллируя к показателям валового продукта, не сообщала о величинах произведенного чистого продукта, т. е. дохода. Но и без этого было ясно, что промышленность пока только абсорбировала накопления, но не продуцировала значительных объемов внутренних накоплений, которые можно будет направлять на расширенное воспроизводство, т.е. индустриализацию, как в этом заверял Сталин накануне первой пятилетки.

Согласно официальным декларациям, первый пятилетний план развития промышленности Казахстана был выполнен на 69,4 процента, а по большинству отраслей тяжелой промышленности на 50-55 процентов. Но достоверность этих цифр по отмеченным выше причинам вызывает немалые сомнения. Что касается заявленных в плане темпов роста, то они были реализованы на уровне чуть более 50-ти процентов, но это опять-таки согласно официальным данным [47, л.14], которые также не отражали действительной динамики.

Таким образом, первый пятилетний план оказался в целом провальным. Эту данность отлично осознавал, конечно, и сам Сталин. Но тогда по поводу итогов пятилетки от него могли исходить декларации исключительно бравурного звучания. И это понятно, ведь в прогновном случае он расписался бы в несостоятельности навязанной им стратегии форсированной индустриализации (а вкупе с ней и коллективизации) и, наоборот, невольно признал рациональность нэповской альтернативы Н. Бухарина и его сподвижников по так называемой «правой оппозиции».

Однако через 17 лет, будучи уже абсолютным сакральным «вождем партии, государства и всего советского народа», Сталин в одном из случайно зафиксированных указующих монологов фактически дезавуировал свои заклинания периода 1932-1933 годов (кто знает, возможно, в узком кругу своих ближайших соратников он говорил об этом не один раз). В конце декабря 1947 г. на одном из заседаний Политбюро, обсуждавшем народнохозяйственный план на предстоящий год, в контексте его замечаний по этому вопросу прозвучала, согласно дневниковым записям тогдашнего зам. председателя Совмина СССР, В. Малышева, следующая реплика: «Проектанты у нас сволочи, проектируют все только новые заводы и разворачивают строительство [...]. Первую пятилетку мы не выполнили (по-видимому, он в данном случае имел в виду, что ее завышенные планы оказались «не перевариваемыми». – А.Ж.)» [48, с.80]. Как говорится, комментарии здесь излишни.

3. Цена сталинской «сверхиндустриализации»

Гипердинамично изменявшиеся планы первой пятилетки предполагали столь же форсированное наращивание капиталовложений в разворачиваемую в обширных масштабах (1500 союзных промышленных объектов вместо первоначально запланированных 783) индустриальную инфраструктуру, прежде всего в отрасли группы «А» (тяжелая промышленность). Если в изначальном пятилетнем плане они предусматривались для промышленности страны в объеме около 6,7 млрд. руб., то в его «оптимальном» варианте (о нем писалось выше) – 16,4 млрд., а в 1932 г. они возросли до 24,8 млрд. руб., т.е. увеличились по сравнению с первоначальными контрольными цифрами инвестиций почти в 4 раза [49, с.551].

Аккумуляция таких огромных накоплений достигалась посредством мобилизационного, по сути внеэкономического инструментария, во многом повторявшего арсенал чрезвычайных мер периода политики «военного коммунизма» (1919-1921 гг.). На 15-м году советской власти население страны вновь обрекалось испытывать тяжелейшие лишения и страдания, трагическую жертвенность во имя «великого сталинского плана социалистической индустриализации».

В конце 1920-х годов, так же как и по «военно-коммунистической продрозверстке» времен Гражданской войны у крестьян стали практически

безвозмездно изымать продукты их труда посредством государственных заготовок. Будучи директивно разверстанными по жестко установленным обязательным заданиям, они проводились в откровенно принудительно-силовом режиме. При этом его репрессивный характер с каждой заготовительной кампанией только нарастал, поскольку необузданное стремление государства получать хлеб и другие сельхозпродукты почти даром (государственные закупочные цены были несоизмеримо ниже их рыночного уровня) и во все более возрастающих объемах наталкивалось на массовое протестное крестьянское сопротивление.

Но, подавляя его самыми изощренными способами (от административных преследований, провоцирования общественно-морального террора по отношению к «саботажникам» и заключения в концлагеря до прямых военных карательных акций против непокорных), государство продолжало ограбление крестьянства. Сблокированием эпа, предполагавшего нормальный, экономически эквивалентный товарно-денежный, т.е. рыночный товарообмен между городом и деревней, сталинский режим теперь только методом «чрезвычайки» мог подпитывать свои планы форсированной «сверхиндустриализации». Они позволяли, во-первых, обеспечивать минимально-нормированное, по сути пайково-карточное снабжение продовольствием стремительно увеличивавшейся армии промышленных рабочих (с 1928 по 1932 гг. численность жителей городов возросла на 11,1 млн. чел.) [50, с.252] и, во-вторых, получать за счет экспорта в Европу выкаченного из деревни зерна валютные деньги, направлявшиеся на закупку импортного оборудования, западных технических проектов и лицензий, а также рекрутирование иностранных специалистов (за годы первой пятилетки объемы экспорта СССР составили 4,2 млрд. руб., а импорта 4,7 млрд. руб.) [51].

В своей полемике со Сталиным Н. Бухарин писал: «Социалистическая индустриализация – это не паразитарный по отношению к деревне процесс» [58]. Между тем, Сталин в качестве основного базиса своих индустриальных планов как раз и мыслил именно эксплуатацию сельскохозяйственных производителей в качестве бесправных данников государства (для этого и задумывалась коллективизация, кампания которой отнюдь не случайно приурочивалась по времени к началу «индустриального форсажа»). Чтобы представить масштабы государственно-грабительской экспроприации (иначе не назовешь) крестьянства рассмотрим ниже некоторые цифры.

В 1929 г. государственные изъятия зерна составили 10,8 млн. т, или почти 15 процентов всего его валового сбора по стране. На Казахстан пришлось 17 процентов всего союзного объема заготовок пшеницы [53, с.215]. Из амбаров крестьянских хозяйств республики подчистую выметалось все имеющееся зерно.

В этой связи характерна секретная информация Ф. Голощекина (19 апреля 1930г.) наркому внешней и внутренней торговли СССР А. Микояну, отвечавшему за заготовки: «Несмотря на недород хлебов в основных округах Казахстана, мы в целях выполнения преподанного Вами повышенного плана заготовок вынуждены были в истекшую кампанию во множестве мест изъять у населения почти весь урожай хлебов, не оставив необходимые ресурсы для прокормления и на семена [...], что привело нас к чрезвычайно острому состоянию с питанием сельского населения хлебом..., в столовых г. Уральска обеды отпускаются без хлеба при отсутствии мяса в течение 2-х недель. Случаи опухания и тяжелых заболеваний на почве голода, смертельные случаи» [54, л.122].

Но даже это устрашающее сообщение Голощекина Центру выглядело существенно сглаженным по сравнению с той, буквально кричащей о помощи ситуацией, которая к тому времени складывалась во многих районах Казахстана. Критически недоедало не только земледельческое население, у которого изымался весь хлеб, но и в гораздо больших масштабах скотоводческое, вынужденное в условиях сильнейшего хлебного дефицита массово забивать в целях пропитания

скот, не оставляя его даже на расплод (о других, более пагубных причинах массового голода казахского населения уже писалось в предыдущих разделах). И это станет одной из причин уже совсем скоро разразившейся по вине государства великой трагедии казахов 1932/33 годов. Резко нарастала массовая смертность взрослого и особенно детского населения от дистрофии, валили людей дизентерия, заболевания брюшным тифом, холерой и чумой (от поедания населением полевых грызунов). Коса голодной смерти начинала свою скорбную жатву.

Но сталинский режим, болезненно возбужденный своими индустриализационными мегапланами, был абсолютно глух на сигналы «голодной» тревоги, набатом звучавшими со всех районов страны. В августе 1930 г. Сталин писал В. Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1-1,5 млн. пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять теперь же (норму) ежедневного вывоза до 3-4 млн. пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших металлургических заводов [...]. Словом нужно **бешено** (выделено нами – А.Ж.) форсировать вывоз хлеба» [55, с.203-205].

Следуя указаниям вождя, уже к концу осени 1930 г. государство заготовило, а по сути, изъяло из деревни 22,1 млн. т зерна, или 26,3 процента всего его валового сбора по стране. При этом 4,76 млн. т (более 25 процентов) из этого суммарного объема заготовок было отправлено на экспорт, что почти в 2,4 раза превышало вывоз зерна в Европу в 1929 году. Планы индустриализации нарастали, а вместе с ними в прямо пропорциональной корреляции повышались объемы и зернового экспорта. В Казахстане хлебными заготовками в этот год было изъято 33 процента крестьянского урожая [55, л.79].

«Бешеные» (как и требовал Сталин) опустошительные набеги государства на крестьянские нивы ничуть не поубавились и в 1931 году, отмеченном очень сильной засухой. В Казахстане средняя урожайность зерна определялась всего в 4,4 ц/га (по стране в целом-6,6 ц/га), что оказалось в 2,2 раза ниже продуктивности хлебных полей республики 1928 г. Тем не менее, даже из этого более чем скудного урожая заготовками было изъято еще больше, чем в 1930 г. – 39,5 процента [55, л.79].

Что касается страны в целом, то в 1931 г. результате самой большой за пятилетие (с 1928 по 1932 гг.) недородицы было намолочено только 69,5 млн. т зерна – на 14 млн. т меньше, чем в относительно благополучном в плане урожая 1930 году. Но, несмотря на это, объемы хлебных заготовок не только не уменьшились, а, наоборот, вопреки критической ситуации с урожаем возросли на 700 тыс. т. Из валового сбора зерна государство изъяло своими заготовками 22,8 млн. т, почти его треть (для справки: в царской России среднегодовое производство зерна составляло в 1911 – 1913 гг. 74, 6 млн. т., а его среднегодовой экспорт за этот же период – 6, 76 млн. т, т. е. около 9 процентов) [56].

Невзирая на то, что население вступало на грань голода, сталинский режим продолжал наращивать во имя форсированных индустриальных планов зерновой экспорт. По нему из страны было вывезено (в основном в Германию) 5,6 млн. т зерна (из них 1,1 млн. т продовольственной пшеницы), что составило около 25 процентов всего его заготовленного объема. Именно в неурожайном 1931 г. зерновой экспорт достиг наивысшего за пятилетку уровня [56].

Если иметь в виду численность народонаселения СССР 1931 г. (около 165 млн. чел.) и объемы зерна, то по приблизительным подсчетам, т.е. с неизбежными в данном случае погрешностями, получалось, что на душу населения зерна приходилось что-то около 104 кг. Его возможные средние нормы потребления на одного человека при таком раскладе можно легко представить, разделив эту цифру на 12 месяцев, а ее, в свою очередь, на 30 дней (получалось примерно 290 граммов хлеба в день). Для городского населения страны (примерно 38,5 млн. чел.) они были, конечно, выше, поскольку крестьяне исключались из государственной системы

нормированного продовольственного снабжения и должны были выживать кто как мог, т. е. сами по себе.

Таким образом, продовольственный тыл форсированного наступления «индустриального фронта» был критически подорван. И виновниками здесь были не какие-то мнимые, якобы «сами признавшиеся» в пыточных застенках ОГПУ «враги народа», как это пыталась представить власть, а подлинные творцы трагически разворачивавшегося всенародного бедствия в лице сталинского режима, полностью узурпировавшего к этому времени власть в партии и государстве. Жертвами проводимой им волюнтаристской политики стали в это время миллионы людей, счет которым до сих пор трудно точно установить. А потому вовсе не является какой-то метафорической гиперболой утверждение, что сверхфорсированная сталинская индустриализация разворачивалась буквально на костях крестьянства, поскольку прежде всего и именно его захватила в свои смертельные клещи стихия массового голода (его трагические масштабы в Казахстане рассматривались в предыдущем разделе тома).

Но и городское население испытывало сильнейший продовольственный дефицит, обрекавший его, если и не на абсолютно голодное, то, во всяком случае, перманентно полуголодное выживание. Прямые и косвенные демографические потери населения города от такого существования до сих пор остаются значительной лакуной в историографии, да и вообще в научной публицистике, поскольку в отличие от трагедии крестьянства практически не изучены.

Но, если учесть потребительские продовольственные нормы городских жителей в годы первой пятилетки, то даже гипотетически можно представить, что масштабы их физиологического недоедания находились на критическом уровне. Об этом свидетельствует карточная система снабжения, установленная государством, которая действовала практически до 1935 года.

Нормированная карточная система снабжения городского населения продовольствием и промышленными товарами вводилась с начала 1929 г. В феврале хлеб в государственной торговле стал продаваться исключительно по так называемым заборным книжкам, выдаваемыми только работавшим (в такой книжке делалась отметка, – отрывался талон – что ее обладатель уже выкупил свою ежедневную норму хлеба). Промышленные товары (ширпотреб) продавались строго нормировано по специальным талонам и ордерам, выдававшимся на предприятиях. С июня 1930 г. только по карточным нормам отпускалось в продажу мясо. В 1929 г. – первой половине 1930 г. нормированная карточная система распространялась практически на всю номенклатуру крайне ограниченно поступающих в госторговлю продовольственных продуктов и промтоваров.

Система нормированного снабжения выстраивалась по принципу социально-производственной сегрегации. В сентябре 1930 г. Сталин писал председателю Совнаркома СССР В. Молотову: «Сосредоточить средства снабжения рабочих в основных, решающих районах (особый список)... выделить на каждом предприятии ударников и снабжать их полностью и в первую очередь как продуктами питания и мануфактурой, так и жилищами... Неударников разбить на две категории, на тех, которые работают на данном предприятии не меньше года, и тех, которые работают меньше года, причем первых снабжать продуктами и жилищами во вторую очередь и в полной мере, вторых – в третью очередь и по урезанной норме» [57, с.225-226].

Таким образом, материальное поощрение производительности труда и закрепления на производстве рабочих кадров, а также ударническое движение должно было стимулироваться не величиной денежной оплаты, а сравнительно большей «продуктовой пайкой» и относительно более лучшими жилищными условиями работника (а понятие «лучшие» в последнем случае считалось 4-4,5 кв.м на семью). Вот один из типичных примеров рекрутирования ударников труда. В отчете одной из проверяющих комиссий в вышестоящие инстанции (апрель

1931 г.) сообщалось: «В Джетыгаре (предприятия «Джетыгаразолото». – *Авт.*) извращалась идея социалистического соревнования и ударничества: вербовку в ударные бригады проводили под лозунгом «запишитесь первыми и будете получать промтовары» [58, л.4].

С целью общесоюзной унификации и социально-дифференцированной стратификации регламента карточного снабжения Наркомснаб СССР принял постановление «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 году» (13 января 1931 г.) Согласно ему с 1 января 1931 г. трудящееся население городов Союза ССР разбивалось на три группы. Первая группа была обозначена категорией «рабочие», вторая – «трудящиеся», третья – «дети до 14 лет». В первой группе устанавливалась внутренняя градация: от литеры «а» до «е» (фабрично-заводские рабочие; занятые на транспорте и предприятиях связи; инженерно-технический персонал, работающий непосредственно на производстве; командно-политический состав армии и флота, войск ОГПУ; строевой состав милиции и сотрудники уголовного розыска; ученики и преподавательские кадры фабрично-заводских училищ).

Во вторую группу включались служащие, члены семей фабрично-заводских и транспортных рабочих, а в третью – не достигшие 14-тилетнего возраста дети всех городских семей, независимо от занятий родителей [59, л.12].

Кроме того, решениями ЦК ВКП(б) были составлены четыре списка городов. В так называемый «особый» и первый попадали города – «центры индустриального прорыва», т.е. со всеююзно значимыми производствами тяжелой промышленности (Москва, Ленинград, Баку, Магнитогорск, Донбасс, Караганда и др.). Во второй и третий перечни включались города, где имелась только местная промышленность или, пускай и значимые предприятия, но относящиеся к подразделению «Б» (легкая промышленность, пищевая и т.д.).

Города, а точнее их предприятия, особого и первого списков должны были снабжаться централизованно, к тому же в первую очередь и по относительно более высоким нормам. Города второго и третьего списков получали из централизованных фондов только хлеб, крупу, сахар и чай, причем не только по более низким нормам, но и с регулярными срывами сроков и установленных объемов поставок (впрочем, это часто практиковалось и по отношению к «привилегированным» городам). Потребители особого и первого списков составляли лишь 40 процентов всех снабжаемых, однако на них приходилось 70-80 процентов направлявшихся в торговлю товарных фондов [60, с.124-125].

Из всех этих раскладов нетрудно заметить, что декретированный в планах пятилетки всепоглощающий примат форсированного развития именно тяжелой промышленности четко фиксировался и в приоритетах, расставленных в системе карточного нормированного снабжения рабочих.

В результате катастрофического продовольственного кризиса, порожденного, как уже отмечалось, несоизмерно огромными по своим объемам изъятиями по государственным заготовкам продукта крестьянского труда, большим выбытием зерна из внутренних резервов страны вследствие нараставшего его экспорта, социально-классовой кампанией по раскулачиванию, вылившейся в ликвидацию наиболее экономически крепких сельских производителей (в казахском ауле – крупных скотовладельцев) и, конечно же, массовой коллективизацией (и все это, к тому же на фоне сильно неурожайных 1931, 1932, да и 1933 годов), продовольственные ресурсы, которые государство могло аккумулировать в фондах продуктового карточно-нормированного снабжения, были крайне сужены. Чтобы представить предельную мизерность распределительно-пайкового снабжения горожан в годы первой пятилетки, достаточно взглянуть в цифры приведенной ниже нормативной таблицы [61, с.206].

Таблица 1 – Нормы снабжения на 1931 г. (в кг на человека)*

Продукты	Особый список			I список			II список			III список		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Хлеб	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,75	0,35	0,35
Мука	1	1	0,5	1	-	0,5	-	-	-	-	-	-
Крупа	3	1,5	1,5	2,5	1,5	1,5	1,5	0,85	0,85	1	0,5	0,5
Мясо	4,4	2,2	2,2	2,6	1,3	1,3	1	1	1	-	-	-
Рыба	2,5	2	2	2	1,4	1,4	2	1	1	-	-	-
Масло	0,4	-	0,4	0,2	-	0,2	-	-	-	-	-	-
Сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1	1	1	0,8	0,8	0,8
Чай	0,3	0,3	0,3	0,25	0,25	0,25	0,1	0,05	0,05	0,1	0,05	0,05
Яйца (шт.) 10	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

* По хлебу - дневные, по чаю - годовые, по остальному - месячные нормы. Для подземных рабочих, рабочих «горячих цехов», новостроек, грузчиков дневная норма хлеба составляла 1 кг. В каждом списке городов приведены нормы для рабочих (1), для служащих и членов семей рабочих и служащих (2), для детей (3). Прочерк означает, что данные группы потребителей не получали по карточкам эти продукты.

Как здесь ясно прочитывается, нормы сведены к критическому минимуму. Но они окажутся в буквальном смысле «аптекарскими» (что называется, проглотил и не заметил), если пересчитать их месячные лимиты, исходя из гипотетически возможного при них ежедневного потребления. Так получалось, что в зависимости от установленного списочного ранжирования они должны были составлять (округленно): по муке от 100 до 33 граммов в день, мясу – 147-22 гр, рыбе – 83-33 гр, сахару – 50-33 гр, маслу – 13-7 гр, крупам – от 100 до 33 граммов.

В реальной жизни даже эти ничтожно мизерные нормы были еще меньше. Так, по данным бюджетных обследований месячные нормы потребления продуктов питания на 1 человека в промышленном Риддере в расчете на день были следующими: овощи – 117 гр, фрукты – 25,6 гр, мясо – 35,4 гр, рыба – 59 гр, молоко – 102 гр, масло животное 0,8 гр, масло растительное – 4,4 гр, сахар – 26,4 гр, чай – 1 гр. [62, л.33].

Рабочие и их семьи из второго и третьего списков городов не получали из централизованного снабжения муку и масло, а из списка №3-также мясо и рыбу. Иначе, как издевательством над «подлинным хозяином страны-пролетариатом» нельзя было рассматривать нормы по чаю – 300 гр на год, что равно 25 гр в месяц или 0,8 гр в день, т.е. даже не полную щепотку. (Не зря бытовые журналы того времени типа «Работница и крестьянка», «Дом и хозяйство» и др. делились с читателями рецептами изготовления суррогатного чая из моркови, рябины и других «полезных для здоровья» овощей и плодово-ягодных заварок).

Но что здесь самое трагичное, так это нормы для детей до 14 лет – решающего возрастного периода для их физиологического формирования. Детям из второго и третьего списков не выделялись из централизованного снабжения мука и масло, а из третьего – еще мясо и рыба. Нормы по крупам рассчитывались для детей в пределах от 20 до 17 гр. в день (попробуй, свари даже жиденькую кашу для грудного ребенка). Вольно или невольно, но получалось, что государство распространяло свои классово-социальные принципы даже на сферу детского снабжения. После этого не иначе, как насквозь фарисейским лицедейством выглядели пестревшие по всей стране плакаты, на котором дети в пионерском салюте, радостно улыбаясь, как бы восклицали: «Спасибо родному Сталину, за наше счастливое детство!».

Реальность обнажала легендарность и главного советского мифа о подлинном хозяине страны – «Его величестве рабочем классе», который якобы

делегирует большевистской партии и ее вождям право осуществлять «диктатуру пролетариата». Его «слуги» в лице к тому времени уже вполне сформировавшейся партийно-государственной элиты получали совсем другие «пайки» в виде недоступного для рядовых граждан продовольственного обеспечения, привилегированных жилищных условий, медицинского обслуживания и отдыха, «партмаксимумов» и прочее, и прочее. О повседневной жизни вождей, их «скромном быте» в 1930-е годы в последнее время написано немало и, по-видимому, здесь нет надобности еще раз подтверждать какими-то примерами нарастания в этот период вопиющего отрыва жизненного уровня номенклатуры от бытия народных масс.

Возвращаясь к продовольственным нормам, почти арифметически рассчитанным органами Наркомснаба из возможностей централизованных госресурсов, следует иметь в виду, что даже этот предельно минимальный отпуск продуктов в государственную торговлю и закрытые рабочие кооперативы не мог выкупаться городским населением по причине постоянных перебоев с их поставками и урезаниями выделяемых товарных фондов. К тому же дефицит их еще больше возрос в 1932-1933 годах (пик массового голода).

Скажем, рабочие Караганды, должны снабжаться по особому, т.е. преимущественному списку (так называемому «угольному» снабжению) оказывались часто отнюдь не в лучшем положении, чем их «братья по классу» из других списочных городов. Несмотря на специальное постановление Наркомснаба СССР от 26 июня 1933 г. «О снабжении рабочих треста «Караганда-уголь»», переводившего их снабжение на нормы Донбасса и обязывавшего в этой связи оперативно отгрузить тресту уже в этом же месяце 50 тонн сухого картофеля, 25 т сухих овощей, 100 т солений за счет Комитета государственных резервов [63, л.68], шахтеры Карагандинского бассейна испытывали сильнейшее недоедание (и это при тяжелейших физических нагрузках подземного труда). На республиканском совещании по вопросам рабочего снабжения (декабрь 1933 г.) один из секретарей Казкрайкома ВКП(б) в этой связи негодовал: «Месяц тому назад я был в Караганде и я должен сказать, что одним из худших участков в организации рабочего снабжения у нас в Казахстане является именно Караганда. Мы выявили, что минимум 20-30% всех продовольственных фондов хлеба, сахара, мяса и т.д. [...] до сих пор не доходят до рабочего. Там систематически изо дня в день очереди за хлебом и за другими товарами. Рабочие встают ночью и идут стоять в очередь за хлебом» [63, л.40-41].

В Восточном Казахстане – региональном, да и союзном флагмане цветной металлургии страны (действовавшие и строившиеся заводы Риддера) продовольственное снабжение, как сообщалось в письме обкома партии руководству Казкрайкома ВКП(б), было также критическим. По состоянию на лето 1933 г. по первому (преимущественному) списку снабжение контингента рабочих удовлетворялось здесь только на 58,5 процента, а по второму и третьему – на 36,2. По сравнению с концом 1932 г. к началу лета 1933 г. торговые фонды снабжения были урезаны на 27 процентов. Муки, а следовательно хлеба было поставлено на 32 процента меньше. Дефицит по мясному снабжению составлял по разным контингентам от 50 до 80 процентов [63, л.3-4].

Сокращалось здесь снабженческое фондирование и для общественного питания (закрытые рабочие столовые на предприятиях), причем не только по мясу, но и такому основному продукту, как хлеб (за 6 месяцев 1933 г. поставки муки были урезаны с 76 тонн до 26.) [63] (Не случайно в меню, – хотя выбора, конечно, никакого не было, «бери, что дают» – комплексных обедов рабочих столовых значились такие «блюда», как «борщ пролетарский», т.е. сушеная морковь на мясном (но без мяса) бульоне, «солянка из кислой капусты с селедкой», «котлета из щавеля с броквой» и т. д.).

Если таким скудным, это еще мягко говоря, было продовольственное снабжение (даже централизованное) в промышленных центрах, то можно представить положение так называемых «неиндустриальных» городов республики. Ограниченный объем данного раздела не позволяет проиллюстрировать его имеющимися на этот счет архивными документами. Но их просмотр позволяет совершенно точно констатировать, что ситуация с продовольственным снабжением городского населения везде была более чем критическая. И это неудивительно, ведь в это время в Казахстане уже всюду кружилось смертельное торнадо массового свирепого голода.

Продовольственный кризис сопровождался в городах (о сельской периферии вообще говорить не приходится) беспрецедентным дефицитом товаров широкого народного потребления. Это было прямым следствием того, что сталинские планы индустриализации предполагали сильнейшее ущемление производств группы «Б» (в том числе легкой и местной промышленности). По данным бюджетов фабрично-заводских рабочих СССР за 1932-1933 гг. в госторговле и на рынке покупалось в год в среднем на человека 9 метров ситцевой ткани, 40 см шерстяных тканей, одна галоша (0,5 пары), кусок мыла (200 гр), литр керосина в месяц, для отопления жилья – 12 кг угля, 0,03 куб. м дров в месяц (размер щепки от полена, которой можно разве что только разжечь печку) [64,с.154]. Это и был потенциал торговли по удовлетворению потребительского спроса.

Организованная государством нормировано-распределительная система снабжения городского населения, действовавшая в стране до 1935 г., была ничем иным, как повторение прошлого советского опыта, а именно продовольственной диктатуры периода «военного коммунизма». Ее монопольный характер стал отчетливо выражаться с 1930 года. Тогда частнопредпринимательский сегмент в торговле, значительно разросшийся за годы НЭПа и конкурентно превосходивший государственные и кооперативные товаропроводящие структуры не только по своему удельному весу в общем торговом товарообороте, но также по степени охвата населения и оперативности удовлетворения его потребительского спроса, уже не просто ограничивался административными мерами государства, а был законодательно им вообще ликвидирован.

С запрещением часто-лавочной торговли, которая ранее успешно обслуживала даже самые отдаленные глубинки, в товаропроводящей сети оставались только государственные магазины с их карточной реализацией товаров и потребительская кооперация, являвшаяся на самом деле государственной структурой. Торговля в стране как таковая по сути перестала существовать. Неслучайно Наркомат торговли был в конце 1930 г. преобразован в Наркомат снабжения.

У горожан оставалось мало выбора – только полуголодное пайково-карточное снабжение и кооперативная торговля, где продажа товаров осуществлялась по более завышенным ценам, чем в государственных магазинах, но продуктовый и вещевой ассортимент был такой же бедственный и отнюдь не постоянно представлен на прилавках.

Опасность голода в городах, такого же как у сельчан, стала достаточно реальной. Поэтому государство, помимо своей торгово-распределительной сети и кооперации, было вынуждено мириться с функционированием, так сказать спонтанной параллельной торговли в виде внутригородских рынков. Последние возникали в городах стихийно и на полуполюгальных основаниях. Но в 1932 г. безысходность вынудила государство легитимизировать их под благозвучными названиями – «колхозные рынки» или «советские базары».

Однако для большей части горожан они были весьма тяжелой альтернативой продуктового обеспечения. Прежде всего в силу их недоступной для многих дороговизны. В этой связи можно обратиться к данным специального обследования, проведенного в начале августа 1930 г. в четырех городах Казахстана (Алма-Ате,

Семипалатинске, Уральске и Петропавловске) с целью изучения ценовой ситуации в торговле [65, л.46-49].

Выяснилось (хотя это было ясно без всяких обследований), что по сравнению с достаточно низкими ценами в государственной торговле (государство вполне могло позволить себе поддерживать дешёвизну отпускавшихся в продажу, вернее в нормировано-карточное распределение, продуктов, ведь они ему ничего не стоили, знай только загребай их задарма из крестьянских и колхозных амбаров) базарное предложение товаров обходилось их покупателям слишком дорого. Так, например, стоимость 1 кг пшеницы превышала уровень госцен в среднем в 7 раз, килограмм пшеничной муки – почти в 11, говяжьего мяса – в 3-5 раз. Разница цен по животному и растительному маслу, молоку, картофелю и другим сельскохозяйственным продуктам была столь же огромна.

Если учесть, что средняя зарплата рабочего промышленности Казахстана находилась в это время где-то на уровне 69-ти рублей (у рабочих местной промышленности и служащих в 1,5-2 раза меньше), а килограмм мяса стоил на базаре от 3 до 4 руб., масла – 7-9 руб. пшеничной муки – 1,7-2 руб., десяток яиц около 2 руб., килограмм сахара песочного и рафинированного от 2 до 4 руб., пуд картошки – 9-11 руб., то можно легко представить степень доступности базарных продуктов для среднестатистической городской семьи. К тому же, как говорится, человек жив не хлебом единым, необходимо было обретать еще и промышленные товары, а пара простых сапог даже в государственных магазинах (не говоря уже о вещевом базаре или коммерческих магазинах – были и такие, с очень высокими ценами) стоила около 18 руб., яловых – 26 [65].

Но как бы ни были высоки цены на рынках, они оставались почти единственным источником хотя бы какого-то восполнения острого дефицита продовольственной корзины горожанина. Роль базарной торговли еще больше возросла в 1932 г., когда в связи с голодом продуктовые карточные нормы были существенно урезаны. Если в 1929 г. за счет приобретений на базарах овощей, молока, мяса, рыбы и других продуктов, недоступных или лимитированных в госторговле, питание семей рабочих и служащих обеспечивалось на 35 процентов, то в 1932-1933 годах – на 55-65 [65, л.82].

Между тем торговые цены имели в течение пятилетки резко выраженную повышательную тенденцию. Уже в первый ее год (с октября 1928 по октябрь 1929 гг.) цены на растительное масло поднялись в государственной торговле на 9,1 процента, а в ее частном секторе – на 59, на овощи, соответственно, – 9,3 и 34,6 процента. Рост цен на молоко составил в госторговле 41,8 процента, в частно-лавочной – 66,8, а базарной торговле – 78 процентов, на мясо, соответственно, – 12,9, 24,5 и 92,5 процента [65]. Согласно данным уже упоминавшегося здесь обследования, к началу августа 1930г. базарные цены за килограмм пшеничной муки выросли на 444 процента (в Алма-Ате – 530), картофеля – 505,6 (в Семипалатинске – 630,8), масла – 223 (в Семипалатинске – 280), литр молока – 287, десяток яиц – 368,8 процента (в Петропавловске - 390) [65, л.46-49].

Но даже этот головокружительный взлет был, как оказалось, только прелюдией к той гиперинфляции, вихрь которой начал раскручиваться в 1932 г. Например, на базарах Алма-Аты уже в начале этого года литр молока стоил 7 руб., или в 35 раз дороже чем в 1929 г. На базарах промышленного Восточного Казахстана при средней зарплате рабочего промышленности в 80-85 руб. цена килограмма мяса выросла по отношению к 1929 г. примерно в 5 раз (до 7-9 руб.), пуда картофеля – 6,5 (12 руб.), килограмм животного масла – в 8 раз (18-20 руб.) [65, л.129]. По сравнению же с «доиндустриальным», 1928 годом, т.е. когда был дан старт первой пятилетке, базарные цены в среднем повысились в 10 раз – на 1000 процентов. Не оставались стабильными и цены государственной торговли, которые выросли за этот же период на 75-180 процентов [66].

«Галопирующий» рост цен был вызван несколькими векторами инфляционного давления. Прежде всего, это, безусловно, беспрецедентный кризис сельского хозяйства.

Если в пик НЭПа (1926/1927 гг.) обильное насыщение рынка продовольствием и его достаточно приемлемые и устойчивые цены были действительно следствием роста товарности крестьянских хозяйств, то теперь имела место так называемая «вынужденная товаризация». Крестьяне вынужденно отчуждали на внедеревенский рынок не только свой прибавочный, но и необходимый продукт (для уплаты, например, денежного сельскохозяйственного налога, который к этому времени был существенно повышен). Однако разразившийся голод критически сократил и его часть. Крестьяне превратились из производителей в таких же потребителей сельхозпродукции, как и горожане. Естественно, базарные товарные фонды оскудели до минимума, и немногие сельчане-продавцы рынка (раскулачивание «выбило» из их рядов наиболее экономически крепких хозяев), ориентируясь на обвальный дисбаланс спроса и предложения, устанавливали цены на свои товары до предельно возможных максимумов. Тем более, что с ликвидацией частно-лавочной торговли у них не было конкурентов, а государственная и кооперативная и близко не могла соперничать с частными городскими рынками по продуктовому ассортименту.

Что касается роста цен на промышленные товары широкого потребления, то он был результатом вытеснения на маргинальную периферию индустриальных планов легкой и местной промышленности. Их немногие поступления в государственные и кооперативные магазины реализовались, как уже говорилось, только по специальным нормированным ордерам и талонам, выдаваемым на предприятия. На частных же городских вещевых рынках продавался в основном «вторичный» ширпотреб: его продавали горожане (главным образом, служащие и интеллигенция), которые были вынуждены продавать свои «носильные» вещи – поношенные платья, брюки, пиджаки, обувь и прочее, – чтобы хотя бы как-то прокормить себя и свою семью.

Прямо провоцировалась инфляция государством, которое подгоняло ее своей политикой безудержной денежной эмиссии. Объемы ее были запланированы на первую пятилетку в размере 1250 млн. руб., однако уже за первых ее 1,5 года (с конца 1928 г. до июля 1930 г.) было «вброшено» в денежное обращение 1556 млн. руб. Работа денежного печатного станка не останавливалась и далее. В результате масса денег, находившаяся в обращении возросла за пятилетку почти в 5 раз [67, л.35]. Но это были «пустые» деньги, т.е. не обеспеченные товарным покрытием. Если представить весы, на одной чаше которых масса денег, находящихся в обращении, а на другой – объем товарных фондов, то образно это выглядело бы как соотношение горы и насыпной маленькой горки.

В победных реляциях об итогах первой пятилетки не забывалось упомянуть, что в результате ее повысилось материальное благосостояние советского рабочего класса. Так, с удовлетворением докладывалось, что с 1929 по 1932 гг. среднемесячная зарплата рабочих промышленности Казахстана выросла с 62 до 85,9 рублей (по СССР в среднем с 70,2 до 116,6 руб.). Следовательно, ее рост составил за пятилетку 38,5 процента (по СССР – 66 процентов) [68, л.35].

Казалось бы, это было действительно весьма заметное увеличение. Однако то был рост сугубо номинальной зарплаты. В своем реальном же выражении, т.е. покупательной способности она в следствие рассмотренных выше стремительных темпов инфляции не только не возросла, но, напротив, оказалась даже ниже уровня 1928 года, когда был дан старт первой пятилетке. (и это, несмотря на то, что затраты физического труда промышленного рабочего достигали предельного напряжения).

Вопреки бодрящей сталинской пропаганде, материальное положение советского рабочего не улучшилось даже по сравнению с началом 1900 годов,

когда он «в своей нещадной капиталистической эксплуатации был низведен до нищенского существования» (как это писалось в советских учебниках по истории). Для этого достаточно сравнить покупательную способность заработной платы рабочего промышленности в Российской империи и аналогичные показатели применительно к зарплате советского промышленного рабочего – подлинного создателя индустриализации.

Дореволюционный рабочий даже провинциальных, подчас полукустарных заводов, чернорабочие, грузчики, имея жалование в среднем до 15 руб. в месяц гипотетически могли купить на него следующее количество продуктов (рядом приводится покупательная способность зарплаты рабочего промышленности Казахстана по ее состоянию на 1932 г. – 85,9 руб., с ориентацией на рыночные цены, государственные здесь не могут приниматься в расчет, ибо в магазинах, как уже говорилось, товары отпускались только по лимитированным карточным нормам): хлеба черного черствого – 188 кг, либо 150 кг ржаного свежего хлеба, или 62 кг белого сдобного хлеба (советский рабочий – 32 кг черного черствого хлеба), муки пшеничной высшего сорта – 63 кг (обычной пшеничной муки – 28,5 кг), мяса говяжьей лопатки 34,4 кг или 21,5 кг парного мяса телятины (9,5 кг среднего или даже низкого качества), масла сливочного – 13 кг (4,5 кг), масла растительного – 38 л (10-12 л), сахара рафинада – 25 кг (10 кг), сахара-песка – 60 кг (13 кг), яиц – 60 десятков (28-30), молока – 107 л (22 л), картофеля – 300 кг (123 кг) и т.д. [69, л.23].

Однако все эти сравнения, хотя и служат довольно показательной иллюстрацией снижения уровня жизни рабочих в начале 1930-х гг., могут восприниматься только как некоторое абстрагированное от конкретно-исторических условий упражнение. Ведь количество приведенных здесь продуктов советский рабочий в отличие от своего дореволюционного собрата по классу мог приобрести на свою зарплату лишь номинально-условно. Реальный же доступ к ним с началом коллективизации и индустриализации, т.е. когда режим окончательно покончил с НЭПом, был наглухо заблокирован директивно-распределительной системой. Она поставила жирный крест на свободе торговли: теперь только карточки, ордера, талоны, нормы и прочее разнообразие лимитов, ограничивавших свободу личного потребления.

Известно, что благополучие общества тем стабильнее, чем в большей степени достигается в нем экономическое равновесие. В своем экономико-математическом виде оно выражается уравнением, согласно которому масса денег, находящаяся в обращении, умноженная на скорость их обращения в своей сумме должны равняться объему товаров, помноженную на уровень цен на них. Как очевидно из приведенных здесь данных, это, столь необходимое тождество было разрушено по всем своим составляющим. Главной проекцией такой критической раскорреляции и обвального дисбаланса стали массовый голод и катастрофическое падение уровня жизни населения. Положение было более чем кризисное, но из радиотарелок по всей стране разносилась бодрая песня, в один из куплетов которой была вмонтирована сталинская крылатая фраза: «Весел напев городов и полей / **Жить стало лучше, жить стало веселей!**».

Список использованной литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е издание. – Т.3. – Москва: Политиздат, 1970. – С.247.
2. Рогачевская Л.С. Как составлялся план первой пятилетки // Вопросы истории. – Москва, 1993. – №8.
3. Лельчук В., Ильин А., Кошелева Л. Индустриализация СССР: Стратегия и практика // Урок дает история. – Москва: Политиздат, 1989. – С.192.
4. VI Всеказахстанская конференция ВКП(б). 15-23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. – Кзыл-Орда, 1927. – С.52-53, 59, 58.

5. // Большевик Казахстана, 1928. – С.58; VI Всеказахстанская конференция ВКП(б). – С.181.
6. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в пяти томах. – Т.4. – Алматы: Атамұра, 2010. – С.339.
7. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V-VI Всеказахских конференций. – Кызыл-Орда, 1926. – С.51.
8. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д. 1717. Л.38.
9. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т.2. – Москва: Госполитиздат, 1957. – С.91.
10. // Правда. – 1931. – 23 августа.
11. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.5509. Л.14.
12. Резолюции и постановления VII Всеказахской партконференции. – Алма-Ата: КазЦИКа, 1930. – С.28; Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – Алма-Ата, 1931. – С.11.
13. АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.5509. Л.12-13; // Народное хозяйство Казахстана. – 1930. – №3-4. – С.3.
14. Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). – Москва: Госполитиздат, 1949. – С. 81-82.
15. // Советская степь. – 1930. – 20 июля.
16. ЦГА РК. Ф.30. Оп.2. Д.448. Л.191.
17. // Торгово-промышленная газета. – 1928. – 12 октября.
18. // Казахстанская правда. – 1937. – 8 июня.
19. // Народное хозяйство Казахстана. – 1930. – №3-4. – С.3
20. ЦГА РК. Ф.30. Оп.2. Д.145. Л.275.
21. // Большевик Казахстана. – 1937. – №3. – С.78.
22. Материалы к отчету. Казахского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказахской партконференции. – Алма-Ата, 1930. – С.37.
23. // Советская степь. – 1930. – 20 июля; Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – С.11.
24. АП РК. Ф. 708. Оп. 41. Д. 914. Л. 40.
25. Пятилетний план народно-хозяйственного и и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – С.11; ЦГА РК. Ф.5. Оп.14. Д.227. Л.4.
26. Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – С.10.
27. // Правда, 1931. – 23 августа.
28. // Народное хозяйство Казахстана, 1932. – №4. – С.4-5.
29. // Советская степь, 1932. – 28 ноября.
30. // Большевик Казахстана, 1937. – №3.
31. // Резолюции и постановления III расширенного пленума Казкрайкома ВКП(б). – С.23.
32. Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – С.11.
33. // Большевик Казахстана, 1937. – №3.
34. Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). Постановления правительства. – С.11-12; АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6502. Л.36; Там же. Ф.708. Оп.4. Д.2819. Л.1.
35. Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства Казахской АССР (1928/29-1932/33 годы). – С.12.

36. Новиков В. История Караганды // <https://www.zonwhois.com/www/novikovv.ru.html>
37. Резолюции и постановления III расширенного пленума Казкрайкома ВКП(б). – С. 23.
38. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Т. 4. Алматы: Атамұра, 2010. – С. 354 – 359.
39. Пятилетний план народно-хозяйственного и социально-культурного строительства (1928/29-1932/33 годы). Постановление правительства. – С.11; Народное хозяйство Казахстана за 40 лет. Статистический сборник. Алма-Ата. 1960. С.221; Большевик Казахстана, 1937. – №3. Подсчитано автором.
40. Народное хозяйство Казахстана, 1930. – №3-4; Промышленность Казахстана в 1931 г. и контрольные цифры на 1932 г. – Алма-Ата, 1932. – С.62.
41. Резолюции и постановления III расширенного пленума Казкрайкома ВКП(б). Алматы, 1932. – С.25.
42. АП. Ф.141. Оп.1. Д. 5827. Л. 63.
43. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза СССР. – Москва: Госиздат, 1933. – С.23.
44. Лельчук В. Индустриализация ...// Переписка на исторические темы. – Москва: Политиздат, 1989. – С.337.
45. // Правда, 1988. – 28 октября.
46. АП. Ф.141. Оп.1. Д.5509. Л.14; Статистико-экономический справочник за 1920 – 1935 гг. – Москва – Алма-Ата, 1936. – С. 4.
47. АП. Ф. 141. Оп. 1. Д.5509. Л.14.
48. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940 -1950-х годов и «дело Госплана» // ОИ. – 2001, № 3. С 77-89.
49. Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28 – 1931/32 гг. – Москва, 1930. – С.551; Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – С.253.
50. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – С.252.
51. Хмельницкий Д. Блеф века. Цели и итоги первого пятилетнего плана // <http://gefter.ru/archive/14406>
52. Бухарин Н.И. Избранные произведения. – Москва: Политиздат, 1988. – С. 410.
53. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. – Москва, 1936. – С.215; Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. – Алма-Ата, 1957. – С.354.
54. АП. Ф.141. Оп.1. Д.3265. Л.122.
55. Письма Сталина В. Молотову. 1925-1936. – Москва: Россия молодая, 1995. – С.203-205.
56. Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. Статистический сборник. Часть I. – Москва: Внешторгиздат, 1960.
57. Письма Сталина В. Молотову. – Москва: Россия молодая, 1995. – С.225-226.
58. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4226.Л.4.
59. АП. Ф.141. Оп.1 Д. 3475. Л. 12.
60. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. –Москва: РОССПЭН, 2008. – С.124-125.
61. Осокина Е.А. Цена «большого скачка». Кризис снабжения и потребления в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. – Москва: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1997. – С.206

62. ЦГА РК. Ф.698. Оп. 4. Д. 310. Л. 33.
 63. АП. Ф.141. Оп. 1. Д. 6275. Л.68.
 64. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. – Москва: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1997. – С. 154.
 65. АП. Ф.141. Оп.1. Д. 3283. Л. 46-49.
 66. Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934-1935 годы // www.fedy-diary.ru; Верт Н. История советского государства. 1900-1991. – Москва, 1992; Малофеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963). – Москва. 1964; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. и др.
 67. Дэвис Р.У., Хлевнюк. О.В. Отмена карточной системы в СССР. 1934-1935 // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 87-108.
 68. АП. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6502. Л. 35.
 69. Рассчитано по: Цены и жалования в России в начале XX века // [htt://talers.ru](http://talers.ru); АП. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6085. Л. 23; Д. 3283. Л. 46 – 49, Д. 5386. Л. 74.

References

1. КПСС v rezolyuciayah i resheniyah s'yezdov, konferenciy i plenumov TsK. 8-e izdanie. – Т.3. – Москва: Politizdat, 1970. – С.247.
2. Rogachevskaya L.S. Kak sostavlyalsya plan pervoy pyatiletki // Voprosy istorii. – Moskva, 1993. – №8.
3. Lel'chuk V., Il'yin A., Kosheleva L. Industrializaciya SSSR: Strategiya i praktika // Urok daet istoriya. – Moskva: Politizdat, 1989. – С.192.
4. VI Vsekazakhstanskaya konferenciya VKP(b). 15-23 noyabrya 1927 g. Stenograficheskiy otchet. – Kzyl-Orda, 1927. – С.52-53, 59, 58.
5. // Bol'shevik Kazakhstana, 1928. – С.58; VI Vsekazakhstanskaya konferenciya VKP(b). – С.181.
6. Istoriya Kazakhstana (s drevneyshih vremen do nashih dney) v pyati tomah. – Т.4. – Almaty: Atamura, 2010. – С.339.
7. Sbornik vazhneyshih resheniy Kazkraikoma VKP(b), prinyatyh za period V-VI Vsekazakhskih konferenciy. – Kzyl-Orda, 1926. – С.51.
8. АР РК. F.141. Оп.1. Д. 1717. Л.38.
9. Direktivy КПСС i sovetskogo pravitel'stva po hozyaystvennym voprosam. – Т.2. – Москва: Gospolitizdat, 1957. – С.91.
10. // Pravda. – 1931. – 23 avgusta.
11. АР РК. F.141. Оп.1. Д.5509. Л.14.
12. Rezolyucii i postanovleniya VII Vsekazakhskoy partkonferencii. – Alma-Ata: KazTsIKa, 1930. – С.28; Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – Alma-Ata, 1931. – С.11.
13. АР РК. F.141. Оп.1. Д.5509. Л.12-13; // Narodnoe hozyaystvo Kazakhstana. – 1930. – №3-4. – С.3.
14. Stalin I. Politicheskiy otchet Central'nogo Comiteta XVI c'yezdu VKP(b). – Moskva: Gospolitizdat, 1949. – С. 81-82.
15. // Sovetskaya step'. – 1930. – 20 iyulya.
16. CGA РК. F.30. Оп.2. Д.448. Л.191.
17. // Torgovo-promyshlennaya gazeta. – 1928. – 12 oktyabrya.

18. // Kazakhstanskaya pravda. – 1937. – 8 iyunya.
19. // Narodnoe hozyaystvo Kazakhstana. – 1930. – № 3-4. – S.3
20. CGA RK. F.30. Op.2. D.145. L.275.
21. // Bol'shevik Kazakhstana. – 1937. – №3. – S.78.
22. Materialy k otchetu Kazakhskogo kraevogo komiteta VKP(b) na VII Vsekazakhskoy partkonferencii. – Alma-Ata, 1930. – S.37.
23. // Sovetskaya step'. – 1930. – 20 iyulya; Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – S.11.
24. AP RK. F. 708. Op. 41. D. 914. L. 40.
25. Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – S.11; CGA RK. F.5. Op.14. D.227. L.4.
26. Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazahskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – S.10.
27. // Pravda, 1931. – 23 avgusta.
28. // Narodnoe hozyaystvo Kazakhstana, 1932. – №4. – S.4-5.
29. // Sovetskaya step', 1932. – 28 noyabrya.
30. // Bol'shevik Kazakhstana, 1937. – №3.
31. // Rezolyucii i postanovleniya III rasshirennogo plenuma Kazkraikoma VKP(b). – S.23.
32. Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – S.11.
33. // Bol'shevik Kazakhstana, 1937. – №3.
34. Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). Postanovleniya pravitel'stva. – S.11-12; AP RK. F.141. Op.1. D.6502. L.36; Tam zhe. F.708. Op.4. D.2819. L.1.
35. Pyatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoy ASSR (1928/29-1932/33 gody). – S.12.
36. Novikov V. Istoriya Karagandy // <https://www.zonwhois.com/www/novikovv.ru.html>
37. Rezolyucii i postanovleniya III rasshirennogo plenuma Kazkraikoma VKP(b). – S. 23.
38. Istoriya Kazakhstana s drevneyshih vremen do nashih dney. – T. 4. Almaty: Atamura, 2010. – S. 354 – 359.
39. P'yatiletniy plan narodno-hozyaystvennogo i social'no-kul'turnogo stroitel'stva (1928/29-1932/33 gody). Postanovlenie pravitel'stva. – S.11; Narodnoe hozyaystvo Kazakhstana za 40 let. Statisticheskiy sbornik. Alma-Ata. 1960. S.221; Bol'shevik Kazakhstana, 1937. – №3. Podschitano avtorom.
40. Narodnoe hozyaystvo Kazakhstana, 1930. – №3-4; Promyshlennost' Kazakhstana v 1931 g. i kontrol'nye cifry na 1932 g. – Alma-Ata, 1932. – S.62.
41. Rezoljucii i postanovleniya III rasshirennogo plenuma Kazkraikoma VKP(b). Almaty, 1932. – S.25.
42. AP. F.141. Op.1. D. 5827. L. 63.
43. Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyaystva Soyuza SSSR. – Moskva: Gosizdat, 1933. – S.23.
44. Lel'chuk V. Industrializaciya ...// Perepiska na istoricheskie temy. – Moskva: Politizdat, 1989. – S.337.

45. // Pravda, 1988. – 28 oktyabrya.
46. AP. F.141. Op.1. D.5509. L.14; Statistiko-economicheskii spravochnik za 1920 – 1935 gg. – Moskva – Alma-Ata, 1936. – S. 4.
47. AP. F. 141. Op. 1. D.5509. L.14.
48. Hlevnyuk O.V. Sovetskaya ekonomicheskaja politika na rubezhe 1940 -1950-h godov i «delo Gosplana» // OI. – 2001, № 3. S 77-89.
49. Materialy k pyatiletnemu planu razvitiya promyshlennosti SSSR 1927/28 – 1931/32 gg. – Moskva, 1930. – S.551; Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyaystva Soyuza SSR. – S.253.
50. Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyaystva Soyuza SSR. – S.252.
51. Hmel' nitskiy D. Blef veka. Celi i itogi pervogo pyatiletnego plana // <http://gifter.ru/archive/14406>
52. Bukharin N.I. Izbrannye proizvedeniya. – Moskva: Politizdat, 1988. – S. 410.
53. Sel'skoe hozyaystvo SSSR. Ezhegodnik. – Moskva, 1936. – S.215; Kollektivizatsiya sel'skogo hozyaystva Kazakhstana. – Alma-Ata, 1957. – S.354.
54. AP. F.141. Op.1.D.3265. L.122.
55. Pis'ma Stalina V. Molotovu. 1925-1936. – Moskva: Rossiya molodaya, 1995. – S.203-205.
56. Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1918-1940 gg. Statisticheskii sbornik. Chast' I. – Moskva: Vneshtorgizdat, 1960.
57. Pis'ma Stalina V. Molotovu. – Moskva: Rossiya molodaya, 1995. – S.225-226.
58. AP RK. F. 141. Op. 1. D. 4226.L.4.
59. AP. F.141. Op.1 D. 3475. L. 12.
60. Ossokina E. A. Za fasadom «stalinskogo izobilya». Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927-1941. – Moskva: ROSSPEN, 2008. – S.124-125.
61. Ossokina E.A. Cena «bol'shogo skachka». Krizis snabzheniya i potrebleniya v gody pervyh pyatiletok // Sovetskoe obshchestvo: vznikovenie, razvitie, istoricheskii final: T.1. Ot voozruzhennogo vosstaniya v Petrograde do vtoroy sverkhderzhavy mira. – Moskva: Rossiyskiy gos. gumanit. un-t, 1997. – S.206
62. CGA RK. F.698. Op. 4. D. 310. L. 33.
63. AP. F.141. Op. 1. D. 6275. L.68.
64. Ossokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. – Moskva: Rossiyskiy gos. gumanit. un-t, 1997. – S. 154.
65. AP. F.141. Op.1. D. 3283. L. 46-49.
66. Davies R. U., Hlevnyuk O. V. Otmena kartochnoy sistemy v SSSR. 1934-1935 gody // www.fedy-diary.ru; Vert N. Istoriya sovetkogo gosudarstva. 1900- 1991. – Moskva, 1992; Malofeyev A.N. Istoriya cenoobrazovaniya v SSSR (1917-1963). – Moskva. 1964; Ossokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilya»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. i dr.
67. Davies R.U., Hlevnyuk. O.V. Otmena kartochnoy sistemy v SSSR. 1934-1935 // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – № 5. – S. 87-108.
68. AP. F. 141. Op. 1. D. 6502. L. 35.
69. Rasschitano po: Ceny i zhalovaniya v Rossii v nachale XX veka // <http://talers.ru>; AP. F. 141. Op. 1. D. 6085. L. 23; D. 3283. L. 46 – 49, D. 5386. L. 74.

Ж.Б. Әбілхожин¹

¹ Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Тарихнама, деректану және қазіргі методология бөлімінің бас ғылыми
қызметкері, т.ғ.д., профессор
Алматы қ., Қазақстан

АЛҒАШҚЫ БЕСЖЫЛДЫҚ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИНДУСТРИЯЛАНДЫРУ

Түйін

Мақалада жаңа мәліметтерді тарта отырып КСРО-дағы алғашқы индустрияландыру бесжылдығы қарастырылып, индустриалды дамуға қатысты қабылданған сол немесе өзге жоспарлардың түпкі астарына үніліп, Қазақстан халық шаруашылығының шикізат көзіне айналу себептерін анықтайды, ұтымды экономикалық есептерге қарамастан КСРО басшылығы жоспарларды орындау қарқынын жеделдету шаралары, сондай-ақ осындай «шектен тыс индустрияландыру» зардаптары (жаппай ашаршылық және Қазақстан халқының өмір сүру деңгейінің кілт төмендеуі) зерделенеді.

Соның ішінде, жұмыста жоспарлар мен жүргізілген нақты реформалар барысының, олардың нәтижесі мен арнайы статистикада көрсетілуінің сәйкессіздігі, шынайы мәліметтерге қолжеткізудің бақылауда болуы және оларға цензура қойылуы жөніндегі фактілер де келтіріледі. Қазақстан тарихнамасында бұрын өз деңгейінде қарастырыла қоймаған индустрияландырудың қарастырылған қарқыны мен шынайы тәжірибедегі сәйкессіздігі де қамтылады.

Түйін сөздер: бесжылдық, индустриализация, экстенсификация, халық шаруашылығы, Қазақстан, аштық, азық-түлік-карточкалық жабдықтау

Zh.B. Abylkhozhin¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
Department of Historiography, Source Studies and Modern Methodology,
Chief Research Fellow, Doctor of Historical Sciences, Professor
Almaty, Kazakhstan

INDUSTRIALIZATION IN KAZAKHSTAN DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Summary

The article considers the first five-year plan in the USSR (with the involvement of new data), the background of certain plans adoption for industrial development, the reasons for establishing the commodity nature of the national economy of Kazakhstan, spurring the pace of development plans implementation by the leadership of the USSR in spite of rational economic calculations, and the consequences of such 'super-industrialization' (mass famine and the decline in the living standards among the population of Kazakhstan).

In particular, the paper shows the inconsistency of the plans and the real progress of the ongoing reforms, their results and declared official statistics, control of access to reliable data and their censorship. Besides, the author considered the issues related to discrepancy between the given rates of industrialization and real practice (which was not explored properly in the history of Kazakhstan before), etc.

Keywords: Five-year plan, industrialization, extensification, national economy, Kazakhstan, hunger, ration-card supply.

А.А. Галиев¹

д.и.н., профессор

¹Казахский университет международных
отношений и мировых языков,
г. Алматы, Казахстан,

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ НОМАДОВ И КОЧЕВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация

Характер кочевых обществ не находил объяснения в марксистской формационной теории. Государства, созданные кочевниками, определялись как примитивные и паразитарные, не способные к самостоятельному развитию. После распада СССР стало понятно, что эта идеология не является «единозначно правильной». В постсоветских государствах начался процесс национального строительства, который сопровождался ростом интереса к истории. Но так как марксистско-ленинская методология не могла объяснить многие исторические процессы, исследователи стали обращать внимание на теории, разрабатываемые на Западе. Особый интерес вызывали работы, в которых история кочевых народов рассматривалась с точки зрения этих теорий. К сожалению, таких работ и в настоящее время не очень много, поэтому они привлекают внимание исследователей. Мы рассмотрим две монографии, в которых наиболее ярко прослеживаются современные тенденции в понимании феномена кочевой государственности.

Монография Г. Убириа (Ubiria) написана в рамках конструктивистского понимания истории и посвящена изучению нацистроительства в Казахстане и Узбекистане. Главная идея книги, заключается в том, что узбеки и казахи – это два конструкта, созданные московскими политтехнологами. Целью книги также является пересмотр идеи советской казахской и узбекской историографий о том, что национальная коллективная идентичность казахов и узбеков развивалась задолго до советского периода. На наш взгляд, выводы автора, касающиеся истории образования казахского народа и Казахского ханства искусственны и противоречат фактическому материалу. Данная книга, может быть оценена как механистическое применение конструктивистской теории, поскольку она была создана для объяснения реалий оседлых народов и мало подходит для понимания природы образования кочевых сообществ.

Работа Д. Сница (Sneath) представляет интерес, так как автор предпринял попытку сломать стереотипы и мифы о характере кочевой государственности. Работа написана на материале различных источников и собственных полевых исследованиях. Автор приходит к выводу, что представления о догосударственном родовом обществе кочевников ошибочны, поскольку у них существовала такая форма государственности, где власть распределялась между аристократией. Новая теория нуждается в дальнейшей разработке, но имеет большие перспективы.

Ключевые слова: кочевники, вождество, государственность, номадизм, аристократия, нацистроительство, конструктивизм.

Введение

Трудно переоценить рост интереса к прошлому народов, чья история рассматривалась только в контексте развития великих империй Нового и Новейшего времени. Сказанное относится и к истории кочевых народов и государств, в трактовке которой преобладало две линии: отсутствие у этих народов в прошлом государственности и признание характера их обществ как

хищнических и паразитических. Данное понимание возникло еще в эпоху Нового времени. Не углубляясь в историографию вопроса, просто отметим, что и советская историческая литература сохранила эти же традиции, но при этом попыталась втиснуть понимание прошлого кочевых народов в прокрустово ложе формационной теории. Конечно же, все эти надуманные модели абсолютно не отражали реалии, существовавшие в древний и средневековый периоды. Отсюда становится понятным рост интереса к собственной истории, катализированный ростом национального самосознания в эпоху становления национальных государств. Особенный интерес в этом плане приобретает то, как репрезентируется история кочевых народов в современной зарубежной историографии, поскольку как отечественные исследователи, так и их коллеги из братских стран испытывают насущную потребность в новой методологии и новейших методах исследования.

Поэтому каждая новая работа, посвященная проблемам номадологии, нуждается в обсуждении. В настоящей статье ставится задача рассмотреть две монографии, которые, как представляется, наиболее полно отражают современные тенденции в изучении кочевых обществ.

Проблема этногенеза казахов в монографии Г. Убириа

Прежде всего, отметим, что обе рассматриваемые работы написаны в рамках конструктивистского понимания истории. Справедливо считается, что классическим воплощением этой теории является книга Бенедикта Андерсона «Воображенные сообщества». Были сделаны попытки применить эту теорию к пониманию процессов становления различных обществ в Центральной Азии. К числу наиболее интересных и фундаментальных разработок, безусловно, можно отнести монографии С. Абашина и А. Халида, сборник под редакцией А. Ильхамова, посвященные становлению современной узбекской нации [1,2,3]. Здесь следует констатировать, что формирование узбекского народа и государственности вызывает больший интерес у зарубежных исследователей, нежели аналогичные вопросы казахстанской истории. Поскольку часть монографии Г. Убириа, на которой хотелось бы остановиться, также посвящена этой достаточно хорошо изученной проблеме [4], уделим больше внимания ее «казахской» части.

В основу книги положена докторская диссертация, подготовленная в Центре Арабских и Исламских исследований Австралийского Национального университета в 2012 г. Главная идея книги, заключается в том, что как узбеки, так и казахи – это два искусственно созданных московскими политтехнологами конструкта. Целью книги также является пересмотр советской казахской и узбекской историографий, в соответствии с которыми национальная коллективная идентичность казахов и узбеков развивалась задолго до советского периода. Аргументация этих целевых установок, как справедливо указывает автор, требует рассмотрения истории этих народов.

Трактовка истории образования Казахского ханства данным автором не отличается от традиционной, и автор начинает с отделения части народа от Узбекского улуса. После экскурсии в историю слова «казах», автор возвращается к истории собственно Казахского ханства и пишет, что в период правления Касым-хана, сына Джанибека, ханство усилилось, расширилась его территория и к нему присоединились другие тюрко-монгольские племена, такие как кипчаки, найманы и аргыны.

Таким образом, делает вывод автор, «появление Казахского ханства было не результатом ирредентистского движения все еще несформированного казахского народа, не решением ханов Джанибека и Кирея установить независимое государство для особой группы людей, которые чувствовали себя как одно культурно-политическое целое, отличное от других кочевых племен, остающихся в узбекском Шайбанидском улусе. Скорее Казахское ханство было

политическим союзом, который развивался как в соответствии со специфическими политическими обстоятельствами (соперничество с Шайбанидским узбекским улусом) и способностью Джанибека и Керей привести племена, которые они отделили от правления Абулхайрхана под один политический зонтик. Если бы политическая ситуация в восточном Дешт-и Кипчаке развивалась по иной линии, эти различные племена, которые объединились в Казахском ханстве, могли бы легко абсорбированы альтернативной конфедерацией» [4,с.35].

Данный вывод нуждается в уточнении. Прежде всего, мы не можем скидывать со счетов, что Казахское ханство все же возникло в результате, как стечения политических обстоятельств, так и решения ханов Джанибека и Керей установить независимое государство, решения, которое возможно все же было принято, поскольку с точки зрения мятежных ханов, Абу-л-Хайр хан был узурпатором, прервавшим законную линию наследования власти потомками Урус-хана, к которым они принадлежали. В силу этого они не упустили бы шанс свергнуть Абу-л-Хайр хана. Естественно, что последний прекрасно осознавал угрозу исходящую от соперников. И эта ситуация отражена в источнике: «Когда Абу-л-Хайр хан полностью овладел Дашт-и Кыпчаком, то некоторые султаны из рода Джучи учуяли носом проницательности запахи бед от него, решили его убрать. Некоторые султаны, как Кирай хан, Джанибек султан и другие, с малым количеством людей бежали от Абул-хайр-хана и прибыли в Могулистан» [5, с. 348].

В этом смысле, казахский народ является конструктом, начало которому было положено не только политическим обстоятельствам, но и волей Керей и Джанибека.

Еще одна проблема, которой автор уделяет много внимания разъяснению характера трех казахских жузов (орд), причин их появления. По его мнению, «различные казахские племена и кланы, входившие в каждую орду, не разделяли общих предков, решение вступить в альянс с определенной ордой первоначально базировалось скорее на экономических и политических интересах, чем на родственной или племенной аффилиации. Вкратце, орды были больше широким племенным союзом, основанным для большей безопасности и регулирования жизненных и пастбищных территорий. В XVI-XVII вв. несмотря на то, что племенной состав каждой орды периодически менялся, казахские орды постепенно стали более или менее стабильными, но свободными политическими союзами.

Несмотря на как будто хорошо основанные иерархических социальные и административные структуры, фактически единство каждой казахской орды и власть ханов над их подданными, остались довольно хрупкими и ограниченными. Например, лидеры клана пользовались намного большей властью в вопросах налогообложения, чем ханы [4, с,53-55].

Также и отношения между жузами, по мысли автора, характеризовались в зависимости от времени и ситуации, как сотрудничеством (например, во время появления угрозы коллективной безопасности), так и вооруженными конфликтами (для приобретения превосходства в степях).

Тем не менее, Убуриа считает, что «существование такого сотрудничества среди орд не обязательно подразумевается, и что они были частью одного общего государства с единственно признанным руководителем. Скорее казахское ханство, по крайней мере, после появления орд, было политико-географической зоной, где три больших племенных скопления (орды) время от времени и до некоторой степени координировали свои экономические и военные действия. Власть единственного правителя признавалась только тогда, когда сильный хан поработит другие казахские орды. Однако такие случаи были очень редки. Даже общая внешняя угроза не была достаточной причиной объединения орд. В целом, начиная с их формирования, и казахское ханство и орды были неким типом многоуровневых племенных конфедераций, политическое единство которых в основном зависело от существования или влиятельного хана или угрозы коллективной безопасности.

Для создания такого политического союза, особенно на уровне ханства, не было потребности считать себя народом/ этнией. Всюду в истории Средней Азии или других областей в мире, племена различного этнического происхождения часто объединялись против общего врага, но это не сделало их одним народом ни тогда, ни в будущем [4, с. 56].

Попутно отметим, что вопрос о власти ханов над казахскими жузами должен рассматриваться отдельно от вопроса о политической структуре Казахского ханства, поскольку последнее не совпадало с жузами ни этнически, ни территориально, ни экономически. Казахское ханство включало в свой состав не только казахов, но и отдельные группы кочевых этносов – калмыков, башкир, кыргызов, а также и население присырдарьинских городов и кишлаков.

Изложив свою точку зрения на казахское общество, автор пишет, что «попытки казахской историографии, представить все свободно связанные кочевые племена, включающие казахские орды как одну этническую группу или даже нацию – которая была разделена на три орды является преднамеренным неверным истолкованием истории. Как правило, такие требования нацелены на утверждение исконных корней современной казахской нации, или для установления образца казахского «национального» единства до современной эры централизованного государства.

Фактически, нет никаких достаточных доказательств предполагать, что во время российского проникновения в казахскую степь в XVIII-XIX веках, значительное количество казахских племен и кланов воспринимало себя как один народ. Например, наиболее часто используемый аргумент, утверждающий этническое единство среди пред-царских (т.е. до вхождения в состав Российской империи – А.Г.) казахских племен, является, что они говорили на похожих диалектах. Однако такой аргумент в основном не важен для определения пред-царских казахов как единой кочевой группы, так как они никогда не проектировали свое единство как основанное на общем языке

Так как у казахских племен не было письменной традиции, они не были склонны размышлять над языком как над важным символом их идентичности или единства. Кроме того, кипчакский диалект, на котором говорят казахские племена, заметно не отличался от диалектов, используемых многими другими племенами (например, каракалпаками) кочевавшими в степях. Таким образом, это затрудняет рассмотрение пред-царских казахов как отличную этнолингвистическую группу в регионе [4, с.57-61].

Автор, для подтверждения своей мысли, о том, что казахи не являлись единым народом приводит и другие аргументы, и в частности то, что «Не может традиция передачи племенной генеалогической информации служить основанием для формирования идентичности группы среди кочевых обществ. Это не доказывает существования общего этнического сознания среди многочисленных племен, включающих Старшую, Среднюю и Младшую Орды. Во-первых, те устные генеалогические предания были, прежде всего, генеалогическими историями отдельных семей, племен или многих племен, и не доказывают, что большинство казахских кочевников признало их «казахскость» и коллективное отличие от других кочевых народов Средней Азии. Во-вторых, точность устных генеалогических преданий не может быть проверена. Многие из них, возможно, были изобретены или периодически изменяемы, например, чтобы удовлетворить появляющиеся интересы племенных лидеров. Наконец, казахские генеалогические структуры не имели реального отношения к существующему политическому порядку в степях. Так главные казахские политические союзы (орды) были в основном сегментированы, и их лидеры часто были неспособны осуществить власть среди своих номинальных подданных.

Что касается казахского мифа об Алаше, провозглашающего общее происхождение орд и соответственно казахов, это – предположительно изобретение

XVIII века, и вероятно, нацелено на повышение осознания безопасности лидеров казахских орд перед общей опасностью, происходящий от вторжения ойратов. С XVI века, способность казахских племен поддерживать непрерывный контроль на примерно той же территории в степях, и, следовательно, иметь большой опыт эколого-политического сотрудничества (например, в регулировании перекочевок), и сосуществования в одной политико-географической зоне, постепенно привели к развитию общих социокультурных особенностей. Однако это социокультурное подобие казахских племен произошло, прежде всего, не от их этнокультурного единства, а скорее от геокультурных рамок. Эти общие социокультурные черты, существующие среди различных казахских племен позже стали основанием для русских этнографов и статистиков XIX и начала XX века категоризировать многих из них как одну этническую кочевую группу. Но самое главное, они стали сырьем, базируясь на котором некоторые казахские интеллектуалы в позднюю царскую эру начали «воображать» различные казахские племена как один народ, и позже советские нацистроители создали современную казахскую нацию [4, с.39].

Не отрицая того факта, что советские нацистроители приложили руку к созданию современной казахской нации и государства в нынешних границах, следует учитывать, что, во-первых, все современные нации являются конструктами, воображенными сообществами. Но, во-вторых, вернемся к тому, что для понимания процессов, происходящих в кочевых обществах, те закономерности, которые, безусловно, выявляются для оседло-земледельческой среды, либо не совсем приемлемы, либо должны применяться достаточно осторожно. Это касается таких проблем, как происхождение жузов (орд). С одной стороны, они действительно, как указывает автор, опираясь на работы предшественников, связаны с тремя главными эко-географическими ареалами ханства. Они действительно могли выполнять функции обеспечения большей безопасности и регулирования пастбищных территорий. Но нельзя скидывать со счетов и длительную традицию деления этносов на три части (триальная система), существовавшую на территории Казахстана в предшествующие периоды. История происхождения и существования триальной системы получила отражение в работе Ю.А. Зуева «Историческая проекция казахских генеалогических преданий». По его мнению, «у большинства кочевых народов ее появление было продиктовано необходимостью экономной и вместе с тем наиболее эффективной координации действий на войне и облавной охоте. Этот институт, родившийся еще в условиях первобытнообщинного строя, получил развитие на этапе формирования государственности у кочевников» [6, с. 66].

В последующих работах, Ю.А. Зуев продолжил изучение триальной организации, связав слово «жуз» («сотня») с древним институтом, известным как «дружина-сотня», или институтом казакования. Столь же древним является и сюжет об Алаше. Не вдаваясь в подробное его рассмотрение, просто отметим, что легенда об Алаше является не казахским изобретением XVIII в, как считает Урибия, а вариантом так называемого «мотива Моисея». Имя мифического этнарха казахов «Алаш», также известно с глубокой древности. «Собирательное понятие алач, алат, ала-йонтлы, халач, Пегая орда символизирует «собрание» и «смешение» изначально при ставке владетеля в составе катунской орды представителей различных, прежде всего зависимых или вассальных племен и государств «с четырех сторон света», каждая из которых у древних кочевников символизировалась конем определенной масти [7,84].

В свое время, изучая историю происхождения казахских жузов, я пришел к аналогичному выводу, о том, что имя «Алаш» – «Пестрый», действительно является отражением суммы цветов, но символизирующих не только стороны света, но и отражает цветовое значение трех функций, символически закрепленных народной традицией за тремя жузами и восходит таким образом к скифо-

сакской традиции, хорошо изученной французским ученым Ж. Дюмезилем. Эта идея, нашла подтверждение в изысканиях осетинского ученого В.С. Уарзиати, проанализировавшего миф осетин, потомков скифо-сакских племен об Алгузе. «Легендарный Алаша-хан, – пишет В.С. Уарзиати, – является двойником Алгуза. Оба имеют – разноцветные // пестрые имена, оба персонифицируют единение всех социальных слоев общества каждого этноса, оба представляют вторую или военную, функцию и оба пользуются пестрыми боевыми знаменами. Если все изложенное верно, то можно говорить о том, что восточноиранские (сакские) реликты в мифотворчестве казахов прояснили некоторые, не совсем ясные сюжеты из истории этносоциокультурного самовыражения алан-осетин» [8, с.237].

Иначе говоря, предположение о изобретении мифа об Алаше в XVIII веке можно считать умозрительным, поскольку этот миф и его существование относятся к глубокой древности и имеет длительную традицию у различных кочевых народов. Миф предназначался для утверждения единства трех жузов именно как единого целого.

Г. Урибиа подвергает сомнению тезис о том, что единство казахского языка, можно считать аргументом, утверждающим этническое единство казахов в доцарский период. Действительно, очень трудно поверить, что казахи, как отмечал В. Радлов «живущие в обширной степи, – в языковом отношении столь неразрывное целое, что вряд ли можно заметить диалектальные различия в языке киргизов (казахов – А.Г.), у Каспийского моря и на Верхнем Иртыше». [9, с. 250].

Интересно, но непонятно мнение автора о том, что единство языка как фактор, необходимый для формирования единства любого народа, по отношению к казахам неприменим, так как казахи не проектировали свое единство как основанное на общности языка. Здесь автор, механически применяет тезис Б. Андерсона о возможности формирования единого сообщества только в период развития печатного капитализма, утверждающего единый язык. При этом забывается высокая мобильность кочевания, приводящая к более быстрой выработке единых стандартов и сезонность кочевания, когда все жузы в зимний период сосредотачиваются в сравнительно небольшом присырдарьинском регионе (процесс напоминающий по своим результатам паломничество, изученное Б. Андерсоном).

Нельзя полностью согласиться и с мнением, что «точность устных генеалогических преданий не может быть проверена. Многие из них, возможно, были изобретены». Так, доктор биологических наук, заведующий лабораторией геномной географии Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН О.П. Балановский пишет: «мы секвенировали представителем крупнейшего рода казахов и построили дерево происхождения их Y-хромосом. Эта независимая генетическая реконструкция идеально совпала с генеалогическим древом данного рода» [10].

Если говорить о возможности изобретения генеалогических преданий, то действительно многие из них были изобретены, как это было в случае с Алашем, но изобретались они именно для того, чтобы сконструировать единую общность – жузовую, общеказахскую. Общность, понимаемую как происходящую от единого предка. Этнархи племен, входивших в один жуз, понимались как дети основателя жуза, последние в свою очередь считались родными братьями. Тем самым достигалась недостижимая для других воображенных сообществ степень единства народа.

В. Радлов, изучавший казахов, отмечал, что, несмотря на то, что казахи, «смесь народов монгольского и кавказского типов всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казаков и к одному из братских племен этого широко разветвленного народа» [9, с. 250].

Аналогичные высказывания в большом количестве встречаются и у других исследователей XVIII-XIX вв.. Об этом же говорит и Марта Олкотт, современный

автор фундаментальной работы о казахах («до-советские казахи были единым народом, с общим языком, культурой и экономикой» [4, с.13].

Таким образом, сказанное входит в противоречие с выводом автора, что казахи не были единым народом/этнией. Как представляется, ошибочный посыл автора был вызван механистическим наложением старых стереотипов на теорию конструктивизма. Стереотипы о номадах и кочевых государствах, сформировавшиеся в оседло-земледельческой среде сыграли негативную роль в понимании процессов, происходящих в степи. На эту проблему и ее политизированность обратил серьезное внимание известный ученый А.М. Хазанов [11, с.475].

В связи со сказанным, большой интерес представляет работа американского исследователя Д. Сниза, не только потому, что он один из немногих западных ученых обратился к казахстанской тематике, но и потому что предпринята попытка сломать стереотипы и мифы, хотя это только одна из целевых установок автора [12].

Первая из них, – развенчать ошибочную идею, которая глубоко укоренилась в XX веке в социальных науках. С эпохи колониализма в репрезентациях Центральной Азии, ее традиций и истории доминировало представление о свирепых и свободных кочевниках организованных догосударственным родовым общества в кланы и племена. Автор на основании антропологических полевых исследований в Монголии и Внутренней Монголии в 1980-1990 гг. пришел к выводу, что ничего похожего на популярные представления о родовом обществе в этой регионе не существовало, и что понятия колониальной эры усилили искажения репрезентаций о степных обществах и их прошлом. Он установил, что это было не родовое общество, а аристократическая власть и государство – подобные процессы администрирования, которые появились как наиболее значимые черты организации жизни в степи. Это привело автора к постановке второй цели: переосмысления как традиционной дихотомии между государством и безгосударственным обществом, так и понимание природы государства. Последнее было основано на аристократических порядках и существовало в условиях децентрализации и распределения власти. Он приходит к идее о «государстве без главы», конфигурации государствовподобной власти, сформированной горизонтальными связями между власть предержащими, а не в результате подчинение политическому центру [12, с.1].

Исследователям, занимающимся проблемами кочевых обществ и государств, интересно рассмотреть аргументацию автора.

Так, решение первой задачи связано с разрушением стереотипов о номадах и отсутствии у них государственности. Этот стереотип, выражается в том, что для описания аналогичных явлений и институтов в кочевой центральноазиатской и оседло – земледельческой среде используются различные термины. К примеру, если, Карпини использовал слово «dux» как для монгольской, так и европейской знати, и ранние переводчики в XVI веке переводили его как «duke» («герцог»), то в XIX и XX веках ввели двойную систему, когда «duke» употреблялось только для европейской и русской знати. Для монголов оно переводилось как «вождь», что подтверждало трибалистскую модель монгольского общества. В колониальную эру титулы и термины, употребляемые для «цивилизованного мира» не использовались как универсальные. Однако не только Запад маркировал так «остальных»: дискурсивные конструкции для варварского общества были знаменательной чертой и китайской мысли [12, с.63-64].

В понимании кочевого общества бытовали не только стереотипы, но и мифы. В частности, это общество рассматривалось как примитивная стадия развития. «Корни мифа о племенном обществе, – пишет автор, – лежат в эволюционистской социальной теории XIX века, которая видит родство как организующий принцип для безгосударственных обществ. Теория была разработана в XX столетии в связи со структурной функционалистской теорией сегментарного родства предложенной

Фортесом и Эвансом Причардом для африканских политических систем и эта традиция Моргана была широко распространена в советской этнографии для понимания явлений во Внутренней Азии. Это привело к консистенции ошибочных интерпретаций исторического и этнографического материала для поддержки видения племенных обществ организованных по принципу родства. Когда названные «номадами» группы людей появлялись в исторических текстах, они обычно принимались как племена или кланы. Генеалогии знатных домов брались как свидетельства общей организации общества по родовой линии [12, с.2].

В отличие от этих трактовок, Д. Сниз объясняет феномен генеалогий тем, что «племенные» народы организовывали свои политические союзы и отношения, используя идиомы общего происхождения, и при необходимости ретроспективно создавали фиктивные родственные связи, чтобы их политические реалии могли соответствовать их идеологии [12, с.145].

Развенчание ложных стереотипов дает возможность Д. Снизу перейти к решению второй задачи. Так, рассмотрев стереотипы и реальные факты, связанные с пониманием племенной организации, он делает вывод, что всеобъемлющая родовая организация Внутренней Азии, является продуктом государства, а не его предшественником [12, с.3].

Д. Сниз предлагает свое понимание кочевого государства. Политическую среду, в которой почти все действия государственной власти существуют на локальном уровне фактической независимости от центральных бюрократических властей, он назвал «государством без главы». «Аристократические порядки Внутренней Азии базировались на децентрализованной власти и продемонстрировали аспекты как государственности, так и суверенитета в Фукодианском смысле. Это не означает, что эти аристократические порядки являлись чем-то между государственными и безгосударственными формами, но скорее, во Внутренней Азии многие формы власти реально существовали независимо от степени всеобъемлющей политической централизации. Централизованное государство тогда представляется вариантом аристократии [12, с.5]».

Осмысливая понимание такого типа государства, Д. Сниз задается вопросом: «Могут ли исследования о современной нации-государстве обеспечить понимание других типов государства?». И он положительно отвечает на этот вопрос. Во-первых, опровергается понятие, что государственная власть обязательно централизована, так как это не очевидно даже для большинства централизованных и бюрократических наций-государств. Во-вторых, наше внимание привлекается к распределению власти разнообразными методами и институтами. В-третьих, дебаты вокруг суверенитета подчеркивают, что ключевые отношения государства находятся между институтами власти и их субъектами, а не территорией. Сказанное позволяет рассматривать государство скорее как форму социальных отношений, а не отличительную «экстрасоциальную» структуру, как государство само себя позиционирует. Можно говорить о трех чертах идентифицирующих государство как форму социальных отношений: политической власти, системе правления или арбитража и разделении между правителями и управляемыми [12, с.10].

Вспоминая мысль Чандхока, что «государство есть просто социальные отношения, Д. Сниз, говорит, что государство без главы в этом смысле присутствует во власти, которую любой благородный осуществлял над своими подданными и в более широком политическом порядке, который создавал и давал власть этому правилу – в аристократии. В самом деле, мы также находим ключевые характеристики государства в соответствии с классической социальной теорией, поскольку аристократия влечет за собой как политическую должность в веберовском смысле, так и классовую эксплуатацию в марксистской. «Субстраты власти», которые лежали в основе каждого государства, включали конструирование законной персонификации в форме правителей и подчиненных различных рангов,

включая рабов. Существование рабства в большинстве степных обществах вплоть до XIX века было общепризнано, но оно было преуменьшено (поскольку оно скорее противоречило эгалитарной модели кочевников) на том основании, что рабы никогда не могли быть очень многочисленными. Но именно институт рабства, а не абсолютное число рабов, является наиболее показательным для политического порядка. Статус рабов не был абсолютным, но зависел от их хозяев, по крайней мере, в монгольском случае, и они не были лишены некоторых прав. Кодекс 1640 г. предусматривает штрафы за убийство даже собственных рабов. Но даже в упомянутых выше формах рабство является свидетельством безошибочных отношений доминирования, подчинения и стратификации. То, что такой порядок мог существовать в широком диапазоне различных степных политий, свидетельствует о том, что он не требует аппарата централизованного государства. Распределенный политический порядок вполне способен обеспечить соблюдение отношений пожизненной зависимости, как в случае рабства среди «государства без правителя» у туркмен девятнадцатого века [12, с.186-187].

Важно также иметь в виду, что система управления, применяемая кочевниками в оседло-земледельческой среде, отличалась от той, которая существовала собственно в степи. Автор данной статьи попытался показать это на примере Казахского ханства [12, с. 27].

В понимании такого типа общества Д. Сниз опирается на исследования Асада. Последний указал на то, что классические трактовки, как правило, предлагают деполитизированные описания кочевых обществ: они представляются как «естественные» в том смысле, что являются экологическими и демографическими. Асад утверждал, что кочевники не были дискретными социальными системами, а являлись частью более широких «тотальных систем», включающих сельское, городское и пасторальное секторы, в пределах которых их можно рассматривать как нечто, аналогичные классу [12, с.138].

Немало места на страницах своей книги Д. Сниз уделяет и собственно Казахскому ханству, его истории и системе управления. Интересно и то, что на помещенной в книге карте имеется обозначение Казахского ханства, тогда как в советских и российских изданиях эта территория обозначается как «Казахи», то есть территория, на которой отсутствует политическая организация, что подчеркивало идею об отсутствии государственности у казахов.

Оспаривая мнение об анархии, безгосударственности казахов, Д. Сниз на основе анализа различного материала и особенно критического переосмысления труда «Геродота казахского народа» Левшина, приходит к выводу, что «нестабильность казахского общества в левшинское время была результатом подрыва ранней более централизованной системы ханства. Согласно Левшину казахи вспоминали «золотой век» Таукехана который правил с 1680 по 1718 гг. Отсутствие закона и порядка, оплакиваемого Левшиным, было результатом коллапса центральной власти в ситуации замороженной русской имперской экспансией [12, с. 75-76, 78-79].

Оспаривает Д. Сниз и один из главных аргументов, постулирующих отсутствие государственности казахов: «В любом случае Левшин освещает регулярное налогообложение в предколониальный период согласно «большинству древних законов казахов» [12, с. 79-80].

Продельное автором переосмысление работ Левшина «совершенно ясно показывает, что «племена» фактически были административными подразделениями или атрибутами, созданными нисходящим процессом политической демаркации» [12, с.80].

Характеризуя систему управления в степных государствах Д. Сниз пишет: «Чингизиды, как монгольские Борджигины, так и казахские Ак Суйеки, не только монополизировали высокие посты, но они существовали в совершенно иной политической и правовой категории от своих подданных» [12, с.128].

Система управления в кочевых государствах возникла не на пустом месте,

а имеет длительные традиции. Д. Сниз справедливо считает, что исторические источники показывают богатое разнообразие политических форм, опирающихся в какой-то степени на методы и институты управления, которые были частью степной традиции. Десятичная административная структура была частью традиции государственности в степи, которая восходит к империи сюнну III века до н.э. Другие учреждения так же стары, как «небесный мандат» правителя, коллективный суверенитет правящего дома и, самое главное, аристократия, как политическая система. Реинтерпретируя рассказы об обществах, описанных в терминах племенной традиции, мы можем рассматривать их как элементы в истории политической борьбы, перемен и инноваций. Имперское государство Чингиз-хана представляет собой одну из наиболее централизованных политических структур, которые могли построить степные правители и аристократии, и эта централизация сделала ее государствовидной, так как она в некоторой степени соответствовала веберовскому идеальному типу. Но высокий уровень централизации Чингизидов прошел относительно быстро, и возникший политический порядок так же раскрывает субстраты власти, на которой основывалось степное правительство. Как политическая форма, характер этого базового порядка представляет собой прямой вызов традиционным представлениям о централизованном государстве [12, с. 178 - 179].

Таким образом, историческая перспектива представляет собой долгожданную замену эволюционистским нарративам. В обильных письменных источниках мы можем видеть политические институты как продукты конкретных исторических событий, а не как атрибуты эволюционных этапов, таких как «вождество» или «примитивное государство», и здесь, кажется, нет оснований возвращаться к эволюционизму всякий раз, когда исторические записи скудны или предмет экзотичен. Во-вторых, власть этого относительно децентрализованного государства была явно не в центре его, а в сети дворян и их местных и региональных политических институтов в огромном царстве, которое в период расцвета включало большую часть центральной Восточной Европы. В самом деле, так было до некоторой степени в большинстве доиндустриальных государств, и Вебер использовал термин «децентрализованное патримониальное господство» для описания политик, в которых зависимые правители были могущественными по сравнению с их символическим повелителем. Однако Вебер полагал, что это произошло в результате того, что подчиненные чиновники, апроприировали полномочия предшествующих патримониальных правителей, независимо от их происхождения, тогда мощные аристократии были далеко не редки [12, с.188].

Заключение

Как представляется, две выше рассмотренные монографии демонстрируют две основные тенденции в понимании природы кочевых обществ и государств. Первая, продолжая традиционное понимание общества кочевников, накладывает на них конструктивистские схемы, разработанные больше для оседлых обществ. Вторая, закладывает новое понимание государств, созданных кочевниками, как государств, базирующихся на длительных традициях. Характерными их отличиями является власть аристократии, среди которой «распыляется» централизованный аппарат. Конечно, эта гипотеза, хотя и хорошо фундирована, нуждается в дальнейшей разработке. В любом случае, она открывает новые перспективы в осмыслении такого феномена как государство кочевников, который ранее либо игнорировался, либо отрицался.

Список использованной литературы

1. Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. – СПб.: Алетейя, 2007. - 304 с.
2. Этнический атлас Узбекистана / Отв. Ред. А.Ильхамов. – Институт «Открытое общество», 2002. – 451 с.

3. Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. – London: Cornell University Press, 2015. – 415 p.
4. Ubiria Grigol. Soviet Nation – Building in Central Asia. The making of the Kazakh and Uzbek Nations. – Routledge, 2016. – 271 p.
5. Мирза Мухаммад Хайдар Дулати Тарихи Рашиди. – Ташкент: Фан, 1996. – 728 с.
6. Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 63- 78.
7. Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (Сравнительно – типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы: НВШГУ, 1998. – с.49-115.
8. Уарзиати В.С. К истории этнокультурной символики алан-осетин // Культура кочевников на рубеже веков. (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995. – с.222-239.
9. Радлов В.В. Из Сибири. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.
10. Балановский О. Y-хромосома как инструмент реконструкции происхождения тюркоязычных популяций Кавказа и Евразии: научные и антинаучные подходы // <http://antropogenez.ru/review/812/> (дата обращения 1.03.2017)
11. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2002. – 604 с.
12. Sneath David The Headless State. Aristocratic Orders, Kinship Society, Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. – New York: Columbia University Press. – 2007. – 273 p.

References

1. Abashin S. Natsionalizmy v Sredney Azii v poiskakh identichnosti. – SPb.: Aleteya, 2007. – 304 p.
2. Etnicheskiy atlas Uzbekistana / Otv. red. A. Il'khamov. – Institut «Otkrytoe obshchestvo», 2002. – 451 p.
3. Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. – London: Cornell University Press, 2015. – 415 p.
4. Ubiria Grigol. Soviet Nation – Building in Central Asia. The making of the Kazakh and Uzbek Nations. – Routledge, 2016. – 271 p.
5. Mirza Mukhammad Khaydar. Tarikhi Rashidi. – Tashkent: Fan, 1996. – 728 s.
6. Zuev Iu.A. Istoricheskaya proektsiya kazakhskikh genealogicheskikh predaniy (K voprosy o perezhitkakh trial'noy organizatsii u kochevukh narodov Tsentral'noy Azii) // Kazakhstan v epokhu feodalizma. – Alma-Ata: Nauka, 1981. – P. 63-78.
7. Zuev Yu. A. O formakh etnosotsial'noi organizatsii kochevykh narodov Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'ye: pestraya orda, sotnya (Sravnitel'no- tipologicheskoye issledovanie) // Voennoe iskusstvo kochevnikov Tsentral'noi Azii i Kazakhstana (epokha drevnosti i srednevekov'ya). – Almaty: NVShGU, 1998. – P. 49-115.
8. Warziaty V.S. K istorii etnokul'turnoi simboliki alan-osetin // Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX-XX, XX-XXI vv.): Problemy genезisa i transformatsii. – Almaty, 1995. – P. 222-239.
9. Radlov V.V. Iz Sibiri. – M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1989. – 749 p.
10. Balanovskiy O.Y – khromosoma kak instrument rekonstruktsii proiskhozhdeniya tyurkoiazuchnykh populiatsiy Kavkaza i Evrazii: nauchnye i antinauchnye podkhody // <http://antropogenez.ru/review/812/> (data obrasheniya 1.03.2017)

11. Khazanov A.M. Kochevniki i vneshniy mir. – Almaty: «Daik-Press», 2002. – 604 p.

12. Sneath David The Headless State. Aristocratic Orders, Kinship Society, Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. – New York: Columbia University Press – 2007. – 273 p.

Ә.А. Галиев¹

т.ғ.д., профессор

¹ Абылай хан атындағы Халықаралық қатынастар және әлем тілдері Қазақ университеті
Қазақстан, Алматы қ.

КӨШПЕНДІЛЕР ЖӘНЕ КӨШПЕЛІ МЕМЛЕКЕТТІЛІКТІ ЗЕРТТЕУДЕГІ АҒЫМДАҒЫ ҮРДІСТЕР

Түйін

Көшпелі қоғамдардың табиғатын марксистік формациялық теория аясында түсіндіру мүмкін емес. Көшпенділер құрған мемлекеттер примитивті, паразиттік, әрі тәуелсіз дамуға қабілетсіз деп анықталған. Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін аталмыш идеологияның дұрыс емес екендігі анық болды. Посткеңестік мемлекеттер де ұлттық құрылыс үрдісі басталды, ол өз кезегінше тарихқа деген қызығушылықты арта түсірді. Алайда маркстік – лениндік методология аясында көптеген тарихи процестерге түсінік беру мүмкін болмағандықтан зерттеушілер Батыста дамыған теорияларға назар аудара бастады. Осы теориялар тұрғысынан қарастырылған көшпелі халықтардың тарихына арналған жұмыстар ерекше қызығушылық тудырады.

Өкінішке орай мұндай жұмыстар қазіргі уақыттың өзінде соншалықты көп емес, сондықтан олар зерттеушілердің назарын аударуда. Біз көшпелі мемлекеттік құбылысын түсінудегі қазіргі кездегі үрдістерді барынша анық байқататын екі монографияны қарастырамыз.

Убирианың (Grigol Ubiria) монографиясы тарихты конструктивистік тұжырымдамасы аясында қарастырған және Қазақстан мен Өзбекстандағы ұлттық құрылысты зерттеуге арналған. Кітаптың басты идеясы өзбектер мен қазақтарды Мәскеу саяси технологиясымен құрылған екі конструкт деп тану. Кітаптың мақсаты өзбектер мен қазақтардың кеңестік тарихнамасын қайта қарастыру, яғни қазақтар мен өзбектердің ұлттық ұжымдық бірдейлігі кеңестік кезеңге дейін ертеректе дамығандығын жоққа шығару. Біздің ойымызша, автордың қазақ халқы мен Қазақ хандығының қалыптасуына қатысты қорытындылары жасанды, әрі деректік материалдарға қайшы келеді. Бұл кітап конструктивистік теорияларды механикалық түрде қолданған жұмыс деп бағаланады, өйткені аталмыш теория отырықшы халықтардың болмысын түсіндіру үшін құрылған және көшпелі қауымдардың қалыптасу табиғатын түсінуге қолайлы емес.

Д. Сниздің жұмысы автордың көшпенді мемлекеттіліктің табиғаты жөніндегі істеротиптер мен мифтерді бұзуға талпыныс жасауымен қызығушылық танытады. Жұмыс түрлі дереккөздер мен жеке далалықзерттеулер материалдары негізінде жазылған. Автор көшпенділерде мемлекеттілік қалыптасқанға дейін билік ақсүйектер арасында бөлінген мемлекеттілік формасы болғандықтан көшпенділердің рулық қоғамы жөніндегі түсініктер қате деген тұжырымға келеді. Жаңа теория одан әрі дамытуды талап етеді, дегенмен оның болашағы зор.

Түйін сөздер: көшпенділер, басшылық, мемлекеттік, номадизм, ақсүйектер, ұлттық-құрылыс, конструктивизм

A.A. Galiev¹

Doctor of Historical Sciences, Professor

¹ Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan.

MODERN TRENDS IN THE STUDY OF NOMADS AND NOMADIC STATEHOOD

Summary

The nature of nomadic societies could not be explained by Marxist formational theory. After the collapse of Soviet Union, it became clear that this ideology is not correct. The process of national construction in the post-Soviet states was accompanied by a growing interest in history. However, since the Marxist methodology could not explain many historical processes, the researchers applied Western theories. Thus, the works on history of nomadic peoples written based on these theories are of particular interest.

The monograph by Grigol Ubiria is written in the framework of constructivist understanding of history and is devoted to the study of nation-building in Kazakhstan and Uzbekistan. The main idea of book is that Uzbeks and Kazakhs are two constructs created by Moscow political strategists. The book also aims to reconsider Kazakh and Uzbek historiography of Soviet period in terms of that national collective identity of Kazakhs and Uzbeks developed long before the Soviet period. In our opinion, the author's conclusions concerning the history of formation of Kazakh people and the Kazakh Khanate are artificial and contradict factual material. This book can be evaluated as a mechanistic application of constructivist theory, since it was created to explain realities of settled peoples and is not suitable for understanding the nature of nomadic communities formation.

The work of D. Sneath is of interest, since the author attempted to break stereotypes and myths about the nature of nomadic statehood. The work is written on the basis of various sources and field studies. Author comes to conclusion that notions of pre-state patrimonial society of nomads are erroneous, since they had such a form of statehood where power was distributed among aristocracy. The new theory needs further development, but it has great prospects.

Keywords: nomads, chiefdom, statehood, aristocracy, nation making, constructivism.

**ТАРИХ ТОЛҚЫНЫНДА
В ПОТОКЕ ИСТОРИИ
IN THE STREAM OF HISTORY**

ӘОЖ 323.3(09)

Ә. Дәулетхан¹

¹Ежелгі және орта ғасырдағы Қазақстан мен іргелес елдер тарихы бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, т.ғ.к

**БАТЫС ТҮРІК ЖӘНЕ ТҮРКЕШ ҚАҒАНАТЫ ТҰСЫНДАҒЫ
МЕМЛЕКЕТТІК ЛАУАЗЫМДАР МЕН ШЕНДЕР**

Аннотация

Мақала осыған дейінгі зерттеушілер назарына аса іліге қоймаған Батыс түрік және Түркеш қағанаттары тұсындағы мемлекеттік лауазымдар мен шендердің пайда болу, қалыптасу жағдайы және олардың этимологиясы жөніндегі ізденістерге арналған. Аталмыш лауазымдар мен шендердің мағынасы жалпы түркілік әрі қазақтық мемлекеттік дәстүр жалғастығын көрсетеді.

Түйін сөздер: Шан үй – Тәнікүт, қаған, хан, Шад, тегін, түтүк, тархан, Шор, Еркін, Елтебер, Дало бян, қыран-сайыпқыран, Ел қаған, Бөрі қаған, Ышбара, өжелі, сұлу, т.б.

Бұл тақырыпты зерттеп-зерделеу үшін қалай болғанда да сөзді түріктер құрған үлкенді-кішілі қағанаттар мен хандықтар арасындағы дәстүр жалғастығынан бастамай тұра алмаймыз. Хұндар мен көктүріктердің ұлттық-мемлекеттік құрылымын жан-жақтылы зерттеген Л.Н. Гумилев нақтылап айтқандай «Түріктердің қоғамдық тұрмысы мен әлеуметтік институттарының маңызы зор: ел, еншілік-тәспихтық жүйе, шендер иерерхиясы, әскери тәртіп, елшілік үрдісі сол сияқты көршілердің идеологиялық жүйелеріне қарама-қарсы қоя алатын мұқият әзірленген дүниетанымдарының болғаны таң қалдырмай қоймайды» [1, 13-б.].

Біз тарихшы Л.Н. Гумилевты таң қалдырған түріктердің әлеуметтік институттарының мемлекеттік құрылымдарындағы шендер-лауазымдар иерерхияларының пайда болу, қалыптасу барысындағы дәстүр жалғастығынан бастамақшымыз.

Тұтастай алып қарағанда Шығыс түрік қағандығы мен Батыс түрік қағандығының мемлекеттік басқару жүйесі негізінен ұқсас болған еді. Қағандықтың ең жоғарғы билеушісі қаған деп аталды. Ол бүкіл елдің иесі, елдегі барлық қарулы күштердің ең жоғарғы қолбасшысы болды. Қағандықты басқаратын әр дәрежелі лауазымдардан яғу, тегін, шад, еркін, тархан, бек, бұйрық, чор, елтебер, түтүк деп, ал Орданы басқаратын адам «үй қағаны» деп аталды. Түрік қағанаттарын Ашина тайпасынан шыққан ақсүйектер биледі. Қағаннан кейін яғу, тегін, шад лауазымдарына қағанның балалары мен туыстары ғана ие болды. Олар қағандыққа қарасты тайпаларды биледі әрі өздеріне бөліп берілген әскери құрамаларға қолбасшылық жасады.

Түрік мемлекеттеріндегі мұрагерлік мәселесі тарихтың түрлі кезеңдеріндегі саяси, әскери және дипломатиялық қарым-қатынастардың өзгермелі жағдайына байланысты өзгеріп отырғанын көреміз.

Мәселен: Мете қаған құрған ұлы империяда қалыптасқан дәстүр бойынша қаған тағы тек әкеден балаға мұра болып қалушы еді. Тарихи жазба деректердің айғақтауынша Мете қағаннан кейінгі 8 қаған тек әке-бала арасындағы мұрагерлік жолымен таққа отырған болса, бұл дәстүр бұзылып басқа адамдар қаған тағына таласқан тұста мемлекет аласапырандыққа ұшырап, әлденеше хандықтар пайда болып жатты. Хұндардың ұрпақтарына жатататын көктүріктер құрған қағандықтар тұсын да дабилік атадан-балаға мұрагерлік жолымен ауысып отырғаны белгілі. Алайда Батыс түрік қағандығының соңғы кезеңдерінде және түркеш қағандығы тұсында мұрагерлік атадан-балаға жалғасу дәстүрі жалғаса бермеді. Былайша айтқанда ағадан – ініге, тіпті аса ықпалды ру-тайпадан шыққан чорлар мен еркіндер де елтеберлер мен түтүктер де өздерін қаған деп жариялауға дейін барып жатты. Билік үшін таластар ішкі алауыздықтар мен қанды қырғындарға ұласып мемлекет ойран болғанына тарихи жазбалар куәлік береді.

Қытай жазба деректерінде ұлы Хүн державасын құрған Мете қаған (Мо ду Шаниүй) елін төрт қанатқа бөліп басқарған. Мемлекеттің Ортаңғы бөлігін өзі басқарса, өз ұлдарынан тағайындалған сол Білге хандар елдің Шығыс бөлігін (ұлы Өкиянға дейін) басқарса, Хүн территориясының батысын басқаратын Оң қол Білге хандар да қаған ұлдары болатын. Ал, шалғай Батыстағы бағындырылған елдерді Батыс хан деген ерекше мәртебеге ие хандар басқарған.

Жалпы алғанда Хүн державасын 24 дәрежелі мансаптылар басқарып ұлы қағанға тікелей бағынышты болған. Олар шамамен сол қол Білге қаған, оң қол Білге хан, ябғу (бас уәзір), сол қол құтығу, оң қол құтығу, сол қол хан, оң қол хан, сол қол үлүғ санғұн (генерал), оң қол ұлы санғұн, сол қол ұлық түтүк бек, оң қол ұлұқ түтүк бек, сол қол ұлұқ қазына бек, оң қол ұлұқ қазына бек, батыс хан, түмен басы, мың басы, жүз басы, он басы т.б. деп аталған. Ал, түрік қағанаттары тұсында тағайындалған әр дәрежелі лауазымдардың атауларында кейбір өзешеліктер болғанымен күкүқтық, һәм билік аясында үлкен өзгеріс болмағанын байқауға болады.

Қытайдың «Жоунама Түріктер жөніндегі баянында» «Қаған ежелгі хұндардағы Тәніркүт – Шаниүймен тең дәрежелес еді» деп жазылған болатын.

Тарихшы Лин Ганның анықтамасында «Қаған деген атты түріктер ойлап тапқан емес, ол б.ж.с бойынша IV ғасырдың соңы мен V ғасырдың басында тарих сахынасына көтерілген жүржандарда болған. «Вейнаманың 103 орамында (Жүржандар жөніндегі баян «Сәллан өзін Чудба қаған деп жариялады. Қаған дегендік вейліктердің тілінде падишах дегенді білдіреді» деп жазылған. Осы мазмұнды толықтыра түсетін деректе «...Жүржандардың билеушісі Сәллан өзін қаған деп жариялаған еді, енді түріктер де осы атауға мұрагерлік етті», – деп жазғанына қарап қаған атауының тарихынан хабар табамыз.

Көктүріктердің билік жүйесі хұндардың елді төрт аумаққа бөліп басқаруын өзгертіп үшке бөліп басқарғаны белгілі. Қағанның балалары мен інілері «тегін» деп аталды, бірақ кей жағдайларда қағанның жиендері де тегін деп аталғанын (Иоллық тегін), басқа тайпалардың әскер басыларын «шад» деп аталса да шадтың балалары да тегін деп аталатын жағдайлар да болып тұрған.

Лин Ган деген атауды ойлап тапқан да түріктер емес дегенді Қытайдың «Лояң ғибадатханасы естеліктерінің 5-орамына сілтеме жасап V ғасырдың соңына ала эфталиттердің арасында да тегін деген лауазым атауы болған» деп жазады.

Толыс шад және тардуш шад лауазымдарын түрік қағанаттары тұсында жиі қолданғанымен оның билігі мен орналасу жағдайының өзгеріп тұрғаны есте болуы керек екенін де білу керек.

Тарихшы Ма Шаңшоудың талдауларына негізделген Лин Ганның «Моңғолиядан табылған түрік жазбаларындағы мәңгі тастарға кіріспесінде» Шадтан екеуі бар, бірі империяның Шығыс жағында тұрып Tolis (Толшад) деп аталады. Тағы бірі Батыс өңірде тұрып Тардуш деп аталады.

...Түрік хандығы Шығыс, Батыс деп екі районға бөлінген, шығыстағысы Толшад районы, батыстағысы Тардуш районы деп аталады. Әр қайсысына бірден шад тағайындап билігін жүргізеді» [2, 92, 100-б.], – деп жазады.

Есте боларлық бір нәрсе Түрік қанаттары тұсындағы билік пен лауазым аттарының өзгеріп тұратындығы еді. Мәселен: қағанаттың батыс аймағын билейтін мансаптыларды жабғу (ябғу) деп атайтын. Оның себебі батыс түріктердің билеушісі Естемидің атасы үлұғ жабғу деп аталған. Сондықтан Естемиді Бахадур ябғу деп атаса, одан кейінгі билеушілерін бәріне дерлік ябғу қаған деген қосар атпен атайтын болған. Мәселен: Тонябғу қаған, Езябғу қаған, Шпараябғу қаған т.б.

Жазба деректердің куәландыруынша Шығыс түрік қағанатында «Толшад» лауазымы жиі қолданылса, батыс түрік аумағында «ябғу» үздіксіз қолданылған көрінеді.

Сондай-ақ қағандыққа ябғудың мұрагерлік құқы басымдыққа ие болған. Бұл жөнінен алғанда Хүн дәуіріндегі Тәңірқұттың тақ мұрагері ретінде заңдастырылған сол қол Білге хандық дәрежеге ұқсап кететіндігі байқалады.

Түріктің «Шад» деп аталған сөзін қытай жазбалары sha түрінде таңбалаған. «Шад» жергілікті мансапты болса да билігі едәуір жоғары болып бір өңірге билік жүргізуші еді. Бұл жөнінде зерттеу жүргізген қытай тарихшысы Лин Ган Қапаған қаған көне қағида бойынша қаған ордасынан басқа қарамағындағы аумақты сол жақ (шығыс бөлік) және оң жақ (батыс бөлікке) бөліп екеуіне екі Шад тағайындады да әр қайсысына 20 мыңнан әскер беріп қарамағындағы өңірді қорғауға міндеттеді. Қапаған қаған өзінің ұлы Бөгуді кіші қаған етіп тағайындады, оның орны екі Шадтан жоғары болды. Демек Шадтың билігі қанша зор болғанмен кіші қағаннан төмен тұратыны белгілі еді» [2].

Есте болар тағы бір нәрсе «Тегін» мен «Шадтың» құқықтық ара қатынасына байланысты болмақ. Шад әскерді басқаратын мансапты болса, тегін тек қаған балалары мен інілеріне берілетін құрметті атақ болғандықтан оларды билік орнына тағайындағанға дейін нақтылы билік жүргізу құқы жоқ болатын. Оның бір мысалы ретінде Күлтегіннің Қапаған қағанның ұлы Бөгуді өлтіріп, оның ағасы Білге қағанды қаған қылғаннан кейін өзі Сол қол Білге хан болып әскери үкүқты өткізіп алды. Демек, оған дейін Күлтегінде әскерді басқару құқы болмағандығын көруге болады. Көктүріктер қағандығы тарихында бұл жағдайдың әр қағанның билік жүргізу қажеттілігі тұрғысынан әрқалай өзгеріп отырғаны да шындық.

Тарихшы Н. Мыңжанның Батыс түрік қағандығындағы билік баспалдақтары туралы зерттеулерінде қағаннан бастап төменгі ру-тайпа басшылары бектерге дейін 28 дәрежелі лауазым иелері болғанын, бұларда билік атадан – балаға мұрагерлік жолымен ауысып отырды. «Таң патшалығының ескі тарихы, Түрік шежіресінде – Батыс түрік қағандығының халқы Дулы (Дулат), Нүшбе, Қарлық, Чөре, Шымыр, Үбір тағы басқалар. Олардың ғұрып- әдеттері түріктерге ұқсас, тек тілдерінде ғана азғана айырмашылық бар, оларды билейтін ябғу, тегіндер әдетте түрік қағанның балалары, яки туыстары... Бұл лауазымдардың барлығы атадан – балаға мұра болып қалып отырады», - деп жазады.

Батыс түрік қағанатына қарасты ру-тайпалар өз ішінен екі қанатқа бөлінгеннен бастап билік жүйесінде де үлкен өзгерістер болды. «Таң патшалығы тарихы, Түрік

шежіресінде» ол туралы былай жазылған: ...Шбара Хилаш қаған тұсында жасалған реформа нәтижесінде екіге бөлінгенде бес тайпалы Дулат сол қанат, ал бес тайпалы Нүшбе оң қанат деп атала бастады. Бұл иеліктердің шекарасы Шу өзені болды. ...Сол қанат тайпаларының билеушілері «Чор» деп аталды да, оң қанат (оң шадыпыт) тайпаларының билеушілері «Еркін» деп аталды. ... Бұл тайпалардың аттары артынан олардың бастықтарының аты, одан кейін бұл бастықтың лауазымы тіркеліп жазылған. Мысалы: «Түркеш алаш – чор» деген тіркестегі «Түркеш» тайпаның аты, «алаш» осы тайпаны билеуші адамның аты, ал «чор» осы адамның лауазымы (мәнсабы) «Азғыр-Нижүк-еркін» деген тіркестегі «Азғыр» тайпаның аты, «Нижүк» тайпа билеушісінің аты, ал, «еркін» сол адамның лауазымы» [3, 165, 164, 171-172-бб.].

Жоғарыда сөз болған лауазымдар тегіл, ябғу, шад, чор, еркіндерден басқа тудүн, апа, елтебер, тархан, яғұнда қатарлы он неше лауазым иелері болды. Бұлардан тудүн (түтүк) лауазымдар бағындырылған жат елдерді билеп-төстеуге жіберілген ерекше үкүкқа ие мансапты болды. Мәселен: шібилерді «түріктер ылғи да үш түтүкты жіберіп басқаратын еді» деген сияқты жазба деректер жиі кездеседі.

Батыс түрік қағанатындағы лауазымдылар қатарында аталатын елтебер, яғұнда дәрежелі мансаптылар өкіметтің саясат белгілеу, әкімшілік істерді жөнге салу қатарлы бас қосуларға қатысып отыратын болған. Атап айтқанда, елтебер, яғұнда дәрежелі мансаптылар барлық уақытта мемлекеттік істер кеңесіне қатынасады, басқалары Шығыс түріктердікіне ұқсап кетеді» [4] делінген.

Осы арада, түріктердің мәнсап лауазымдары жөнінде жазылған қытайдың «Жоунама», «Сүйнама, солтүстік династиялар тарихы», «Билік ғибратнамасы», «Көне таңнама», «Жаңа таңнамалар мен «Кітаптар жауһары» қатарлы Орда жазбаларында онша анық түсініктемелер беріле қоймағанын, тек «Билік ғибратнамасының» 197-орамындағы жазбалардан біршама анық мағлұмат алуға болатынын ескеріп оған арнайы орын беруді жөн көрдік.

Түрік халықтарының әр дәуірдегі мемлекеттік лауазымдары мен әскери шендер баспалдағының шығу тегі, мән-мағынасы жөнінде мыналарды баса айтқымыз келеді. Әлемдік соғыс өнері тарихында ұлы жаңалықтар ашып, ұлы қағанаттар құра алған баба түріктер тапқырлаған әскери құрылымның ондық, жүздік, мыңдық, түмендік жүйесіне лайықты әскери атақ, шендік дәрежелер атауын да ойлап тапқаны анық. Бірақ көп жағдайда ол ат-атаулардың этимологиясы мен қоғамдағы орны жөнінде білеріміз шамалы.

Осы күңгірт, көмескілікке сәуле түсіру жолындағы ізденістерімізді саралай келе бірқанша болжамдар мен түйінді пікірлерімізді ортаға шығаруды жөн көрдік.

1. Сонау Хүн-үйсін, Қаңлы-кидан мемлекеттері тұсында қолданыста болған лауазымдар мен әскери шен атауларынан басталатын ат-атаулар тарихын қарастыра келе үзілмеген дәстүр жалғастығы болғанын назарда ұстау керек екендігі. Оған нақты дәлел ретінде М. Қашқаридың әйгілі «Түрік сөздігіндегі» Афрасиябка қатысты берген анықтамасын ұсынамыз.

«Тоң-тоңа жолбарыс текті бір аң, ол пілден күшті... Бұл сөз түріктерде әуелгі мағынасы өзгерген күйде қолданылады. Бұл сөз көбінесе адамдарға лақап ат орнында айтылады. Тоңа хан, Тоңа тегін, түріктердің ұлы ханы Афрасиябты Тоңа алп дейді. Жолбарыс секілді күшті, батыр адам дегендегісі. Шад – батыл жүректі, жүректілік дегенді білдіреді. Ал, «тегіл» лауазымы әу баста «құл» мәнінде қолданылған, кейін хақан балаларының лақабы болып кеткен» [5, 379, 474, 493-бб.].

Кешегі құлдың хақан ұлдарына лақап ат болып кетуінің де өзіндік тарихы бары күмәнсіз. Түріктердің аварларға темірші құлы болып жүрген дәуірден қалған

қаря сөз болар деп те болжал айтуға болады. Ал, тоң-тоңа лақабына басталған алп арыслан, бұғырларды лақап ат ретінде қолданған. Көк түріктер мен ұйғыр- түркеш-карлұқ-қарахан қағанаттары, тіпті Селжұқ Осман түріктері тұсында да жаппай қолданыста болғанына тарих куә.

2. Есте жоқ ескі замандардан басталған лақап ат қолданудың көк түріктер құрған екі қағанат тұсында қандай мағынада, қалай түрленіп, қалай жалпыласқаны жөніндегі қытай тарихшысы Линганның «Ту жуе шы» (Түрік тарихы) келтірген тарихи жазба деректің мән-маңызы ерекше деп қараймыз.

«Бумын өзін Ел қаған деп атады. Ол ертедегі хұндардың шаниүйі (тәңірқұт, ойсеңгір) дегенімен дәрежелес болды. Ал әйелінің құрметті аты хатун делінді. Ол да хұндардың алшы-бәйбіше (ян жы) дегенімен дәрежелес еді. Ұлдары мен інілері тегін деп аталды. Басқа тайпалардың әскеріне қолбасшылық жасаушыларды шад деп атады.

Мұнан кейінгі билік мансаптылар чорук чор, одан кейінгісі апа, Елтебер, одан кейінгісі түтүк (туду), одан кейінгісі еркіндеп аталатын. Алғашқы кезде түріктердегі мемлекеттік мансаптылардың саны шамамен оншақты болатын. Олардың кейбіреулері дене бітіміне, жас-кәрісіне, түр-түсіне қарай, шаш-сақалына қарай, ал кейбірі арақ-шарап, ет мәзіріне қарай және жыртқыш хайуанаттардың атымен аталушы еді. Олардың қайтпас батыр тұлғаларын Ышпара немесе Баһадүр-батыр деп әспеттей атайтын. Семіз төртбақтарды сан дало, далобян даруға дегені шарап құмырасы дегені, ондай адамның бойы аласа, жуан тұғырлау болып келеді, бұлар ежелден бері өте сыйлы атақ болғандықтан, ол тек олардың ұлдары мен інілеріне ғана берілетін болған. Олар жасамыштарын гели (меніңше ол кәрі, қария, егде, ақсақал деген мағынаны білдірсе керек – *Ә.Д.*) деген лауазыммен аталған бұрыннан гели да гуан (тағпан) деген шен болған Ал, әскер ұстап қол бастағандарды хелеан (қыран, сайыпқыран) деп атаған, бұрыннан хелан сунй сайыпқыран әскербасы, чор әскербасы – *Ә.Д.*) деген құрметті шен бар еді. Қара түстілерді қара чор деп атайтын. Ал, осы қара чорлардың шені өте жоғары еді әрі жас мөлшері де үлкендеу болушы еді. Сақал-шашына қарай сөге сақал дегеннен сақалды түтүк дейтін әскери лақап шен пайда болған. Ондайлар көбінше аймақтарды билейтін мансаптылар болатын. Арақты бекіні дейтін, осыдын бекіні раха деген мансап аты пайда болған. Рахалар заңсыздықтармен күресіп қоғамдық тәртіпті сақтауға жауапты болды. Етті ет дейтін, сөйтіп «ет жөні» деген мансап та болған. Ол да мемлекеттік істерді басқаратын мансапты есептелген. Бөрі қаған деген де мансап тағайындалушы еді. Бөрі – жыртқыш қасқырдың аты, ол тәңірі шадтың лақабынан пайда болса керек. Қағаннан кейінгі жабғу және олардың отбасындағы үрім-бұтағының бәрі қағанның мұрагерлері деп қаралатын. Түріктерде тек мұрагерлер ғана қаған тағына отыра алатын» [6, 55-56-бб.].

Жоғарыда молынан келтірген сілтемеден өзімізге қажетті бірқанша жауаптар табуға болады.

1. Алғашқы Түрік қағанатының негізін қалаушы Буміннің Ел қаған атануында күні бүгінге дейін әр ел тарихшылары мен түркологтары әрқалай талдап түсіндіргісі келсе де бірлікке келе алмаған түйіндердің шешімі түр деп қараймыз. Өйткені, Орталық Азия халықтары қоғамында еурословяндық «State», «Res Publica» «Государства, арабтардың «мамлакет», парсылардың «давлати» термині қолданысқа кіре бастағанға дейін түріктердің саяси өмірінде «ел», «ұлыс» атауы қытайдың «го - славяндардың «государство»- сы сияқты мемлекет деген ұғымды білдіріп келген болатын. Оның нақты дәлелі ретінде Күлтегін (үлкен) жазуындағы «Елім бар халық едім, елім енді қайда? Қағаны бар халық едім, қағаным енді қайда?» дейтін жалынды сөзін келтіруге болады. Мұнда ел – мемлекет, қаған оның

жоғарғы заңды билеушісі ретінде қолданылып тұр. Сондықтан да болар Л.Н. Гумилев «Ел» атауын латынша «imperium», орысша «держава» атауымен тепе-тең мағынада қолданса, М. Қашқари «Түрік сөздігінде» «il» (ел) сөзін «мемлекет» деп аударыпты.

Осыған дейін айтылғандарды қорытар болсақ V-VI ғасырларда түрік қоғамы қандастыққа негізделген қауымдық құрылымнан аумақтық басқару жүйесіне негізделген мемлекеттік жүйеге көшу барысы аяқталып, мұрагерлікпен сайланатын хандық жүйеге көшіп, төтенше билік жүйесі орныға бастағанын айтуға болады. Онда да төңірінің ықпалына бөленген күш иесі ғана хан сайланатын еді.

Қаған бас билеуші ретінде мынадай міндеттерді атқаруға тиісті болды:

– Мемлекетке қарасты барлық жер-судың иесі болғандықтан елін сырт жаулардан қорғауға міндетті еді.

– Қарулы күштердің бас қолбасшысы болғандықтан соғыс жариялау, бейбітшілік орнату да оның міндеті болатын.

– Жоғарғы сот міндеті де оның құзырында болғандықтан баршаға бірдей орындауға міндетті заң, жарлық шығарып, қоғамдық тәртіпті реттеуге міндетті болды.

Мемлекеттің қағаннан кейінгі басшылары жабғу, шад, тегін, бұйрық, елтебер, еркін, түтүк, тархан қатарлы әр дәрежелі (28 дәрежелі) мансаптылар басқаратын алып елді қағанат – держава демей не дейміз?

Түріктер құрған үлкенді-кішілі мемлекеттік құрылымдардағы лауазым – шендік дәрежелердің этимологиясы мен шығу тарихын жете білмеген әр ел тарихшылары түрліше болжалдар айтысып жұртты шатастырып келуінің себебі, біріншіден түріктер құрған хандықтар мен қағанаттардың дәстүр жалғастығын сонау хүн-үйсін, қаңлы заманынан, түркеш, қарлұқ-қарахан мемлекеттеріне дейін қолданылып келген лауазымдар мен әскери шен-дәреже атауларының негізінен бір-біріне аздаған өзгерістермен ғана қолданыста болып келгенін мойындағысы немесе түсінбегендігінен деуге болады. Түріктерді жақсы біледі делінген қытай орда бітікшелерінің өзі негізінен әскери рапорттармен саудагерлер және саяхатшы атын жамылған тыңшылардың айтуы бойынша қағазға түсіріп ру-тайпа, тіпті жер-су аттарын, мансап лауазым атауларымен шатастырып тарихшыларды да шатастырған жағдайларға жиі тап боламыз.

Екіншіден қалыптасқан дәстүр бойынша қағаннан бастап әр дәрежелі мемлекеттік лауазым иелері мен әскери шен иелерінің аттары, шен-дәрежелері олардың жастық шағынан бастап атқарған қызметтеріне, билеген аумағының үлкейіп-кішірейуіне, орнының ауысып отырғанына қарай бұрынғы ат-атақтары түсіп қалмай, жаңасына қосыла тіркеліп айтыла, жазыла беретін еді.

Мәселен, өз аты белгісіз болса да таққа отырғанда *ixbara tigix izvagan* деген лауазымға ие болды. Мұндағы *xbara* – айбынды, *tigix* – біріктіру, ынтымақтастырушы қаған деген ежелгі түрік сөзі еді. Оның қаған болғанға дейінгі аты-жөні, лауазым-шендері өз алдына бөлек нәрсе. Түріктерде жиі қолданылатын арслан, бұғра т.б адам аты емес, қағандық дәреже – лауазым болатын.

Түркеш қағанатының мемлекеттік құрылымы мен билік жүйесіне тән лауазымдар және шен баспалдақтары қандай болған?

Түркеш қағанаты (692-766) Батыс түрік қағанаты ыдырағаннан кейін, соның аумағында құрылған мемлекет болғандықтан, ол мемлекетті құрысқан этникалық топтар мен аумақтық шектерінде үлкен өзгеріс бола қойған жоқ. Қағандықтың негізгі тұрғындары бұрынғыша «он оқ халқы» деп аталса да мемлекеті қытай жазба деректерінде «Түркеш қағандығы» - Ту ши шы хан го деп, ал ел билеушісісін (ке хан) қаған деп хатталды. Ал, Орхон тас жазбаларында «он оқ бүдүн», «Түркім, өз

халқымнан еді» деп жазылғанын білеміз. Олай болса, ғасырға жуық өмір сүрген түркеш қағандығы өзінен бұрынғы түрік қағанаттарынан нелерді мұра ретінде қабылдады және өз тарапынан қандай жаңалықтар енгізді. Ол ат-атаулардың пайда болуымен этимологиясы жөнінде тоқталып өтудің қажеттілігі бар.

Түркеш қағанатының қоғамдық құрылымы мен билік жүйесі жөнінде арнайы зерттеу жүріле қоймаса да, Шығыс түрік қағанаты мен Батыс түрік қағанаты аясында жалпылама «рулық-тайпалық мемлекет», «күл иеленуші мемлекет», «патриархалды феодалдық-әскери мемлекет» ретінде қарастырылып келді. Л.Н. Гумилев қана «әскери демократия үстемдігіндегі феодалдық құрылым» ретінде айшықтады.

Түріктердің ең жоғарғы билеушісі Батыс түрік қағанаты кезіндегідей елдегі барлық қарулы күштердің бас қолбасы, ел мен жердің иесі ретінде мойындалды. Қағандықты қағаннан кейінгі билік басқыштары бойынша ең төменгі қызметтерге дейін әскери шенді адамдар басқарып отырды.

Қағандық негізінен бұрынғыша әкеден – балаға немесе ағадан ініге мұрагерлік жолымен басқарылды. Алайда сол тұстағы өзгермелі жағдайларға байланысты мұрагерлік тәртібі бұзылып, жаңаша басқару жүйесі қалыптасып отырғанын да атап отыруға тиіспіз.

Тарихшы Н. Мынжанның зерттеулерінде: «Өжелі түркеш ұлыстарын біріктіріп басқару жүйесін қалыптастырады, өзіне қарасты елді әрқайсысында 7000 тұрғыны бар 20 әкімшілік аймаққа айырды. Бүкіл ел оң қанат және сол қанат болып екі үлкен ұлысқа бөлінеді», – деп сол заманда-ақ әкімшіліктің аймақтық құрылымы пайда болғанын айтады.

Тарихшы мұндай тұжырымға қытай жазба деректерінде кезігетін «...қол астына 20 уәли (Ду ду) ұстап, оларға жеті мыңнан әскер беріп, Суябтың батыс жағына шоғырландыра орналастырды», – деген сілтемеге негізделеді.

Осыларды назарда ұстай отырып, біз Түркеш қағанаты құрылған алғашқы кезеңде соғыс жағдайының талабына қарай «он оқ халқы» алғашқы әскери-әкімшілік құрылым бойынша басқарылған деген қорытындыға тоқтаймыз. Ал, Сақал қаған өзін «он төрт арыс елдің Алып Білге қағаны» деп жариялаған 708-жылдан былай қарай (тіпті 705 жылдан бастап) ел билеудің дәстүрлі түркілік үрдісін қалпына келтіру үшін қағанат аумағын үлкен-кіші хандыққа бөліп басқаруға кірісті.

Сонымен бірге бағынышты елдерді билеуге бақылаушы түтүктар тағайындау дәстүрін де қалпына келтірді.

Түтүктардың негізгі міндеті бағынышты елдердің аумағына бақылау орнату, міндетті алым-салықты дер кезінде жинап, ордаға жөнелту, ішкі тәртіпті сақтау, бүлік шыға қалса жаныштап, тыныштандыру, жергілік бектер мен ақсақалдармен сәйкесіп билікті нығайту болатын. Бақылаушы түтүктардың билігі әкеден – балаға мұрагерлік жолымен ауысатын.

Көктүрік қағанаты тұсында қалыптасқан дәстүр бойынша түтүктар Асана (Ашина) ханзадаларынан тағайындалып келсе де Шбара Теріш қаған (634-636) жүргізген реформадан былай қарай «он оқ елін» құраған Бес Дулатты асана әулетінен шыққан Шад-Тегіндермен тең дәрежелі бес Шор, ал, бес Нүшбені бес Еркін билей алатын болған. Сондықтан да шорлар мен еркіндер бағынышты елдерді билейтін түтүктар болып заңдастырылды деуге болады. Ал, елтебер – Эи Ли фа) Уан хүн да деген лауазымды адамдар «мемлекет адамы» немесе мемлекеттік істерді талқылайтын үлкен құрылтайларға қатысып, шешуші дауысқа ие болды. Бұл жағынан Шығыс түрік қағанаттары тұсындағы ел билеу дәстүрінен өзгеше жаңалық еді.

Ал, Батыс түрік елінің билігі түркештердің қолына өткелі бері барлық жоғары лауазымдар тек шорлар мен еркіндер, тархандар мен тушылардың Ду можы еншісіне айналды. Жоғарыда атап өткеніміздей шорлар Бес Дулаттан шықса, Бес еркіндер нұшбелерден шығуы ресми заңдастырылғандықтан Сақал қаған тұсында бағынышты елдерге жіберілген тұтұқтар өздері тән болған рулардың атымен мәселен, Шимойын Луи чор, Қойлау кулуч чор, түркеш Алаш чор немесе Касо Күл Еркін, Барысхан Тон Ашбар Еркін ұлысы деген сияқты аттармен аталатын болды.

Алайда Түркеш қағанаты тұсындағы мемлекеттік лауазымдар мен әскери шендер әсіресе қағанның мұрагерлік жосындары қатаң сақтала бермеді. Оның басты себебі ретінде атап өтеріміз ғасырлардан бері тұтас түркіні мұрагерлік жолмен билеп келген Асана әулеті тақтан шеттеліп, қасиетті тақ басқа бір әулеттің қолына заңсыз өтіп кеткендей жатырқаушылық орын алды. Отаршыл Таң патшалығы осы жағдайды пайдаланып, қытай ордасын паналап жүрген «Тәбғаш қағандар әулетін» түркеш тағына отырғызуды сылтауратып қалың әскермен аттандырып ішкі соғысты қолдан ушықтырып отырды. «Он оқ халқын» бір-біріне айдап салып қуыршақ қағандары арқылы өзіне бағындырғысы келді. Әлденеше ондаған жылдарға созылған осындай арандатулардың кесірінен күдіретті қағандық іштей кара және сары болып жауласу арқылы елдігінен, мемлекеттілігінен айрылды.

74 жылдық түркеш қағанатының тұсында пайда болған, сан өзгеріске ұшыраған мемлекеттік лауазымдар мен шен баспалдақтарын саралап шыққанда төмендегідей қат-қабат өзгерістерге куә боламыз.

1. Қағандық тақта отырған ел билеушілерінің аттары мен лауазымдары негізінен дәстүрлі түркілік сыйпатта болғанымен қытай орда бітікшілері өздерінің тілдік әрі орда әкімшілік лауазымдарына бейімдеп қағазға түсіргендіктен әу бастағы түріктік формасы да, мазмұны да өзгеріп кеткендігін ескеріп, байырғы атауларын қалпына келтіру керек деп есептедік. Қытай орда жазбаларында Түркеш қағандарының аттары қайсы, лауазымы қайсы екенін айыру көп жағдайда зерттеушілерді шатастырып келді. Бірер мысал келтіре кетейік.

Баға тархан – қытайша Мохо Даган деп аталған осы адам түркеш қағанатындағы аса жоғары лауазым иесі, былайша айтқанда уәзір – әскер басы дәрежелі болды. Қытай жазба деректерінде адам аты ретінде де қолданыла береді. Түркеш қағаны Өжеліні Баға тархан деп Сұлұқ қаған тұсындағы әскер басы да Баға тархан болып қағазға түскен. Алайда Баға тархан ешқашан да адам аты болған емес.

Тағы бір мысал ретінде түркеш қағанатының шаңырағын көтерген Өжелі қағанға қатысты жазбаларды қарастырсақ, Өжелі 692-706 жылдар билік құрған Қытайлар оны У жыле (Лей) түрінде таңбалаған. Оны Л.Н. Гумилев «Мохо даган» деген құрметті атағы бар Үшжеле деп атаса, «Қазақстан тарихының» 1-томында (1996 ж) «Үш жыл-үшлік» деп жазды.

Ал, Н. Мыңжан «Қазақтың қысқаша тарихында», «түркештердің көсемі Өжелі (Өгелі) деп қазақшалады. Ал, ұйғыр ағайындар Шин жияң Халық баспасынан 1990 жылы басып шыққан «Хензуче – ұйғурче тарихи аталғұлар лұғыты» сөздігінде «Үжіл» деп жазыпты.

Жоғарыда мысал ретінде әр елдің өз тілінде жазылып жарияланған нұсқаларын мазмұны бойынша қарастырып немесе төркінін қуалай қарастырғымыз келсе де одан ешбір мән-мағына таба алмадық. Тарихшылар мен аудармашылар ешқандай анықтама-түсініктеме берместен жоғарыдағыдай сыңайда жаза салғанын көреміз. Осы арада болашақ тарихшылар мен түркологтардың ізденістеріне түрткі бола ма деген ниетпен ойымызды ортаға салғымыз келіп отыр.

Қытайдың әр дәуір, әр жаңа династиялары тұсында қағазға түскен әулеттік шежірелері мен жылнамаларындағы өз көршілеріне қойған аттары және этнонимдердің мағыналарына қатысты зерттеулерін қарастырғысы келген адамдар мынадай үш түрлі жағдайдың парқын жете білу керек демекпіз.

1. Б.д.д. 1 ғасырдан бұрынырақ яғни қытай тарихының атасы Сы Машияңға дейін қағазға түскен ат-атаулар. Мұнда көбінше түп нұсқаға қатысты көрші халықтардың қолданысындағы қалпына жақындатып бере алатын үндес иероглифтерді тауып қолдану ұмтылысы байқалады.

2. Ұнамды да, ұнамсыз мағына беретін дыбыстас иероглифтерді парықтап жатпай әрқалай қолдана беру. Бір этнонимді немесе топонимді, кісі аттарына түсінік берместен әр жылнамашы өздерінше жаза бергендіктен тарихшылар мен зерттеушілерді шатастыру жиі болып жатады.

3. Қытайдың екі Хан династиясы (б.д.д. 206-23 жылдар мен б.д. кейінгі 25-220 ж.) және Таң патшалығы (618-907) тұсындағы хун, түріктер мен қытай қарым-қатынастарының жағдайына қарай қағазға түскен жазбалардағы астам державалық мәнер анық байқалады.

Көпшілікке белгілі шюң ну, гуипаң т.б. атаулар хұндар мен көршілес халықтарды кемсіту тұрғысынан ойлап табылған озбырлық екендігі, бөгде халықтардың аттарын таңбалайтын иероглифтердің бастаушы сызықтары ылғи да жыртықшай хайуандар мен ит-құстарды білдіретін жиынтық таңбалардан тұратыны тегін емес еді. Сондай-ақ жын-шайтан, жауыз, бандит т.б. мазмұн беретін иероглифтерді іздеп-тауып қолдану дағдылы іс.

Ал, қытаймен жақсы қарым-қатынаста болған күйеу балалар мен қытай жиендеріне қойылар аттар басқаша екендігін байқауға болады. Мұнда есте болар тағы бір түйткілдің бар екендігін елемеге болмайды. Біз қанша қазбалай қарастырсақ та қытай жазба деректерінде кездесетін бөгде халықтардың ел билеушілері мен сардар-санғұндарының өз аттары қандай болғандығын анықтаудың мүмкін еместігі. Сондықтан қытайлар қойған қағандар мен әр дәрежелі лауазым иелерінің атаулары адам аты ретінде қабылданып, кейде ру-тайпа атына телініп шатасады.

Мұндай шатасулардан зерттеушілерді құтқарған Орхон-Енесай тас жазулары мен Махмұт Қашқаридың «Түрік сөздігі» және XX ғасырдан былай қарай арнайы зерттеулер жүргізе бастаған жапон-қытай және еуропа мен түрік, орыс ғалымдарының еңбектері болды.

Біз өз тарапымыздан жүргізген зерттеулерімізге сүйене отырып, қытай-жазба деректеріндегі жат ел билеушілерінің өз аты ретінде қарастырылып келген сөздердің екі түрлі мән-мағынасы барын байқадық. Оның алғашқысы лауазым иесінің атын немесе мәнсап дәрежесін білдіретін атаудың дыбыстық баламасы бойынша таңбаласа, екіншісі – бөгде тілдегі айтылуының мағыналық аудармасын жасап таңбалайтын сияқты. Дыбыстық баламаға мысал ретінде хун билеушілері Тұман, Мете (Моду) дегендерді атауға болады. Ал, Түркеш қағанатының негізін қалаған Өжелі қаған мен, 4-5 жыл (711-715) елдігінен айрылып бас иесіз қалған «он ок елінің» басын қосып қуатты қағанат (716-738) құрған Сүлу (Сүлүк) қағандарды қытай орда бітікшілері мағыналық аударма қағидасы бойынша таңбалаған деп қарадық.

Қытай иероглифтері бойынша У жы лей болып таңбаланған үш иероглифті жеке-жеке зерделер болсақ мынадай мән-мағына бойынша түсіндіруге тура келеді: Wu- wu ya) 1) қарға, құзғын, 2) қара боран, 3) қайтып, қалай? деген мағына береді. Хан патшалығы дәуірінде «мекеме –айдауыл мекеме» деген мағынадағы қолданыста болса Таң дәуірінде « _____ » түрінде яғни қарғадай шашыраған, оңай тарқап кететін, ұйымшылдығы жоқ деген мағынада қолданылған.

Атаудың екінші иероглифі – жі, ақыл, парасат, ой, зерде, жаратылыс, қасиет мінез-құлық және барымта кепілге қою [8, 671-672-бб.] деген мағыналы сөз. Ал, үшінші құрамдағы иероглиф – ле-лей деп те оқылады, айтарымыз аталмыш түсіндірме сөздікте «Ле» ге: 1) ат басын тарту, тізгін ірку, тоқтау, 2) тежеу, мәжбүрлеу, зорлау, бұйыру, әмір ету т.б. анықтама берсе, осындағы «Лей» оқылымына «байлау, буу, тану, тарту деген анықтама беріліпті.

Міне, осыларды сарапқа сала ойланар болсақ, қытай орда бітікшілері түркеш қағандарының ат-атауларын түрік-түркеш халқының тіліндегі айтылымы бойынша қағазға түсірді деуге болмайтын сияқты. Өйткені, бұл ат-атаулардың қалай айтылып жазылғаны туралы нақты жазба дерегіміз жоқ. Сондықтан оны тарихшылар мен түркологтардың қалай құбылта (үшжеле-үшлік-иүзлүк Өжелі-Өгелі т.б.) баламалай аударғанында ешқандай тілдік немесе тарихи заңдылық жоқ екеніне көзіміз жетеді. Осыдан кейін «мағыналық аударма» жөніндегі ізденістеріміз басталды.

Жоғарыда жеке-жеке аудармасы берілген үш иероглифтің басын қоса топшылап көргенімізде жыл санауымыздың 630-682 жылдарындағы Батыс түрік қағандығы мен «он оқ бүдүнның» жағдайы өте мүшкілденіп қытайшыл «тәбғаш қағандар – қуыршақ қағандар» езгісінде торғайдай тозып, жемтік іздеген қарға күзғындай тентіреп кеткені тарихи шындыққа сәйкесетіндігі, кемеңгер Тоныкөктің «Түрік халқы елдігін жойды, қағандығынан айрылды. Табғаш халқына бек ұлдары құл болды, пәк қыздары күң болды. Түрік бектері түрік атын жоғалтып, табғаш бектердің табғаш атын тұтынып, табғаш қағанына бағынды. Елу жыл ісін, күшін берді» [9], – деп зарланатын 50 жылы болатын.

Осындай мүшкіл халде қалған «он оқ елінің» басын қосып, қуатты түркеш қағанатын құрып шыққан қағанды өз халқы түріктің қайсы марапат, мадақ сөзімен ұлықтағаны туралы нақты жазба дерегіміз болмаса да көк түріктердің тұңғыш билеушісін «ел қаған» деп атағанындай, кейінгі қағандардың біразының «ел етміш қаған, Ел теріш жабғу қаған, ел етміш Құтлұқ Білге қаған (İltimix guoatua İlga kahan), Шбара Теріш қаған болып аталуында ел билеудің дәстүр жалғастығы көрінеді.

Осы айтылғандарды назарда ұстай отырып, әрі қытайдың үш иероглифінен тұратын түркештің тұңғыш ел билеушісіне ат болып қалған У Жіле түркештердің «Ел теріш немесе Ел етміш Құтлұқ Білге қаған» деген мағынадағы аса қастерлі лауазымының мағыналық аудармасы ретінде қағазға түскен түрі деген болжам жасауға болады. Басқаша етіп айтар болсақ, шашырап, елдігінен айрылған, ұйымшылдығы жоқ «он оқ бүдүнды, ақыл парасатымен, зерделі мінез-құлқымен, сондай-ақ берекесіз тобырды күшпен мәжбүрлеп, әмір-пәрменмен тежеп ұстай алған Білге қаған дегеннің қытайша мағыналық аудармасы.

706 жылы қайтыс болған соң осы даңқты Білге қағанның тақ мұрагері Сақалдың Suo go – тікелей түрікше – Сақалды баһадүр деген сөз екенін қытай жазба деректері айғақтайтынын жоғарыда атап өткен болатынбыз. Әр ел тарихшылары әр кезде, әр қалай (Сағал, Саға, Сөге, Суого, Мохо) деп жазып келген бұл есім уақыт өте келе тіпті ру-тайпа және адам аты орнына да қолданылатын болған.

Ал, 708 жылға келгенде Сақал өзін «14 тайпалы елдің қағаны» деп жариялағанда, 709 жылдың басында Таң патшалығы да Түркеш қағанатын танитынын, Сақалды «Алып Білге чин хуа қаған» деп атап жазған.

Бұлардан шығар қорытынды – Сақал жеке адам аты емес, түріктік дәстүрлі мемлекеттік лауазым, әскери шен атауы екендігі, оған қытай жазба дерегі айғақ екендігі.

Біздің жоғарыдағы ой-топшылауларымызды одан әрі айқындай түсетін тағы бір әйгілі лауазым иесі болған Сүлүк – Су лу қағанның қытайша мағынасына қатысты болмақ. 711-715 жылдар аралығында қағансыз, иесіз қалып бұлғақ кезеңді

басынан өткерген «он оқ елінің басын қосып күдіретті түркеш қағандығы тағында 23 жыл салтанат құрған ел билеушісін таң орда бітікшілері қытай иерогфінен бастап таңбалайды. Мұндағы Su – иерогфінің Хан және Таң дәуіріндегі мағынасы – өліп-тірілу, өмірге қайта келу» қатарлы бес-алты қолданысы болған. Ал осы Су – Su дан кейінгі екінші иерогфітің Лу – Iu ертедегі қытай тіліндегі мағынасы бізді одан әрі ойлануға мәжбүрледі. Қытайдың жоғарыда аталған екі сөздігінде оған мынадай анықтама берілген: Лу – 1) бақыт, бақ, салым, мандай, несібе. 2) ертеде мансаптыларға берілетін жалақы, еңбек ақы деген мағыналарда қолданылған» [10].

Аталмыш сөздіктердегі Su Iu иерогфітерінің алғашқы сыңарындағы Su – өліп-тірілу, өмірге қайта келу дегенмен екінші Лу – сыңарының бақыт, бақ, салым, несібе, мандай деген мағынасын біріктіре талдар болсақ, 4-5 жылдық бұлғақ кезенді бастан өткерген «он оқ бүдүнның» біржола жойылып, елдігінен айрылу қасіретінен құтқарған қаһарман басшысын түркеш қағанын олардың өздері қалай атағаны туралы жазба дерегіміз болмаса да, қытай иерогфіндегі мағынасына жүгініп, өліп-тірілген, өмірге қайта келген елге бақыт, бақ-дәулет, мал несібе әкелген қаған деген түрік-түркеш сөзінің қытайша дәлме дәл, мағыналық аудармасы емес пе екен дегенге тоқтадық [11, 424-6.].

Ал, қытай тарихшысы Шуе Зунжың «Ту Жуге шы» атты кітабынды «su bash» түрікше «Su Iiv» деп айтылады, ол адам аты емес, мансап аты, «Su» әскер, «Iiv» тұтас әскердің, армияның қолбасшысы дегенді білдіретін түрік сөзі, Қарахан дәуіріндегі Su bav дегенмен шендеседі деген анықтама береді. Бір кездері біз де соған ұқсас пікірде болғанбыз. Кейінгі ізденістерімізге сүйеніп осындай болжалдарға ерік бердік.

Жоғарыда атап көрсеткеніміздей сонау хун-үйсін, қаңлы, бертінгі көк түріктер мен түркештер, қарлықтар мен қарахандар дәуірінде қағандарға берілген атаулардың пайда болу, қолдану тарихына назар аударсақ та Сұлу адам аты емес, таққа отырған ел билеушісінің лауазымы екеніне күмәнданбаймыз.

Оған қосымша ретінде айтарымыз, Сұлудың қаған болғанға дейінгі әскери шені – Бес дулаттың Шеп тайпасынан шыққан, Түркеш алаш чор болатын. Чор түрік қағанаты тұсындағы тегін мен жабғудан кейінгі ең биік лауазым (ашиде тайпасына тән) еді. 634-жылғы реформадан былай қарай түркештің сол қанаттағы тайпа билеушілеріне берілетін әскери шен болды.

Сондықтан Түркеш қағанаты тұсындағы мемлекеттік лауазымдар мен әскери шендердің атауы Батыс Түрік қағанаты тұсындағы ат-аталымдарға ұқсай бермейтін. Алайда бұл жағдай тарихшылар мен түркологтар назарынан тыс қала беретін сияқты. Оның басты себебі ретінде біздің айтарымыз, «Күлтегін» (үлкен жазуда), «қағанын тұтқындадық, жабғысын, Шадын сонда өлтірдік» деген Тас жазу мәтініне негізделіп, түркештердің биік лауазымдары мен әскери шен атауларының қандай болғанына назар аудармағандығында жатыр.

Тарихи жазба деректерден белгілі болғанындай түркештердің мемлекеттік лауазымдары мен әскери шендерінде жабғу, шад дегендер болмаған. Керісінше 708 жылдан былай қарай түріктердің дәстүрлі билік жүйесін жаңғырта ағалы-інілі Сақал мен Жену елді үлкен-кіші хандыққа бөліп, чор, еркін, елтебер тұтқұтар арқылы билеуге көшкен болатын. Білге Тоныкөк жердің шалғайлығы мен еларалық қарым-қатынастың оқшаулау болуына байланысты кіші хан, чор, еркін деген атауларға онша мән бермей өздерінің қолданыстары бойынша тас тақтаға түсірген болар. Көк түріктердегі «Инел қаған» – кіші қаған (сол тұстағы Қапаған қағанның үлкен ұлы) мен түркештердің кіші қаған – хан Жену» дегендердің атақ-дәрежелері шамалас екендігі анық.

Қорыта айтқанда тас жазулардағы өлтірілді делінген «Жабғу мен Шад» кіші қаған Жену және оның қол астындағы шолғыншы бөлімді басқарған чорлар мен еркіндер дегенге тоқталамыз.

Көк түріктер мен түркештердің тарихын зерттеген қытайдың бұрынғы және осы заманғы тарихшылары мен түркологтарының қолданысындағы мемлекеттік лауазымдар мен әскери шендер тізбегіне назар аударғанда ұлы хандық өктемдік көзқарас мөңделіп тұрады.

Академик Ә. Марғұлан Батыс түрік пен түркештерді билеуге аттандырған қытайшыл хандарды «Табғаш хандар» деп таңбалады. Себебі «...Бұл кезде Шығыс Түркістан мен Жетісу өлкесінде екі түрлі саяси бағыт болды. Бірі Таң мемлекетін жақтайтын «Табғаш хандар» сойы, екіншісі жергілікті халықтың мүддесін жақтайтын патриоттық күштер» [12, 98-б.] арасындағы күрес өршіп тұрған болатын.

Тарихшы Л. Гумилев бұл жағдайдың тарихи көрінісін «VIII ғасырдың орта шенінен былай қарай әулетті (Таң әулеті – Ә.Д.) қолдап тұрған Ашин тұқымына деген дәстүрлі сый-құрмет соңғы хандар өздерін қытайлықтардың сенімді малайы және өз халқының жаулары ретінде танытқандықтан, оларды бүтіндей сыйламайтын болды», - деп ашып берді.

Ал, біздің кейбір сенгіш, аңғал қазақ тарихшылары көтере мақтап жүрген Су Бейхай еш қысылмастан түрік халықтарының хандастығы мен елдік-мемлекеттік тұтастығы арасына сына қаға «табғаш хандарды» жақтап, түрік қағандары мен түрік халқы тағдырымен ойнағысы келеді.

Бұл қарастырып отырған түркеш қағандығына тән мемлекеттік лауазымдар мен шендерді қағазға түсірген қытай бітікшілері әдейі Қытай патшалығы тарапынан сырттай тағайындаған, ешбір нақты билігі де, әскери күш-қуаты да жоқ мансаптары бойынша атап жазушы еді. Сол жазба деректерін алға тартқан Су Бейхай былай дейді: «Бұл күндері еліміздің іші-сыртындағы Орта Азия даласы тарихы мен түрік тарихын зерттеушілер Түркеш қағандығын Батыс түрік қағанаты аясында қарастырып жүр. Бұл тарихқа сай келмейді. Өйткені, түркештер қазақ ұлтына тән тайпаларға жатады. Солар құрған қағандық, былайша айтқанда, қазақ ұлты тарихта бірінші рет құрған қағандық. Алтайдан Каспийге дейінгі ұлан байтақ қазақ даласын бірлікке келтірген... Түріктер құрған қағандық емес, - дей келіп Су мырза түркештердің толайым түріктерге туыстығы, этникалық тұтастығы болмағандықтан Таң патшалығы тарапынан түркештерді билеуге жіберіп тұратын Ашина ханзадalarını қабылдамай қарсы тұратындығының «...түпкі себебі – басқа емес, өздерінің (түркештердің – Ә.Д.) түрік текті болмағандығынан еді», – дегенді алға тартады. Профессорлардың бұл уәжі тарихи шындыққа мүлде сай келмейді «он оқ халқына» Түркеш қағанатын құрып, 74 жыл салтанат тағында отырған қағандар рухына құрметсіздік әрі саясиленген ұлы хандық астамшылықтан басқа еш нәрсе емес болатын. Оған қосымшалап айтарымызды «Күлтегін» (үлкен жазудағы) «Түркеш қағандығы түркіміз, өз халқым еді. ...Он оқ ұлын – Түргіс қағанынан мақраш таңбашы (бас уәзір дәрежелі ұлық – Ә.Д.) келді» деген тас жазу мәтінімен тиянақтағымыз келеді.

Бұларды неге қайталай тәптіштеп отырған себебіміз, Қытай тарихнамаларындағы жазбаларға сенсек тәуелсіз Батыс түрік пен Түркеш қағандығы дегендер, олардың дербестігін кепілдендіру үшін бар ғұмырын сарп еткен қағандар мен чор, еркіндер, түтүқтар мен бұйрықтардың лауазымдары мен шендік атаулары түгелдей қытайша, әрі қытай патшалары тағайындаған өкіл әкімдер деңгейлі қуыршақ мансаптылар болып шығады. Сондықтан өз тарапымыздан бейтараптық қағидасын ұстана отырып Таң патшалығы тағайындады делінген бірқанша лауазымдар мен шендерге талдау жасамақшымыз.

Түркеш қағанатының (692-766) тақ мұрагерлігіне Таң патшалығы сырттай тағайындаған лауазымдары мен шендік дәрежелерінің салыстырмалы анықтамасы

№	Өз аты	Алғашқы атақ-дәрежесі, шені	Қағандық атағы	Салтанат құрған жылдары	Таң патшалығы сырттай тағайындаған атақтары мен шендері
1	Белгісіз	Баға Тархан	Өжелі (у жы ле) Баға тархан қаған	692-706	1. Вен Лу аймағының уәліі 2. Бесбалық тұтығы 3. Хуайди жүнван (706 ж.) әдепті, моралді княз.
2	Белгісіз	Сақал Баға чор	Он төрт арыс елдің Алб Білге қағаны	706-711	1. Алб Білге Чинхуа қаған (708 ж.). 2. Шоу Жүң – адал, сенімді билеуші (708). 3. Алтын тау (Алтай) алдыңғы шеп армиясының бас өкілі.
3	Белгісіз	Сұлу чор	Сұлу қаған	715-738	1. Оң қарулы қорғаушылардың бас сардары (717 ж.). 2. Шүн Гочүң (Елдескен төре) 718 ж. 3. Жүңшүн қаған (адал қаған) 719 ж.
4	Тоқсан	Тоқсан Күл чор	Түркеш қағаны	738-739	1. Үш түркештің жабғуы. 2. Сол қанат әскерлердің бас сардары (742 ж.).
5	Науа (Эр Вей)	Науа Тегін	Қара түркеш қағаны	738-739	Таң патшалығы оның қағандығын мойындамаған.
6	Белгісіз	Баға Тархан	Қара түркеш қағаны	739-744	Таң патшалығы армиясы қолға түсіріп, басын алған.

Таң патшалығы тарапынан тағайындалды делінген қуыршақ қағандар

1	Аты белгісіз	Тушы – ту ұстаушы	Жабғу	742	Думоду шуо шиежин – Бас ту ұстаушы күл еркін. Үш Арыс елдің жабғуы.
2	Құтлұқ	Құтлұқ Білге	Он тайпа қағаны	744-753	Ел Етміш Білге қаған
3	Аты белгісіз	тегін	Тіңрі ілміш қаған	754-756	
4	Аты белгісіз	Ата Бойла чор	Ата Бойла Білге қаған	756-766	
5	Үйпа – и бо	Үйпа қаған	Құтлұқ Білге күлүк	749	Он тайпалы Түркеш қағаны

Таң патшалығының түркештерді билеу үшін арнайы тағайындаған әскери-өкімшілік құрылымдар

Жоғарыда да атап өткеніміздей, Таң патшалығы Көк түріктердің Шығыс және Батыс Түрік қағанаттарын өзіне бағындыра бастағалы, ол өңірді билеп-төстейтін тізгіндеуші аймақ, аудан, қала деген әскери әрі әкімшілік құрылымдарды көптеп құра бастады. Сонымен қатар, сол тізгіндеуші әскери-әкімшілікке қызмет етіп түріктерді басқаратын Ашина ханзадаларын алуан түрлі аты бар, заты жоқ қуыршақ мансаптар тағайындаушы еді. Академик Әлкей Марғұлан «Тәбғаш қағандар» деп атаған осынау сатқын қағансымақтар өз халқын орасан зор апаттарға душар етіп аяусыз қанады, қырды, тоздырды. Әсіресе Түркеш қағанатының жойылып кетуіне Таң орда әскерлерінің қолдауымен жасаған ондаған жылдарға созылған қанды қырғындар себепші болды.

Қытай орда жазбаларына негізделіп тарих жазатын Қытай қаламгерлеріне сенсеңіз, Батыс Түрік қағанаты, Түркеш қағанаты деген дербес мемлекет те, оларды билеген қаған дегендер де болмаған, тек Қытай үшін жан алып, жан беріп арпалысқан «адал қағандар, елдескен төрелер, шын берілген батыс шекаралықтар» болып шығады. Қытайдың осы заманғы белгілі тарихшысы Шуе Зүңжың ол туралы былай деп жазады: «Таң хандығының Сары және Қара түркештерге ұстанған саясаты былай қарағанда сан құбылатын сияқты, алайда құбылып өзгеру деген тек сыртқы құбылыс, өзгермейтін ішкі мәні болатын. Ол саясаттың түп қазығы – Ашин әулетінен шыққан ханзадалар арқылы басқа түріктерді билеп-төстеу болатын. Ал осы саясат ақырында апатты зардаптарға ұрындырды».

Біз, осы бір ғылыми әрі тарихи түйінді сөзді Қытай отаршылдарының тұтас тарих бойындағы жаулаушылық саясатына қаратыла айтылған дұрыс сөз деп қабылдадық. Таң ордасы тағайындады делінген салтанатты қағандық-хандық атақ-дәрежелерден бас айналғандай. Алайда, сол әлем-жөлем атақ-дәрежелердің көбі сырттай, тіпті, ол қағансымақтар өліп қалғаннан кейін де беріле беретіні, бірақ «он оқ халқы» ешқашан құлшына қабылдай қоймайтыны белгілі.

Солай да Қытай орда жазармандары патшаларының жарлық-бұйрықтарын тәптіштеп қағазға түсіріп отырғандықтан, әр дәуірдегі, әр ел тарихшылары мен түркологтары саналы-санасыз түрде (Қытай иероглифтерінің мағынасына мән бермей немесе түсінбей) өз зерттеулеріне пайдаланып, жұртты шатастырушы еді. Оның біразы туралы осыған дейінгі баяндарымызда атап өттік те. Енді тағы да нақтылай түсу үшін бірқанша «Тәбғаш қағандар» жөнінде тоқтала кетпекпіз.

1. Шиң Ши Ваң Ке Хан сі ше Төртінші әулет. Қайта өрлеген қаған деген қолпаш мәнсаппен он оқ елін бағындыруға Таң әскерін бастап шықса да, ойсырай жеңіліп Қытай қорғанына қашып барып жан сауғалайды.

2. Ал 704 жылы Асана Ху селоның ұлы Асана Хуай Дау адал-садық дегенді Жи Ваң Жуе қаған – таптырмас-табылмас қаған) қалың әскерінің қолдауымен Түркештерді билетуге патшайым У Зытян жарлық шығарды.

«Тәбғаш қағандарға» жапсырылған мұндай әлем-жөлем атақтар мен шендердің «он оқ еліне» пәлендей ықпал әсері болған емес, керісінше, оларды ел аумағынан қуып тастайтын, тіпті, Таң армиясының қолдап-қорғағанына қарамай, аяусыз жазалайтын. Жоғарыда аты аталған Ашина Шин (Таптырмас қаған)ды Құлан қаласында Баға Тархан басын кесіп, Қытайларды ауыр жеңіліске ұшыратқанын Қытай орда жазбалары анықтап жазған болатын.

3. Таң ордасы түркештер мен жалпы түркілерді өзіне бағындыру үшін, құлаққа жағымды естілетін әскери-әкімшілік атақ-лауазымдардың алуан түрін үйіп-төгіп алдарқату саясатын қолданушы еді. Сұлу қағанға берілді деген мансап-дәрежелерден көз тұнады: 1) оң қанат қарулы-айбатты Санғұн; 2) Шүн н Ваң, жөнге-ақылға келген хан-бек деген мағынадағы сөз, мұндай лауазым Таң патшасына бағынышты болды деген «Тәбғаш қағандарға» берілетін қолпаш атақ.

Шоу Жүң Таң патшасына Сақал қағанға қосымша-лақап ат ретінде қойған аты: адал, инабатты, тәртіпті деген мағына беретін бұл лауазым жазба деректерде

Сақал қаған дегеннің орнына қолданыла беретінін көреміз. Ал оның інісі Женуге Шоу Жие арлы, намысты арыс) деген қолпаш атақ берген. Жазба деректерде Шоу Жие де оның атының орнына қолданыла берген.

– Зуо Жин У Вей Да жияң жүн сол қол сырттай қорғаушы бас санғұн тұтқындағы Токсан Күлшорға Таң патшасы берген әскери шен.

– Да Даугуан Думоду Бас ту ұстаушы. Бұл арада қаған немесе хан ордасындағы туды ұстаушы – Кеңсе бастығы – уәзір мағынасында қолданылып тұр. Таң ордасы түркештердің арасын ашып бөлшектеу мақсатымен тушыларды хан ретінде қолпаштаған.

Түркеш қағанатын құраған «Он оқ бүдүнды» билеген ру-тайпаларға тән лауазымдар мен шендер:

Тұтастай алғанда VI-VIII ғасыр аралығында он оқ халқының этникалық құрамымен этноаумағында айта қаларлықтай өзгеріс болмағанымен елдің іші-сыртындағы геосаясаттың өзгерістеріне қарай билік жүйесінде, әскери-әкімшілік шендер аталымында да біршама ауыс-түйістер болғаны белгілі. Бұл туралы жоғарыда аздап айтылғанмен нақтыланбағанын ескеріп мынадай кесте арқылы мазмұндауды жөн көрдік.

№	Өз аты	Шыққан тайпасы	Алғашқы лауазым шені	Кейінгі атақ-дәрежесі	Билік құрған уақыты
1	Лүй	Чимойын Шуму күн	Чимойын тайпасының чоры	Чумукүн луй чор	Мұндағы жеке чорлар мен Еркіндердің билік құрған уақытына нақтылап айтуға мүмкіндігіміз болмаса да, 634 жылғы Батыс Түрік қағаны Шипара Хиляштың енгізілген бес Дулағ, бес чор, Бес Нүшпені бес Еркін билегені анық.
2	Күлүч	Қойлау-хулушы	Қойлау тайпасының чоры	Күлүч чор	
3	Тон	Ысты-шешы ти	Ысты тон чор	Тон чор	
4	Алаш	Түркеш-ту ши шы	Түркеш Алаш чор	Алаш чор	
5	Шопан	Жаныс-шу ни шы	Жаныс Шопан чор	Шопан чор	
6	Күл	Азғыз-Аскіл	Азғыз күл еркін	Күл еркін	
7	Күл	Касо	Касо күл еркін	Күл еркін	
8	Тон	Барысхан-Бо сайган	Барысхан тон Ашбар еркін	Ашбар еркін	
9	Ни жуқ	Азғыр-Аши же Аскіл	Азғыр ни жуқ еркін	Нижук еркін	
10	Шопан	Касо	Касо шопан (чубан) еркін	Шопан еркін	

Зерттеу жұмысымыздың соңында Көк түріктер мен түркеш қағанаттары тұсында қолданылған бірқанша мансап-шен-лауазымдардың мән-мағынасы және олардың Қытай жазба деректерінде қалай жазылып келгені туралы айта кеткіміз келеді.

Ябғу-жабғу ежелгі түрік сөзі. Оны қытайлар Ие ху – түрінде таңбалап келді. Жабғу лауазым ретінде сонау Хүн қағанаты дәуірінде әйгілі Тұман (Шаннүй) қағанның мансабы ретінде де аталушы еді. Көк түріктер заманында қағандар мен оның ұлдарына берілетін болған. Батыс Түрік қағанатын билеген Естемидің қаған болғанға дейінгі атағы ябғу-жабғу еді. Сондықтан Естеми қағанның мұрагер ұлдарының лауазымына жабғу қаған дегенді қосып айту-жазу мақтанышқа

айналып кеткен. Осыдан барып түркеш қағандары Естеми қаған әулетіне жатпаса да қағандық атақтарына Жабғуды қосақтап атауды мәртебе көрген. Біз өз зерттеулерімізде Батыс Түрік қағанаты мен Түркеш қағанаттарына қарасты рутайпалардың басым көпшілігі «Ж» мен сөйлейтіндігін ескеріп, «жабғу» деп жазуды жөн көреміз. Мәселен, Тоң жабғу қаған (628 ж.) Сы йе ху қаған – Ел Білге Ес жабғу қаған, И Би Ша Боло Ие ху қаған Ел Білге Шпара Жабғу қаған. Дүна по жабғу дун Аға, Түркеш қағандарының екінші ұлдарына берілетін атақ, тақ мұрагері бола алатын дәрежесі бар, т.б.

Батыс түрік және Түркеш қағанаты тұсындағы мемлекеттік биік лауазымдар қатарында аталатын Жие Ли фа – дегенді ұйғырлар Алб Елтебер деп, ал Қытайдағы қазақтар Елтебер деп аударған.

Қытай жазба деректерінде «Батыс өңірдегі біраз мемлекеттердің хандарына жиели фа (Елтебер) деген мәртебелі атақ берілген, сонымен бірге бір тұтық жіберіп олардың алым-салық жинау барысына бақылау жасайтын еді» [15]. Мұнда айтылған тұтық әскери қолбасшы, ал Елтебер әкімшілік қызметтегі жоғары шен иесі болса керек. Міне осылайша ұлан-байтақ қағанат аумағын қаған тағайындаған әр дәрежелі әскери хәм өкіл әкімдер арқылы билік қылған.

Біз сөз етіп отырған тақырыппен айналысқысы келетін тарихшылар мен түркологтардың есінде болар өзекті мәселенің бірі. Арысы Хүн, үйсін, қаңлы, берісі Көк түріктермен Түркеш қағанаттары дәуіріндегі мемлекеттік құрылымдар мен әр дәрежелі мемлекеттік және әскери шендерді Қытай орда бітікшілері қалай хатқа түсіргенін, оны Қытай тарихшыларының қалай баяндап, қалай түсіндіргісі келетінін парықтай, саралай, нақтылай түсулері керек. Егер түрік халықтары құрған үлкенді-кішілі хандықтар мен қағанаттардың дәстүр жалғастығын нақтылап алмай тұрып, қытайлық қисын-қыңырға сын көзбен қарамай тұрып, тарих жазсаңыз ұлан-байтақ Азия құрлығында тек Қытай патшалары тағайындаған қағандар мен әскери қолбасшылар билеген иеліктер, қуыршақ хандықтардан басқа ешнәрсе болмағандай әсерде қаласыз. Сөйтіп ұлы жұңхуа халықтарының бірі ғана екеніңізді дәлелдегендей боласыз. Сондықтан тарихты саясиландыруға, астам державалардың өктем тарихи ұстанымдарына баяғыша бей-жай қарай алмаймыз. Өйткені біз тәуелсіз Қазақстанның тәуелсіз тарихшылары екенімізді, әлемдік тарих сахнасында өз рөлімізді лайықты орындап шығуға міндетті екенімізді естен шығара алмаймыз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Гумилев Л.Н. Хұндар. – Алматы: Қазақстан, 1988. – 528 б.
2. Лин Ган. Түрік тарихы. – Үрімжі: «Шынжаң» Халық баспасы, 2002. – 558 б.
3. Мыңжан Н. Қазақтың қысқаша тарихы. – Үрімжі: «Шынжаң» Халық баспасы, 1987. – 684б.
4. Көне Таңнама. Түріктер баяны. 92-орам
5. Қашқари М. Түрік сөздігі. – Т.3. – Алматы: «ҚАНТ» баспасы, 1998. – 556 б. – т.1. – 590 б.
6. Тұң диан. 197-орам. Лин Ганның «Ту жуешы». – 558 б.
7. Жианмың гу хан нуй зы диан – Ертедегі Қытай тілінің қысқаша сөздігі. – Сы Шуан халық баспасы, 1995. – 8-реттік басылым. – 1044 б.
8. Ханзуша-қазақша сөздік. – Үрімжі: «Шынжаң» халық баспасы, 1989. – 5-басылым. – 1550 б.
9. Жолдасбеков М. Асыл арналар, 1990; Күлтегін (үлкен жазуы). – 7-8 қатар. – 348 б.
10. Гу ханнуй шаң юң зы зы диан – Ертедегі Қытай тілінде жиі қолданылатын сөздер сөздігі. – Бейжин, 1993. – 505 б.
11. Ертедегі Қытай тілінің қысқаша сөздігі. – Чыңду. 1995. – 1014 б.

12. Марғұлан Ә. Көне жыр-аңыздар. – Алматы: Жазушы. – 1985. – 180 б.
13. Шин жияң Дашуе Шуе бай // Үрімжі, 1987. – №3.
14. Шуе Зүңжың. Ту жуе шы. – Бейжин, 1992. – 808 б.
15. Лин Ган. Ту жуе шы. – Ішкі Моңғолдың халық баспасы. Ху хе хот. 1988. –301 б.

References

1. Gumilev L.N. Hundar. – Almaty: Qazaqstan, 1988. – 528 b.
2. Lin Gan. Turik tarihy. – Urimzhi: «Shynzhan» Halyq baspasy, 2002. – 558 b.
3. Mynzhan N. Qazaqtyn qysqasha tarihy. – Urimzhi: «Shynzhan» Halyq baspasy, 1987. –684 b.
4. Kone Tannama. Turikter bayany. – 92-oram
5. M. Qashqari. Turik sozdigi. T. 3. – Almaty: Qanyt baspasy, 1998. –556 b.; – t.1. – 590 b.
6. Tun dian. 197-oram. Lin Gannyn «Tu zhueshy». – 558 b.
7. Zhianmyn gu han nuj zy dijan – Ertegedi Qytai tilinin qysqasha sozdigi. Sy Shuan halyq baspasy, 1995. – 8-rettik basylym. – 1044 b.
8. Hanzusha-qazaqsha sozdik. – Urimzhi: «Shynzhan» halyq baspasy, 1989. – 5-basylym. – 1550 b.
9. Zholdasbekov M. Assyl amalar, 1990; Kultegin (ulken zhazuy). – 7-8- katar. – 348 b.
10. Gu hannuj shaң jун zy zy dian – Ertegedi Qytai tilinde zhii qoldanylatyn sozder sozdigi. – Beizhin, 1993. – 505 b.
11. Ertegedi Qytai tilinin qysqasha sozdigi. – Chyнду, 1995. –1014 b.
12. Margulan A. Kone zhyr-anyzdar. – Almaty: Zhazushy. – 1985. –180 b.
13. Shin zhiyan Dashue Shue bau // Urimzhi, 1987. – №3.
14. Shue Zynzhyn. Tu zhue shy. – Beizhin, 1992. – 808 b.
15. Lin Gan. Tu zhue shy. Ishki Mongoldyn halyq baspasy. – Hu he hot. 1988. –301 b.

А. Даулетхан¹

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Ведущий научный сотрудник, Отдела древней и средневековой
истории Казахстана и сопредельных стран, к.и.н.
г. Алматы, Казахстан

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ И ЧИНЫ В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО И ТЮРГЕШСКОГО КАГАНАТОВ

Резюме

Данная статья посвящена малоизученной проблеме происхождения, развития, а также этимологии должностей и чинов в период государственности Западно-Тюркского и Тюргешского каганатов. Значение вышеупомянутых должностей и постов общетюркское, и показывает тюркскую преемственность казахской государственности.

Ключевые слова: Шаньюй-Тоньюкук, каган, хан, Шад, тегин, тархан, Шор, Еркин, Эльтебер, Дало бин, Кыран-Сайыпкыран, Эль каган, Бори каган, Ишбара, Сулу и др.

A. Daulet Khan¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan
and Neighboring Countries,
Leading Research Fellow, Candidate of Historical Sciences,
Almaty, Kazakhstan

STATE POSTS AND RANKS IN THE PERIOD OF STATEHOOD OF THE WESTERN TURKIC AND TURGESH KAGANATES

Summary

This article is dedicated to the little-studied problem of the origin, development, and etymology of posts and ranks during the statehood of the West Turkic and Turgesh kaganates. The meaning of the above-mentioned ranks and posts is common Turkic, and this indicates the Turkic continuity of Kazakh statehood.

Keywords: Shanyuy-Tonyukuk, kagan, Shad, tegin, tutuk, tarkhan, Shor, Yerkin, Elteber, Dalo bin, Kyran-Sayypkyran, El kagan, Bori kagan, Ishbara, Sulu, etc.

ӘӨЖ 94(574)

¹Төлєнова З.М.,

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология
институтының бөлім меңгерушісі, т.ф.к., доцент

ҚАЗЫНАЛЫ ҚАРТТАРДЫҢ ТАСҚА ҚАШАП ЖАЗҒАН ТАРИХЫ – ҰРПАҚҚА ТАҒЫЛЫМ (Жамбыл облысында жүргізілген тарихи-мәдени экспедиция материалдары негізінде)

Аннотация

Мақалада рухани жаңғырудың өзегі болып табылатын ұлттық тарихтың тамыры өлке, ауыл тарихын жинақтап, ұрпаққа сабақ болсын деген ниетпен халық жадындағы тарихтың кейбір парақтарын тасқа қашап жазып, ауыл ортасынан арнайы саяжол жасаған ел азаматтарының тағылымға толы істері жайлы айтылады.

Түйін сөздер: ұлт тарихы, ауызша тарих, тағылым, ауыл, өлке, тұлға, қария, Ақжол Өзібекұлы

2013-2015 жылдары «Халық тарих толқынында» бағдарламасы аясында «Жүз қария», «Жүз ауыл», «Ою-өрнек сырлары», «Шежіре» бағыттары бойынша Жамбыл облысының Жуалы, Байзақ, Т. Рысқұлов, Меркі аудандарының көнекөз қарияларымен кездесіп, ауыл тарихы мен жер-су атауларына қатысты халық жадында сақталған ауызша тарих пен ұлттық құндылықтарымызды жинау барысында тарихи-мәдени экспедиция ұйымдастырылды. Экспедиция нақтылы бағдарлама мен бағыттар бойынша жүрді. «Жамбыл өңірі – киелі мекен» деп бекер айтылмаса керек. Экспедиция барысында жинақталған материалдарды саралап, нәтижесін шығарған кезде осыған көзіміз жетті. Қарап отырсақ, аталған аудандардың тарих қойнауында жатқан сыры да, жыры да мол екен. Жамбыл өңірінен ел қорғаған батырлар да, аузы дуалы билер мен акындар да, әулие-абыздар да, генералдар мен ғалымдар да, он саусағынан өнер тамған қолөнершілер де, өлкетану ісіне өзіндік үлес қосып жүрген отансүйгіш азаматтар да баршылық.

Өз елінің, жерінің тарихына ерекше қызығушылық танытып, өз күшімен тарихи орындарды аралап, тарихи жәдігерлерді жинап, өз үйінен мұражай ашқан

азаматтармен де кездесіп, сұхбат алдық. Ауыл қарттарының, көне көз қариялардың тарихи жадында сақталған тарих ұзақ жылдар бойы кеңестік идеологияның қысаңдығынан көмескілене бастаған ұлттық санамыздың қайта жаңғыруына көп ықпал етері сөзсіз.

Ауызша тарих айтуды, әдетте, көшпелі қоғам дамуының туындысы деп жатамыз. Негізінен бұл тарихи шындыққа да, күнделікті тұрмысқа да жақын көзқарас. Жаңа қоғамдағы ауызша тарих айтуға бірнеше ерекшелік тән: *идеялық және көркем шығармашылықтың жаңа деңгейі, ерлік пен елдік дәстүрінің дәйектелуі, жергілікті ерекшеліктерді, географиялық және тарихи мерзімдік шеңбердің сәйкес келуі*. Олай дейтініміз, бүгінгі білімділіктің жан-жақтылығымен таныса алған ұрпақ өз тарихын зерттеуде тек ауызша тарихқа қана жүгініп қоймайды, оны мүмкіндігінше құжаттық деректермен толықтыруға тырысады. Тағы бір көз жеткізгеніміз, ауызша тарих айтуда тарихи және көркемдік сипаттау қатар өрбиді, әр түрлі бағыттағы белсенділік қабаттаса сипатталынатындығы тағы бар. Бүгінгі көне көз қариялардың бойындағы тағы бір басымдылық елдік пен бірлікті дәріптеуде бабалардан қалған мұраны жалғастыруды бүгінгі ұрпақ санасына сіңіруде ауызша тарих пен жазбаша тарихтың сәйкестілігіне назар аударатындығы. Сол арқылы жергілікті өңірдің, халықтық тарих санасын жаңғыртуға үлес қоса отырып, өлкетану ауқымын кеңейтеді. Осы тұғырдан алғанда ауыл қариялары дәріптеп отырған ел арасында ғана аты мәлім, сол өңірден шыққан би-болыстар, батырлар мен жыраулардың, сондай-ақ ақылға, сезімге, сенімге дара жандардың, ұлт мұратына ұмтылған қайраткер тұлғалардың бейнесін жасауымызға көп ықпалын тигізеді.

Осыған орай Институт тарапынан ұйымдастырылған тарихи-мәдени экспедиция республика, оның ішінде Жамбыл өңірінің тарихи құндылықтарын жинақтауда мынандай нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік туғызды. Атап айтқанда, Жамбыл өңірі – Құлан, Жуалы, Меркі, Байзақ өңірінде өмір сүрген ірі-ірі саяси тұлғалар мен ел басқарып, сөз ұстаған би-болыстар, датқалар, ел қорғаны болған батырлар, ақын-жыраулардың өмірі мен қызметі, ерлігі, шығармашылығы мен дүниетанымын жинақтауға, екіншіден, олардың тұтас халықтың дәстүрлі түсінігімен астастығын, тұтастығын; үшіншіден, жалпыұлттық ағартушылықтың бағытымен ұштасатыра отырып, ұлттық сананы тірілте, қарқындата түседі; төртіншіден, туған елге, туған жерге, отанға деген сезімді оятуға ықпал етіп, ұлттың бүгінгі әлеуметтік толғанысы мен қозғалысының дамуына куә болдық. Қазақтың ауызша тарих айту дәстүрінің жаңа түр мен дәрежеге көтерілгендігі байқалды. Әрине оны тарихи методологиялық қырынан жетілдіру кәсіби мамандардың ісі.

Ауыл қариялары өз атынан да, кейде ел атынан да сөйлейді, өткен мен барды салыстырып сыр шертеді, тарихтың терең тамырына бойлайды. Жергілікті жерге ғана мәлім би-болыстар, батырлар мен ақындардың билігі мен ерлігін, артында қалған өнегелі өсиетін ғана бүгінгі ұрпаққа жеткізіп қоймайды, ел-жұрт арасындағы тоздық пен азғындықты сынап, міней отырып, ұрпақ бойындағы тарихи сананы оятуда ең алдымен өткенімізге жүгінеді, содан соң уақыт төрелігіне сиынады.

Ауызша тарих айту халықтың накыл сөздерінен ғана көрініс тапқан жоқ, ол сондай-ақ ақын жыраулардың жинақы ойынан, би-батырлардың шешендігі мен ерлігінен демеулік тапты. Тарих және соған орай ауызша тарих – өтпелі де өткір оқиға, есте қалар құбылыс.

Ауызша тарих арқылы ұлттың терең тамырлы дәстүрі дәйектелінеді, халықтың болмысы, салт-санасы, рухани байлығы ұрпақтан ұрпаққа жетті. Халықтың жадында сақталған тарих осының жарқын айғағы.

Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың осы жылғы 12 сәуірдегі «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» мақаласы негізінде ұлтымыздың болашағын, рухани бағыт-бағдарын анықтау мәселесінің көтерілуі заңды. Осы мақалада «Жаңғыру атаулы бұрынғыдай тарихи тәжірибе мен ұлттық дәстүрлерге шекеден қарамауға тиіс.

Керісінше, замана сынынан сүрінбей өткен озық дәстүрлерді табысты жаңғырудың маңызды алғышарттарына айналдыра білу қажет. Егер жаңғыру елдің ұлттық-рухани тамырынан нәр ала алмаса, ол адасуға бастайды. Сонымен бірге, рухани жаңғыру ұлттық сананың түрлі полюстерін қиыннан қиыстырып, жарастыра алатын күдіретімен маңызды. Бұл - тарлан тарихтың, жасампаз бүгінгі күн мен жарқын болашақтың көкжиектерін үйлесімді сабақтастыратын ұлт жадының тұғырнамасы. Мен халқымның тағылымы мол тарихы мен ықылым заманнан арқауы үзілмеген ұлттық салт-дәстүрлерін алдағы өркендеудің берік діңі ете отырып, әрбір қадамын нық басуын, болашаққа сеніммен бет алуын қалаймын» [1], – деп орынды көрсетіледі. Осы мақалада көрсетілгендей: «Біздің бабаларымыз ғасырлар бойы ұшқан құстың қанаты талып, жүгірген аңның тұяғы тозатын ұлан-ғайыр аумақты ғана қорғаған жоқ. Олар ұлттың болашағын, келер ұрпағын, бізді қорғады. Сан тараптан сұқтанған жат жұртқа Атамекеннің қарыс қадамын да бермей, ұрпағына мирас етті. Туған жерге деген сүйіспеншілік нені білдіреді, жалпы, бағдарламаның мәні неде? Бірінші, бұл білім беру саласында ауқымды өлкетану жұмыстарын жүргізуді, экологияны жақсартуға және елді мекендерді абаттандыруға баса мән беруді, жергілікті деңгейдегі тарихи ескерткіштер мен мәдени нысандарды қалпына келтіруді көздейді. Патриотизмнің ең жақсы үлгісі орта мектепте туған жердің тарихын оқудан көрініс тапса игі. Туған жердің әрбір сайы мен қырқасы, тауы мен өзені тарихтан сыр шертеді. Әрбір жер атауының төркіні туралы талай-талай аңыздар мен әңгімелер бар. Әрбір өлкенің халқына суықта пана, ыстықта сая болған, есімдері ел есінде сақталған біртуар перзенттері бар. Осының бәрін жас ұрпақ біліп өсуге тиіс». Демек, халқымыздың тарихи өткенінде қордаланған зияткерлік байлығымызды толығымен болашақ үшін қолдануға тиістіміз. Ол қоғамымыздың рухани және материалдық тұрғыдан дамуына өзінің игілікті ықпалын тигізетініне сенімдіміз.

Ендігі кезекте осы Елбасы мақаласында көтерілген мәселе 2008 жылдардан бастап қолға алына бастағандығын көрсету үшін тарихи-мәдени экспедиция барысында Жамбыл облысы Т. Рысқұлов ауданы бойынша жинақталған материалдар, ауыл қарияларының тағылымға толы атқарған істерін көпшілік назарына ұсынуды жөн көрдік.

Қазіргі Т. Рысқұлов ауданының орталығы көне Құлан шаһарының орнына орналасқан елді мекен. Көне тарихи деректерде, мысалға 820 жылдар шамасында дүниеге келген араб географы Убейдуллах ибн Хордадбехтің 846-847 жылдары жазылып, 885-887 жылдары өзі қайта өңдеген «Китаб ал-масалик в ал-мамалик» кітабында, Бағдат халифтарының сарайында шенеунік болған Кудам ибн Джа'фараның VIII ғ. ортасы немесе соңына таманғы кезеңіне қатысты мәліметтерге негізделген «Китаб ал-харадж» еңбегі де осы Хордадбектің еңбегіндегі деректерге сүйеніп жазылған, Иерусалимнің тумасы, араб географы Мухаммед ибн Ахмед ал-Максидидің (немесе ал-Мукаддаси) «Ахсан ат-такасим фи-мәрифат ал-акалим» еңбегінде, келесі дерек туған жылы бірде 1179 немесе 1180 ж. деп берілетін, 1229 ж. қайтыс болған, шыққан тегі – грек құлы, кейіннен Сирия саудагерін иелігінің меңгеруші (приказчик), кітап сатушы, көптеген мұсылман елдеріне саяхат жасаған Якут ал-Хамавидің «Мұ' джам ал-булдан» атты географиялық сөздігінде, Изз-ад-дин Али ибн Мухаммед ибн ал-Асирдің (1160-1234 жж.) «Аль-камил фи-т-тарих» шығармасында ежелгі Құлан қаласы туралы қызықты деректер баршылық [2].

Ұлы Жібек жолының бойында орналасқан байырғы Құлан өңірінің тарихы терең, шежіреге бай өлке. Жоғарыдағы жазба деректерге тереңірек көз жүгіртер болсақ, көне Тараз бен Меркімен тарихы тамырлас бұл қала Шу мен Талас өзендерінің шығысы мен батысын, Қырғыз Алатауы мен Бетпақдаланың оңтүстігін мен солтүстігін жайлаған, ежелден-ақ сауда мен мәдениеттің орталығы болған. Сол өңірдің ғасырлық тарихына арқау боларлық тұлғалар қаншама! Ел тарихында өзіндік із қалдырған батыр Болтай Байтемірұлы (1705-1772), Құдайберген

Байетұлы (1820-1887), батыр Танабай Тоғызақұлы (туған және өлген жылдары белгісіз), билер – Есім Алдасүгірұлы (туған және өлген жылдары белгісіз), Тантай Естекұлы (1838-1911), Токсаба Бердібекулы (туған және өлген жылдары белгісіз), Тортай Күсейұлы (1841-1918), Шыныбек датқа, Өзбек Ақжанұлы секілді ерлігі мен әділдіктің ақ туын ұстаған билері, ақындары ел арасында кеңінен танымал болса, тек жергілікті халық арасында ғана есімі мен ерлігі, жыры мен күйі емес-емес сақталған Жәпек батыр, Балқыбек (Бапан), Тәттімбет күйші, Көркем, Жарқынай секілді т.б. ақын-жыраулардың, айтыскерлердің мұрасы халық жадынан өшіп барады.

Міне, осындай халық жадында сақталған тарихты ұрпақтан ұрпаққа жеткізу мақсатында Т. Рысқұлов ауданының «Тереңөзек» ауылдық округінің ақсақалдар алқасының ұйымдастыруымен ауыл тарихын тасқа қашап жазып, арнайы саяжол ұйымдастыруы үлкен тәрбиелік маңызы зор шаруа ғана емес, келер ұрпаққа өз тарихын жеткізудегі баға жетпес құнды тәжірибе. Әуел баста шежірелі қарттардың басын қосып, солардың айтуымен, жергілікті халықтың күшімен қаражат жиып, ел азаматтары Байболат Оспанов, Талғат Жүнісқадіров, Жарасов Мырзахан, Елдес Омаров және т.б. ұйымдастыруымен ауылдың ортасында «Танат мешіті» салынып, ел игілігіне беріледі.

Сурет 1 – Жарасов Мырзахан, «Өрнек» ауылының ақсақалдар алқасының төрағасы

Сурет 2 – Омаров Елдес – зейнеткер, ақсақалдар алқасының мүшесі

Сурет 3 – «Танат мешіті»

Ауыл қарттарының ұсынысымен, Б. Оспанов, Ә. Нұрмаханбетов, Т. Әзімханов, Е. Олжабаев, Б. Болатұлы, Ш. Омаров секілді т.б. азаматтардың қаржылай көмектесуімен салынған мешіттің жанынан өтетін Жамбыл және Ә. Исаев атындағы көшелердің қиылысында білім ошағы – орта мектепке апаратын жол бойында «Ақыртөбе өңірінен шыққан ақын Өзібек Ақжолұлының (1868-1934 ж.ж.) саяжолы» ашылған.

Сурет 4 – Кіре беріс қақпаның маңдайшасына орнатылған тақта.

Саяжолда көлемі біркелкі мәрмәр тастарға әсем бедерленіп жазылған тарихта – Мақпал, Ынтымақ, Теренөзек, Көкарық, Шолаққайыңды елді мекендерін қамтыған Теренөзек аймағында өмір сүрген би-болыс, батырлар мен ақын-жыраулар, тұтқалы тұлғалар, артель ұйымдастырушылары, ұстаздар, ғалымдар, майдан мен тыл ардагерлері, әр жылдары ел басқарған азаматтардың есімдері мен олар туралы қысқаша өмірбаяндық мәліметтер жазылған. Оларды мына суреттермен сөйлетіп көрелік:

Ақ кірпішпен өрілген маңдайшадағы жазуда айтылғандай күнде танертен мектепке жол тартқан әрбір шәкірт осы бір мәрмәр тасқа қашалып жазылған тарихқа көз жүгірте отырып, ел тұтастығын ойлаған ата-баба рухына, ауыл түтінінің түзу шығып, ағайынның татулығы мен ұрпақ қамын ойлаған, тал бесігін тербеткен аяулы аналар рухына тағзым етіп өтеді.

Әрбір мәрмәр тас сонау ғасырлар қойнауынан бүгінгі ауыл азаматтарының тыныс-тіршілігіне дейінгі кезеңді қамтып, ақын Өзібек Ақжолұлы айтып кеткендей: «... Шарифаттың бұйрығы, Жастарға арнап айт деген» аманатының жүзеге асырылғандай әсер қалдырады!!!

Сол мәрмәр тастарға қашалып жазылған тарихқа көз жүгіртелік.

ҮСТАЗДАР ҰЛАГАТТЫ ЖАНДАР

ЖАМАГАМБЕТ ЖАЛМАҒАЙҒАҰЛЫ 1917-1998
 ӘВВӘЛБЕК ШЫҒЫБАЙҒАҰЛЫ 1926-1984
 ӘБҒӘЗ СЕЙДІАХМЕТҒАҰЛЫ 1930-2000
КӨНІКТЕГІ
 ӘБДӘЛҚАДІР МЕРДІБАЙҒАҰЛЫ 1923-2008
 ӘСІМҚАУА ӘБДІҚАСЫМҒАҰЛЫ 1920-1981
 ДОСЫБАЙ КЕЛІНІ
 БАЗАРБАЙ БЕРНАЛЫҒАҰЛЫ 1932-2007
 БЕРДІҒАЛ МАҚАНҒАҰЛЫ 1932-2007
 БЕРДІҒАЛ ҚИЯДЫҚҒАҰЛЫ 1920-1985
 БЕРСАТТІ
 БИҒАРЫ ШАҚЫБАЙҒАҰЛЫ 1937-1989
 БУМРАҚҒАЛ БӨРСЕНБАҚҒЫЗЫ 1924-1987
 ҮСЕН КЕЛІНІ
 ЕРМЕКБАЙ КӨПЖАҒАҰЛЫ 1926-1984
 КЕЛГЕРМАН ДУКЕБАЙҒАҰЛЫ 1919-1973
 КОШҚАР БЕРСІМБЕКҒАҰЛЫ 1923-1986
 АУАҒДА АЙТБЕКҒЫЗЫ 1920-2009
 ҚАНАЛЫБЕК КЕЛІНІ
 ҚИНАРБЕК ИМАНАЛЫҒАҰЛЫ 1929-2007
 ӘЛІМХАН МЕНІМБАЙҒАҰЛЫ 1909-1941

АРТЕПЬ ҰЙЫМДАСТЫРУШЫЛАР ЖЕН ҰРПАҚТАРЫ

ЖЕКЕБАЙ ҚҰРМАНБЕКҒАҰЛЫ 1886-1968
 СӘТІҒАЛ СЕЙСЕКҒАҰЛЫ 1896-1976
 ШИДІБЕЙ НҮСІПБЕКҒАҰЛЫ 1887-1977
 ПАРМАНҚҰЛ ЖАМАНҚҰЛҒАҰЛЫ 1894-1968
 БОШАЙ ОРАЗАЛЫҒАҰЛЫ 1897-1968
 ҚҰРМАНТАЙ ЖАМАНҚҰЛҒАҰЛЫ 1900-1981
 ҚИЯЛ ҚИЯТБАЙҒАҰЛЫ 1900-1981
 СӨРІНЖІ ҚАБАЙҒАҰЛЫ 1902-1977
 ӨМІРБЕК ӨТЕПБАЙҒАҰЛЫ 1905-1990
 ШАЙҚҰЛ СЕГІЗБАЙҒАҰЛЫ 1909-1981
 РАХЫМБАЙ ЫСАБЕКҒАҰЛЫ 1909-1985
 МАНАН ДӘПБАЙҒАҰЛЫ 1909-1989
 ТҮСТІБЕЙ ҚИЛЫБАЙҒАҰЛЫ 1919-1986
 БАЙБОСЫН КӨПЖАНҒАҰЛЫ 1927-2003
 РЫСАЛДЫ РАХЫМБАЙҒАҰЛЫ 1931-1976
 МЕЙІРХАН ЕСБЕРГЕНҒАҰЛЫ 1936-1979
 ТҮРІС СЫДЫҚҒАҰЛЫ 1936-2000
 СҰРАҚҰЛ МӘТКҰЛҒАҰЛЫ 1936-2012
 ҚАСЫМХАН ТІЛЕУХАНҒАҰЛЫ 1936-2012
 ШАТҚАЛБАН ОҢЛАНБАЙҒАҰЛЫ 1947-2006

ҚАЛ ИКҚӨРБЕКҒАҰЛЫ 1930-1982
 ЖАҚИЯТТІ
 ҚАШИПАНЫМ АУАСЫБАЙҒЫЗЫ 1930-2000
 ЖҮНІСКА ДЫР КЕЛІНІ
 ҚИЯДАН МАМАРҚАҒАҰЛЫ 1922-1973
 ҚИЯРҒАҰЛЫ ОМАРҚЫЗЫ 1936-1993
 РАЗДЫҚ КЕЛІНІ
 ҚАРАТБЕК ҚАРАҚАҒАҰЛЫ 1926-2008
 НОҒАЙ РАЗДЫҚ КЕЛІНІ
 ОРЫНҚА ТӨЙБЕКҒАҰЛЫ 1935-1984
 ҚИЯРҒАҰЛЫ СҰРАҚАҒАҰЛЫ 1913-1988
 РАХИМТІЛ ДАҚҚАДҚАҒАҰЛЫ 1912-1987
 РАШИД ДА ТАРШАҚҚЫЗЫ 1928-1986
 АРСАТТІ
 ҚАЗАҚ АҚАҒАҒЫН 1936-2008
 ШАДБАЙ КЕЛІНІ
 БАҒАТ БЕРДИҒАҒАҰЛЫ 1949-2003
 ҚАСАБААТТІ
 СӨРІТҚАҒАР ИМАНАЛЫҒАҰЛЫ 1914-1986
 БИРСЫМАН ӘДІЛҚАДЫҒАҰЛЫ 1928-1986
 ҮРМЕТБЕК ҚИЯРҒАҒАҰЛЫ 1932-2007
 ҰБАЙ ТАБЫАДЫҒАҰЛЫ 1901-1942

ЕЛБАСҚАРҒАН ЖЕРАЕСТЕРІМІЗ

ӘБИХАН СПАНАЛЫҒАҰЛЫ 1922-1989
 ӘБДІХАН СПАНАЛЫ
 (ТІЛЕНШІ) 1926-1988
 ӘСАБЕК АЯЗБАЙҒАҰЛЫ 1927-1989
 ӘНИПА АМАНЖАҚҚЫЗЫ
 ТАБИНАДЫ КЕЛІНІ 1909-1972
 АҚЫЛБЕК НҮСІПБЕК
 АҚЫНБЕК БАЙҒАҒАҒАҰЛЫ 1935-2006
 АСҚАР ҚОШҚИМБАЙҒАҰЛЫ 1935-2002
 БУЫШПАРА ӘБЖАНҚЫЗЫ
 ИБА КЕЛІНІ 1917-1986
 ЗИЯТБЕК СӘДІБЕКҒАҰЛЫ 1927-1985
 ҚАСАБЕК НҮРӘДІАҒАҰЛЫ 1929-2009
 ҚАУТБЕК АЙҚОЖАҒАҰЛЫ 1921-1987
 МАМАРҚАЛ СЕЙДІБАЙҒАҰЛЫ 1910-1973
 СӨТТІБЕК ҮСЕНБЕКҒАҰЛЫ 1904-1978
 СӘМЕТ ҒІЛІЗБАЙҒАҰЛЫ 1929-1989
 САИДА НУРАХАНҒАҰЛЫ 1947-2006
 ТАЛПА НУРАХАНБЕК ҒАҒАҰЛЫ 1939-1980
 ТЕЗЕКБАЙ ӨБЕНҒАҰЛЫ 1931-1987
 ТЕМІРЖАН ШАЙХМЕТҒАҰЛЫ 1938-1989
 ТОҚТАСЫН КЕНЖЕБЕКҒАҰЛЫ 1937-2004

**1941-1945 ж.ж.
 ТЫЛАДА ЕҢБЕК ЕТКЕНДЕР**

ӘБДІҚАЛЫ ЫСАБЕКҒАҰЛЫ
 (САРЫ БІН) 1908-1978
 ӘБДУА МҮСАҒАҒАҰЛЫ 1920-1983
 ӘБДУА ҚАБЫЛБЕКҒАҰЛЫ 1930-2008
 ӘБДУА ҚАШЫРБАЙҒАҰЛЫ 1902-1969
 ӘБДУА ИСАҒАҒАҰЛЫ 1912-1986
 АЗЫБАН ІЛІЗБАЙҒАҰЛЫ 1939-1988
 БОТНАЙ РАХИМБЕРДІҒАҰЛЫ 1916-1983
 БАПАТАЙ ҚАДЫБАЙҒАҰЛЫ 1901-1977
 БЕГІНАШ АСҒАМБЕКҚЫЗЫ
 ТӨКВАЙ КЕЛІНІ 1913-2007
 БУЫҚА БҮТІНҚЫЗЫ
 ҚУТТЫҚ КЕЛІНІ 1907-1982
 ЕСБЕРГЕН МҮСАБЕКҒАҰЛЫ 1901-1985
 ЖАҚЫНБЕК АЙЫМБЕКҒАҰЛЫ 1900-1984
 ЖАЙЛАП ТЕМІРБАЙҒАҰЛЫ 1981-1986
 ЖАРЫҚАЛ ТОНБАЙҒАҰЛЫ 1897-1982
 ЖҮСЕМБАН ӘЛІМҚАҒАҒАҰЛЫ 1907-1950
 ЗӘУІРБЕК ОТАРБАЙҒАҰЛЫ 1885-1978
 ИБА СҰЛТАШБЕКҒАҒАҰЛЫ 1979-1988
 ИБАТ ИЯЗҚАҒАҒАҰЛЫ 1928-1989
 ҚАБЫЛБЕК ДИҚАНБАЙҒАҰЛЫ 1888-1973

БЕКТЕМІС ЕЛІНЕН ШЫҚҚАН
 ЕСІМДЕРІ ҰМЫТылмай келе
 ЖАТҚАН СӨЗ САЛДАҚТАРЫ
 ӨЗІБЕК, БАЛҚЫБЕК, ӘСЕР,
 СЫДЫҚ, КӨРКЕМ,
 ЖАРҚЫНАЙДЫҢ МҮРАЛАРЫ
 БОЛШАҚ ҰРПАҚТАРҒА
 ЖЕТКІЗУШІ
 ЕЛДЕС ОМАРОВ ҮС
 ЖІЛДАРЫНДАҒЫ ТЫЛ
 ЕНБЕККЕРІ, ҚАЗАҚ КСР
 ЖОҒАРҒЫ КЕНЕС ҚҰРМЕТ
 ГРАМОТАСЫНЫН "ЕҢБЕК
 ҚИЯЛЫ ТҮ" (Төле би) меркі

Ал көшенің екі қапталын ала орналасқан саяжол басталар тұсында орнатылған тақтайшада Өзібек Ақжолұлы-ның өлеңінен алынған мына үзінді жас ұрпақтың санасына тәрбие дөнегін себері анық қой.

**АДАМ БОЛАР ЖАС ҰЛАП,
 КІСІЛІК ҮЙРЕН БАСЫШАП,
 АЛҒАН БІЛІМ, ҒИБРАТЫҢ,
 СУДАЙ БОЛСЫН ТАСЫҒАН,
 ҚЫЗМЕТ ҚЫЛМАЙ ХАЛЫҚКА,
 ДЕМЕ БАҚТЫ АСЫРАМ,
 БЕЙШЕТПЕН ЖҮРІП ОРЫН АЛ,
 ЖАҚСЫ – ЖАЙСАҢ ҚАСЫШАП,
 ӨЗІБЕК АҚЖОЛУҒАҰЛЫ**

Бұл саяжолдағы әрбір 30-дан асатын тақтада осы өңірдің танымал тумаларының суреті мен қысқаша өмірбаяндық дерегі берілген. Соның бірі 99 жасқа келіп өмірден озған қарапайым еңбек адамы, Социалистік Еңбек Ері Оңғарбаеваға арналған. Міне, өздеріңіз көріп отырғандай халық жадында сақталған ауыл тарихы осылайша тасқа қашалып жазылып, өскелең ұрпақтың ұлттық санасын оятып, Ел мен Жер ұғымдарының мазмұна терең бойлап, туған өлкеге деген құрмет пен сүйіспеншілігін қалыптастырып қана қоймай, ұлт жадында өлке тарихының жатталуына қызмет етуде.

Келер ұрпаққа айтары бар қазыналы қарттардың тағы бір ауыз толтырып айтар шапағатты ісі – артына елеулі әдеби мұра қалдырған, бірақ тоталитарлық идеологияның қысандығынан, «замана зейілімен аты елеусіз боп келген үлкен ақын»

Өзібек Ақжолұлының поэзиясын жинақтап, «Үриятнама» деген атпен баспадан шығаруы. Ақынның шығармашылығы «имандылыққа, адамгершілік қағидаларын ұстануға, жақсылық жасауға, адал еңбек пен жасампаздыққа үндейді. Өзі өмір сүрген дәуірдің жан-жақты білімді ғұламасы, өлеңді жазып та, табан асты суырып та айта білген майталман сөз шебері болған ол Ислам дінінің хақ дін екендігін тебірене жырлаған, әлемге әйгілі туынды - Фирдоусидің «Шаһнамасының» жекелеген тарауларын қазақша сөйлеткен.

Есімі елмен бірге жасап келе жатқан, қазақ әдебиеті классиктерінің, өзімен тұрғылас халық ақындарының, сондай-ақ әдебиет зерттеушілерінің бірнеше буынының жоғары бағасын алған Өзібек Ақжолұлының кезінде қазақ пен қырғыз елінде кеңінен таралып, жүректерге жатталып қалған шығармалары бүгінгі ұрпақ кәдесіне де молынан жарары анық» [4].

Өзіндік ақындық мектебі болған шайырдың ел аузынан, Ұлттық ғылым академиясы Орталық ғылыми кітапханасының сирек қолжазбалар қорынан, баспасөзде бұрын жарияланған мұраларын жинақтап, оқырмандарға ұсынылынуына да осылайша ауыл қариялары мұрындық болып отыр.

Ауыл жастарына рухани тәрбие беруде қариялық қазынасын бөлісіп, осындай игілікті істердің ұйымдастырушы болып жүрген Омаров Елдес аға 1936 жылы осы «Тереңөзек» ауылында өмірге келген.

1954 ж. Жамбыл есеп техникумын, сырттай ҚазМУ-дің экономика факультетін, Алматы Жоғары партия мектебін тәмамдаған. Еңбек жолын ауылдық кеңестің «Қызыл отау» меігерушілігінен бастап, Байзақ ауданының комсомол комитетінің нұсқаушысы,

сектор менгерушісі, ұжымшарда экономист, жоспарлау бөлімінің менгерушісі, Луговой, Жамбыл аудандарының аудандық партия комитетінде әртүрлі лауазымдық қызметтер атқарған. 1996 ж. зейнетте шыққалы осындай өнегелі де игі істердің бастамашы ғана емес, белсенді ұйымдастырушы, сондай-ақ өңірге аты мәлім акын-жыраулардың мұрасын тамшылап жинақтап, баспадан шығаруда да көп ізденіп жүрген қария. Атам қазақтың «Қарты бар ауыл – қазыналы ауыл» деген аталы сөзін іспен көрсетіп отырған осындай қариялар ұзақ жасасын.

Сөз соңында айтарымыз, ел мен жер тарихын түгендеп, өскелең ұрпақ көдесіне жаратуға еңбек етіп, зейнеткерлік жасында талмай ізденіп, ұлт болашағына алаңдап, рухани жаңғыруымызға үлесін қосып келе жатқан ауыл қарияларына және оларға қолдау көрсетіп отырған жергілікті басшыларға алғысымызды білдіре отырып, еліміздің көркеюіне осылайша ат салысайық демекпіз! Қазыналы қарттарымыз аман болсын!

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Назарбаев Н.Ә. // http://www.inform.kz/kz/elbasy-makalasy-bolashakka-bagdaruhani-zhangygu_a3016293 (қаралған уақыты - 20.04.2017)
2. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Том 6. – 1960. – С.72-92
3. Ақжолұлы Ө. Үриятнама. / Құраст.: Т. Толқынбаев. Ред. А. Бекбосын. – Алматы: «Алаш», 2009. – 176 б.

Z.M. Tolenova,

Head of Department of the Ch.Ch. Valikhanov
Institute of History and Ethnology,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

THE HISTORY OF THE WISE OLD MEN CARVED IN THE STONE – FOR POSTERITY

(Based on the materials of the historical and cultural expedition to the Zhambyl region)

Annotation

The article deals with the exemplary action of the country's patriots who made a special park alley in the middle of the village and put up stony slabs with some pages from the history of people's memory carved into it. Preservation of the national culture sources, the villages' history is an urgent task of spiritual modernization of Kazakhstan.

Keywords: national history, oral history, memory, aul, land, personality, elder, Akzhol Ozibekuly.

З.М. Толенова¹

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Зав. отделом внешних связей, информации и научного
кластера, к.и.н., доцент

ИСТОРИЯ МУДРЫХ СТАРЦЕВ, ВЫБИТАЯ НА КАМНЕ – УРОК ПОТОМКАМ

(На основе материалов историко-культурной экспедиции в Жамбылской области)

Аннотация

В статье говорится о достойном подражания поступке патриотов страны, сделавших специальную парковую алею посреди аула и поставивших каменные плиты с выбитыми на ней некоторыми страницами из истории народной памяти. Сохранение истоков национальной культуры, истории аулов является актуальной задачей духовной модернизации Казахстана.

Ключевые слова: национальная история, устная история, память, аул, край, личность, старец, Акжол Озибекулы

**ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES**

УДК 929.624(574)

А. Ш. Бимендиев¹

¹Независимый исследователь, к.т.н.,
г. Алматы, Казахстан

**НЕКОТОРЫЕ ИНСИГНИИ ХАНСКОГО ДОСТОИНСТВА
(Истоки геральдических знаков казахских чингизидов)**

Аннотация

В статье ставится вопрос о некоторых инсигниях ханского достоинства. В частности, лук и стрела как инсигнии, по мнению автора, стоят у истоков геральдических знаков казахских чингизидов. Вполне вероятно, что казахские чингизиды унаследовали представления о значении лука и стрелы как символов власти и как культовые предметы кочевой цивилизации от предшествовавших правящих элит эпохи древности и средневековья. В качестве аргументов, зафиксировавших их семантическое осмысление, автор приводит сведения различных источников, среди которых письма казахских ханов и пайцзы золотоордынских ханов Токты и Узбека; записи и зарисовки Я.П. Гавердовского и А.И. Левшина, англичан Джона Касла и Томаса Аткинсона, а также акварели француза А. де Барбиша.

Ключевые слова: лук, стрела, сабля, символ власти.

В историографии известны случаи, когда к предметам, относящимся к ханским регалия, подчеркивающим особое положение их владельцев, относили – лук, стрелы, колчан и саблю.

В письме султана Ширгазы, сына Айчувак-хана (от 10 октября 1758 г.) к вице-канцлеру, графу М.И. Воронцову, в связи с инцидентом нападения на его сына Жангоре-хана, приводятся такие слова: «... разграбили и увели различного рода *достойные ханского звания и ханского положения* (курсив наш. – А.Б.) драгоценные камни и другие различного рода весьма ценные вещи. В особенности обесчестили и унизили нас тем, что увезли дарованные вашим царским двором при возведении несчастного мученика нашего сына на *ханское достоинство* весьма ценную *шубу, саблю, шапку* (курсив наш. – А.Б.) и ваш указ-ферман на ханствование» [1, с. 460].

Об особом статусе «садака» (колчан) и лука напоминают строки, сохранившегося письма хана Младшего жуза Абулхаир-хана от 1 октября 1737 г. полковнику А.И. Тевкелеву «... Прошу мне прислать *серебряной сайдак* да один *лук* (курсив наш. – А.Б.)» [2, с. 121].

Хотя сам А.И. Тевкелев в период пребывания в ставке хана наблюдал, что «из них (казахов) всяк про себя и ружье употребляют фитильное, а притом немногие имеют и луки...» [3, с. 136], т.е. лук и садак Абулхаир просил не для усиления своего вооружения. Здесь имеется другой подтекст.

В.В. Вельяминов-Зернов в своей известной работе «Исследование о касимовских царях и царевичах» отмечает, что царевич Авган-Мухаммед как минимум дважды преподносил лук и стрелы в дар царю Михаилу Федоровичу в 1632-1633 гг. и 11 июня 1633 г. [4, с. 52; 5, с. 286].

Следует отметить, что стрела выполняла в кочевом мире разнообразные функции. Так, в Сибирских летописях и в книге Г.В. Миллера зафиксирован

старинный татарский способ оповещения о войне путем рассылки стрелы: «Царь же Кучум... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людям своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собралися и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтобы другой посылки не дождались, понеже де идет на нас неведомо какой лютой неприятель» [6, с. 559]. Из чего следует, что «стрелы золоченые» Кучум-хана служили символами правителя и государства, или являлись одной из систем оповещения и управления войск при экстренных ситуациях. Металлические наконечники стрел с фигурными «декоративными» элементами, непригодные для использования в боевых действиях, вероятно, имевшие другие «небоевые» функции и назначение, находил и описывал В.Н. Пигнагги [7, с. 24, табл. III]. Причем, это не единичные находки и они относятся ко времени правления Шайбанидов в Сибири, и наибольшее количество подобных наконечников обнаружено учеными при исследовании столицы Сибирского ханства – Искера. Несколько единиц таких наконечников из сборов И.М. Бутакова (1896 г.) и А.Ф. Палашенкова (1938 г.) хранятся в Омском историко-краеведческом музее [8, с. 198].

Наличие «особого назначения лука и стрелы» отразилось и в народных преданиях. Так, Р.С. Липец подчеркивает, что в эпических повествованиях для описания оружия богатырей, в т.ч. лука и стрел, характерна гиперболизация реальных форм, размеров и функциональных свойств. Она отмечает также, что помимо своего основного значения, стрелы в эпосе иногда предстают в качестве послания или средства доставки письма адресату [9, с. 69-77].

Приведенные данные и артефакты показывают, что стрелы в качестве символов власти, посольских полномочий или угрожающих посланий, сохранились у кочевых народов Центральной Азии и в период развитого и позднего средневековья. Примером может выступать стреловидный знак на пайцзах Токты и Узбека, апеллирующий к небесному пантеону. На аналогичной пайцзе 1361 г. есть надпись: «Благодаря силе Вечного Неба и помощи Великого могущества и сияния. Указ Кельдыбека. Кто не будет уважать, будет убит и умрет» [10, с. 135-136].

В эпических произведениях тюркских и монгольских народов стрелы символизируют неотвратимость кары за нарушение произнесенной клятвы. Эпические персонажи в подтверждение своих клятвенных обещаний лизали острие наконечников стрел, в знак того, что за нарушение клятвы они будут поражены этими стрелами. Также, стрелы символизировали властные и посольские полномочия, как собирательный образ оружия и угроза его применения, также использовались в обрядах охранительной магии [9, с. 69-77].

Например, Дж. Касл в своем путевом дневнике приводит свои наблюдения, что с помощью стрелы, в частности, могли предсказывать будущее (гадание) [11, с. 45- 46, табл. V].

Историограф Мухаммада Шайбани-хана, описывая битву шайбанидов с казахским войском Махмуд-Султана, сына Джанибек-хана в крепости Сузак, указывает на наличие некоего «царского лука»: «(вскоре) войско оказалось перед крепостным рвом Сузака. ... Напрягши силы для сражения, они сошлись. Повсюду [Мухаммад Шайбани-хан] с царским луком в руке. Появляется, крепко натянув тетиву кольцом, надетым на большой палец. Хлынул такой ливень стрел...» [12, с. 74].

Здесь автор особо подчеркивает, обособляя лук хана как «царский лук». Можно признать естественным, что ханское вооружение отличалось от оружия рядовых воинов и отделкой, и статусом. По историческим источникам хорошо известно, что и казахские ханы и шайбаниды в бесчисленных ожесточенных боях и битвах за господство в Дешт-и Кипчаке и за присырдарьинские города, лично с оружием в руках участвовали в гуще событий. Поэтому выделение «царского лука» показывает статус владельца, а лук как атрибут предводителя.

Известный путешественник П.Паллас в своих описаниях родов и племен, обитающих в Шории, писал: «Кобынское поколение состоит из 53 луков, Каргинское из 40» [13, с. 508]. Эти данные говорят о том, что для тюрко-монгольских народов Алтая и Сибири большое значение имел в то время лук, если количеством луков определялась численность рода или племени.

Рашид-аддин в «Сборнике летописей» описывает случай, когда колчан государя приравнивался к его владению, званию, т.е. ханскому достоинству. Это можно увидеть в послании Таян-хана, государя найманов к государю онгутов Алакуштегин-Кури со словами: «... Будь моей правой рукой и помоги мне ратью, дабы мы захватили его (Чингиз-хана. – А.Б.) колчан [киш], т.е. его звание [мансаб]» [14, с. 146]. Смысл, заложенный в обладании колчаном более подробно, глубже можно разглядеть в речи Бэлгутея, брата Чингиз-хана на курултае, созванном Чингиз-ханом в связи с притязаниями Таян-хана на его власть: «Если племя найман возьмет твой колчан, наши кости не будут лежать вместе. Они притязают на господство над [нами] вследствие того, что обладают великим улусом и многочисленными табунами и отарами. А с большим его улусом, многочисленными табунами стадами, что можно сделать? Если мы опередим [их, найманов], то разве трудно взять их колчан?!» [14, с. 147]. Как видно, в тюрко-монгольском кочевом обществе «колчан предводителя» (с его содержимым, т.е. луком и стрелой) подразумевался как его улус, с табунами и отарами.

Следует обратить внимание на особую роль символов этих атрибутов в средневековой «Чингизовой» геральдике. Так, по данным Рашид ад-Дина, среди множества видов тамг (печатей) Чингисова двора, которые ставили на разные ярлыки и приказы разные должностные лица в связи с важностью их содержания «для [ярлыков] о выступлении [в поход] и расположении на месте войск – особую тамгу из золота с тою же установленной подписью и узором, но по окружности ее изобразили лук, булаву и саблю. Приказ был таков: до тех пор, пока войско не увидит этой тамги, оно по слову эмиров и кого бы то ни было в поход не выступало и на месте не располагалось, за исключением сторожевых войск, [охраняющих] важные [участки] границ, и небольших, стерегущих дороги, отрядов, которые выступают и останавливаются по слову своих эмиров» [15, с. 276].

Возвращаясь к «золотой стреле» Кучум-хана, хотим обратить внимание на историческую параллель и «наследование» некоторых этих атрибутов в геральдике Сибири после завоевания этих территорий Московским царством. Так, Е.В. Пчелов в своей работе «Символы Сибирского царства» отмечает: «Собственно геральдическое обозначение Сибирской земли впервые встречается на известной большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. Здесь «печать Сибирская» (на оборотной стороне большой печати) представляет собой стрелу, направленную от расположенного в центре двуглавого орла (в противном случае стрела угрожала бы ему), рис. 1. Эта печать находит соответствие на лицевой стороне большой печати в Вятской эмблеме, изображающей натянутый лук со стрелой» [16, с. 17]. Хотя автор этой работы видит корни лука со стрелой в охотничьих традициях местных жителей, нам представляется, что это семантически восходит к тюрко-монгольским пластам, которые действительно уходят корнями в охотничьи традиции, но с древними «шаманскими» и тенгрианскими

Рис. 1. Печать Сибирской губернии. 1710 г. Из книги Н.А. Соболева «Российская областная и городская геральдика XVIII-XIX вв.» (М.: Наука, 1981, с. 235).

мировоззренческими представлениями [17, с. 64-76]. Поэтому композиция, где изображены два стоящих на задних лапах соболя, держащие передними лапами корону и лук с двумя перекрещенными и направленными вниз стрелами, является эмблемой, соответствующей титулу «царь Сибирский». Существовала определенная инвариантность в изображениях гербов Сибирского царства в XVII в., основным элементом которых были два соболя, а между ними располагались дерево (кедр) или стрела, или лук со стрелами и корона, рис. 2. Как отмечает Е.В. Пчелов: «Есть сведения, что сибирский герб являлся и родовым гербом потомков Кучума, князей Сибирских, однако высочайше утвержден в качестве такового он не был и в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи он не значится» [16, с. 21].

Подчеркнутое присутствие соболя в регалиях чингизидов, хорошо описывается военными посланниками, посетившими казахские жузы в XVIII–XIX вв. для изучения и исследования казахской степи. Вот как описывает церемонию возведения в ханское достоинство казахского чингизида в Средней орде Я.П. Гавердовский: хан входит на возвышение, окруженное российскими чиновниками и казахскими родоначальниками, его облачают в соболью шубу, шапку и подпоясывают богатою саблею с приличною на оной подписью [18, с. 462].

Другой исследователь А.И. Левшин запечатлел обряд преподношения сабли как знак: «...Татищев надел на Абулхаира, хана Младшего жуза богатую, золотом оправленную саблю, которую как особенный знак милости хан должен был обнажать только против врагов России» [19, с. 176]. После смерти отца Абулхаир-хана, «в июле 1749 года по приглашению Неплюева прибыл Нурали с знатнейшими султанами, старейшинами и множеством народа к Оренбургу... для торжественного возведения его в ханское достоинство... Потом надета на него соболья шуба, шапка и сабля, от двора присланные» [19, с. 217]. Эти регалии власти, которые были пожалованы Российской империей, не только подчеркивали их особое положение и признавали за чингизидами в этих регалиях особые знаки их власти над Степью, но также требовали и покорности. А.И. Левшин говоря о поездке султана Тугума, сына Аблай-хана в Петербург пишет: «... Тугум был принят весьма милостиво. И 22 октября 1778 г. отец его императорскою грамотою утвержден ханом Средней орды. Грамота сия и снею соболья шуба, сабля, шапка и проч. присланы были в Оренбург... Аблай и на сем условии не согласился дать новой присяги в верности. Он полагал, что требование от него наружных знаков покорности имели целью сделать его сомнительным в глазах китайцев..., а потому все сделанные ему со стороны России предложения были безуспешны и предназначенные ему грамота, равно как и прочие знаки ханского достоинства остались в Петропавловской крепости, против которой жил он в построенном ему от правительства русского дома» [19, с. 255].

Естественно, что претенденты на ханский престол в казахской степи с оружием в руках доказывали свой почетный титул «бахадур» («батыр»). Ханам провозглашались не обязательно самые знатные по происхождению и близкие по родству к предшествующему правителю чингизиды, а самые сильные, влиятельные

Рис. 2. Печать Сибирского приказа. Из книги Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова «Русская сфрагистика и геральдика» (М.: Высшая школа, 1974, с. 157).

и авторитетные среди кочевников султаны, особо проявившие себя в военной и организационно-управленческих сферах и, имевшие наибольшую поддержку кочевого народа и родоначальников.

Вот как описывал такие качества современник Абдаллах-хана (XVI в.), Шигай-хана и Таваккуля, участвовавший в совместном их походе против Баба-султана (мятежника, правителя Ташкента): «На следующий день победоносный хахан [^Абдаллах-хан] назначил в авангард отряда, находившегося на правой стороне, одного из казахских султанов, Шигай-хана, который вырос в степи и пустыне, видел трудности при совершении великих дел, на протяжении многих лет вкушал со стола времени и сладкое, и горькое. [Туда же хан назначил] и его сына Таваккул-султана, который по храбрости, смелости и мужеству является единственным во [всем] мире [букв; «в горизонтах»] и славится в Дашт-и Кипчаке» [12, с. 275].

В кочевом обществе умение обращаться с луком и саблей, красноречивее других достоинств указывало на внешние знаки, они являлись теми символами, которые подчеркивали особое положение их владельца.

«Я остановлюсь на том хане, о котором могу что-то рассказать. Итак: Абул Гейер Хан – мужчина высокого роста, благообразный, с бело-румяным лицом, общительный, добрый и очень сильный. Никто из мужчин его нации не сумеет натянуть лук так, как он» [11, с. 109] писал в своем дневнике Джон Касл, спецпосланник статсоветника Кирилова в 1734 году, побывавший в летовке самого Абулхайр-хана.

А.В. Беляков в работе «В поисках инсигний служилых чингизидов в России XVI–XVIII вв.» отмечает, что «Касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан 31 декабря 1603 г. на аудиенции у Лжедмитрия II обменялся с ним подарками. Чингизид преподнес позолоченную саблю, украшенную бирюзой, золотую цепь с драгоценными камнями. Лжедмитрий в ответ подарил царю нож из чистого золота» [4, с. 52]. В следующий раз «сабля кизилбашская, полоса булатная; ножны позолочены хозом черным; оправа железная, навожена золотом, была поднесена царевичем Авган-Мухаммедом царю Михаилу Федоровичу в 1632-1633 гг. [5, с. 286].

Таким образом, подаренные, полученные или специально пожалованные от чингизида или же, полученные чингизидом от сюзерена лук со стрелами, колчан и сабля – во взаимоотношениях властвующих, являлись внешними, или как выразился А.И. Левшин, «наружными» знаками покорности или лояльности, и в казахском обществе они однозначно рассматривались как регалии, признаваемые населением, подчеркивающие и показывающие особое положение их владельца.

Визуально это можно увидеть в средневековых миниатюрах, где изображен хан на троне, а рядом лук и колчан полный стрел, рис. 3. Как отмечали европейские путешественники, «в кибитке... и по сторонам развешиваются сабли, ружья, луки со стрелами...» [19, с. 296].

В своих великолепных иллюстрациях к «Дневнику» под названиями «Аудиенция Кэстля у хана», «Аудиенция Кэстля у ханши, которой он передает подарки», Дж. Касл дал описание юрты Абулхайр-хана: слева от входа, ниже

Рис. 3. Чингиз-хан принимает своих сыновей на берегу реки Сырдарья. Миниатюра из рукописи Масуда ибн Усмана Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». 1540-е гг., Самарканд. Из книги Г.Пугаченковой и О.Галеркиной «Миниатюры Средней Азии в избранных образцах» (М.: Изобразительное искусство, 1979, с. 104-105).

тронного места хана «под трехцветным балдахинном из красно-желто-белого флера», на стене юрты висят ханский лук с полным комплектом стрел колчаном, сабля и мылтык (огнестрельное оружие) [11, с. 29, табл. III-IV], рис. 4; 5.

Важность сабли и лука со стрелами можно увидеть в обрядовой сцене похорон чингизида на рисунке, выполненном французским художником Барбишем, очевидцем этой церемонии в Восточном Казахстане в 1790-х годах, рис. 6 [20, с. 34]. Вышеназванные атрибуты сопровождают покойного в последний путь вместе с его знаменем и, как отмечал другой европейский путешественник и художник Аткинсон, оказавшийся свидетелем похоронной церемонии другого чингизида в Нор-Зайсане в 1850-х годах – эти атрибуты являются эмблемой «сана» покойного [21, с. 86].

Два соболя и лук со стрелой, составляющие основу герба Сибирского царства XVII в., хотя Высочайше утвержден не был в качестве родового герба потомков Кучума, они нашли свое место среди геральдических знаков казахских чингизидов. Чуждое, на первый взгляд кочевой цивилизации, слово «геральдика» наполнено «восточным» колоритом, например, непонятное для европейцев «геральдические названия цветов производят с Востока, откуда вместе с новыми гербами принесли крестоносцы» [22, с. 33]. «Мехов, причисляемых к геральдическим цветам, два: горностаевый и беличий». Мы уже рассматривали в предыдущих работах основные элементы герба князя Чингиса, третьего сына покойного хана Внутренней Букеевской Орды Джангира Султан Ахмет-Герее, Высочайше утвержденный 14 января 1866 года, рис. 7а-б [23, с. 24-36].

В этой работе нас интересуют геральдические элементы этого герба, расположенные «в противогорностаевой главе щита, золотой лук, на котором косвенно накрест положены золотые секира и стрела остриём влево. Далее, щитодержатели: правый монгол в стёганой одежде и такой же шапке, с колчаном, опирается правой рукой на саблю; левый – киргиз (казах. – А.Б.) в шляпе с саблей держит в левой руке копьё». Надо подчеркнуть, что золотой лук и стрела восходят к древнетюркским мировоззренческим традициям и понятиям.

Л.П. Потапов отмечал древность лука и его значение для тюркоязычных племен Сибири и Алтая, таящееся в шаманских верованиях этих народов, насыщенных отражением общественных материальных процессов этого общества. В шаманстве этих народов лук и стрела имеют большое значение, потому что до появления бубна у алтайцев орудием культового действия являлись лук и стрела, и они же являются принадлежностью весьма древнего женского божества Умай. Несомненно, до появления шаманского бубна стрела, как и лук, выполняли роль культового орудия [17, с. 71].

Рис. 4. Первый фрагмент с изображением оружия на литографии по рисунку Джона Касла 1736 г. Издание 1784 г.

Рис. 5. Второй фрагмент с изображением оружия на литографии по рисунку Джона Касла 1736 г. Издание 1784 г.

Древние предания бурят гласят, что во время общественных облав на зверей старший облавы обращался перед началом охоты с речью к духам, держа в руках стрелу [17, с. 74]. Л.П. Потапов приводит пример, что у дербютов во время жертвоприношений огню хозяин держал в руках стрелу [17, с. 74]. Он считает, что обладатели этих орудий рассматривались в обществе как носители, распорядители магической силы, «заклученной» в этих орудиях, и «обеспечивающей» успех, а значит – имели дар и особое свойство лидера, предводителя [17, с. 74].

Это показывает, что среди тюркоязычных народов Сибири (у алтайцев – тубалары) стрела является распространенным орудием культового действия, и магическая сила шамана связана со стрелой. «Сильный шаман», обладающий шаманской силой по наследству от умерших прежде родственников-шаманов (от предков), носит название «*uktu-kam*», что означает шаман, имеющий «*uk*» (*uk-ok* – стрела), т.е. «великий, сильный». Для светского лидера владение луком и стрелой, возможно так же означает некий символ наличия великих предков, а в гербе чингизида – «отложенную» харизму великого предка Чингис-хана.

Завершая мысли Л.П. Потапова о месте лука и стрелы в миропонимании народов Саян-Алтая, хотим привести развернутое «отражение» этих орудий в материальной сфере этого региона в древнетюркское время: «Весьма вероятно, ...у племен Северного Алтая лук и стрела являлись мерилем натурального обмена, выполняющим функцию денег (богатства. – А.Б.) подобно тому, как в Южном Алтае такой натуральной единицей обмена являлся годовалый баран («*tohtun*») (токты – на каз. яз. – А.Б.), а в Восточном Алтае еще во 2-ой половине XIX в. эту роль выполняла белка («*тиын*» – на каз.яз. – А.Б.). У шорцев, тубаларов и алтайцев для обозначения слова «деньги» употребляют термин «окса», что означает «стрела», «лук». У шелканцев и кумандинцев «ок» – стрела, а «са» – лук; у шорцев мелкая монета называется «ок – окса», т.е. также «стрела + лук» [17, с. 70-76]. Таким образом, термин «деньги», «окса» разьясняется как «стрела + лук» (акша – деньги – А.Б.).

Для нашего «геральдического» исследования здесь интересно то, что лук и стрела, кроме культового магического измерения, также являются мерилем богатства, состояния, возможно и потомственного наследия, а беличья шкурка, также являющаяся эквивалентом лука и стрелы, наравне с горностаем, является частью оформления и геральдическим цветом меха герба князя Чингиса. В связи с этим к месту будет высказывание Хазрата Ишана об условиях управления царством, приводимое автором

Рис. 6. Фрагмент акварели А. де Барбиша «Погребальное шествие казахов». XVIII в. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

Рис. 7. Герб князя Чингиса. а. Из книги Г.К. Мукатаева и М.В. Ирхина «Султан Губайдулла Чингизхан полный генерал от кавалерии. Документы и материалы» (СПб.: Изд-во М.В. Ирхиной, 2003, с. 69); б. Из книги J.Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch. 1. Band, 3. Abteilung, 3. Teil: 1894, Taf. 384

«Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдаром: «У Господа есть дворец, который называют адом, и тебя он сделал привратником того дворца. Он дал тебе три вещи, чтобы с их помощью ты держал народ – это богатство, меч и плеть. Богатством ты должен поставить преграду к бедности нуждающимся, чтобы они из-за крайней нужды не чувствовали обреченности. Притеснителей ты должен истребить мечом, а развратников проучить хлыстом. Если ты поступишь так, то спасешься сам и спасешь народ. Если делать наоборот, то ты раньше всех отпавишься в ад, а другие – вслед за тобой» [24, с. 432].

Список использованной литературы

1. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введ., биогр. ханов, науч. коммент.; сост. и ответ. ред. И.В. Ерофеева. – Т. II: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – 1032 с.
2. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введ., биогр. ханов, науч. коммент.; сост. и ответ. ред. И.В. Ерофеева. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – 696 с.
3. Из истории Казахстана XVIII в. Вводная статья А. Б. // Красный архив. 1938. – № 2 (87). – С. 129–173.
4. Беляков А.В. В поисках инсигний служилых Чингисидов в России XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 1 (59). – С. 50–59.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть третья. – СПб.: Имп. АН, 1866. – 502 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. II. – 637 с.
7. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под августейшим его императорского величества покровительством. Год 23. 1915. Выпуск XXV. – Тобольск: Типография Епархиального братства, 1915. – С. 1–36.
8. Татауров С.Ф. Маркеры государственности для Сибирского ханства в археологических материалах // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – С. 193–200.
9. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 264 с.
10. Спицын А.А. Татарские байсы // Известия Императорской археологической комиссии. – СПб., 1909. – Вып. 29. – С. 130–141.
11. Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды: перевод с немецкого Вольфганга Штаркенберга. – Алматы: Жибек жолы, 1998. – 152 с. – 13 ил.
12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата, 1969. – 651 с.
13. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина 1-я. 1772 и 1773 гг. Перевел В.Зуев. – СПб.: при императорской Академии наук, 1788. – 624 с.
14. Рашид ад-дин. Сборник летописей. – Т. 1. Кн. 2. Пер. с перс. О.И. Смирновой. Прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой Ред. проф. А.А. Семенова. – М.; Л., 1952. – 315 с.
15. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А.К. Арендса. Под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. – 340 с.

16. Пчелов Е.В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(66). – С. 13-22.
17. Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С.64-76.
18. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 620 с.
19. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
20. Бимендиев А.Ш. Знамя как символ власти казахских ханов-чингизидов (по изобразительным и этнографическим источникам) // Отан тарихы. – 2015. – № 3. – С. 18-46.
21. Бимендиев А.Ш. Символы власти казахских чингизидов. Трон – как феномен кочевой культуры // Отан тарихы. – 2015. – № 4. – С. 75-98.
22. Лакиер А.Б. «Русская геральдика». – М.: Книга, 1990. – 432 с.
23. Бимендиев А.Ш. Геральдика казахских чингизидов как источник истолкования символов власти в средневековье // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. Материалы семинара Государственного Эрмитажа. 17 марта 2017 г. – СПб: Государственный Эрмитаж, 2017. – С. 24-36.
24. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Введ., пер. с перс. яз. А.Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Прим. и указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. – Ташкент: Фан, 1996. – 728 с.

References

1. Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah / Avtor proekta, vved., biogr. khanov, nauch. komment.; sost. i otvet. red. I.V. Yerofeyeva. T. II: Pisma kazakhskikh praviteley. 1738–1821 gg. – Алматы: АО «ABDI Company», 2014. – 1032 с.
2. Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyaschey elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah / Avtor proekta, vved., biogr. hanov, nauch. komment.; sost. i otvet. red. I.V. Yerofeyeva. T. I: Pisma kazakhskikh praviteley. 1675–1780 gg. – Алматы: АО «ABDI Company», 2014. – 696 с.
3. Iz istorii Kazakhstana XVIII v. Vvodnaya statya A. B. // Krasnyi arkhiv. 1938. – № 2 (87). – S. 129–173.
4. Belyakov A.V. V poiskah insigniy sluzhilyih Chingissidov v Rossii XVI–XVII v. // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. – 2015. – № 1 (59). – S. 50-59.
5. Velyaminov-Zernov V.V. Issledovanie o Kassimovskikh tsaryah i tsarevichah. Chast tretya. – SPb.: Imp. AN, 1866. – 502 s.
6. Miller G.F. Istoriya Sibiri. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1937. – Т. II. – 637 s.
7. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) // Yezhegodnik Tobolskogo gubernskogo muzeya, sostoyashchego pod avgusteyshim ego imperatorskogo velichestva pokrovitelstvom. God 23. 1915. Vypusk XXV. – Tobolsk: Tipografiya Yeparkhialnogo bratstva, 1915. – S. 1-36.
8. Tataurov S.F. Markery gosudarstvennosti dlya Sibirskogo khanstva v arkheologicheskikh materialah // Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novyye dannyye: mat-ly Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2014. – S. 193-200.
9. Lipets R.S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongolskom epose. – М.: Nauka, 1984. – 264 s.
10. Spitsyn A.A. Tatarskie baisy // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. – SPb., 1909. – Vyip. 29. – S. 130-141.
11. Castle J. Dnevnik puteshestviya v godu 1736-m iz Orenburga k Abulkhairu,

khanu kirgiz-kaysatskoy ordy: perevod s nemetskogo Volfganga Shtarkenberga. – Almaty: Zhibek zholy, 1998. – 152 s. – 13 il.

12. Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) Sost.: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. – Alma-Ata, 1969. – 651 s.

13. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva. Ch. 3. Polovina 1-ya. 1772 i 1773 gg. Perevel V.Zuev. – SPb.: pri imperatorskoy Akademii nauk, 1788. – 624 s.

14. Rashid ad-din. Sbornik letopisey. –T. 1. Kn. 2. Per. s pers. O.I. Smirnovoy. Prim. B.I. Pankratova i O.I. Smirnovoy. Red. prof. A.A. Semenova. – M.; L., 1952. – 315 s.

15. Rashid ad-din. Sbornik letopisey. T. III. Per. s pers. A.K. Arends. Pod red. A.A. Romaskevicha, E.E. Bertelsa i A.Yu. Yakubovskogo. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1946. – 340 s.

16. Pchelov E.V. Simvoly Sibirskogo tsarstva // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 4(66). – S. 13-22.

17. Potapov L.P. Luk i strela v shamanstve u altaytsev // Sovetskaya etnografiya. – 1934. – № 3. – S.64-76.

18. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov. Tom V: Pervyye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka / Sost. I.V. Yerofeyeva, B.T. Zhanayev. – Almaty: Dayk-Press, 2007. – 620 s.

19. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'yih, ili kirgiz-kaysatskih, ord i stepey. – Almaty: Sanat, 1996. – 656 s.

20. Bimendiev A.Sh. Znamya kak simvol vlasti kazakhskikh khanov-chingizidov (po izobrazitelnyim i etnograficheskim istochnikam) // Otan tarihy. – 2015. – № 3. – S. 18-46.

21. Bimendiev A.Sh. Simvoly vlasti kazakhskikh chingizidov. Tron – kak fenomen kochevoy kultury // Otan tarihy. – 2015. – № 4. – S. 75-98.

22. Lakier A.B. Russkaya geraldika. – M.: Kniga, 1990. – 432 s.

23. Bimendiev A.Sh. Geraldika kazakhskikh chingizidov kak istochnik istolkovaniya simvolov vlasti v srednevekov'ye // Geraldika – vspomogatelnaya istoricheskaya distsiplina. Materialy seminaru Gosudarstvennogo Ermitazha. 17 marta 2017 g. – SPb: Gosudarstvennyi Ermitazh, 2017. – S. 24-36.

24. Mirza Muhammad Haydar. Tarih-i Rashidi. Vved., per. s pers. yaz. A.Urunbaeva, R.P. Dzhaliilovoy, L.M. Yepifanovoy. Prim. i ukaz. R.P. Dzhaliilovoy i L.M. Yepifanovoy. – Tashkent: Fan, 1996. – 728 s.

Ә. Ш. Бимендиев¹

¹Тәуелсіз зерттеуші, техн.ғ.к.,

Алматы қ., Қазақстан

ХАНДЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫҢ КЕЙБІР ИНСИГНИЯЛАРЫ (Қазақ ақсүйектері белгілерінің геральдикалық бастаулары)

Түйін

Берілген мақалада хандық құндылықтардың кейбір инsigниялары туралы мәселе көтеріледі. Атап айтқанда, садақ және жебе инsigниялар ретінде, автордың пікірінше, қазақ ақсүйектері белгілерінің геральдикалық бастауынан орын алады. Қазақ ақсүйектері садақ пен жебені билік нышаны және көшпелі өркениеттің бірегей бұйымдары ретінде қабылдауды өзінен бұрынғы көне және орта замандағы билік элитасынан мұра етіп алғаны әбден мүмкін. Олардың семантикалық мәнін көрсететін дәлел ретінде автор әр түрлі дереккөз мәліметтерін ұсынады, оның ішінде қазақ хандары мен алтынордалық Тоқта және Өзбек хандарының таңба-

белгілері; Я.П. Гавердовский және А.И. Левшиннің ағылшын саяхатшылары Джон Касл және Томас Аткинсонның жазбалары мен суреттемелері, сонымен қатар француз суретші А. де Барбиштің акварель суреттері де бар.

Түйін сөздер: садақ, жебе, қылыш, билік нышаны.

A. Sh. Bimendiyev¹

¹Independent Researcher, Candidate of Technical Sciences,
Almaty, Kazakhstan

SOME INSIGNIAS OF THE KHAN DIGNITY (Origins of the heraldic signs of Kazakh Gengizides)

Summary

The article raises the question of some insignias of the khan's dignity. In particular, the bow and arrow as an insignia, according to the author, stand at the origins of the heraldic signs of the Kazakh Gengizides. It is likely that Kazakh Gengizides inherited the notion of the value of bow and arrow as symbols of power and as cult objects of nomadic civilization from the preceding ruling elites of the antiquity and the Middle Ages. As an arguments that fixed their semantic understanding, the author adduces the information from various sources, among which there are letters of the Kazakh khans and paitzas of the Golden Horde khans Tokta and Uzbek; the records and sketches of Y.P. Gaverdovskiy and A.I. Levshin, the English travelers John Castle and Thomas Atkinson, and the watercolor drawings of the French painter A. de Barbiche.

Keywords: bow, arrow, saber, power symbol.

УДК: 622(574.4)(045)

Г.А. Алпыспаева¹

Ш.Н. Саяхимова¹

¹Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,
г. Астана, Казахстан

РАЗРАБОТКА НЕДР В ВОСТОЧНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ В XIX ВЕКЕ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация

В статье на основе анализа архивных документов и литературы рассмотрены вопросы разработки недр Восточного и Центрального Казахстана в XIX веке. История освоения российскими промышленниками месторождений в богатом полезными ископаемыми Казахстане рассматривается в контексте российской общеимперской политики по колонизации казахского края.

Ключевые слова: Восточный и Центральный Казахстан, руда, добыча, золото, медные и свинцовые руды, каменный уголь, заводы

Активная разработка богатых недр Восточного и Центрального Казахстана началась в XVIII столетии, когда в степь стали проникать русские землепроходцы, и была продолжена в XIX веке. Экспедиции И. Бухгольца (1715г.), И. Лихарева (1720 г.) и И. Унковского (1722 г.) изучали регион от бассейна реки Иртыш до озера Зайсан, горные системы Тарбагатай и Джунгарского Алатау [1, с. 3]. В списке первооткрывателей имена военных: капитан И.Г. Андреев (1785 г.), атаман Телятников (1796 г.), горные чиновники М. Пospelов и Т. Бурнашов (1800 г.),

переводчик Сибирского корпуса Ф. Назаров (1813 г.) и маркшейдер Алтайского горного округа И. Шанин (1816 г.) и др.

И.П. Шанин, изучая регион Восточного Казахстана, обнаружил в урочищах Кортпетай и Бесчюку немало древних выработок по добыче свинцовых и медных руд [2, с. 14]. В этот период были выявлены отдельные районы с богатыми природными ресурсами. Казахи, хорошо знавшие местность, помогали русским в поиске залежей руд, занимаясь розыскными работами. Подарками, щедрыми обещаниями купцы убеждали местных жителей заниматься поисками полезных ископаемых. Например, «Касум Пшембаев служил проводником у английских разведчиков недр. Общеизвестные месторождения Экибастуз, Майкаин, Жосалы, Найзатас, Майкубен, Александровка, Шонты-коль и многие другие имеют прямое отношение к Касуму. Он легко находил залежения руд, ориентируясь по камням и географическому строению местности, по растениям. Пшембаев стоял на службе в главной конторе купца Дерова в Павлодаре, его основной обязанностью было ездить по степи и искать месторождения угля, меди, железа» [3, л. 17]. В XIX веке на территории Казахстана стала развиваться добыча золота, серебра, свинца, активно поощряемая правительством. Поиски залежей полезных ископаемых в казахской степи российским правительством рассматривались как особо важное, государственное дело, так как государственной казне нужны были денежные средства на содержание армии, флота и разросшегося государственного аппарата. Предвкушая немалые прибыли, российские промышленники стали активно вкладывать свои средства в развитие горного дела и разработку полезных ископаемых в казахском крае. Об этом свидетельствуют архивные документы из фондов ЦГА РК: 374 – «Пограничное управление сибирскими киргизами Министерства иностранных дел» (1826-1857 гг.) и 345 – Областное правление области сибирских киргизов (1847-1867 гг.), а также личного фонда Ю. Попова (Ф. 1487) государственного архива Карагандинской области.

Официальные разрешения на разработку золотых песков и руд начали выдаваться с 1826 года отдельным лицам и по особому разрешению правительства на свободных казенных землях [1, с. 3]. Воспользовавшись разрешением, Степан Попов с 1828 г. одним из первых начал вести разведывательные работы и поиски золота в Восточном Казахстане, а в 1830 г. он открыл первый прииск близ поселения Кокпекты [4, с. 27].

В целях предупреждения возможных посягательств со стороны других купцов, С. Попов запрудил почти все речки близ Кокпекты, в которых было обнаружено или могло быть золото. Так он завладел несколькими золотыми приисками в северной части Кокпекты. Но вскоре здесь появились другие купцы – искатели золота. Охваченные жаждой обогащения, они захватили остальные золотоносные речки.

В 1834 году купец С. Попов нашел первые медные и серебряно-свинцовые месторождения в урочище Бериккара, находящемся в 90 верстах к юго-западу от Каркаралинского приказа. С открытия этого месторождения начинается история создания первых долговременных рудников в казахской степи. Руду вести на далекие заводы было невыгодно и даже убыточно, и по этой причине появилась потребность в строительстве заводов на местах. Так началась история строительства первых заводов в казахской степи. Архивные документы свидетельствуют о постройке плавильного завода; «дозволено коммерции Советнику Попову при устройстве им на межах Каркаралинского и Баян-Аульского внешних киргизских округов плавильного завода, пользоваться лесами» для постройки нужных помещений [5, с. 36].

В 1839 году Комитет министров дал разрешение С. Попову на строительство Благодатно-Стефановского завода по обработке серебра и свинца, выделил земли между Баянаульским и Каркаралинскими округами в урочище Ку, по рекам Тундук и Ащису для плавки найденных там серебристо-свинцовых и медных руд. Земли

отводились беспрепятственно и безвозмездно, о чем говорят архивные материалы: «неимение со стороны Каркаралинского приказа препятствия на владения места под плавильный завод и добывание руд 1 гильдии купцом Степаном Поповым, уступленных ему старшиною округа Чанчаровской волости Карачалом Турсуновым по речке Тюндук не состоит таковых и со стороны Пограничного управления» [5, с. 39]. Наряду с отведенными землями, успешный промышленник был освобожден на 10 лет от взносов в казну установленной подати.

Еще 10 тысяч десятиин земли С. Попов арендовал у казахов, владевших сенокосными и лесными угодьями. Земли уступили казахи Караул-Камбаровской волости в лице старшины «Атчабара Кенджина с товарищами семи человек» за 285 рублей 71 копейку с оговоркой, что предприниматель на этой земле, границы которой объявлены в акте, устраивает прииск «под металлические руды и минералы». То есть, земля не продается, а временно уступается [6, с. 10].

В этот период С. Попов делает заявки на месторождения Белозерский, Бешоки, Кызылеспе. В прошении на имя Николая I говорится об уступке мест в урочище Кызылеспе для разработки открытого в 1834 году прииска медной и свинцовых руд «по условию с киргизами Кокбаем Есетевыми и биём Андасом Джаманкуловым» [6, с. 73].

С 1834 по 1843 годы С. Попов одновременно вел разработки руд в Каркаралах и промывал золото в Кокпектах. Только в Каркаралинском округе только за 1843 год С. Попов добыл 724559 разных руд на сумму 359114 рублей [7, л. 1 и об.].

Золотоносные отложения щебня находились на ручьях и речках. Промывальни золота, принадлежавшие русским купцам, находились на ручье Сары-Булак, реках Буконь, Чигилек, Большая Дженама, Кокпекты.

В архивных документах отложилась ведомость золотопромышленных разработок С. Попова за 1843 г. в Кокпектинском округе: в Сарбулакском руднике получено 26/6 фунтов золота, в Дмитревском – 28/82 фунта золота, Степановском – 4/82 фунта золота, Никитенском – 4/82 фунта золота, Ивановском – 26/72 фунта золота, Воскресенском – 7/3 фунта золота [8, л. 184]. В среднем 100 пудов промытого песка давало 39 долей золота. Поэтому, в течение девяти лет, с 1834 по 1843 годы было добыто 12 пудов золота, что заставило Попова прекратить добычу и заниматься Бериккаринским месторождением.

Согласно архивным данным акт о передачи земель в урочище Бериккара был подписан в феврале 1844 года Утегулом Тленчиевым в качестве доверенного Атчабара Кенджина и доверенным Попова Ташимовым. Свидетелями являлись В. Загорский, Д. Михин, А. Метелев. Данная сделка совершилась по специальному постановлению Пограничного Управления. Именно Бериккара окрывает приунывшего золотоискателя Попова. Рудник его одаривает самородной медью. Самородок в 52,5 пуда с 1858 года хранится в музее Горного института, где в каталоге записано, что самородок «добыт из вновь открытых рудников, принадлежащих А. и Н. Поповым в области сибирских киргизов. В «Горном журнале» за 1858 год сказано, что глыба меди «найдена в Вознесенском медном руднике в возвышенности Калмактас, в 85 верстах от Благодатно-Стефановского завода Поповых и в 150 верстах от Иртыша» [9, с. 39].

Завод Попова получил название «Благодатно-Стефановский». «Благодаря своей благонадежности и высокому качеству руды, это месторождение послужило началом к развитию в этом крае горнозаводской промышленности и указало путь, которым нужно было следовать при розысках» [6, с. 12].

Добыча золота и руды постоянно увеличивалась, о чем свидетельствуют объемы переработок и количество работающих на приисках. В 1844 году промышленником Поповым и купцом Зобиным было промыто 2 пуда 38 фунта золотого песка [10, л. 40]. В документе «Отчет о добывании руды и каменного угля за 1845 год» указано, что в Каркаралинском и Баянаульском внешних округах

добыто медной руды 6990 пудов, свинца – 350, каменного угля – 16910 пудов [10, л. 40]. По «Ведомости о золотопромышленности в Киргизской степи за 1847 год в Кокбектинском округе» в компании Вязниковского купца 2 гильдии В. Зобина в прииске Зобинском промыто 800 пудов промышленных песков, в Кузминском – 800, в Воскресенском – 200, в Петровском – 150, в Лопатинском – 110, в Троицком – 100 пудов, находилось при работах 24 рабочих. В компании советника Попова в Воскресенском прииске промыто 2621900 пудов промышленного песка, на промысле работало 2 кузнеца, 4 плотника, 404 рабочих. Всего – 410 человек [11, л. 76 и об.]. По данным за 1856 г. касательно работы Благодатно-Стефановского завода Поповых «...при плавке руд и по хозяйству находилось 260 человек, при них надзирателей 12 чел., вольнонаемных рабочих – 42 чел., отставных – 3 чел., со стороны казны – 12 чел., наемных киргиз – 203 чел.» [12, л. 39].

Таким образом, объемы производства и количество занятых на них работников свидетельствует о немалых размерах предприятий российских купцов и промышленников, объемах капиталов в горнодобывающей промышленности в казахской степи.

В середине XIX века недра обширной территории Юго-Восточного Казахстана, в частности, предгорий Тарбагатая, были еще слабо исследованы. В этой связи, в 1852 году было принято решение послать в казахскую степь поисковую партию под начальством штабс-капитана Татаринова, поручив ему продолжить начатое обследование Чингиз-Тау, северо-западных склонов Тарбагатая и западного Ала-Тау [13, с. 301]. Поисковые партии собирали сведения о золотоносности рек юго-восточной части казахской степи.

В 50-е годы XIX века на уже осваиваемых территориях, как, например, в Кокпектинском, Баян-Аульском и Каркаралинском округах Среднего жуза, выявляются отдельные районы с богатыми природными ресурсами, а добыча угля, руд, свинца с каждым годом нарастает. Ссылный поляк А. Янушкевич в своем дневнике отмечает, что «неподалеку отсюда к Кокпектинскому округу есть халцедоны, топазы и опалы» [14, с. 125].

Данность природных богатств края была отражена на гербах округов. 24 января 1855 года были утверждены проекты гербов Аягуза, Каркаралы, Кокчетава, Баян-Аула, Копала, Кус-Муруна, Кокпекты и Семипалатинска. На гербах свинцовых рудников и золотых приисков, существующих в Каркаралинском и Кокпектинском округах, были изображены эмблемы свинцовых руд и орудия горного дела. На гербе поселения Кокпекты и одноименного округа были изображены золотопромышленные орудия: кирка, лопата, вагон [15, лл. 1-2]. На гербе Каркаралинского приказа в левой части рисунка находится изображение пестрых гор (по этимологии их названия), в правой – эмблема свинцовых руд [16, лл. 4-5].

В целях развития частной горной промышленности в области сибирских киргизов, 18 декабря 1857 года всем горным заводам была предоставлена налоговая льгота на 20 лет [1, с. 56]. Тем не менее, в силу своей жадности и стремления выкачивать максимальную прибыль, предприниматели прибегали к различным уловкам и хитростям. Так, например, Поповы закрывали свои заводы до окончания 20-летнего льготного срока освобождения от податей, а затем строили новые и опять получали 20-летнюю льготу. Примером уловки промышленника была судьба Николаевского завода, который был закрыт в 1878 году, проработав 19 лет.

Царское правительство дало разрешение добывать золото и султанам, так как основная задача состояла в дальнейшем развитии золотодобывающей промышленности в казахской степи. В архивных данных 50-х годов XIX в. часто встречаются прошения от казахов для разрешения на добычу золота. В 1854 году Сенат, заслушав рапорт министра финансов, внес дополнение к статье 2432, которое разрешало казахским султанам и другим представителям знати, имеющим

заслуги и чины, а также «почетным» казахам «производить золотой промысел» в степи [13, с. 194-195]. Например, сохранился документ, адресованный Министру финансов, в котором сотник Каркаралинского округа Нурбике-Шаншаровской волости Таттимбет Казангапов просит разрешить ему разведку и разработку золотоносных россыпей, добычу руд и других металлов на землях Сибирских киргизов. Главным начальником Алтайских заводов 13 августа 1856 г. за № 997 выдано дозволятельное свидетельство Т. Казангапову на производство золотого промысла [17, лл. 4, 11]. Добыча золота на купеческих приисках в казахской степи превышала добычу на приисках горнорудного Алтая, поэтому царское правительство стремилось сделать ее доходной статьей царской казны [13, с. 319]. В 1871 году на Спасском заводе выплавлено 16469,8 пудов чистой меди и 28005 черновой меди, всего работало 109 чел. В Святомакарьевском прииске на урочище Джартаг-Карасу-Шоптыкуль среднее содержание золота в 100 пудах песку за 1887 г. – 78 с, за 1888 г. – 22 1/2 [18, л. 4].

По сведениям горного инженера А.В. Яковлева «киргизская степь обладает значительным количеством месторождений медных и свинцовых руд. Из-за разбросанности приисков на обширной территории казахской степи, Совет Главного управления Западной Сибири поставил частную золотопромышленность Казахстана под надзор и контроль горнорудного хозяйства императорского Кабинета.

Согласно официальным данным в Каркаралинском и, частично, в Павлодарском уездах находилось около 400 рудных участков, разнообразных по форме и размерам, характеру залегания руд и по содержанию в них металлов. В архивных документах содержится их характеристика: «Основываясь только на одних внешних признаках, можно установить для них три категории, именно: жил, пластов и гнезд. Медные руды по большей части залегают пластами и гнездами, а свинцовому блеску более свойственны жилы. Месторождения медных руд обнажаются в виде пластов. Можно назвать много рудных участков: Джель-Тау, Чипчак, Шайтанды и др.» [19, л. 5]. Казахская степь богата была залежами железных руд. Например, по отчетам инженера Э.Э. Глазера в руднике Кен-Тобе в 54 верстах от Каркаралинска запасы определялись в сотню миллионов пудов, а процент содержания железа доходил до 61,5 [20, л. 4].

В связи с ростом добычи полезных ископаемых в Казахстане, возник вопрос о возможности снабжения Уральских заводов Экибастузским коксом. В этом были заинтересованы не только промышленники, но и правительство, стремившиеся к росту металлургического производства на Урале. Экибастузские угольные копи, находящиеся в 120 км от г. Павлодара Семипалатинской области, принадлежали Вознесенскому горнопромышленному обществу. Но прежде чем приступить к освоению угольных копей, были проведены тщательные исследования иностранными специалистами. Одним из первых копи изучил и описал горный инженер А.К. Мейстер. Он отмечал: «Месторождение имеет вид эллипса, длина более 19 км, ширина – 8,5 км, и представляет собой площадь около 1300 га». После инженера А.К. Мейстера копи исследовали известный французский горный инженер барон де-Кателен и русский инженер А.Э. Страус. Последний исследовал копи по поручению Коммерческого Банка, он дал еще более подробное описание копий [3, л. 10].

Позже анализы качества угля были сделаны французским химиком Кампердоном, профессорами Алексеевым и Коноваловым, химической лабораторией министерства финансов и Уральской химической лабораторией. Для анализа были взяты образцы из небольшой глубины (не глубже 9 сажень). Результаты анализа показали, что Экибастузские копи содержат громадный запас хороших сортов каменного угля, в том числе коксующегося. Тщательные опыты над углем производились в Бельгии известным знатоком m-г Соррее,

специалистами на юге России и непосредственно на месте расположения Экибастузских копей [3, л. 14].

Громаднейшие залежи и правильное напластование угля, легкость добычи, дешевизна производства – все это свидетельствовало о выгоде добычи угля и кокса экибастузского бассейна. Кроме того, Экибастуз был соединен непрерывным водным путем с северной частью Урала, а водно-железнодорожной артерией с центром и югом Уральского хребта. Это также способствовало развитию бассейна. В целях быстрого освоения была начата постройка железной дороги от Экибастуза до реки Иртыш, а из Америки, с завода Балвина, были доставлены паровозы. О значении Экибастузского угля для промышленного развития Урала писали газеты. «Экибастузский кокс, при благоприятных условиях добывания и перевозки и при его сравнительной дешевизне, произведет громадный переворот в горнодобывающей промышленности Урала и послужит скорейшему развитию металлургии», - сообщалось в газете «Ураль» г. Екатеринбург в № 616 за 1899 год [3, л. 15].

Таким образом, в XVIII веке проникновение в казахский край российских искателей полезных ископаемых было еще единичным, не носило организованного характера. В XIX веке территория Казахстана, богатая полезными ископаемыми, стала объектом внимания как со стороны предприимчивых купцов и промышленников, так и со стороны правительства. В процессе сырьевого освоения она постепенно превращалась в колонию империи не только в смысле политическом, но и в смысле экономическом, что оказало влияние на характер формирующейся экономики края. Он определялся не особенностями хозяйственного развития региона, где исторически основу составляло скотоводство, а экспансией российского капитала в сырьевые отрасли, приносящие наибольшую выгоду. На характер экономики казахского края оказывали влияние потребности растущей экономики российской империи: поиск источников дешевого сырья, выгодных рынков сбыта, рынков дешевой рабочей силы. В процессе хозяйственной колонизации Россия одновременно решала задачу коренной ломки прежней системы административно-территориального управления. Все эти меры вкуче делали казахский край более доступным в плане его хозяйственного освоения. В этом проявлялась комплексность колонизаторской политики самодержавия, когда одновременно решалось несколько задач.

Список использованной литературы

1. Развитие горного дела в Восточном Казахстане (XVIII в.– в 30 годы XX в.). Управление архивов и документов ВКО, ЦДНИ ВКО: Сборник документов. – Семей, 2008. – 458 с.
2. Попов Ю. Каркаралы. – Алматы: «Қайнар», 1981. – Т. 3. – 184 с.
3. Госархив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 1487, оп. 1, д. 58, л.17
4. Қарасаев Ф. Шығыс Қазақстандағы алтын өндірісі // Отан тарихы. – 2004. № 1. – 27-30-бб.
5. История Каркаралы в документах и материалах / Алдажуманов К.С. (ответственный редактор). Т.2. – Алматы: 2009. – 506 с.
6. Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. / Под редакцией Алдажуманова К.С. и Бейсенова А.З. – Алматы: 2004. – 564 с.
7. ЦГА РК. Ф. 374, оп.1, д.5478.
8. ЦГА РК. Ф. 374, оп. 1, д.1289.
9. Краткий очерк исследований Восточной части киргизской степи Западной Сибири с 1816 по 1893 гг. / Составитель горный инженер Г.Д. Романовский. – СПб: 1903. – С. 39.
10. ЦГА РК. Ф. 374, оп. 1, д. 1657.
11. ЦГА РК. Ф. 374, оп. 1, д. 1890.

12. ЦГА РК. Ф. 345, оп.1, д.2492.
13. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – в первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 371 с.
14. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествий по казахским степям. – Алма-Ата: Казахстан, 1966. – 222 с.
15. Госархив г. Астана. Ф. 430, оп.1, д. 7.
16. Госархив г. Астана. Ф. 430, оп.1, д. 5.
17. ГАКО. Ф. 1487, оп.1, д. 82.
18. ГАКО. Ф. 1487, оп.1, д. 74.
19. ГАКО. Ф. 1487, оп.1, д. 83.
20. ГАКО. Ф. 1487, оп.1, д. 84.

References

1. Razvitie gornogo dela v Vostochnom Kazakhstane (XVIII v.– v 30 gody XX v.). Upravlenie arkhivov i dokumentov VKO, TsDNI VKO: Sbornik dokumentov. – Semey, 2008. – 458 s.
2. Popov Yu. Karkaraly – Almaty: «Kaynar», 1981. – Т. 3. – 184 s.
3. Gosarkhiv Karagandinskoy oblasti (GAKO). F. 1487, op. 1, d. 58, l. 17.
4. Qarassayev G. Shygys Qazaqstandagy altyn ondirisi. // Otan tarihy. – 2004. № 1. – 27-30-bb.
5. Istoriya Karkaraly v dokumentah i materialah. – Almaty: 2009. – Т. 2. – 508 s.
6. Vostochnaya Saryarka. Karkaralinskiy region v proshlom i nastoyashchem. / Pod redakciey Aldazhumanova K.S. i Beyssenova A.Z. – Almaty: 2004. – 564 s.
7. CGA RK. F. 374, op. 1, d. 5478.
8. CGA RK. F. 374, op. 1, d. 1289.
9. Kratkiy ocherk issledovaniy Vostochnoy chasti kirgizskoy stepi Zapadnoy Sibiri s 1816 po 1893 gg. / Sostavitel' gorniy inzhener G.D. Romanovskiy. – SPb.: 1903. – S. 39.
10. CGA RK. F. 374, op. 1, d. 1657.
11. CGA RK. F. 374, op. 1, d. 1890.
12. CGA RK. F. 345, op. 1, d. 2492.
13. Apolova N.G. Hozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – v pervoy polovine XIX vv. – М.: Nauka, 1976. – 371 s.
14. Yanushkevich A. Dnevnik i pis'ma iz puteshestviy po kazakhskim stepyam. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1966. – 222 s.
15. Gosarkhiv g. Astana. F. 430, op. 1, d. 7.
16. Gosarkhiv g. Astana. F. 430, op. 1, d. 5.
17. ГАКО. F. 1487, op. 1, d. 82.
18. ГАКО. F. 1487, op. 1, d. 74.
19. ГАКО. F. 1487, op. 1, d. 83.
20. ГАКО. F. 1487, op. 1, d. 84.

Г.А. Алпыспаева¹

Ш.Н. Саяхимова¹

¹ С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті,
Астана қ., Қазақстан

XIX ҒАСЫРДА ШЫҒЫС ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНДА ЖЕР ҚОЙНАУЫН ИГЕРУ (МҰРАҒАТ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)

Түйін

Мақалада мұрағаттар деректеріне және әдебиеттерге сүйеніп, XIX ғ. Шығыс және Орталық Қазақстанның қазба байлықтарын игеру туралы мәселелер

қарастырылды. Ресейлік кәсіпкерлердің пайдалы қазбаларға бай Қазақстандағы кен орындарын игеру тарихы жалпы империялық отарлау саясаты контекстінде қарастырылды.

Түйінді сөздер: Шығыс Қазақстан, Орталық Қазақстан, кен, тау-кен, алтын, мыс және қорғасын кендері, көмір, зауыттар

**G.A. Alpyspaeva¹,
Sh.N. Sayakhimova¹**

¹S.Seifullin Kazakh Agro Technical University,
Astana, Kazakhstan

**DEVELOPMENT OF MINERAL RESOURCES IN THE EASTERN
AND CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE XIXth CENTURY
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)**

Summary

The article considers the issues of mineral resources development in the Eastern and Central Kazakhstan in the 19th century (based on the analysis of archival documents and literature). The history of the mineral deposits development by Russian industrialists in Kazakhstan rich in minerals is considered in the context of Russian general imperial policy for the colonization of the Kazakh territory.

Keywords: East and Central Kazakhstan, ore, mining, gold, copper and lead ores, coal, plants

ЭТНОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЕСКЕРТКІШТАНУ, МУЗЕЙТАНУ
ЭТНОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНОКОВЕДЕНИЕ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ
ETHNOLOGY, ARCHAEOLOGY, MONUMENT STUDIES, AND MUSEOLOGY

ӘОЖ 902/ 904(574.5)

Б.А. Байтанаев¹ А.А. Ергешбаев¹, Ж.Ж. Сулейменова¹,
А.Х. Шаяхметов¹, Н.Б. Бейсенов¹

¹Ә.Х. Марғұлан ат. археология Институты,
Алматы, Қазақстан

ЕРТЕОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТӨРТКҮЛТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ
АРХИТЕКТУРАЛЫ-АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аннотация

Мақалада ертеортағасырлық Төрткүлтөбе қалашығында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесі қарастырылған. Жүргізілген қазба жұмыстарымен ескерткіштің құрылымдары – цитадель және төңірегіндегі рабад зерттелді. Цитадельде қалашықтың соңғы өмір сүру кезеңімен байланысты мәдени қабаттар ашылды. Рабад аумағының оңтүстік бөлігінде ертеортағасыр кезеңіне тән архитектуралы-археологиялық құрылымдар ашылды.

Түйін сөздер: археология, ертеортағасырлық қала, цитадель, рабад, топография, стратиграфия, бекініс жүйесі, археологиялық құрылымдар, шаруашылық, қаңлы мемлекеті.

Төрткүлтөбе қалашығы Күмішбұлақ шағын өзені маңындағы көркем алқапта орналасқан. Бұл қалашық өзеннің жіңішке ағысынан 20 м биіктікке көтерілген және Күмішбұлақ өзені маңындағы шағын алқап үстінде тұрғызылған. Бұл жерде үлкен дөңгелек тәріздес цитадель тұрғызылған және қазіргі таңда жоғарғы беткейі кесе тәріздес ортасына қарай еңіскен. Төрткүлтөбе қалашығы екі бөліктен тұрған. Аталмыш цитадельдің оңтүстік-шығысынан бекініссіз үлкен тұрақ жалғасқан, бұл жерді Н.П. Подушкин рабад немесе шахристан деп атаған (сурет 1).

Аталмыш археологиялық нысан өткен ғасырдың 1967, 1968, 1969 жылдары Н.П. Подушкинмен алғаш рет зерттеліп, қазба жұмыстары жүргізілген. Бұл жұмыстардың негізгі материалдары автордың диссертациясында және оның мақалаларында көрсетілген [1; 2; 3; 4, с.211-215, №431].

К.М. Байпақов ортағасырлық топонимдердің орналасу аймағы мәселелерін зерттей келе Күмішбұлақтағы Төрткүлтөбе қалашығын араб дереккөздерінде аталған Жумишлагу қаласымен теңдестіреді [5, с.83-84]. Көмешбұлақтағы Төрткүлтөбе материалдарына арналған соңғы басылым – А.Н. Подушкиннің Оңтүстік Қазақстанның Арыс мәдениеті б.д.д. IV-V ғ.б.д. V ғ. атты жұмысы болып табылады, бұл жерде автор қалашықтағы жүргізген жұмыстарына қысқаша мінездеме беріп кеткен [6, с.44-45].

2015 жылғы зерттеу жұмыстарының басты мақсаты ескерткіштің стратиграфиясын, дәуірін, құрылымын және археологиялық кешенін зерттеу болып табылды. Осы мақсатта цитадельде және оған жалғасқан бекініссіз тұрақ аумағында бірнеше барлау кесінділері жасалынды.

Цитаделдің оңтүстік-батыс бөлігінде көлемі 15x15 м қазба-1 жасалынды. Қалашықтың бұл бөлігі көбіне қам кірпіш араластырылып, тығыздалған пахсамен қаланғандығы анықталды. Бұл тұрғызылған стилобаттың үстінде ешқандай архитектуралық құрылым табылмады. Стилобаттың құрылымын түсіну мақсатында қазба-1-дің батыс беткейіне қарай стратиграфиялық кесінді жасалынды.

Цитаделдің ең биік нүктесі – солтүстік беткейде келесі қазба жұмыстары жүргізілді: кесінді-2, кесінді-3, сонымен қатар Н.П. Подушкиннің қазбасының кесіндісі. Кесінді-2 де қалыңдығы 2 м, биіктігі 0,5 м бұзылған дуал табылды. Н.П. Подушкиннің қазба орнын тазалау барысында және кесіндіде, өте нашар сақталған архитектуралық құрылымдар, яғни тығыздалған еден және сыпа табылды. Кесінді-3 Н.П. Подушкиннің қазба орнының шығысынан биік жерден жасалынды. Кесіндінің солтүстік беткейінде, шамамен 0,5 м тереңдікте қорғанның соңғы өмір сүру қабаты табылды. Бұл өмір сүру деңгейі дайындалу техникасына және әрлеу бөліктеріне қарағанда б.д. VIII-IX ғғ. жатқызуға болады.

Жұмыс барысында үшінші кесінді-қазба Қ-2-нің алаңына дейін кеңейтілді. Кесінді-қазбада алғашқыда ашылған өмір сүру деңгейінде бірнеше тас, сирек қыш құмыра сынықтары және үй жануарының жақ сүйегі шыққан болатын. Астыңғы деңгейге қарай дуал ұштары және ашық түстес тығыз пахса шыға бастады.

Кесінді-қазбаның солтүстік беткейі соңында 1 м тереңдікте орналасқан қалың күлгін түсті топырақ қабат астында биіктігі 0,5 м құрайтын сыпа ашылды. Ол 3-ші кесінді-қазбаның солтүстік етегінде орналасып, доға тәріздес майысқан пішінде болған. Бұл сыпаға және астында жатқан цитаделдің қатты платформа негізі мен оңтүстік жағынан сыпаға жанасқан қатты еден үстінен диаметрі 90 см, тереңдігі шамамен 70 см құрайтын дөңгелек шұңқыр қазылған. Шұңқырдың іші қара түсті борпылдақ топырақпен, керамика сынықтары және жануар сүйектерімен толтырылған. Осы топырақтың ортасында екі үлкен сопақ тас пен хұм ыдыстың үлкен сынығы төселген. Тастың бір беткейінде оның пайдаланғанын білдіретін қырналып түсірілген бірнеше терең арықшалар байқалады. Бұл тастың үстінде темір қазықтар немесе жебе ұштары тартылуы мүмкін.

Шұңқырдың үстін сұр түсті қалың топырақ жауып тұр. Сыпаға жанасқан еденнің үстіңгі беті ашық-қоңыр түсті лаймен сыланған. Дәл осы лаймен шұңқыр кесіп кеткен сыпа да тұрғызылған. Айтып кететіндей платформаның бетінде жатқан еден, жоғарыда орналасқан басқа да еден деңгейлеріне қарағанда тегіс, әрі көлденең орналасқан.

Осы кесінді-қазбада ашылған қазба-2дегі шұңқыр цитаделдегі Қ-1-дегі ашылған екі шұңқырмен өте ұқсас, олар да күлгін түсті топырақ-қабатпен жабылған, бұл біраз ойландыратын жағдай.

Біріншіден, цитаделдегі қазба-1 мен кесінді-қазба-1 секілді платформаның өзі мен сыпаны тұрғызу арасында азынаулақ уақыт өткен. Өйткені бұл қаландылардың арасында мәдени қабаттар, сонымен қатар ағынды және үйінді секілді қараусыз бос қалған деңгей іздері жоқ. Сыпа мен еден үстери балғын болып тұр.

Екіншіден, бұл бірінғай шұңқырлар неге бос топырақпен немесе екі бірінғай таспен толтырылып, дайын қаландыға жасалынған? Айта кететіні шұңқырлар цитадель платформасындағы соңғы жоғарғы қабаттағы қаландыға дейін әдейі жасалынған. Бұл қоқыс шұңқыры еместігі анық, өйткені ішінде айтарлықтай қоқыс жоқ, тек кейбір майда керамика сынықтарын есептемегенде. Бірақ, қарақоңыр топырақтың кейбір жерінде сұр күмдасын қосындысы, не болмаса күл қосындысы бар сияқты. Осыған ұқсас салынды, Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы көне тұрақтардағы отырықшы халықтардың барлық уақытша діни ғимараттар бағаналарының және қадаларының шұңқырларына тән.

Кей жағдайларда археологтар тәжірибе жүзінде түсініксіз құрылымдарға культтік немесе үрдіс ретінде түсініктеме беруге бейім. Шамасы бізге де алдағы уақытта осындай жорамал құру күтіп тұр. Осыған байланысты еске түсіретін жайт, авесталық және кеңінен алатын болсақ индоевропалық діни-мифологиялық дәстүрлерде өзен жұмыр тастары, су немесе теңіз элементтерін білдіреді. Платформаға қазылған шұңқырлар жер немесе жерасты элементтер идеясымен байланысты болуы мүмкін. Осы тұжырым бойынша аталған үш стандартты шұңқырларға құрылымдарды тұрғызу барысындағы еденінің астына және есік

табалдырық астына үрдістің жер мен суға сиынатын материалдық атрибуттары жабылған құрбандық көмбе ретінде түсіндіруге болатынын айта кетеміз. Осыған ұқсас салтқа мысал Бактриядағы Ай-Ханым қалашығындағы эллинистикалық ғибадатханалардың бірі бола алады, ол жерде тұрғызылып жатқан ғибадатхананың платформасына екі қыш құмыраны аударып ішіне орнатқан.

Алдыңғы жылдардағы қазылған қазбалардың және Төрткүлтөбе цитаделіндегі біздің ашқан қазбалардың нәтижелерімен танысу мақсатында Н.П. Подушкиннің қазбалары мен траншеяларында үлкен емес кесінді-қазбалар жүргізілді [4, с.211-215]. Төрткүлтөбе цитаделіндегі барлық кесінді-қазбалар көрсеткендей Төрткүлтөбе цитаделі мұнара тәріздес биік бола тұра ол жерде қарқынды өмір сүрілмеген, өмір сүрсе де ұзақ емес, тек жау шапқанда паналауы әбден мүмкін.

Оңтүстік Қазақстан және Жетісу төрткүлдері – ортағасырлық қорғандар туралы әдебиеттерде айтып кеткендей, олар ішкі жағынан мүлде құрылыс нысандарын тұрғызбаған, тек қауіп төнгенде ғана бекініс пана ретінде пайдаланылған. Бұл көне Хорезмнің бекініс-панасы мен Оңтүстік Түркімен парфияндық бекіністеріне тән. Сонымен қатар ғұндардың да бекіністері осындай болған. Көмешбұлақтағы Төрткүлтөбе осы аралықтарды қамти отырып, IV-VI ғғ. өз маңызын VIII ғ. араб шапқыншылығы уақытысында да сақтаған. Бұған Төрткүлтөбенің солтүстік биік бөлігіндегі аталмыш ғимарат сілтеме береді.

Төрткүлтөбе қалашығының рабад аймағында үш кесінді-қазба жасалынды, олардың біреуі қазба жұмысы барысында кеңейтіліп қазба-Іге дейін жеткізілді.

Қ-1-дегі жұмыстардың нәтижесінде, Төрткүлтөбе рабадындағы адамдардың соңғы өмір сүрген деңгейінің құрылысын және шаруашылығын айқындайтын 400 ш/м-ге жуық алаң ашылды.

Ашылған аумақтың айтарлықтай қалың құрылысы бар өте тығыз салынған, шаруашылық және тұрғын массив екендігі анықталды. Бірақ сақталған дуалдардың іздері қазбаның шекарасынан солтүстікке қарай, сонымен қатар шығысына және батысқа қарай жалғасып жатыр. Барлық жерде 30-50 см тереңдікте бұрындары қарқынды өмір сүрілген үлкен деңгейдің бұзылу іздері байқалады.

Қазбаның ортасында S-тәріздес иілген анфилада ерекшеленіп тұр, ол қазба-Ідің солтүстік-батыс бұрышынан қазбаның оңтүстік-шығыс бұрышына дейін жанасқан бөлмелердің созылып жатқандығын көруге болады. Бұл анфилада тәріздес жалғасқан бөлмелер қатарында солтүстік-шығысына қарай орналасқан бөлмелер де осы майысқан бағытты сақталған.

Барлық дерлік бөлмелер ассиметриялық пропорцияда болған. Бұның өзі белгілі бір құрылыс жобасының болмағандығын және құрылымдардың тек қажеттілік мақсатында дамып отырғанын білдіреді.

Шөп қабаты мен лай ағындыларының астынан ашылған бөлмелердің көбісінде үлкен керамикалық қиранды ыдыстардың үйінділері сақталған, дегенмен олардың арасынан бүтін және сынық дәнүккіштер жиі кездесті. Құрамында ұсақ тасы бар қара түсті асуылқ ыдыстар да баршылық. Барлығы оннан астам бөлмелер ашылды. Олардың кейбіреулері жарым-жартылай сақталған (сурет 2).

Аталып өткендей, Қ-1дегі құрылымдардың жоспарының негізінде диагональ бойымен S-тәріздес майысқан бөлмелердің жиынтығы жатыр. Бұл жоба ерте құрылыс кезеңінде қаланып, кейініректе жоғарғы құрылыс қабатының жаңа құрылымдарын тұрғызу барысында ескі бөлмелердің кей дуалдарын пайдалана отырып соғылғандығы анықталды.

Қалашықтың рабадындағы 3-ші және 2-ші кесінді-қазбалар күлді-көмірлі линзаларды, кейбір жерде балшықты линзалары бар қабаттарды ашты – бұл тұрғындардың рабадты тастап кеткеннен кейінгі дуалдардың қирандыларының нәтижесі.

Төрткүлтөбе рабадындағы үш кесінді-қазбадан алынған материал болсын және цитадельден табылған археологиялық материалдар болсын жергілікті жерде

өндірілген қыш-құмыралардан тұрады. Төрткүлтөбедегі бұл материалдар біздің дәуіріміздегі бірінші мыңжылдықтың үшінші ширегіне жатқызылып отыр.

Платформаның оңтүстік-батыс бөлігіндегі жоғарғы алаңқайға жасалынған Қазба-1 көрсеткендей, бұл жерде қабырғалы архитектура жоқ, және цитаделдің аталған бөлігінің жоғарғы қабатын ашқанда, тек саз қабаттары мен сирек тұрмыстық және құрылыс қоқыстарының, саз кірпіштердің қалдықтары табылды. Цитаделдегі Қ-1дің барлық археологиялық материалдары осы қабаттардан алынды.

Осылайша Қазба-1 мен кесінді-қазбадан алынған азынаулақ керамикалық материалдарды осы құрылымды тұрғызу уақытына жатқыза отырып, бірінғай хронологиялық кешен ретінде мінездейміз. Ол жерде негізінен асүйлік және шаруа-тұрмыстық ыдыстар кездеседі (сурет 3).

Бір данада ернеуі сыртқа майысқан қалың қабырғалы тегіс түпті кесе кездесті (сурет 3. 1). Бұл ыдыстарға ұқсастықты VI-VIII ғғ. Қауыншы-3 кешендерінен көруге болады [7, рис.59, №382]. Үлкен ыдыстардан Қауыншы мәдениетінің Арыстық түріндегі дәстүрлі пішіндердегі құмыра мойындары мен ернеулерінің сынықтары кездеседі. Олардың барлығы құмырашы шеңберінде жасалынған. Олардың мойыншасы қысқа және ернеуіне қарай воронка тәріздес ашылып ернеуі бөлінбеген (сурет 3. 2-5).

Табақ тәріздес шұңғыл ыдыстардың мойындары кең әрі қысқа болып келсе, ернеулерінің шеті тікбұрышты немесе үшбұрышты болып сыртқа майысқан (сурет 3. 6, 7). Олардың түбі кең, әрі жалпақ тегіс болып келген (сурет 3. 8).

Көлемі үлкен ыдыстардан хұм және хұмша ыдыстардың сынықтары кездеседі, олар тек көлемі жағынан ерекшеленеді. Хұмдардың басым көпшілігінің пішімі жұмыртқа тәріздес болып келген, олар қолмен жапсырылып жасалса, олардың ернеулері шебер шеңберінде пішінге келтіріліп жапсырылған. Ернеулердің көбісі тікбұрышты болып сыртқа қайрылған (сурет 3. 9, 10). Хұмдар мен хұмшалардың жартысының ернеулері қолмен жапсырылып пішінге келтірілген (сурет 3. 11, 12). Хұмшалардың біреуі қыш-құмыра шеңберінде жасалынған, оның денесі шар тәріздес және мойны бірден сыртқа қарай қайырылып кеткен (сурет 3. 13).

Мұндай қыш-құмыраларға және хұмдарға ұқсастықты VI-VIII ғғ. Шардара тұрақтарынан, сонымен қатар Қауыншы-III кешендерінен кездестіре аламыз [7, сурет.59; 8, сурет.22].

Ас үйлік ыдыстардан қарындары шар тәріздес ал, мойындары тік, ернеулері үшбұрышты қайрылған қыш құмыралар кездеседі (сурет 3. 14,15), олардың түбі жалпақ кең болып келген (сурет 3. 16, 17).

Сирек кездескен тағы бір аласа бойлы тік қабырғалы, көлемі үлкен дөңгелек пішімдес қыш ыдыс (сурет 3. 18).

Цитаделдегі Қ-1 және 2, 3-ші кесінді-қазбадан VII-VIII ғғ. жататын бірнеше керамика сынықтары табылды.

Бұл арыстық дәстүрдегі қызыл балшықты құмыраның ернеуі және оның түбі (сурет 3. 19, 20). Қыш-құмыра жасайтын шеңберде жасалынған хұмның ернеуі (сурет 3. 21). Сонымен қатар қолмен жапсырып істелінген хұм, хұмшалардың ернеулері де бар (сурет 3. 22).

Жоғарыда айтып кеткендей қазба 2 мен 3-ші кесінді қазбада 0,5 м-ге жуық тереңдікте жоғарғы өмір сүру қабаты табылған. Ол жерден анағұрлым кейініректегі дәуірдің азынаулақ керамикасы табылған. Айтар болсақ үлкен жанған ошақтың ізінде IX-X ғғ жататын керамикалық дөңгелек қазанның сынықтары жиналып алынды. Қазан арнайы қыш-құмыра шеңберінде тез айналдыру тәсілімен жасалынған және оның иық тұсының төрт жағында доға пішімдес ұстағыш жабыстырылып қойған. Олардың екеуінде қисығынан тырналып сызылған оюы болса, қалған екеуінде екі саусақпен басып оюлаған іздер бар (сурет 3. 23).

Рабатта, айтып кеткендей, алғашқыда кесінді-қазба 1 мен кесінді-қазба 2 жасалынған болатын. Кейіннен кесінді-қазба 1 үлкен қазба 1-ге айналдырылды,

ол жерде үлкен көлемде ірі ыдыстар мен дәнүккіштер табылған бірнеше бөлмелер ашылған болатын. Бұл жерде үн шығаратын өндіріс шаруашылығы болған.

1-ші ярустан шөп қабаты деңгейінен және одан төмен жатқан ағынды мен үйінділерден табылған азынаулақ керамикалар да бар. Бірақ мыжылған хұмдар мен құмыралар, корчагалар сияқты негізгі материалдар еден деңгейінен, яғни 2-3 ярустардан табылды. Хронологиялық тұрғыда бұл материалдар бірінғай кешенге жатады. Бірінші жоғарғы қабаттан алынған материалдарды сипаттаймыз.

Осы қабаттан табылған бір данада ашық пішімдес қалың қабырғалы ернеуі айқындалған табақ болып табылады. Оның ернеуі ыдыс денесінен шығыңқы үшкір сызықпен бөлінген, сәл төменіректе дәл осындай шығыңқы үшкір сызық жүргізілген (сурет 4. 1). Бұл табақтың кесіндісі арыс мәдениетіне тән мойыншасы қосарланған шығыңқы сызықпен айқындалған құмыралардың кесіндісін қайталайды. Мұндай ернеуі кең үлкен тостағандар Қауыншы мәдениетінің барлық даму сатысына тән [7, сурет.59]. Осы тәріздес тостағандар Шардара су қоймасына жақын ескерткіштерде де бар [8, сурет 20-22].

Қалған кешендерде көлемі үлкен ыдыстар кездеседі. Ол арыс мәдениетінің дәстүрлі құмыралары (сурет 4. 2-4).

Осыған тән екінші бір пішімдес ыдыстар, ол шебер шеңберінде жасалынған сфералық құтылар. Олардың ернеулері жеңіл сыртқа қайрылған (сурет 4. 5, 6). Мойыншасы қосарланған шығыңқы қос сызықпен айқындалған арыс мәдениетіне тән құтылар да бар (сурет 4. 7, 8).

Көлемі үлкен ыдыстардан хұмдар және анағұрлым көлемі кіші хұмшалардың барлығы қолмен жапсырылып пішінге келтірілген. Олардың ернеулерінің көбісі саусақпен басып жапсыру арқылы сәнделген (сурет 4. 9, 10). Көлемі кіші хұмшалардың ернеулері саусақпен өңделмеген (сурет 4. 11). Көлемі үлкен ыдыстардың түбі құмның үстінде пішінге келтіріліп қабырғалары жоғары көтеріледі.

Осы деңгейден қажеттілікке пайдалынған тас және жұқа төртбұрышты ертеортағасырлық кірпіш сынығы табылды. Төрткүлтөбе қалашығындағы табылған материалдардың басым көпшілігі рабадтағы Қ-1 еден деңгейінен алынды (сурет 5. 6). Олар оншақты құмыра хұмдардың және бірнеше қазандардың жеке қиранды үйінділері. Осы табылмалардың алдынала сипаттамасын келтіреміз. Аталған кешенде сонымен қатар асханалық ыдыстың ашық пішіндері сирек кездеседі, ол тегіс табаны бар, жұқа қабырғалы сфералық пішіндегі кесе (сурет 4. 12). Бұл пішін Қауыншы мәдениетінің кейінгі даму кезеңіне тән [7, сурет 59]. Екінші бір кесе немесе қақпақ пішімі кең және ернеуі сыртқа қайрылған. Оның сырты қызыл ангобпен қапталған және бүйірі жағынан тесілген (сурет 4. 13).

Тағы бір сырдариялық мәдениетке тән орташа көлемдегі табақ кездеседі, оның ернеуінің асты жағында ойма тәріздес қос жолақ бар. Дөңгелек жолақтың ортасы қосымша майда толқын тәріздес оюмен көмкерілген (сурет 4. 14). Ашық пішіндегі соңғы заттың бірі діни үрдістерде пайдаланылған хош иісті түтін шығаратын қыш аспап (курильница). Оның түбі диск тәріздес және пішімі жартылай дөңгелек. Ыдыстың сыртқы жағы әдетте пышақпен тураланған (сурет 4. 15).

Аталмыш кешенде құмыралардың Қауыншы мәдениетіне және оның арыстық түрлеріне тән барлық түрлері кездеседі. Олардың ішінде қолмен жапсырып істелген үлкен ыдыстар да аз емес. Олардың қабырғалары қалың болып келген және ыдыстардың түстері күлгін, қызыл түсті болып келген. Ернеулері әдеттегідей екі ойық сызықпен көмкерілген (сурет 4. 16). Кейбіреулерінде үстіңгі сызығы болмайды (сурет 4. 17). Немесе төменгі екінші сызығы білінбейді (сурет 4. 18).

Керамикалық кешенде бүтін нәзік құмыраның бір түрі кездеседі, ол қолдан жапсырылып пішінге келтіріліп денесінің жоғарғы жағы пышақпен тураланған, сонымен қатар дөңгелек ұстағышының үсті айқасқан сызықпен сәнделген (сурет 4. 19).

Құмыралардың қолдан жапсырылып пішінге келтірілген түрінен шебер шеңберінде жасалғаны көп. Олар көлемі жағынан аз (сурет 4. 20, 21).

Жұқа қабырғалы құмыралардың бірнешесі кездеседі, олардың мойындары кең және өрнектелмеген. Олардың біреуі қолдан жапсырылған (сурет 4. 22), екіншісі шебер шеңберінде жасалынып, ангобпен қапталған (сурет 4. 23). Құмыралардың бірінің ұстағышында тігінен тырналып сызылған сызық бар.

Төрткүлтөбедегі Қ-1-гі бөлмелердің еден деңгейінен алынған кешендерде бірнеше ыдыс табылды, олар шебердің құмыра жасау шеңберінде жасалынған және арыс мәдениетіне тән пішімде. Олардың барлығы қызыл балшықты және сфералық пішінде. Ернеулерінің шеті үшбұрышты қайрылған (сурет 4. 24, 25).

Керамикалық материалдардың басым көпшілігі рабадтағы Қ-1-ден алынған оннан астам хұмдар мен хұмшалар болатын. Олардың барлығы қолмен жапсырылып пішінге келтірілген. Хұмдардың денелері жұмыртқа тәріздес болып келген. Ернеулерінің барлығы саусақпен басып көмкерілген (сурет 4, 26-28).

Хұмшалар көлемі жағынан кішірек және жұқа, ал ернеулері көмкерілмеген (сурет 4. 29-31). Олардың көбісі қолмен жапсырылып пішінделген. Олардың біреуі археологиялық бүтін табылды, хұмша ернеуінің сыртында V-тәріздес мөр бар (сурет 4. 32). Хұмшалардың тағы біреуі шебер шеңберінде жасалынып иығы қарақоңыр түсті ангобпен және жоғарыдан төмен түскен ағынды жолақпен көмкерілген (сурет 4. 33).

Асүйлік қыш құмыралардың сынықтары көптеп кездеседі, олардың құрамында күм мен майда қыш көп болғандықтан олар өте үгітілгіш келеді, сондықтан өкінішке орай оларды қайта құрастырып жабыстыру қиынға соғады. Олардың орташа биіктігі 20-30 см. Денесінің диаметрі 15-25 см. Олардың ұстағыштары көлденең немесе тігінен жапсырылған. Олардың түбі жалпақ болып келген, ал жінішкерген мойыны ернеуіне қарай жеңіл сыртқа майысқан. Олардың кейбіреуінде жіп байлайтын тесігі бар (сурет 4. 34-36).

Сонымен қатар рабадтағы Қ-1 еден деңгейінен көптеген өңделген тастар табылды. Олардың ішінде алтауы үлкен дәнүккіштер және көлемі 25 см төртбұрышты күйген кірпіш; қалыңдығы 2 см. Сондай-ақ, көлемі үлкен тас қайрақ табылды.

Төрткүлтөбе қалашығындағы қазба жұмыстары кезінде табылған керамикалық табылмалардың негізгі көлемі осындай. Бұл материалдардың барлығы VII ғ. соңы мен IX ғ. басына жатқызылып отыр.

Төрткүлтөбе қалашығынан табылған материалдар кешенін мыстан жасалған түрлі көлемдегі тенгелер сонымен қатар, темір, тас заттар толықтайды.

Қазба жұмыстары кезінде табылған нумизматикалық материалдар ерте ортағасырлық дәуірге және түрік қағанаты дәуіріндегі қолбасшылардың тенге қалыптауына, яғни түргештерге VIII-IX ғғ. жатады.

Біздің бақылауымыз бойынша қалашықтың тұрғызылуы мен өмір сүру кезеңін IV-VI ғғ. жатқызамыз. Бұл цитадель мен рабадтағы жоғарғы және төменгі қабаттардың өмір сүру кезеңі. Тек, цитадельдің солтүстік бөлігіндегі биік ғимарат VII-VIII ғғ. жатады. Дәл осы жер арабтардың шабуылы кезінде құлауы мүмкін. Рабадтағы керамикалық кешен анағұрлым ертеректегі кезеңге жатады. Рабадтағы қирандылар мен өрттің іздері хазарлардың немесе түріктердің қозғалысымен байланысты бөлуі әбден мүмкін, яғни V немесе VI ғғ. жатқызуымызға болады. Жалпы Төрткүлтөбенің мәдени қабаттарының хронологиясын және кезеңдестіруіне байланысты сұрақтарды алдағы уақытта пысықтау қажет.

Көмешбұлақтағы Төрткүлтөбе қалашығы маңындағы қорғаныс жүйесіз тұрақты болу ерекшелігі назарды аударады. Алғашқы зерттеуші бұл бөлікті рабад немесе шахристан деп атаған. Бұл Орта Азиядағы ғана емес көне Русьтегі ерте феодализмге тән ерекшелік, яғни кішібекініс пен қыстақтың, сол сияқты бекініс пен тұрақтың бөлінуі.

Көмешбұлақтағы Төрткүлтөбенің тағы бір ерекшелігі оның биіктігі мен ондай жоғары платформа тұрғызуға жұмсаған күш. Осыған ұқсас фортификациялық нығайтулар Шаш-Илақтан оңтүстікке қарай және Соғдыда ерте ортағасыр дәуірінде кездеседі. Оларды бұл уақыттарда қағанаттан және халифаттан тәуелсіздікке ұмтылған мықты феодалдар – дихандар тұрғызған.

Бұл ескерткіштегі археологиялық зерттеулер Қазақстан Республикасының білім және ғылым министрлігінің ғылым Комитетінің қолдауымен 2015-2017 жж. ғылыми зерттеулердің гранттық қаржыландыру бағдарламасы, «Ертеортағасырлық Төрткүлтөбе қалашығындағы архитектуралы-археологиялық зерттеулер» тақырыбы аясында жүргізілген.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі

1. Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения долины Арыси. I-VIII вв.: Диссер. ... к.и.н. – Рукопись. – Алма-Ата, 1970. – 183 с.

2. Подушкин Н.П. Торткүлтөбе паметник оседлой культуры долины Арыси. V-VIII вв. // Материалы научной конференции Чимкентского педагогического института, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию Казахстана. – Чимкент, Изд. м-ва высш. и сред. спец. образования; Чимкентский гос. пед. ин-т. 1970. – С.112-116

3. Подушкин Н.П. Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973. – С.183-187

4. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы: Главная редакция «Қазақ Энциклопедиясы», 1994. – 368 с.

5. Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отрае. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.83-84

6. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н.э.-VI в. н.э. – Туркестан: Издательский центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. – 202 с.

7. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. – Москва: Наука, 1971. – 250 с.

8. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 263 с.

References

1. Podushkin N.P. Rannie osedlyie poseleniya doliny Arys. I-VIII vv.: Diss. ... k.i.n. – Rukopis. – Alma-Ata, 1970. – 183 s.

2. Podushkin N.P. Tortkultobe pamyatnik osedloy kultury doliny Arys. V-VIII vv. // Materialy nauchnoy konferentsii Chimkentskogo pedagogicheskogo instituta, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lenina i 50-letiyu Kazakhstana. – Chimkent, Izdatelstvo m-va vyssh. i sred. spets. obrazovaniya; Chimkentskiy gos. ped. in-t. 1970. – S.112-116

3. Podushkin N.P. Goncharye pechi rannezemledelcheskih poseleniy doliny Arys // Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane. – Alma-Ata: Nauka, – 1973. – S.183-187

4. Svod pamyatnikov istoriii kultury i Kazakhstana. Yuzhno-Kazakhstanskaya oblast. – Almaty: Glavnaya redaktsiya «Kazakh Entsiklopediyasy», 1994. – 368 s.

5. Baypakov K.M. O lokalizatsii srednevekovyh gorodov Yuzhnogo Kazakhstana // Arkheologicheskie issledovaniya v Otrare. – Alma-Ata: Nauka, 1977. – S.83-84

6. Podushkin A.N. Arysckaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana. IV v. do n.e.-VI v. n.e. – Turkestan: Izdatelskiy tsentr MKTU im. H.A. Yassavi, 2000. – 202 s.

7. Levina L.M. Keramika Nizhney I Sredney Syrdar'yi v I tyisyacheletii n.e. – Moskva: Nauka, 1971. – 250 s.

8. Maksimova A.G., Mershchiev M.S., Vaynberg B.I., Levina L.M. Drevnosti Chardary (Arheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha). – Alma-Ata: Nauka, 1968. – 263 s.

**Б. А. Байтанаев¹, А.А. Ергешбаев¹, Ж.Ж. Сулейменова¹,
А.Х. Шаяхметов¹, Н.Б. Бейсенов¹**

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДИЩЕ ТОРТКУЛТОБЕ

Резюме

В статье рассматриваются результаты исследовательских работ на раннесредневековом комплексе городище Торткултобе. Проведенными раскопными работами были изучены составные части памятника – цитадель и близлежащая территория рабада. На цитадели вскрыты культурные слои, связанные с последним периодом обживания городища. В южной части рабада открыты архитектурно-археологические конструкции, характерные для раннесредневекового периода.

Ключевые слова: археология, раннесредневековый город, цитадель, рабад, топография, стратиграфия, система фортификации, археологические конструкции, хозяйство, государство кангюев.

**B.A. Baytanaev¹, A.A. Yergeshbaev¹, Zh.Zh. Suleimenova¹,
A.Kh., Shayakhmetov¹, N.B. Beissenov¹**

¹A.Kh. Margulan Institute of Archeology,
Almaty, Kazakhstan

ARCHITECTURAL-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT TORTKULTOBE EARLY MIDDLE AGES HILL FORT

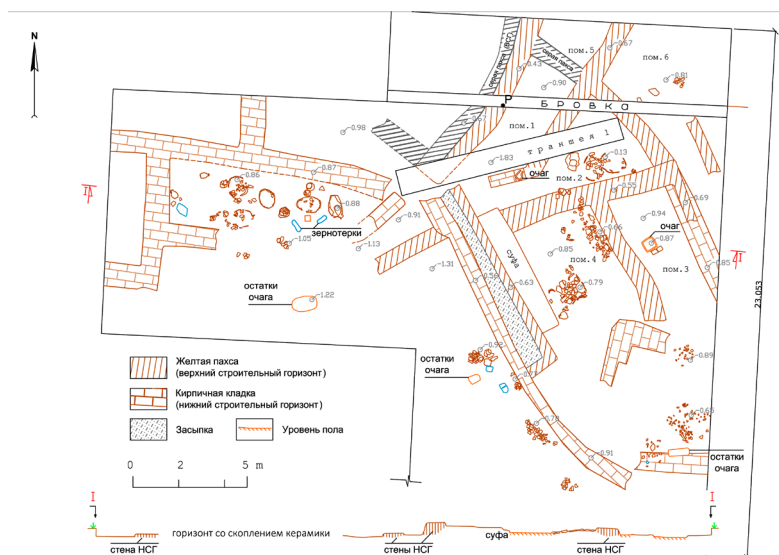
Summary

The paper considers results of the archeological excavations at Tortkultobe early Middle Ages hill fort. By the conducted excavation works, the authors have studied elements of the monument – the citadel and the neighboring territory of the rabad. Occupation layers, related to the last period of the hill fort settlement, were revealed at the citadel. Architectural-archeological structures, characteristic for the early Middle Ages period, were revealed in the south part of the rabad.

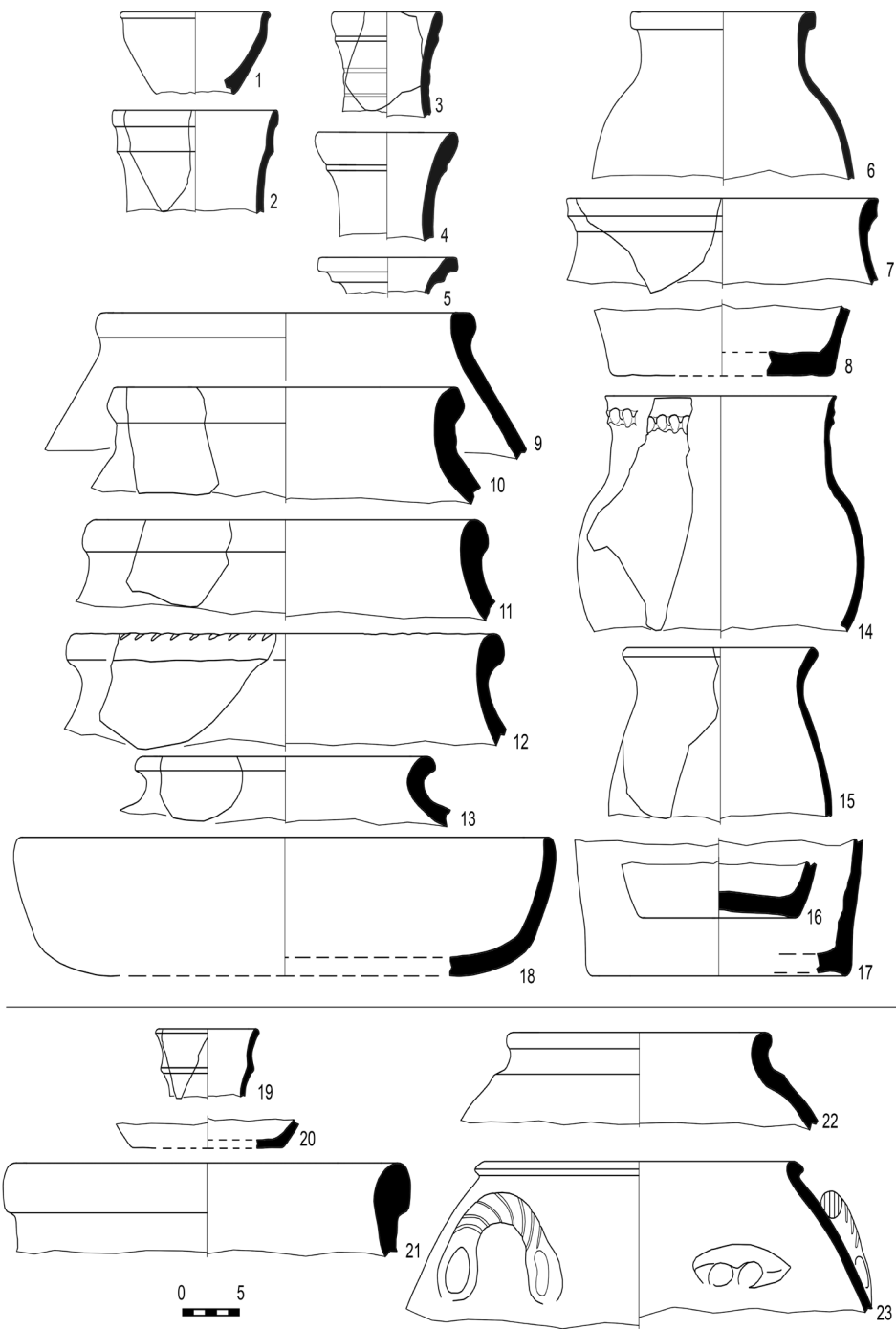
Keywords: archeology, early middle ages town, citadel, rabad, topography, stratigraphy, fortification system, archaeological constructions, farm, state of Kanguy.

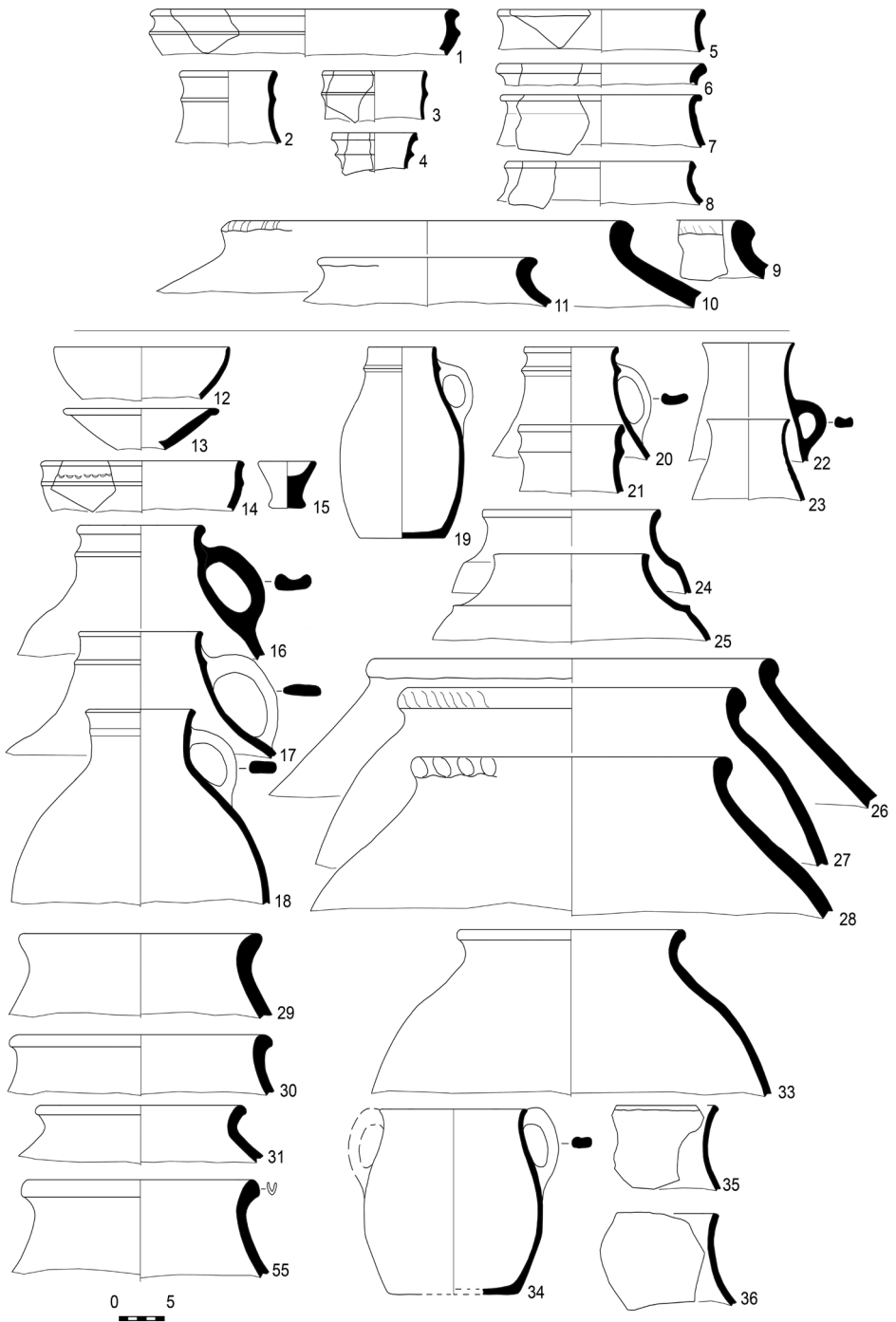
Сурет 1. Төрткүлтөбе қалашығының топографиялық сызбасы мен аэрофотосуреті

Сурет 2. Төрткүлтөбе қалашығының рабдындағы қазба-1

Сурет 3. Төрткүлтөбе қалашығындағы қазба жұмыстары барысында табылған археологиялық материалдар.

Сурет 4. Төрткүлтөбе қалашығындағы қазба жұмыстары барысында табылған археологиялық материалдар.

Сурет 5. Төрткүлтөбе қалашығының рабад аумағында ашылған бөлме қалдығы. Еден деңгейіндегі қыш ыдыстардың жиынтығы.

Сурет 6. Төрткүлтөбе қалашығының рабад аумағында ашылған бөлмелердің еден деңгейінен табылған заттай деректер.

**ТАРИХ ЖӘНЕ ТҮЛҒА
ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ
HISTORY AND PERSON**

УДК 929(574)

К.К. Абуев¹,

¹Заслуженный деятель Казахстана, профессор, д.и.н.,
профессор кафедры «Отечественной истории и АНК»
Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова

СУЛТАН-ГАЗЫ ВАЛИХАНОВ

Аннотация

На основе широкого привлечения архивных материалов и научно-литературных источников автор исследует жизнь, военную и общественно-политическую деятельность генерал-майора Султан-Газы Валиханова, тем самым вводя в научный оборот сведения об одной из неординарных личностей своего времени, чья жизнь напрямую была связана с важнейшими событиями в политической жизни Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: военная служба, полковник, высший офицерский чин, институт ханства, кадетский корпус, исследователи, переселение крестьян.

Одной из актуальных проблем истории Казахстана является необходимость возвращения народу забытые в прошлом имена осевых фигур истории и культуры на основе объективных освещений деятельности. В числе преданных забвению – имя и Газы Болатовича Валиханова. Сведений о нем в казахстанской историографии до последнего времени не было, по крайней мере, мы не встречали. Его имя не упоминается даже в таком фундаментальном издании, как «Қазақ совет энциклопедиясы» [1]. Следовательно, естественен вопрос: кто же такой Султан-Газы Валиханов и чем примечательна его личность?

Судьба С-Г. Валиханова была интересна уже тем, что он был одним из первых казахов, удостоившихся чина полковника не по должности, а на действительной службе в русской армии. Дело в том, что в первой половине XIX в. в связи с упразднением института ханства и введением в степи окружной системы управления старшим султанам округов присваивались военные звания майоров и подполковников, а со временем они за службу достаивались и чина полковника. Но стать полковником на армейской службе казахам, как правило, не было дано. Опасаясь антиколониального выступления казахов, царское правительство не призывало их в армию. Даже в кадетских корпусах Омска и Оренбурга, куда принимались отдельные представители казахской знати, запрещалось допускать их к занятиям по сугубо военным дисциплинам. Как писал Г.Н. Потанин: «Чокана выпустили годом раньше, чем его сверстников. Как инородца его нашли неудобным оставлять на тот курс, на котором читаются специальные военные науки: тактика, артиллерия, фортификация и др.» [2, с.357].

Сведения о жизни и деятельности Г. Валиханова встречаются в некоторых дореволюционных изданиях. В частности, краткий биографический очерк о нем был напечатан в журнале «Нива» (1891 г.) [3] за подписью «П.В» и посвящался тридцатилетию его службы офицером в российской армии. Как считает современный исследователь С.В. Дмитриев, под псевдонимом «П.В» печатался «Известный библиограф и литератор Петр Васильевич Быков» [4, с. 311-323]. В очерке П.В. Быкова приводились ряд интересных фактов из послужного списка (ко времени написания данного очерка – полковник лейб-гвардии Атаманского

Е.И.В. Наследника Царевича полка, впоследствии – генерал-майор). Вместе с тем в данном очерке имелись ряд неточностей и искажений биографии Г. Валиханова и его деда Губайдуллы.

К примеру автор очерка писал: «В год поступления Гази Булатовича в Сибирский корпус из этого заведения вышел родственник его султан Чокан Валиханов происходивший от одной из младших жен Вали-Хана, в последствии путешественник и автор «Очерков Джунгарии» и других сочинении о востоке, умерший в 1865 году. Этот самый родственник, питавший тайную вражду к Гази Булатовичу, заподозрил его в коварных замыслах против России и совместно с Чингизом, отцом своим, тайно донес новому генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, будто султан Гази возбуждает киргизов против правительства. Генерал Дюгамель из предосторожности, узнав из доноса об огромном влияний на киргизов потомков Губайдуллы по прямой линии, перевел молодого корнета Гази-Вали-Хана в Тобольск, прикомандировав его к полку, находившемуся в этом городе» [3, с. 259-260].

Что можно сказать по этому поводу? Недоброжелателей и завистников у Чокана Валиханова хватало и при жизни, и после смерти. Вот что писал он с иронией об одном таком случае: «Про меня что они сочинили – это потеха! Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху» [2, с. 158]. Чокан Валиханов органически не переносил интриги и сплетни. В письме своему другу, великому писателю Ф.М. Достоевскому он с негодованием отмечал: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить» [2, с. 133]. Великий ученый, просветитель, мысливши вселенскими категориями, гуманист, «любивший все человечество» не мог заниматься интригами против своего родственника Гази Валиханова. По видимому, П.В. Быков в своем очерке приводит одну из интрижек, распространенных против Чокана Валиханова.

Биографические сведения о Гази Валиханове содержатся в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [5, с. 808-809].

Известный русский писатель Глеб Успенский в журнале «Русская Мысль» № 1 за 1991 г. напечатал довольно объемный очерк «Кочевники и русские переселенцы» [6], где содержатся интересные сведения и факты из жизни Гази Валиханова. О содержании данного очерка остановимся несколько позже.

Чингизид, потомок знаменитого казахского хана Абылая, правнук Валихана, деда Чокана Валиханова Султан-Гази родился в семье султана Болата, сына Губайдуллы Валиханова – первого старшего султана Кокчетавского округа. Хорошо осведомленный в семейной хронике Валихановых Г.Н. Потанин – однокашник и друг Чокана Валиханова, – писал: «У хана Вали было две жены: от старшей жены был сын Габайдулла и другие; у младшей ханшы Айганым старший сын назывался Чингиз. После смерти Валихана киргизы (казахи – К.А.) объявили ханом Габайдуллу, но сохранение ханской власти в Орде не входило в расчеты русского правительства; Габайдулла был арестован и отвезен в ссылку в Березов, так и кончилась ханская власть в Орде» [7, с. 61]. Действительно, Губайдулла, обвиненный в связи с Кенесары Касымовым, был в 1839 г. сослан в Березов, откуда вернулся лишь в 1847 году [8, с. 148].

Как отмечалось выше, в Казахстанской историографии сведения о нем до последнего времени не было. В исторической беллетристике имя Султан-Гази Валиханова упоминалось в двух произведениях, посвященных жизни и деятельности более известного его родственника – Чокана Валиханова. Это – дилогия классика казахской литературы Сабита Муканова «Промелькнувший метеор» [9, с. 381] и книга московского писателя Ирины Стрелковой «Валиханов» [10, с. 264]. Лишь в последние годы вышел ряд статей автора этих строк в разных изданиях, а также исследователя С.Г. Дмитриева «Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии» [4].

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указано, что Султан-Газы Валиханов родился в 1844 г. По уточненным данным исследователя С.В. Дмитриева он родился 23 мая 1842 г. в семье султана Болата в урочище Ханнын кызыл агашы близ Бурабая. После окончания аульской школы при содействии генерал-губернатора Западной Сибири и Г.Х. Гасфорда был принят в Сибирский кадетский корпус в г. Омске [4, с. 243].

В корпус принимались дети в возрасте 11-12 лет. Газы Валиханов был принят в кадетский корпус в 1853 г. при содействии губернатора Г.Х. Гасфорда. Он учился весьма прилежно и был на хорошем счету у администрации кадетского корпуса. В 1857 г. Газы Валиханов обращается к руководству учебного заведения с просьбой об официальном «именовании его султаном» [11]. Просьба была удовлетворена. Этот эпизод позволяет судить о его честолюбивом характере и высокой самооценке.

Г. Валиханов окончил кадетский корпус в 1859 г. с зачислением по армейской кавалерии и был произведен в корнеты с назначением состоять в распоряжении командира отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири. Как было отмечено в указанном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «По окончании образования в Сибирском кадетском корпусе, командирован был генерал-губернатором Западной Сибири к реке Черный Иртыш, у Китайской границы, где кочевали еще не состоявшие в подданстве России киргизы (казахи-авторы) наймановских родов, и в Зачуйский край, в пределах бывшего Кокандского ханства, где кочевали независимые от России роды киргизов Большой орды и дикокаменные киргизы (буруты). Пользуясь своими родственными связями, Г. убедил большую часть упомянутых киргизов перейти в подданство России» [2, с. 808-809]. В сентябре 1861 г. он берет отпуск и едет в Санкт-Петербург, где представляется военному министру генерал-адъютанту Мелютину и просит его доложить императору о своем желании служить в Санкт-Петербурге.

Высочайшим повелением Газы Валиханов прикомандировывается к лейб-гвардии Казачьему Е.И.В. полку. В том же году началось национально-освободительное восстание в царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Восстание было направлено против насилия царизма и за восстановление независимости Польши. Демократическая часть России глубоко сочувствовала восставшей Польше. Но царское правительство принимает решительные меры по подавлению восстания. Летом 1863 г. царизм усилил свое наступление на повстанцев. Против партизанских отрядов, действовавших на территории царства Польского, Литвы и Белоруссии, были двинуты крупные военные силы [12, с. 445]. В составе русских войск был и молодой офицер Султан-Газы Валиханов. Как пишет И. Стрелкова: «Газы (т.е. Султан-Газы – К.А.) успел отличиться при подавлении польского восстания в 1863 году» [10, с. 264].

С 13 марта 1863 г. был откомандирован с зачислением в 10-й полк Сибирского Казачьего воска с оставлением по армейской кавалерии и в распоряжении начальника Алатаурского округа. В следующем, 1864 г. Султан-Газы принимает участие в походе русских войск под командованием полковника Черняева, направлявшегося, на завоевание юга Казахстана. Как известно, в этом походе, точнее в его начальном этапе, принимал участие и Чокан Уалиханов. Но после взятия г. Аулие-Ата (Тараз) ничем не оправданным штурмом с помощью артиллерии, Чокан Валиханов порывает отношения с Черняевым и покидает отряд.

Как пишет И. Стрелкова: «После взятия Аулие-Аты подал в отставку и поручик Газы Валиханов». Но, в отличие от Чокана Валиханова, Султан-Газы, как пишет та же И. Стрелкова, «вновь окажется на службе. И где? В лейб-гвардии Атаманском его императорского величества наследника цесаревича полку» [10, с. 270]. 9 сентября 1877 г. Газы был произведен в ротмистры и 31 октября 1881 г. по окончании курсов в переменном составе учебного кавалерийского эскадрона отчислен обратно в свой лейб-гвардии Атаманский полк, где принял командование первым эскадромом.

30 августа 1882 г. высочайшим приказом произведен в полковники и 30 сентября того же года назначен командиром 3-го дивизиона. По сведениям С.В. Дмитриева, полученным в Российском государственном историческом архиве, он вышел в отставку в 1903г. в чине генерал-майора [3].

В 1883 г. во время коронации императора Александра III Султан Газы состоял почетным переводчиком при Хивинском хане и при наследнике Бухарского эмира.

Армейскую службу Газы Валиханов сочетал большой общественной деятельностью. В середине 70-х годов он принимал активное участие в составлении программы Амударьинской экспедиции. «Как знаток» истории и культуры своего народа, – султан Газы неоднократно помещал статьи в разных периодических изданиях (в «Порядке», «Голосе», «Новом времени» и др., выступая под разными псевдонимами). Кроме того, им была также напечатана брошюра «300-летие Сибири» [4,с.311].

Султан Газы был одним из инициаторов создания Мусульманского благотворительного общества вспомоществования и содействия российским подданным мусульманам, обучающимся в Санкт-Петербурге, в рамках которого предполагали организовать клуб ориенталистов и собрать богатую коллекцию книг по Востоку. В Мусульманском обществе активно работал С.М. Шашпал, впоследствии известный востоковед, которому, как отмечает его жена, Вера Кефали, генерал оказывал покровительство 19. 4 ноября 1892 г. султан Газы был принят в члены Императорского Русского географического общества [13, с.16].

В своей книге И. Стрелкова в лице Султан-Газы Валиханова вывела образ отрицательного героя, эдакого карьериста, чинуши. Вот что она писала: «В поход на Аулие-Ата выпросился у своего начальника и поручик Газы Валиханов. К этому времени шустрый родич стал еще более неприятен Чокану» [10, с. 270]. Книга И. Стрелковой – художественное произведение, а не историческая хроника, поэтому она имела право на вымысел. И это ничуть не умаляет достоинства замечательной книги.

Тем не менее, мы думаем, что у Чокана и Султан-Газы Валихановых не было неприязненного отношения друг к другу. То, что Султан-Газы после ухода из отряда Черняева Чокана Валиханова подал в отставку и тоже подался в аул султана Тезека, говорит о многом. Султан-Газы женился на дочери Тезека, того самого султана Тезека, на сестре которого, по имени Айсары, женился Чокан Валиханов.

В этой связи вернемся к очерку писателя Глеба Успенского «Кочевники и русские переселенцы» и к его статье «Письма переселенцев». В этой статье автор пишет: «Оказывается, что новый генерал-губернатор, М.А. Таубе (вступивший в должность летом 1890 г.), «при ревизии Акмолинской области, объявил киргзам о своем желании переселить к ним... без вреда благосостоянию киргиз, переселить к ним до 400 тысяч крестьян внутренних губерний мужского пола, а в объяснение этой возможности былиприведены цифры количества земли, населения, скота, добытая особым комитетом и поземельною комиссией из официальных источников» [14]. Таубе также был убежден, что эту цифру без какого-либо ущерба казахам можно довести до 800 тысяч человек.

В своем очерке «Кочевники и русские переселенцы» Гл. Успенский приводит неопровержимые доказательства того, что переселение крестьян из европейской части России в казахскую степь пагубно отражается на экономическом положении кочевников. При этом писатель ссылается на напечатанные статьи Газы Валиханова. В частности он писал: «Но, несмотря на эти неопровержимые данные, доказывающие, по мнению, очевидно, компетентного лица, которому принадлежит письмо, «что о стеснении для киргиз, в смысле сокращения мест для их зимовок и пастбищ, вследствие переселения», – не может быть и речи, – речь, однако же, последовала, и речь весьма поучительная. Взятая за это дело султан киргиз-кайсаков Гази-Вали-Хан, обширное письмо которого [5, с. 43-44] помещено в

Новом Времени, к сожалению, только в извлечении». Но и извлечения эти весьма достаточны, чтобы «неопровержимые данные» оказались опровержимыми. Цифры, высчитанные комиссией и советом, оказываются неточными, так как ни совет, ни комиссия не приняли во внимание весьма важных, также официальных данных, именно». В подтверждение своих выводов писатель приводит из статьи Газы Валиханова цифровые данные, состоящие из шести пунктов.

Далее Глеб Успенский приводит следующие общие выводы, сделанные Султаном-Газы Валихановым: «Затем, – пишет он, – автор письма делает общую характеристику взаимных отношений в Акмолинской области между кочевниками и переселенцами. Со времени водворения русских в край киргизы беспрекословно повиновались всем распоряжениям правительства: признали проведенную нейтральную полосу, – в ее законном размере, на 10 верст шириною, – уступали лучшие свои земли под постройки городов и станиц; с 1849 года водворилось в Акмолинской области, в Кокчетавском уезде, множество переселенцев из разных губерний России, которые заняли самые лучшие места и, обращенные в казаков, образовали наиболее богатые станицы и поселки в войске, таковы, например, станицы Котуркульская, Щучинская, Аканбурлукская, Лобановская, Арыкбалыкская и др.; в конце семидесятых годов у них отобраны были более удобные земли под крестьянские поселения в Кокчетавском и Атбасарском уездах и даже в настоящем году в Петропавловском и Кокчетавском уездах образованы два русских поселения из крестьян, самовольно водворившихся на киргизских землях. Несмотря на то, киргизы продолжают неумоимо вести свое многотрудное скотоводческое хозяйство, арендуя у казаков и крестьян необходимые для того земли, безнедоимочно уплачивают подати и повинности и поддерживают обширную торговлю в крае. Но положение их с каждым годом делается труднее. Кочевники во многих местах, особенно смежных с 10-ти вер. полосой, начинают нищать, так что поступали в тех местах заявления казаков, что в станицах и поселках большой наплыв обедневших киргиз, слышались жалобы, что киргизы приносят большой вред казачеству, деморализуя его тем, что своим даровым трудом приучают станичников в лени. Из этого видно, в каком натянутом положении находится киргизский поземельный вопрос. Несомненно, что если существовавший доселе порядок отобрания и захвата укиргиз лучших земель продлится еще немного, то кочевники принуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искусным ведением скотоводства извлекать значительную пользу из бесплодных степных пространств» [5, с. 43-44].

Содержание очерка и статьи Глеба Успенского характеризуют Газы Валиханова как общественного деятеля, патриота и ревнителя интересов своего народа. Вслед за султаном Газы Валихановым против массового переселения крестьян из центральных губерний России выступили многие другие общественные деятели, такие как Мамбет-Али Сердалин, Бакытжан Каратаев, Алихан Букейханов, Айдархан Турлыбаев и др. К примеру, в своем выступлении с докладом на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговли», Мамбет-Али Сердалин, обосновывая выгодность развития в Казахстане скотоводческого хозяйства, ссылается на статью Газы Валиханова, опубликованной в журнале «Новое время». Он писал: «Вопрос о том, какая более годна для наших степей культура – вопрос не новый, он поднят был еще в 1890 г. одним из выдающихся киргизов (казахов – *А.К.*), султаном Гази Вали Ханом... [15, с.25]. Опасаясь упреков в односторонности, я не привожу здесь чрезвычайно веских данных из письма султана Газа Вали Хана, помещенных в «Новом Времени», но я позволю себе устами народника, одного из выдающихся знатоков русского и киргизского скотоводческого быта Глеба Успенского, сказать несколько слов о невозможности в степях другой культуры, кроме скотоводческой. Вот что говорит

Гл. Успенский в своей статье «Кочевники и русские переселенцы» помещенной в журнале «Русская мысль» за 1891 г. Далее М. Сердалин приводит цитату из данной статьи писателя: «Несмотря на то, киргизы продвигают неумолимо вести свое многотрудное скотоводческое хозяйство, арендуя у казаков и крестьян необходимые для того земли, безнедоимочно уплачивают подати и повинности и поддерживают обширную торговлю в крае. Но положение их с каждым годом делается труднее. Кочевникам во многих местах, особенно смежных с 10-ти вер. полосой, начинают нищать, так что поступаля в тех местах заявления казаков, что в станицах и поселках большой наплыв обедневших киргиз, слышались жалобы, что киргизы приносят болейший вред козачеству, деморализируя его тем, что своим даровым трудом приучают стаинчников в лени. Из этого видно, в каком натянутом положении находятся киргизский поземеленый вопрос. Несомненно, что если существовавший доселе порядок отобрания и захвата у киргиз лучших земель продлится еще немного, то кочевники принуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искусным ведением скотоводства извлекать значительную пользу из бесплодных степных пространств».

Но несмотря на протест общественности царское правительство продолжало политику заселения казахской степи славянским населением. Поэтому Газы Валиханов инициировал поездку делегации казахов в Петербург и подготовил письмо к царю с жалобой на чиновничий произвол по выселению кочевников с их освоенных земель и захвату лучших угодий для переселенцев.

Положительно характеризуют Султан-Газы и архивные документы, включенные в «дело муллы Наурызбая Таласова». В своей докладной записке на имя военного губернатора Акмолинской области от 3 апреля 1903 г. крестьянский начальник Кокчетавского уезда Троицкий писал: «В Санкт-Петербурге в 1899 г. я встречался с полковником гвардии Валиханом (ныне в отставке). Приезд его в Кутуркульскую волость в места своей родины, где имеется его дом, ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа на свидание... Понятно, что игрой в заступничество за права народа, за религию его, попираемые православием» [15, л. 91]. Далее он называет в числе друзей С. Валиханова Мамбет-Али Сердалина, известного ученого, политического деятеля, находившегося под негласным надзором полиции; Айдархана Турлыбаева, в 1902 г. окончившего юрфак Петербургского университета, в будущем одного из лидеров движения «Алаш»; Науана Хазрета, ученого-теолога, выступавшего против политики правительства по русификации и христианизации казахов; Шаймердена Кошигулова, будущего общественного деятеля, депутата Госдумы 1, 2 созывов от Акмолинской области [16, л. 92-93]. Следовательно, С.-Г. Валиханов пользовался большим авторитетом в среде известных общественных деятелей.

Таким образом судьба Султан-Газы Валиханова интересна не только тем, что он дослужился до высшего офицерского звания, но и тем, что его жизнь напрямую была связана с важнейшими событиями в политической жизни Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков. К тому же он был весьма неравнодушен к судьбе своего народа, по мере возможности защищал его интересы, помогал соотечественникам, приезжавшим в столицу империи Петербург в поисках правды и справедливости. В силу указанных выше обстоятельств авторы данного очерка сочли небезынтересными жизнь и судьбу Султан-Газы Валиханова.

И еще. По записям известной писательницы Марии Свентицкой Г.Н. Потанин вспоминал: «...Раз, в глухую осень, к воротам подъехали лошади со звонками. Я подумал: «Ну еще куда-нибудь повезут!» (Г.Н. Потанин находился в ссылке в Вологодской области – *К.А.*). Но слышу, спрашивают Потанина, и хозяйка ведет кого-то ко мне...». И что же? Чокан Валиханов!..

Я даже потерялся от радости.

Всю ночь мы просидели, не ложась, и говорили, и говорили... Чокан должен был на другой же день уехать, – так сложились его служебные дела (он был киргизским полковником) [17, с.117].

Если учесть то, что Г.Н. Потанин был осужден в 1865 г. и содержался сначала в тюрьме, а в 1871-1874 гг. – в ссылке, то очевидно, что Чокан Валиханов, который умер в 1865 г. никак не мог приехать к Потанину в Вологодскую область. А приезжал к нему, на наш взгляд, никто иной как Султан-Газы Валиханов, который был весьма похож на своего дядю – Чокана Валиханова. При виде Газы, вполне естественно, на Г.Н. Потанина нахлынули воспоминания о своем друге – Чокане Валиханове, и был он очень растроган.

Воссоздание биографии и деятельности Султан-Газы Валиханова требует своего дальнейшего исследования. Сведения об этапах его жизни, которыми мы располагаем, отрывочны и неполны, что не позволило реконструировать всю его военную и общественно-политическую деятельность. Однако даже эти немногочисленные факты позволяют судить о Султан-Газы Валиханове, как о неординарном человеке, патриоте своей страны.

По сведениям того же С.В. Дмитриева «генерал Султан-Гази Валиханов погиб 22 июня 1909 г. (был убит прислугой) на своей даче в Саблена под Петербургом во время ограбления. 1 июля его тело было на поезде доставлено в Петербург, где его встречали представители Мусульманского общества: его председатель полковник Давлечин, товарищ председателя Загид Шамиль полковник Чернышев, купец Максудов, петербургские ахуны и муллы и др. Лейб-гвардии Атаманский полк, где служил султан Гази, выслал почетный караул». Так трагический оборвалась жизнь замечательного человека, страстного патриота своей родины.

Список использованной литературы

1. Қазақ совет энциклопедиясы. II т. – Алматы: ҚСЭ, 1977. – 752 б.
2. Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т.5. – Алма-Ата: Главред КСЭ, 1985. – 525 с.
3. Султан Гази-Вали-Хан // Нива. – 1891. – №11. – С. 259-260.
4. Дмитриев. С. Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии // Страны и народы Востока. – Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. – 2013. – С. 311.
5. Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрон. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрон. – СПб., Т VIIA. 1892. – 850 с.
6. Успенский. Гл. Кочевники и русские переселенцы // Русская Мысль. – 1891. – №1.
7. Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича. Русское богатство / Г.Н. Потанин. – 1896. – №8. – С. 61.
8. Марков С.И. Идущие к вершинам / С.И. Марков. – Алма-Ата: Жазушы, 1982. – С. 148.
9. Муканов С. Промелькнувший метеор / С. Муканов. – Алма-Ата: Жазушы, 1976, – Т. II. – С. 381.
10. Стрелкова И. Валиханов. – М., Молодая гвардия / И. Стрелкова, Ч. Валиханов. 1983. – С. 264.
11. Госархив Омской области. Ф.19. Оп. I. Д. 87. Микросфич.
12. История СССР. – Т II. – М., 1954. – С. 445.
13. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского РГО 1845-1895. / П.П. Семенов. – СПб. – Т. III. 1896. – С. 16.
14. Успенский. Гл. Письма переселенцев // Русская Мысль. – 1891. – Т.3. – №1.
15. Сердалин М. Обэксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. – С.-Петербург, 1900. – С. 25.

16. ЦГА РК. Ф.369. Оп.І. Д.871. Л.91.
 17. Воспоминания о Г. Н. Потанине // Северная Азия: Общественно-научный журнал. – М., 1927. – Кн. 5-6. – С. 117.

References

1. Qazaq sovet entsiklopediyasy. II t. – Almaty: QSE, 1977. – 752 b.
2. Potanin G.N. Biograficheskiye svedeniya o Chokane Valikhanove // Valikhanov Ch.Ch sobr. soch.T.5. – Alma-Ata: QSE, 1985. – 525 s.
3. Sultan Gazi-Vali-Khan // Niva. – 1891. – №11. – S. 259-260.
4. Dmitriyev. S. Chlen russkogo geograficheskogo obshchestva general Sultan Gazi Valikhanov: stranitsy biografii // Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV: Tsentral'naya Aziya i Dal'niiy Vostok. /Pod red. I.F. Popovoy, T.D. Skrynnikovoy. – 2013. – S. 311.
5. F.A. Brokgauza i A.I. Yefron. Entsiklopedicheskiy slovar' / F.A. Brokgauza i A.I. Yefron. SPb., T VIIA. 1892. – 850 s.
6. Uspenskiy. Gl. Kochevniki i russkiye pereselentsy // Russkaya Mysl'. – 1891. – №1.
7. Potanin G.N. V yurte poslednego kirgizskogo tsarevicha. Russkoye bogatstvo / G.N. Potanin. – 1896. – №8. – S. 61
8. Markov S.I. Idushchiye k vershinam / S.I. Markov. – Alma-Ata: Zhazushy, 1982. – S. 148.
9. Mukanov S. Promel'knuvshiy meteor / S. Mukanov. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1976. – T.II. – S. 381.
10. Strelkova I. Valikhanov. – M.: Molodaya gvardiya / I. Strelkova, M. Valikhanov. 1983. – S. 264.
11. Gosarkhiv Omskoy oblasti. F.19. Op I. D.87. Mikrosfich.
12. Istoriya SSSR. – T II. – M., 1954. – S.445.
13. Semenov P.P. Istoriya poluvekovoy deyatelnosti Imperatorskogo RGO 1845-1895. / P.P. Semenov. – SPb. – T. III. 1896 god. – S. 16.
14. Uspenskiy. Gl. Pis'ma pereselentsev // Russkaya Mysl'. – 1891 god. – T.3. – №1.
15. Serdalin M. Ob ekspluatatsii stepey Zapadnoy Sibiri cherez skotovodcheskuyu kul'turu // Trudy Kompanii dlya vedeniya russkoy promyshlennosti i trgovli. – S.-Peterburg, 1900. – S. 25.
16. TSGA RK.F.369.Op.I.D.871. L.91.
17. Vospominaniya o. N. Potanine // Severnaya Aziya: Obshchestvenno-nauchnyy zhurnal. – M., 1927–. Кн. 5-6. – S. 117

Қ.Қ. Әбуев,

¹Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері, Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университетінің «Отан тарихы және ҚХА» кафедрасының профессоры, т.ғ.д.,

СҰЛТАНҒАЗЫ УӘЛИХАНОВ

Түйін

Мақала XIX ғасырдың соңы мен XX ғасыр басындағы қазақ интеллигенциясының көрнекті өкілі Сұлтанғазы Уәлихановтың өмір жолы мен атқарған әскери және қоғамдық-саяси қызметін талдауға арналған. Автор мақалада архив материалдарымен қатар ғылыми еңбектердің мәліметтерін ғылыми айналымға таратқан.

Түйін сөздер: әскери қызмет, полковник, жоғарғы әскери шен, хандық институт, кадет корпусы, зерттеушілер, шаруаларды қоныстандыру

¹К.К. Abuev,

¹ Honored Worker of Kazakhstan, Professor,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department
of National History and the Assembly of the People of Kazakhstan,
Sh. Ualikhanov Kokshetau State University,
Kokshetau, Kazakhstan

SULTAN-GAZY VALIKHANOV

Summary

This article is dedicated to life and social-political activity of one of the eminent Kazakh intellectuals of the late XIX-early XX century – Sultangazy Ualikhanov. The author introduces to scientific turn the published documents and materials from the Archive, thus introducing into scientific circulation information about one of the extraordinary personalities of his time, whose life was directly connected with the most important events in the political life of Kazakhstan in the second half of the XIX - early XX century.

Keywords: military service, colonel, higher officer rank, institute of khanate, cadet corps, researchers, resettlement of peasants.

УДК 94(574).08/.084

Р.Ю. Почекаев¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ХАН БЕЗ ХАНСТВА: ФЕНОМЕН СУЛТАНА САДЫКА В ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

В статье анализируется роль казахского султана Садыка Кенесарина в истории борьбы среднеазиатских ханств против продвижения России в Средней Азии. Некоторые современные казахстанские авторы склонны представлять этого деятеля как героя национальной борьбы против российского «колониализма», однако базируются главным образом на его собственных воспоминаниях, записанных его братом. Автор статьи, опираясь на другие источники, предпринимает попытку выяснить, какую роль на самом деле сыграл султан Садык в событиях 1860-1870-х гг. в Центральной Азии, а также причины интереса к сотрудничеству с ним со стороны правителей центрально-азиатских государств.

Ключевые слова: Российская империя, Казахстан, Средняя Азия, «Большая игра», Садык, Кенесары, Кокандское ханство, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Восточный Туркестан.

Процесс вхождения Центральной Азии в состав Российской империи был длительным и неравномерным. Если одни народы и регионы признавал российское подданство добровольно, то другие территории становились частью империи по итогам военного противостояния с ханствами Средней Азии – Бухарским, Хивинским, Кокандским. Естественно, отдельные, наиболее активные участники этих событий привлекали внимание исследователей – как современников, так и более поздних. При этом оценки таких деятелей зависели от позиции самих

исследователей, от идеологических установок и т.д. В результате один и тот же российский военачальник или глава пограничной администрации мог в разное время быть представлен либо как герой и выдающийся государственный деятель, много сделавший во славу России, либо как жестокий завоеватель и колонизатор. Аналогичным образом, противостоявшие им правители центрально-азиатских народов и государств предстают в различных сочинениях либо как разбойники и мятежники против законной власти, либо как герои борьбы за независимость.

К числу последних в полной мере можно отнести и султана Садыка² Кенесарина (1837-1910), чья наиболее активная политическая деятельность пришлась как раз на 1860-1870-е гг., т.е. период наиболее активного продвижения России в Среднюю Азию, совпавший с пиком противостояния Российской и Британской империй за контроль над центрально-азиатским регионом, получившего название «Большой игры». Надо сказать, что в дореволюционный и советский периоды султан Садык упоминался в соответствующих исследованиях как эпизодический персонаж, в независимом же Казахстане некоторые авторы склонны представлять его настоящим героем борьбы за национальную независимость против «русских колонизаторов».

Большинство современных авторов, чей интерес привлекает фигура султана Садыка, опираются на одно-единственное сочинение – «Насаб-наме-йи султан Садык», которое было написано по воспоминаниям самого султана его младшим братом Ахметом Кенесариным около 1886 г. и впервые опубликовано в русском переводе в 1889 г. [11, с. 89; 14]. Естественно, оно отражает субъективный взгляд на описываемые события, имея целью преувеличение и приукрашивание роли главного героя – самого султана Садыка. Однако все это не смущает упомянутых авторов, поскольку дает основания характеризовать его как национального героя Казахстана – несмотря на то, что политическую и военную деятельность Садык осуществлял отнюдь не на территории Казахстана, а в Средней Азии. Главным доводом в пользу именно такой трактовки является тот факт, что этот деятель являлся сыном Кенесары Касымова – султана казахского Среднего жуза, который в 1830-1840-е гг. вел борьбу за восстановление ханской власти, упраздненной российской администрацией в Казахстане в 1822-1824 гг. Деятельность самого Кенесары нередко характеризовалась и в советский, и в постсоветский периоды как национально-освободительная борьба, противостояние российскому колониализму. Султан же Садык, как это следует из его собственных слов, собирался не оставлять «пути моего отца» [14, с. 31], что, собственно, и является основанием для некоторых казахстанских авторов считать, что речь идет о продолжении Садыком дела Кенесары в борьбе с русскими³.

Однако был ли султан Садык таким уж последовательным противником России, каким пытаются представить его современные казахстанские авторы на основе его собственных воспоминаний? Каковы были его подлинные цели и, главное, каков был его правовой статус в 1860-1870-е гг.? И почему правители разных центрально-азиатских государств проявляли интерес к сотрудничеству с ним, несмотря на то, что он постоянно менял покровителей, перекочевывая из ханства в ханство. Целью настоящей статьи является попытка ответить на эти вопросы, соотнося данные сочинения Ахмета Кенесарина со сведениями других источников.

Нам уже приходилось высказывать сомнения в том, что движение самопровозглашенного хана Кенесары, отца Садыка, и в самом деле, носило анти-русский характер. Его действия в большей степени были направлены против тех казахских султанов (включая и его ближайших родственников, потомков его деда – знаменитого казахского хана Аблая), которым, в отличие от самого Кенесары, удалось сохранить высокое положение и при имперских властях [23, с. 91-92].

И если старший из сыновей Кенесары, султан Джафар, в начале 1850-х гг. действовал в казахском Среднем жузе, вызывая опасения российских властей

[см. подробнее: 18], то остальные семеро сыновей самопровозглашенного хана на территории Русского Казахстана никакой политической или военной деятельности не вели. Трое из них, Тайчик, Ахмет и Садык, перекочевали к казахам Старшего жуза, найдя под властью кокандского хана, к которому и поступили на службу. Полагая, причиной перекочевки могли стать именно напряженные отношения семейства Кенесары с другими потомками хана Аблая в Среднем жузе, тогда как их родственники в Старшем жузе⁴ не имели причин для вражды с потомками Кенесары.

Согласно воспоминаниям самого Садыка, он и его братья очень быстро вошли в милость к кокандскому правителю, который назначил каждого из них командиром отряда в 500 воинов. Вскоре они приняли участие в боевых действиях против войск западносибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, которые в 1860 г. захватили крупные и стратегически важные крепости Кокандского ханства – Токмак и Пишпек (совр. Бишкек). Они также участвовали в битве при Узун-Агаче в октябре того же года, когда кокандцы предприняли попытку отбить Пишпек, но их двадцатитысячное войско потерпело сокрушительное поражение от отряда полковника Г.А. Колпаковского, насчитывавшего около 1 000 солдат [27, с. 252-257].

Безусловно, можно видеть в этих действиях Садыка и его братьев борьбу с русскими. Однако, во-первых, они действовали отнюдь не как самостоятельные политики и военачальники, а всего лишь как командиры довольно небольших воинских подразделений кокандского войска, выполнявшие приказы командования. Во-вторых, сразу после этого поражения султаны Тайчик и Ахмет приняли решение вернуться в родной Средний жуз и поступить на службу к русским. Последующая их судьба (описанная тем же Ахметом Кенесариным) никак не соотносится с образами «потомственных противников» Российской империи: Тайчик Кенесарин, получив чин зауряд-хорунжего принял участие в борьбе с Кокандским ханством и в 1863 г. умер от ран, а его брат Ахмет (ум. 1888) также находился на русской службе, завершив карьеру в должности помощника начальника Чимкентского уезда в Туркестанском крае, выйдя на пенсию в 1887 г. [14, с. 32-33]⁵.

Лишь один Садык отказался вернуться в русские владения, заявив, как отмечалось, что не сойдет с пути отца. Однако означало ли это, что он понимал путь отца как борьбу с Россией? Первые же его действия как самостоятельной политической фигуры вызывают сомнения в этом, поскольку предпринял он их не в областях, за которые соперничали Коканд и Россия, а в совершенно ином регионе – Восточном Туркестане (современный Синьцзян).

Этот мусульманский регион, завоеванный маньчжурской империей Цин еще в середине XVIII в., неоднократно поднимал восстания против «неверных» китайцев, и наиболее серьезное восстание началось в 1864 г., и Садык принял в нем весьма активное участие – о котором нет ни слова в его воспоминаниях, записанных его братом. Вскоре после начала восстания он во главе трехтысячного отряда «киргизов» прибыл в Кашгар, восставшее население которого провозгласило его своим правителем. Однако, не имея тесных связей с местной властной элитой, он был вынужден вступить в борьбу с другими претендентами на власть. Чтобы укрепить свое влияние, он направил в Коканд послание с просьбой прислать в качестве верховного правителя одного из потомков прежних правителей и духовных лидеров Восточного Туркестана – белогорских ходжей (возводивших генеалогию к пророку Мухаммаду), надеясь остаться при нем фактическим правителем. Однако когда такой номинальный лидер, Бузрук-ходжа (Бузрук-хан-тура), и в самом деле, прибыл в Кашгар в 1865 г., с ним вместе был направлен кокандский военачальник Якуб-бек, который вытеснил Садыка из Восточного Туркестана, в результате сыграв ту самую роль, которую надеялся сыграть сам казахский султан – возглавив восстание против цинских властей и создав в результате восстания собственное государство Йэтишар.

Итак, как видим, первый же шаг Садыка как самостоятельного политического деятеля, был направлен не против Российской империи, а против империи Цин!

Нельзя не отметить, что сведения об этом эпизоде из жизни Садыка весьма противоречивы. Некоторые авторы вообще считают, что речь идет не о нашем герое, а о совершенно другом политическом деятеле, отражая, впрочем, в своих работах все вышеописанные события. Так, одни исследователи считают, что Садык-бек, провозглашенный правителем Кашгара в 1864 г., являлся предводителем кочевых киргизов, признававших власть империи Цин, но присоединившихся к антикитайскому восстанию своих единоверцев [см., напр.: 8, с. 227-228; 12, с. 19; 30, с. 31]. Другие авторы полагают, что речь идет вообще о представителе местной администрации, ранее служившем Цинам, но затем решившем поддержать восставших [см., напр.: 32, р. 48, 60, 65]⁶. Однако мы считаем целесообразным присоединиться к мнению тех авторов (как современников событий, так и последующих исследователей), которые считают, что речь идет именно о Садыке Кенесарине [см., в частности: 2, с. 286, 316-317, 426; 31, р. 86-87, 103-104, 107, 117; 34, р. 31-32]. Во-первых, «киргизами» в XIX в. называли казахов, чьим потомственным предводителем являлся этот султан. Во-вторых, нельзя забывать о его обращении за помощью в Коканд: как мы помним, он формально находился именно на кокандской службе. Наконец, забегая вперед, отметим, что под конец своей карьеры он вновь оказался в Кашгаре, надеясь снова получить здесь власть.

Как бы то ни было, но в 1865 г. мы видим султана Садыка вновь на кокандской службе. Сначала, по его собственным воспоминаниям, он стойко защищает город Чимкент, который пал сразу после его ухода. Однако Чимкент пал в 1864 г., когда Садык, скорее всего, еще был в Восточном Туркестане, да и русские участники событий ничего не сообщают о пребывании Садыка в Чимкенте и вообще о его участии в боевых действиях в этом году⁷. Более достоверными являются сведения о том, что Садык уже в 1865 г. под командованием Алимкула, амир-и лашкара (верховного главнокомандующего) и фактического правителя Кокандского ханства, участвует в войне с русскими и в неудачной обороне Ташкента от войск генерала М.Г. Черняева. Алимкул вскоре скончался от ран, а сам Садык стал его преемником, получив должность амир-и лашкара. Однако буквально через несколько дней он ее лишился при довольно туманных обстоятельствах, а вскоре оказался на службе уже у бухарского эмира Музафара [2, с. 393, 676; 14, с. 46].

Уход султана из Коканда, со службой которому была связана вся его молодость, был настолько неожиданным, что среднеазиатские историки готовы объяснять его самыми фантастическими причинами. В частности, известный хивинский историк Мухаммад-Риза Агахи, писал, что отец Садыка, Кенесары (на самом деле погибший в борьбе с киргизами в 1847 г.) был убит в Ташкенте за отказ подчиниться русским, и уход самого Садыка из Ташкента в Бухару был связан именно с гибелью его отца [1, с. 406]. Сам Садык утверждал, что его смещение с поста амир-и лашкара объяснялось тем, что кокандцы опасались сосредоточения всей полноты власти в его руках и того, что он, будучи потомком Чингис-хана, сам провозгласит себя кокандским ханом [14, с. 48]. Надо сказать, основания для подобных опасений имелись, несмотря на то, что уже с начала XVIII в. Кокандом правили узбекские бии (с начала XIX в. – ханы) из династии Минг. Потомки Чингис-хана в силу давней политической традиции воспринимались в Центральной Азии как наиболее легитимные претенденты на трон. Даже русские власти в противостоянии со среднеазиатскими монархами порой использовали эту традицию в своих целях: так, оренбургский губернатор В.А. Перовский во время «зимнего похода» на Хиву 1839-1840 гг. намеревался возвести на хивинский трон своего ставленника – казахского султана Бай-Мухаммада Айшуакова, а во время боевых действий против Коканда в 1853 г., по-видимому, с той же целью взял в поход другого казахского султана – Ер-Мухаммада (Иликея) Касымова [см. подробнее: 22, с. 216, 225].

Имелись ли у Садыка реальные намерения занять кокандский трон, и составляла ли кокандская знать заговор против него, из других источников неизвестно. По нашему мнению, Садык после гибели Алимкула и потери высокого поста амир-и лашкару не видел перспектив в дальнейшей службе Кокандскому ханству, быстро терявшему в это время и территории, и политическое влияние в Средней Азии. Был ли осуществлен этот переход под предлогом продолжения противостояния русским? Сведений об этом нет, однако вскоре Садыку, и в самом деле, вновь пришлось столкнуться с русскими – на этот раз уже с туркестанскими войсками. В 1865-1868 г. он принял участие в ряде столкновений бухарских войск с русскими, участвовал и в битве на Зерабулакских высотах, после которой бухарский эмир подписал мирный договор с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, фактически признав протекторат Российской империи над Бухарой [14, с. 56-61; 16, с. 252-261; см. также: 2, с. 305, 549; 3, с. 260].

Как ни странно, на этот раз сокрушительное поражение не заставило Садыка вновь сменить покровителя. Вместо этого он поддержал Абдул-Малика (Катта-тура), старшего сына эмира Музаффера, которого противники мира с Россией выдвинули в качестве нового правителя – вместо его отца, «продавшего русским». Садык был разбит войсками эмира при поддержке русского отряда, на этот раз выступавшего в качестве союзника Музаффера, и вынужден бежать в Хивинское ханство [13, с. 134-136]. Роль Садыка в восстании Абдул-Малика была настолько заметной, что о нем упомянул даже российский военный министр Д.А. Милютин в своих воспоминаниях, отметив, что сын эмира был поддержан «шахрисябскими беками и разбойничьей шайкой Садыка» [9, с. 87].

В собственных воспоминаниях султан Садык предстает верным сторонником Абдул-Малика во время его восстания 1868-1869 гг., до последнего поддерживавшим его и всячески отказывавшимся от претензий на власть [14, с. 63-64]. Однако если мы обратимся к сведениям другого современника – бухарского историка Абдал-Азима Сами, то обнаружим весьма интересные детали, о которых сам Садык предпочел умолчать. По словам историка, узнав о мятеже, Садык, пребывавший на службе у эмира, тут же бежал к казахам, признававшим бухарское подданство и вознамерился провозгласить себя правителем, по меньшей мере, части Бухарского эмирата, избрав резиденцией Гиджуван, где «он стал издавать указы и раздавать большие должности и чины всяким неразумным подонкам общества» [17, с. 94]. Именно этим Сами объясняет тот факт, что эмир предпочел обратить войска непосредственно против Садыка. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях также упоминает, что эмир выбил Садыка из занятых им городов, чем воспользовался Абдул-Малик, активизировавший действия против отца [9, с. 87]. И хотя сам военный министр, как видно из вышеприведенного фрагмента, рассматривал Садыка в качестве союзника мятежного сына эмира, из этого сообщения вытекает, что он вполне мог действовать самостоятельно и в собственных интересах. Кокандские историки, современники описываемых событий, также упоминают о смуте, начатой Садыком отдельно от мятежа Абдул-Малика [см.: 2, с. 446].

Итак, мы вновь видим, что сын Кенесары видел свою основную цель не в противостоянии с русскими, а в личном возвышении – на этот раз в Бухарском эмирате, где его действия весьма напоминают события в Коканде в 1865 г., когда, как мы помним, местная элита обвинила его в попытке захвата верховной власти. Бегство в Хиву – последнее среднеазиатское ханство, с властями которого Садык еще не успел испортить отношения, в подобных обстоятельствах представляется вполне объяснимым.

Однако и в Хиве главной своей целью султан ставил не противодействие русским, а обретение власти над казахами, признававшими власть местного хана. Надо сказать, что хивинцы издавна практиковали поддержку претензий отдельных казахских султанов на ханский трон с целью дестабилизации обстановки в Русском

Казахстане. Особенно активно эта практика реализовывалась в 1820-1840-е гг., когда Российская империя и Хивинское ханство находились в открытом военном противостоянии. Однако ко времени прибытия в Хиву султана Садыка в 1869 г. хивинские монархи уже фактически перестали использовать претендентов на казахский трон как средство борьбы с Россией.

Тем не менее, в воспоминаниях самого Садыка, записанных его братом, он старается подчеркнуть свое значение в глазах хивинских властей: якобы, по его прибытии «ургенчский хан оказал ему хороший прием, сделал начальником над подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками», и он четыре года провел в ханстве «начальствуя над всеми киргизами Хивинского ханства» [14, с. 66, 67]. Однако сведения вышеупомянутого хивинского историка Агахи несколько разрушают образ Садыка как главного предводителя всех казахов, подчинявшихся Хиве: когда буквально через несколько дней после Садыка в столицу ханства явился еще один казахский султан – Хаким-тура (или Арслан-тура), то и ему были выделены во владение кочевья хивинских казахов [1, с. 406-407]. Полагаем, что хан Мухаммад-Рахим II вполне мог знать о действиях Садыка в Коканде и Бухаре и, соответственно, не собирался передавать под его власть слишком значительные силы кочевников, с помощью которых тот мог бы предъявить претензии и на хивинский трон.

Меры предосторожности себя оправдали: никаких претензий на хивинский трон Садык не предъявлял, а весьма исправно совершал набеги на русские пограничные области по распоряжению хивинского хана [см., напр.: 5, с. 7-8, 13]. Когда в 1873 г. войска К.П. фон Кауфмана выступили в хивинский поход, то султан весьма активно проявил себя в боевых действиях: на этот раз и русские участники событий упоминают об участии Садыка в боевых действиях, характеризуя его как «степного разбойника» [см., напр.: 15, с. 89, 126; 19, с. 156; 29, с. 11, 164; см. также: 28, с. 25]. Надо полагать, на этот раз активность султана в борьбе с русскими войсками объяснялась тем, что ему было что терять: пожалуй, впервые он стал владетельным султаном – пусть даже и не «начальником всех киргизов».

После поражения хана Мухаммад-Рахима и подписания мирного договора, по которому и Хивинское ханство становилось протекторатом Российской империи Садык, как и в Бухарском эмирате в 1868 г., еще какое-то время пребывал на хивинской территории, вероятно, надеясь на то, что его чингизидское происхождение позволит ему привлечь противников подчинения России и вновь попытаться захватить власть. Помимо довольно небольшого числа собственных казахских подданных, он рассчитывал опереться на многочисленных и воинственных туркмен. В самом деле, он, согласно его собственным воспоминаниям, провел несколько месяцев среди туркмен племени йомудов, однако потом был вынужден их оставить. По его собственным словам, его отъезд был связан с тем, что туркмены предложили ему возглавить поход на бухарский город Чарджоу, и он, якобы, не захотел воевать против мусульман-единоверцев [14, с. 75]. Несомненно, Садык в своих воспоминаниях слукавил: и в Кашгаре, и в Бухаре во время восстания Абдул-Малика никакие религиозные соображения не препятствовали ему действовать против единоверцев ради достижения власти. По-видимому, ему пришлось покинуть туркмен после того, как он убедился, что они, в отличие от казахов или каракалпаков, не намерены провозглашать его своим верховным правителем из-за его чингизидского происхождения. Дело в том, что у йомудов были свои могущественные и властолюбивые правители-ханы, причем как раз в это время самый влиятельный из них, Ата-Мурад-хан, при поддержке русских властей добился права вернуться в Хивинское ханство, примирившись с ханом Мухаммад-Рахимом, которому прежде активно противостоял [4, с. 225-226].

О последующей жизни Садыка известно лишь с его собственных слов: сначала он нашел убежище в Мерве у Нур-Верды-хана и его супруги – знаменитой Гуль-

Джамал (в 1884 г. именно она обеспечила добровольное вхождение Мерва в состав Российской империи). Однако, убедившись, что никаких выгод пребывание в Мерве ему не сулит, султан отправился дальше и, по его словам, около трех месяцев провел в Герате на службе у Якуб-сердара, сына афганского эмира Шир-Али-хана [14, с. 73-76].

Наконец, в середине 1870-х гг. он вновь вернулся туда, где начинал свою политическую деятельность – в Восточный Туркестан. Теперь султан Садык был уже не тем легкомысленным авантюристом, который готов был рискнуть всем, рассчитывая заполучить верховную власть. Поэтому он решил пойти на союз с Якуб-беком – тем самым, который примерно десятилетие назад вытеснил его из Кашгарии. Правитель Йэйтишара, всеми способами стремившийся укрепить собственные позиции на троне, принял Садыка благожелательно и даже женил его на вдове одного из своих сыновей, тем самым сделав членом своей семьи [14, с. 77; см. также: 31, р. 261-262].

Еще больше Садык оказался востребован после смерти Якуб-бека в 1877 г., когда два его сына начали борьбу за власть. Один из них, Хаккули-бек решил привлечь на свою сторону Хаким-хан-туру, представителя династии белогорских ходжей, прежних правителей Восточного Туркестана. Его брат и соперник Беккули-бек сделал союзником Садыка, который, будучи потомком Чингис-хана, ничуть не уступал по статусу потомку ходжей [14, с. 78-79; 30, с. 99]. В междоусобной борьбе одержал победу Беккули-бек, разгромивший и казнивший брата, однако смерть Якуб-бека и последовавшая междоусобица сильно ослабили Йэйтишар, чем воспользовались власти империи Цин, чьи войска в 1878 г. восстановили контроль Китая практически во всем регионе.

Садык, надо отдать ему должное, весьма храбро сражался с китайцами и даже был ранен в одном из сражений. Однако не понимая неминуемости поражения он не мог, поэтому вместе с Беккули-беком он уже осенью 1877 г. обратился к властям Ферганской области с просьбой о предоставлении убежища⁸. Это также наводит на мысль, что он не был таким уж «непримиримым борцом с русским колониализмом»: например, вышеупомянутый сын бухарского эмира Абдул – Малик, и в самом деле придерживавшийся антирусской позиции, нашел убежище сначала в Хивинском ханстве, затем – в Британской Индии, тогда как его сподвижник Садык такие варианты даже не рассматривал, сразу обратившись к российским властям в поисках убежища.

Личным решением туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана он получил прощение за прежние действия против русских и поселился при своем брате Ахмете, занимавшем, как упоминалось, пост помощника начальника Чимкентского уезда [14, с. 82-83]. Е.Т. Смирнов, переведший на русский язык воспоминания султана Садыка, записанные его братом, так описывал Садыка в конце 1880-х гг.: «Это совершенно бодрый, среднего роста, человек лет пятидесяти пяти; смуглое лицо киргизского типа, с черной, небольшой, с легкой проседью, бородой, оживлено замечательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорционально сложенная фигура с мягкими контурами лица, маленькими, женскими руками, манера держать себя, спокойствие, как бы некоторая застенчивость в разговоре все это изобличает в нем человека, прожившего при среднеазиатских ханских дворах и вместе с тем кровного кочевого аристократа, «белую кость», каким он и есть на самом деле по своему происхождению. При первом взгляде на этого задумчивого, спокойного человека как-то не верится, что это именно тот наездник Садык, с именем которого всегда соединялось понятие об отчаянном степном разбойнике и самом упорном назойливом партизане, что этот тот Садык, который наводил, в семидесятых годах, страх на наши передовые линии в Туркестане, являясь всегда неожиданно на слабых местах и нападая более смело и энергично, чем другие предводители киргизских и туркменских партизанских

партий. Но когда в разговоре оживится его лицо, потечет быстрая, выразительная речь, разгорятся глаза, впечатление смиренного, задумчивого человека исчезает совсем. Перед вами появляется другой человек: живой, энергичный и безусловно талантливый, с «божьей искоркой» и юношью души, – качествами, столь неотразимо действующими на рядовых людей и на народные толпы. Становится понятным его успех как сановника и советчика в военных и политических делах при ханах Бухары, Хивы и Кашгара и его умение держать в руках полудиких, своевольных наездников и энергично двигать их нестройные толпы на убийственные залпы туркестанской линейной пехоты, делать с ними огромные и быстрые переходы в мертвой Кизылкумской пустыне и падать, как снег на голову, на прозевавшего неприятеля, приобретая этим от него вполне незаслуженный эпитет «степного разбойника»» [26, с. 13].

Мы привели эту обширную цитату, чтобы показать, что образ султана Садыка как влиятельного политического деятеля и упорного многолетнего врага Российской империи в Центральной Азии в значительной степени создавался не только им самим и его братом-единомышленником, но и русскими властями. В противном случае совершенно непонятно, зачем нужно было публиковать на русском языке его воспоминания, в которых он так ярко описывает свои действия против русских властей. По-видимому, туркестанская администрация старалась подчеркнуть свои заслуги в укреплении российских позиций в Центральной Азии, коль скоро даже такой последовательный противник русских как Садык, в конце концов, понял бесперспективность своей борьбы и сдался русским. Весьма примечательно, что уже в начале XX в. это сочинение было востребовано российскими исследователями истории Туркестана – в частности, именно на него опирался Н. Павлов, включивший в свою «Историю Туркестана» (1910 г.) отдельную главу о Садыке [20, с. 163-171].

Между тем, все вышеприведенные сведения о деятельности Садыка Кенесарина в Коканде, Бухаре, Хиве и в особенности в Кашгаре не подтверждают, что этот деятель, и в самом деле, вел постоянную упорную борьбу против России. Его главной целью являлось создание собственного государства, в котором он обладал бы всей полнотой власти, на что имел право по своему происхождению – вероятно, именно это он считал «путем своего отца», поскольку и Кенесары Касымов намеревался создать ханство, в котором сам он стал бы верховным самовластным правителем. При этом он не провозглашал своей основной целью войну с Россией.

По всей видимости, Садык не скрывал своих амбиций, находясь на службе у того или иного центрально-азиатского правителя (особенно по молодости), и местные власти старались по возможности обезопасить себя от его претензий. Весьма примечательно, что ни в одном среднеазиатском источнике, содержащем сообщения о Садыке, он не упоминается с титулом султана – ведь это автоматически означало бы, что он выше по статусу чем бухарские эмиры из рода Мангытов, кокандские хан из династии Минг или хивинские ханы из династии Кунграт, и, следовательно, имеет больше прав на трон в этих государствах. В современных ему кокандских хрониках он фигурирует как Садык-бек или Садык-бек-тура: налицо «понижение» в статусе, поскольку «султан» означал представителя ханского рода, тогда как «бек» мог принадлежать и члену аристократического рода, и любому представителю военной или гражданской администрации. Титул же «тура», ранее принадлежавший только потомкам Чингис-хана, в Средней Азии в XVII–XVIII вв. стал употребляться в отношении ходжей – потомков почитаемых мусульманских святителей, а также и в отношении представителей правящих родов нечингизидского происхождения (в частности – бухарских Мангытов) [см. подробнее: 24, с. 277-280]. Поэтому бухарские и хивинские авторы спокойно именуют Садыка «тура» («тюря»), тем самым нисколько не вознося его над местными монархами и членами их семейств. Более того, вышеупомянутый бухарский историк Абдал-Азим Сами пишет, что «Сиддик-тюря казах считал себя потомком Чингиза. Предки его были

правителями среди своих соплеменников в Дешт-и Кыпчак» [17, с. 94]. Этими словами он выказывает, по меньшей мере, тень сомнения в происхождении Садыка и, как следствие, обоснованности его претензий на трон в ущерб эмирам из династии Мангытов.

Тем не менее, не приходится сомневаться, что среднеазиатские ханы вполне четко осознавали статус Садыка, чем и объясняется их интерес к его персоне. Нахождение на службе султана-Чингизида, да еще и сына хана (пусть даже самопровозглашенного) повышало степень контроля собственных кочевых подданных Коканда, Бухары и Хивы, а также давало надежду на то, что к ним могут присоединиться и кочевники из числа российских подданных, которые предпочли бы власть своего «природного» монарха иноземному господству⁹. Будь султан Садык менее амбициозен и более покладист, он вполне мог бы стать настоящим знаменем борьбы правителей Центральной Азии против русского продвижения в регион. Однако его властолюбие, приоритет личных интересов, несомненная отвага и отмеченная Е.Т. Смирновым способность вести за собой многочисленных кочевников представляли для среднеазиатских монархов опасность, которая перевешивала пользу от его использования в качестве такого знамени.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что султан Садык Кенесарин, делая ставку на свое происхождение от Чингис-хана как фактор легитимации власти, не учитывал политико-правовых реалий второй половины XIX в. и потому его попытки создать собственное «чингизидское» государство изначально были обречены на провал. В условиях противостояния среднеазиатских ханств продвижению Российской империи в регион он не мог не принять участия в этих событиях, прибегая к покровительству того или иного местного монарха. Однако все его действия в 1860-1870-е гг., в т.ч. и направленные против России, не дают оснований считать его одним из лидеров антироссийских сил в регионе в этот период и, уж тем более, вождем казахов в борьбе с «российскими колонизаторами». Понимали это и сами русские власти, которые, простив его за былые «прегрешения», никак не попытались ограничить его свободу в русских владениях (даже вытребовав из Бухары его семью, где она до этого времени пребывала в заложниках [14, с. 83]) и, более того, сами же постарались укрепить его образ как упорного противника России, чтобы подчеркнуть собственные успехи в Центральной Азии.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322 «Российский фактор» правового развития Центральной Азии в имперский период (XVIII-начало XX вв.): юридические аспекты фронтальной модернизации».

² В разных источниках и исследованиях также фигурирует как Садик, Сиддик, Сыдык, Сыздык и пр.

³ Характеристика Садыка как борца с «русским царизмом» была представлена в диссертации Е.Д. Дильмухамедова, защищенной еще в 1946 г., но впервые опубликованной лишь в 2010 г. [10, с. 139, 142]. Одна из наиболее ярких современных характеристик Садыка в такой ипостаси представлена в следующей публикации: 25.

⁴ В конце XVIII-начале XIX вв. ряд родоплеменных подразделений казахов Старшего жуза признал своим ханом Адила (сына хана Аблая), потомки которого сохраняли власть в жузе и к середине XIX в.

⁵ Любопытно отметить, что примерно в это же время явился с повинной к русским властям еще один «потомственный» мятежник – султан Кошкарбай, сын Саржана, родного брата Кенесары и, следовательно, двоюродный брат Тайчика, Ахмета и Садыка. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин отнесся к нему весьма благожелательно и даже включил в состав казахской делегации, отправившейся вскоре в Петербург, на прием к императору [см.: 21, с. 202].

⁶ Х. Ким при этом ссылается на сведения Ч. Ч. Валиханова о некоем Садык-беке, чей предок еще в середине XVIII в. признал власть империи Цин, за что получил потомственную должность хакима Ташмалыка [см.: 7, с. 160]. Однако нет оснований полагать, что Валиханов имел в виду именно участника событий 1864 г., поскольку последние его сведения о Восточном Туркестане относятся к концу 1850-х гг. Возможно, причиной такой версии стала информация о некоем Садык-беке, хакиме Янги-Хисара на службе у империи Цин, который в 1830 г. оказал поддержку Юсуф-ходже (отцу Бузрук-ходжи) и сопровождавшему его кокандскому отряду [см.: 33, р. 157-158].

⁷ За исключением Н. Павлова, который опирался на вышеупомянутые записки Ахмета Кенесарина [20, с. 164].

⁸ Согласно запискам А. Кенесарина, сначала из Кашгарии бежал Беккули-бек, а уж затем, получив ранение, за ним последовал и сам Садык [14, с. 81]. Однако английский современник Д. Ч. Булгер в биографии Якуб-бека утверждает, что они прибыли в Фергану вместе [31, р. 274].

⁹ В самом деле, во время восстания Абдул-Малика в Бухарском эмирате к Садыку присоединилось некоторое количество казахов из числа подданных Российской империи [6, с. 63].

Список использованной литературы

1. Бартольд В.В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. II. – Ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 400-413.

2. Бейсембиев Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII-XIX веков. – Алматы: Print-S, 2009. – 1263 с.

3. Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2004. – 279 с.

4. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 444 с.

5. Бухерт В. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. – 2003. – № 1 (61). – С. 5-20.

6. Бухерт В. «Начало бухарской распри положил Абрамов». Письмо коменданта г. Ходжента полковника П.Г. Фавицкого // Источник. Документы русской истории. – 2002. – № 3 (57). – С. 62-63.

7. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858-1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 3. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – С. 97-218.

8. Васильев А.Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханов Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). – М.: Пробел – 2000, 2014. – 356 с.

9. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868-начало 1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2006. – 734 с.

10. Дильмухамедов Е.Д. Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837-1847 гг. – Алматы, 2010. – 200 с.

11. Зайцев И.В. «Насаб-наме-и султан Садык» – история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина // Международная научно-практическая конференция «От Тюркского эля к Казахскому ханству»: Сб. докладов. – М.: Изд-во Московского государственного ун-та, 2016. – С. 89-92.

12. Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар (1864-1877). – М.: Наука, 1981. – 91 с.

13. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. – Душанбе: АН Таджикской ССР, 1962. – 356 с.

14. Кенесарин А. Султаны Кенисара и Сыздык / Пред. и прим. Е.Т. Смирнова. – Алма-Ата: Жалын, 1992. – 144 с.
15. Мак-Гахан Дж. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. – М., 1875. – 304 с.
16. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – СПб., 1890. – 370 с.
17. Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / Пер., пред. и прим. Л. М. Епифановой. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 180 с.
18. Муканова Г.К. «Сын за отца не отвечает» (Архивные документы о судьбе Джафара Кенесарина) // Исследования молодых ученых. Известия АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. – 1992. – № 2. – С. 77-80.
19. Описание действий туркестанского отряда в хивинскую экспедицию 1873 года / Под ред. В.Н. Троицкого. – Ташкент, 1882. – 246 с.
20. Павлов Н. История Туркестана в связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. – Ташкент, 1910. – 253 с.
21. Письма к Ч.Ч. Валиханову // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 5. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – С. 176-214.
22. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 384 с.
23. Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. – Ч. 2: От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824-1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – № 2. – С. 85-96.
24. Почекаев Р.Ю. Торе в Центральной Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного ун-та, 2015. – С. 268-282.
25. Путь воинов. История жизни потомков славного казахского хана Кенесары // Электронная публикация с сайта «ЦентрАзия»: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321215480>.
26. Смирнов Е.Т. Предисловие // Кенесарин А. Султаны Кенисара и Садук. – Алматы: Жалын, 1992. – С. 13-14.
27. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – Т. I. – СПб., 1906. – 510 с.
28. Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX - начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. – М.: Наука, 1969. – 141 с.
29. Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца, сапера Е. Саранчова. – СПб., 1874. – 186 с.
30. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). – М.: Наука, 1979. – 128 с.
31. Boulger D. Ch. The life of Yakoob Beg, athalik Ghazi and Badaulet, ameer of Kashgar. – London: W. H. Allen & Co., 1878. – 344 p.
32. Kim H. Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864-1877. – Stanford: Stanford University Press, 2004. – 295 p.
33. Newby L.J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760-1860. – Leiden; Boston: Brill, 2005. – 297 p.
34. The Life of Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth Century Central Asia / Ed. and transl. by T.K. Beisembiev. – London; New York: RoutledgeCurzon, 2003. – 116 p.

References

1. Bartol'd V.V. Sobytiya pered khivinskim pokhodom 1873 goda po rasskazu khivinskogo istorika // Bartol'd V. V. Sochineniya. – T. II. Ch. 2. – M.: Nauka, 1964. – S. 400-413.
2. Beysembiev T.K. Kokandskaya istoriografiya. Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII-XIX vekov. – Almaty: Print-S, 2009. – 1263 s.
3. Bekmakhanova N.E. Rossiya i Kazakhstan v osvoboditel'nom dvizhenii. Poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka. – M.: In-t rossiyskoy istorii RAN, 2004. – 279 s.
4. Bregel' Yu.E. Khorezmskie turkmeny v XIX veke. – M.: Izd-vo vostochnoy literatury, 1961. – 444 s.
5. Bukhert V. «Voyska nashi takaya prelest', chto nel'zya predstavit' nichego luchshego». Pervyi turkestanskiy general-gubernator: 12 let perezpiski // Istochnik. Dokumenty russkoy istorii. – 2003. – № 1 (61). – S. 5-20.
6. Bukhert V. «Nachalo bukharskoy raspres polozhil Abramov». Pis'mo komendanta g. Khodzenta polkovnika P.G. Favitskogo // Istochnik. Dokumenty russkoy istorii. – 2002. – № 3 (57). – S. 62-63.
7. Valikhanov Ch.Ch. O sostoyanii Altysbara, ili Shesti vostochnykh gorodov kitayskoy provintsii Nan-lu (Maloy Bukharii), v 1858-1859 godakh // Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. – T. 3. – Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1985. – S. 97-218.
8. Vasil'ev A.D. «Znamiya i mech ot padishakha». Politicheskie i kul'turnye kontakty khanov Tsentral'noy Azii i Osmanskoy imperii (seredina XVI – nachalo KhKh vv.). – M.: Probel – 2000, 2014. – 356 s.
9. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseyevicha Milyutina. 1868 – nachalo 1873 / Pod red. L.G. Zakharovoy. – M.: ROSSPEN, 2006. – 734 s.
10. Dil'mukhamedov E.D. Vosstanie kazakhov pod rukovodstvom Kenessary Kassymova v 1837-1847 gg. – Almaty, 2010. – 200 s.
11. Zaytsev I.V. «Nasab-name-yi sultan Sadyk» – istoriya Kenessary Kassymova i Sadyka Kenessarina // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Ot Tyurkskogo elya k Kazakhskomu khanstvu»: Sb. dokladov. – M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo un-ta, 2016. – S. 89-92.
12. Issiev D.A. Uygurskoe gosudarstvo Yettishar (1864-1877). – M.: Nauka, 1981. – 91 s.
13. Iskandarov B.I. Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroy polovine XIX v. – Ch. I. – Dushanbe: AN Tadzhikskoy SSR, 1962. – 356 s.
14. Kenessarina A. Sultany Kenissara i Syzdyk / Pred. i prim. E.T. Smirnova. – Alma-Ata: Zhalyn, 1992. – 144 s.
15. Mak-Gakhan Dzh.A. Voennye deystviya na Oksuse i padenie Khivy. – M., 1875. – 304 s.
16. Maksheyev A.I. Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh. – SPb., 1890. – 370 s.
17. Mirza Abdal'Azim Sami. Ta'rikh-i salatin-i mangitiya (Istoriya mangytskikh gosudarey) / Per., pred. i prim. L.M. Yepifanovoy. – M.: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962. – 180 s.
18. Mukanova G.K. «Syn za ottsa ne otvechaet» (Arkhivnye dokumenty o sud'be Dzhafara Kenesarina) // Issledovaniya molodykh uchenykh. Izvestiya AN Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk. – 1992. – № 2. – S. 77-80.
19. Opisaniye deystviy turkestanskogo otryada v khivinskuyu ekspeditsiyu 1873 goda / Pod red. V.N. Trotskogo. – Tashkent, 1882. – 246 s.
20. Pavlov N. Istoriya Turkestana v svyazi s kratkim istoricheskim ocherkom sopredel'nykh stran. – Tashkent, 1910. – 253 s.
21. Pis'ma k Ch.Ch. Valikhanovu // Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. – T. 5. – Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1985. – S. 176-214.

22. Pochekaev R.Yu. Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v. – M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. – 384 s.

23. Pochekaev R.Yu. Pravovaya situatsiya v Kazakhstane v sostave Rossiyskoy imperii. Ch. 2: Ot pravovogo kompromissa k okonchatel'noy integratsii v imperskoe pravoe prostranstvo (1824-1868 gg.) // Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana. – 2010. – № 2. – S. 85-96.

24. Pochekaev R.Yu. Tore v Tsentral'noy Azii // Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii / Otv. red. P.K. Dashkovskiy. – Barnaul: Izd-vo Altayskogo gosudarstvennogo un-ta, 2015. – S. 268-282.

25. Put' voinov. Istoriya zhizni potomkov slavnogo kazakhskogo khana Kenessary // Elektronnyaya publikatsiya s sayta «TsentAzia»: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321215480>.

26. Smirnov E.T. Predislovie // Kenessar A. Sultany Kenissara i Sadyk. – Almaty: Zhalyn, 1992. – S. 13-14.

27. Terent'yev M.A. Istoriya zavoevaniya Sredney Azii. T. I. – Spb., 1906. – 510 s.

28. Tukhtametov T.G. Rossiya i Khiva v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Khorezmskoy narodnoy revolyutsii. – M.: Nauka, 1969. – 141 s.

29. Khivinskaya ekspeditsiya 1873 g. Zapiski ochevidtса, sapera E. Saranchova. – SPb., 1874. – 186 s.

30. Khodzhaev A. Tsinskaya imperiya, Dzhungariya i Vostochnyi Turkestan (Kolonial'naya politika Tsinskogo Kitaya vo vtoroy polovine XIX v.). – M.: Nauka, 1979. – 128 s.

31. Boulger D.Ch. The life of Yakoob Beg, athalik Ghazi and Badaulet, ameer of Kashgar. – London: W.H. Allen & Co., 1878. – 344 r.

32. Kim H. Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864-1877. – Stanford: Stanford University Press, 2004. – 295 p.

33. Newby L.J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760-1860. – Leiden; Boston: Brill, 2005. – 297 p.

34. The Life of Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth Century Central Asia / Ed. and transl. by T.K. Beisembiev. – London; New York: Routledge Curzon, 2003. – 116 p.

Р.Ю. Почекаев¹

¹ «Жоғары экономика мектебі»

Ұлттық зерттеу университеті

Санкт-Петербург қ., Ресей Федерациясы

ХАНДЫҒЫ ЖОҚ ХАН: РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫ МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ӨЗАРА ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСЫНДАҒЫ САДЫҚ СҰЛТАН ҚҰБЫЛЫСЫ

Түйін

Мақалада Ресейдің Орта Азияға қарай жылжуына қарсы орталықазиялық хандықтардың күрес тарихындағы қазақ сұлтаны Садық Кенесариннің рөлі сарапталады. Кейбір қазақстандық авторлар оның бауырының жазбаларындағы қайраткердің естеліктеріне сүйене отырып, ресейлік отарлауға қарсы ұлт-азаттық көтерілістің батыры ретінде көрсетеді. Мақала авторы өзге дерек көздеріне сүйене отырып, іс жүзінде Орталық Азиядағы 1860-1870-ші жж. оқиғалар барысында Садық сұлтанның рөлі қандай болды және орталық-азиялық елдердің басшылары неге онымен байланыс орнатуға қызығушылық танытты деген сауалдардың жауабын іздейді.

Түйін сөздер: Ресей империясы, Қазақстан, Орта Азия, «Үлкен ойын», Садық, Кенесары, Қоқан хандығы, Бұхар эмираты, Хиуа хандығы, Шығыс Түркістан

R.Yu. Pochekaev¹

¹National Research University “Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation

KHAN WITHOUT KHANATE: THE PHENOMENON OF SULTAN SADYQ IN THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND STATES OF THE CENTRAL ASIA

Summary

This article is an attempt to analyze the role of Kazakh sultan Sadyq Kenessarin in the history of struggle of Central Asian khanates against Russian advance into Central Asia. Some modern Kazakh authors try to represent this political figure as a hero of national struggle against the Russian ‘colonialism’, but such statements are based mostly on his own memoirs written by his brother. The author of article basing on another sources, attempts to clarify the role of sultan Sadyq in Central Asia of 1860s–1870s, and to find out why the rulers of Central Asian khanates were interested in collaboration with him.

Keywords: Russian Empire, Kazakhstan, Central Asia, “Great Game”, Sadyq, Kenessary, Khoqand Khanate, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, Eastern Turkestan.

УДК 94(574).06/.07

Ж.Б. Кундакбаева¹

¹профессор, д. и. н. (РК и РФ)

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

ПРИБЛИЖЕНИЕ К НОВЫМ ФОРМАМ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАЗАХСКОЙ ЭЛИТЫ: ПОСОЛЬСТВО ТАЙКАРЫ-ХАНУМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1798/1799 гг.

Аннотация

В данной статье на основе новых документов, выявленных в Архиве внешней политики Российской империи, рассматривается проблема взаимодействия имперской бюрократии с представителями правящего дома казахов на этапе разрушения института ханской власти в Младшем Жузе. Автор утверждает, что вмешательство России не ограничивалось только системой управления и властными отношениями, оно было намного глубже. В связи с этим, пребывание Тайкары, дочери Нуралы-хана в Санкт-Петербурге 1798/1799 г., а также аудиенция у императора Павла I в качестве самостоятельного посланника Казахской степи рассматривается как стремление российских властей переформатировать культурный код представителей правящего дома казахов – чингизидов путем обеспечения доступа к Императорскому двору и к определенным светским событиям и физическим пространствам имперской столицы. Это можно рассматривать, как стремление имперской власти сформировать инклюзивные формы коммуникации. Символика действий понятна и легко читаема. Тайкаре словно говорят: «Ты – одна из нас», то есть казахскую принцессу рассматривают как часть имперской элиты.

Ключевые слова: чингизиды, Императорский двор, доступ к ключевым пространствам власти и влияния, близким к Императору, посольство.

Введение

В данной статье на основе новых документов, выявленных в Архиве внешней политики Российской империи, рассматривается проблема взаимодействия

имперской бюрократии с представителями правящего дома казахов на этапе разрушения института ханской власти в Младшем Жузе. Автор утверждает, что вмешательство России не ограничивалось только системой управления и властными отношениями, оно было намного глубже. В связи с этим, пребывание Тайкары, дочери Нуралы-хана в Санкт-Петербурге 1798/1799 г., а также аудиенция у императора Павла I в качестве самостоятельного посланника казахской степи рассматривается как стремление российских властей путем приобщения к Императорскому двору переформатировать культурный код представителей правящего дома казахов – чингизидов и использовать их влияние в казахском обществе.

Проблема взаимодействия Российской империи с периферийной элитой уже ставилась в историографии. Но она рассматривалась лишь как средство укрепления влияния царизма в казахской степи. Одним из первых поставил «использования царизмом феодальной верхушки казахского общества» М.П. Вяткин. Он считал, что первоочередной задачей России была задача «прикрепления к российской державе, прежде всего и главным образом казахских владельцев и родоначальников». М.П. Вяткин подчеркивал «решительную роль» правящей верхушки казахского общества в закреплении подданства казахов и осуществления политики царизма в Казахстане [1].

Идеи М.П. Вяткина в последующем были развиты в работах Г.И. Семенюка. Он значительно расширил понимание способов, используемых царизмом для закрепления подданства казахов и превращения его из номинального в действительное. Г.И. Семенюк выделяет такие методы укрепления влияния Российской империи среди казахов как «присяги казахских феодалов на верность России», а также «взятие политических заложников - аманатов» [2, с.414-415, 417, 418].

Методам взаимодействия с периферийной элитой посвятил свои работы А. Сабырханов. Но он подходил к этой проблеме в рамках классового подхода и считал, что, не разрушая существующие у казахов общественные отношения, российское правительство проводило осторожную и довольно гибкую политику. Основным путем укрепления влияния в степи стали «добрососедские отношения с наиболее влиятельными феодалами». Политика России в отношении верхушки казахского общества оценивалась с точки зрения стремления «обласкать влиятельных старшин и султанов», чтобы заручиться их помощью. Основным инструментом взаимодействия А. Сабырханов считал «ценные подарки и царское жалование» [3, с.66].

В другой своей статье А. Сабырханов на основе документов из Архива внешней политики Российской империи, поставил проблему проведения политики через казахские посольства [4, с.25-26].

Попытка представить особенности дипломатического приема казахских посольств имеет научную ценность и в современный период. Впрочем, следует отметить, что уровень развития исторической науки не позволил этому историку выйти за рамки описательности и показать роль дипломатических связей в процессе экспансии имперской идеи. Период расцвета концепции добровольного характера подданства казахов вызвал единообразие в выводах о том, что царская администрация (в результате подкупа и предоставления определенных привилегий, заигрывания, взаимно выгодных сделок) получила в лице местных правящих кругов «серьезную опору для проведения своей политики в степи» стал доминирующим в ряде работ [5]. При этом, в работе историка В. Я. Басина переговоры с казахскими владельцами, их подкуп, направление в степь посольств, дипломатическая переписка, усиление торговых связей рассматривались как «мягкий курс» или как «пряник» в отношении казахов [6, с.202].

Несмотря на то, что ряд вопросов о путях взаимодействия российского правительства с кочевой верхушкой в историографии был поставлен и

изучен, в современный период возникла необходимость нового подхода ней. Для предшествующей историографии была характерна однозначная оценка взаимоотношений царизма с феодальной верхушкой - только как способа укрепления влияния в степи. Исключение составляют ценные наблюдения Н. Н. Пальмова об использовании полного титула российской императрицы, «а также употребление слов, имеющих свое значение» в переписке калмыков с китайским богдыханом в 1731 г. как символов, подчеркивающих подданство калмыков России [7, с.180-181].

Между тем, использование методов исторической политологии и социологии для анализа совокупности делопроизводственных документов, позволяет подойти к решению проблемы шире. Так, они позволяют поставить вопрос об инструментах приобщения народов к общероссийской системе ценностей. В новейшей историографии ряд авторов, занимающихся имперской проблематикой, считает, что в условиях ограниченности военно-политической экспансии важным методом поддержания имперской идентичности, являлись экспансия политической символики и установление общеимперского пространства верований и символов. Так, например, С. Каспэ рассматривает культурно-ментальную экспансию империи не только как продукт военно-политической экспансии, ее обоснование и катализатор, но и при определенных условиях как замену военно-политической экспансии [8, с.49,51].

Американский историк А. Рибер среди факторов, обеспечивающих долговременное существование империи, наряду с имперской бюрократией и способности защищать пограничные зоны, выделяет имперскую идею. Он же намечает и направления исследований имперской идеи, включая в ее состав *«языки политики, артикулированные в изобразительных и письменных текстах; церемонии и ритуалы, создающие реальные и символические связи правителя с элитой и массами»* (курсив. – авт.) [9, с.41-42]. Конечной целью России была инкорпорация периферийной знати в состав общеимперской элиты. Но это долгий процесс, требовавший времени и дополнительных ресурсов. Имперская бюрократия, вовлекая местную элиту в общеимперское пространство, сталкивается с определенными сложностями из-за политических и культурных различий включаемых народов.

Новые документы о пребывании посольства казахов в Санкт-Петербурге в 1798/1799 гг. обнаружены в Архиве внешней политики Российской империи. С источниковедческой стороны, документы представляют собой типичный комплекс, характерный для приезда иностранных послов в Императорский Двор в конце XVIII века. В найденном деле подшиты все бумаги, начиная с переписки Оренбургской губернской администрации с Коллегией иностранных дел об отправке посольства до речей, произнесенных при аудиенции императора. Основную массу составляют ведомственная переписка различных Министерств, а также материалы, связанные с финансовой стороной посольства, то есть счета. Представленный материал дает нам возможность проследить за подробностями пребывания послов в имперской столице – условиях размещения и бытовыми подробностями, о развлечениях программе, дарах и подарках, аудиенции у императора.

В данной статье на основе новых источников, впервые вводимых в научный оборот, поставлен вопрос о разнообразии методов приобщения казахской элиты к имперской идее и новым формам социальной коммуникации в конце XVIII века. Значительные затраты, которые несла Россия, принимая казахское посольство в конце XVIII в., можно объяснить намерением сформировать инклюзивные формы коммуникации с представителями правящего дома казахов на этапе ликвидации ханской власти в Младшем жузе.

Исторический контекст отправления посольства 1798/1799 г.

Последняя треть XVIII века – это время, когда в результате политики Российской империи ханская власть доживала свои последние дни на территории

Младшего жуза. Это был насыщенный событиями период, когда с одной стороны оренбургская администрация проводит ряд реформ с целью окончательной ликвидации ханской власти и введения новых форм управления, с другой стороны, это борьба казахского народа, возглавляемая батыром Срымом. Попытка Петербурга ликвидировать ханскую власть в конце XVIII века не увенчалась успехом. Почему? Существуют несколько точек зрения по данному вопросу. Одна из них была высказана в советский период М.П. Вяткиным [10] и затем Б. Сулейменовым, авторами фундаментальных трудов по истории Казахстана XVIII-XIX вв. [11].

Так, они считали, что российское правительство поняло преждевременность реформ Игельстрома и на время восстановило ханскую власть в 1791 г. В реализации своих целей в Казахстане, направленных на ликвидацию традиционной системы управления во главе с ханом, центральная власть перешла к политике целенаправленной дискредитации самой идеи ханской власти. Это было выражено в следующем рескрипте: «Но буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство хана в орде восстановить об умножении их числа, каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от нас, как и прочие, подчиненные вам в губернии и по уездам» [11, с.117, 119].

Ряд российских авторов, написавших свои работы до 1917 г., объясняли неудачу реформ Игельстрома и восстановление им ханской власти в 1791 г. совершенно по-другому. Так, Ф. И. Лобысевич и М.А. Терентьев, автор трех томного труда «История завоевания Средней Азии», изданного в начале XX века считали, что на решение Игельстрома восстановить ханскую власть в Младшем жузе в 1791 г. оказала влияние Тайкара, дочь Нуралы-хана [12,13].

Оценивая деятельность Игельстрома в устроении границ, Ф. И. Лобысевич писал, что Игельстром в первый период управления Оренбургским краем вводил новые порядки крайне спешно и непоследовательно. Непоследовательность эту Лобысевич объясняет тем обстоятельством, что Игельстром «пленился Тайкарой, дочерью хана Нуралы, женщиной умной и красивой». По словам Ф. И. Лобысевича «Тайкара была замужем за киргизом, коллежским ассесором Нурмухаметом Хожею (занимал должность заседателя за султана в пограничном суде), жила постоянно в Оренбурге, бывала и в столице, усвоила светскость, но одевалась всегда в национальный костюм. Разумеется, она содействовала потомкам хана Абул-Хаира». «Игельстром за ласки Тайкары выхлопотал ей титул княжны, пастбищное место для её стад в окрестностях Оренбурга и право, из уважения к её породе, ездить цугом» [12, с.53]. А. Терентьев вслед за ним писал, что «Игельстром изменил интересам государства ради прелестей княгини Тайкары, дочери Нуралы-хана, женщины умной и красивой. Покорив сердце старого волокиты, Тайкара склонила его на сторону своего семейства» [13, с.70-71].

Как не раз отмечали исследователи, потомки хана Абулхаира играли видную роль в государственной и общественно-политической жизни Казахстана на протяжении нескольких веков. Но если нам больше известно о судьбах его сыновей, то в меньшей степени мы знаем имена женских представителей правящего дома казахов. Исключением стала ханша Бопай. В последние годы уже стали широко известны факты участия в управлении ханством старшей жены Абулхаира Бопайханум* (1690-1780).

* Как отмечает известный востоковед Т.И. Султанов в мусульманских источниках XIII-XIV в. почетного титула хатун- ханша, госпожа удостаивались жены чингизидов, а более поздних сочинениях к царице и принцессам крови наряду с титулами хатун и бике прилагаются также слова ханум и султан. При этом, Т. Султанов отмечает, что в государствах Джучидов и Чагатаидов султанами называли и принцев крови, и принцесс; причем титул султан ставился как перед собственным именем его обладателя, так и после него [Султанов. Чингисхан и Чингизиды. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Sultanov01.htm> (Дата обращения 2 июня 2015 г.)].

Согласно отзывам многих современных чиновников Оренбургского края и историческим преданиям казахов Младшего жуза, ханша Бопай отличалась глубоким, совсем не женским умом, сильным характером, не лишённой властолюбия, определенной независимостью в суждениях и поступках и в то же время врожденным политическим тактом. Отмечая бесспорные личные достоинства этой незаурядной женщины, известный дореволюционный историк А.И. Левшин писал, что она даже «имела печать со своим вензелем – отличие, совсем необыкновенное в народе который привык обращаться с женщиной, как с невольницами, удаляя их от всякого участия в делах общественных». В разные годы Бопай-ханша пользовалась неизменным уважением у казахских старшин и «имела иногда весьма сильное влияние на управление» казахскими родами Младшего и Среднего жуза. А. Левшин также отмечает, что об ее деятельности стали известно в Петербурге, что с посольством султана Джаныбека ей было прислано письмо от канцлера и кусок золотой парчи от имени императрицы [13, с.181].

По словам известной исследовательницы правящей элиты казахов И. Ерофеевой «яркий след в истории оставила не только ханша Бопай, были в степи и другие неординарные женщины. Например, княгиня Тайкара, дочь Нуралы – одного из сыновей Абулхаира и Бопай», которая выделялась не только своей красотой, но и незаурядностью ума среди других семидесяти четырёх потомков Нуралы-хана. И. Ерофеева считает, что «Тайкара была дочерью Нуралы хана от женщины, на которой он женился в довольно позднем возрасте по обычаю левирата – она была женой его младшего брата Чингиза, который рано умер. Их дочь отличалась, как описывают современники, красотой, которая приводила всех чиновников Оренбургского края в изумление. Неординарная внешность сочеталась с интеллектом, шармом, умением одеваться, носить и европейскую, и восточную одежду» [14].

Посольства как средство вовлечения периферийной элиты в зону имперской коммуникации

Как известно, казахи имели довольно интенсивные посольские связи с Россией. В докторской диссертации, защищенной в МГУ им. Ломоносова в 2005 г. и двух монографиях, изданных в Москве, подробно разбирается протокол встреч ряда казахских и калмыцких послов, аудиенция их у императора, посольские обряды и обычаи [15, 16, 17]. В данных работах показано участие казахских посланников в церемониалах Российской империи как средство приобщения к имперской идее в первой половине XVIII в. Действительно, прием казахских посольств сыграл большую роль в знакомстве кочевой элиты с Российским Императорским Двором, который со времени провозглашения Петра I Императором Всероссийским оформился как особое учреждение со своей внутренней структурой, особым бытом, придворным церемониалом, властными атрибутами. К этому времени нормы посольского обычая формализовались, приблизились к протоколу нового времени. Но в основе дипломатического церемониала лежали проблемы престижа государства на международной арене. Порядок аудиенции послов был разработан до мельчайших подробностей при Елизавете Петровне (в 1744 г.) и носил название «Церемониал для чужестранных Послов при Императорском Всероссийском Дворе». В нем было расписано до мельчайших подробностей все, что касалось пребывания послов в России, начиная с публичного въезда посла в столицу, до порядка аудиенции у императора [18, с.91].

Ряд исследователей рассматривали проблему приема послов кочевников в Российской империи. Казахстанский исследователь Б. Сулейменов писал о том, что сын Абулхаира Ералы султан 10 февраля 1734 г. «в торжественной обстановке был принят в Петербурге императрицей». Б. Сулейменов отмечал, что «во время пребывания в Петербурге представители казахской степи получили представление о России как о морской державе, о чем подробно сообщили своему народу

по возвращению» [11, с.44]. М. Ходорковский рассматривает как «посольский обычай» менялся в отношении казахов и калмыков как представителей зависимого государства. В связи с этим он рассматривает дипломатический этикет по отношению к калмыкам как символ подчинения и зависимости [19, с.58].

В действительности эффект от пребывания в имперской столице был намного шире. Это и участие в светских ритуалах, обязательной составляющей которых была трапеза. Застольные обычаи, для которых было характерна ритуализация и знаковое усложнение через пристрастие к изысканным формам столового церемониала, в роскоши посуды и убранства стола стали настоящей школой приобщения не только к новым формам жизни, но и к имперской культуре. У казахских султанов вызывало удивление: «и различия и множества яств», и «паче удивлялись, видя, богатой платдеменаже и многое золота и говорили, что того они во сне не видывали». Большое «воспитательное» значение имели разговоры, которые велись за столом. Подтекст их – мощь и величие Российской империи. Например, в 1740 г. глава оренбургской администрации князь Урусова во время церемониальной трапезы в честь казахских посланников, «указав на Ерали-салтана, говорил, что он довольно таких убранств видал и бывал в летних Е. И. В. домах в Петербурге, также в Кронстате, где довольно диковинок». Тем самым князь вызвал Ерали на разговор о его путешествии в Россию. «Старшины, а паче Жаныбек-батыр с великим удивлением слушали, наипаче рассказ Ерали о кораблях, на которых по 12 тыс. людей умещаются и многие пушки» [20, Документ № 70. 1740, с.138.139,141].

В современной историографии Петербург, имперская столица рассматривается как «место, где зарождались и находили свое развитие самые значимые в истории России культурные и социальные перемены». При этом Российский Императорский двор с его повседневной жизнью и ритуалами становится «точкой отсчета», «источником этих перемен, его инициатором и локусом», воздействовавшими и формировавшими церемониальную и общественную стороны жизни города» [21, с.124]. Так, М. Лавринович в своей рецензии подчеркивает, что Paul Keenan исследует Петербург как сознательно созданный локус, источник распространявшихся по всей России социальных и культурных перемен.

Приобщение Тайкары-ханум к новым формам социального взаимодействия в имперской столице России

XVIII в. круг лиц, которых принимали в Петербурге был ограничен представителями ханского дома и его ближайшего окружения [20, «Речь Ералы-султана в Санкт-Петербурге на приеме у императрицы Анны и ответная речь вице-канцлера А. Остермана», см: документ № 47, 48, с.103; Речь султана Джаныбека на приеме у императрицы Елизаветы Петровны, ответная речь канцлера гр. А. Т. Бестужева-Рюмина, см.: документ № 174, с.133].

А в конце XVIII в. стало обычной практикой отправление к Высочайшему императорскому двору казахских депутатов из числа родовых начальников, то есть представителей знати, которые в традиционной социальной иерархии казахов стояли на более низкой ступени, чем ханы и султаны. При этом примечательно, что они удостоивались чести быть представленными двору. Это говорит о том, что круг лиц, вовлекаемых в зону имперской коммуникации, к концу XVIII века значительно расширяется. Но к началу XX в. поток кочевников, желающих побывать в Императорском дворе настолько возрос, что Министерство иностранных дел вынуждено было разработать служебную инструкцию «кого и для чего отправлять ко двору». Инструкция была составлена на основе проекта для представления императору оренбургского губернатора кн. Волконского «Правила и осторожности при позволении родовым начальникам ехать к императорскому двору». В инструкции было четко обозначено, что «право быть обласканными здесь и отмеченными знаками монаршей милости» имеют только те родовые начальники, которые пользуются в народе особым влиянием, и кто может

оказать услуги, а также те «кои таковое право приобретаеши по особой верности своей, и приверженности к России и коих вы признаете нужным вознаградить» [23, «Правила и осторожности при позволении родовым начальникам ехать к императорскому двору», лл.1-2 об.]

Данный фактор упоминается в связи с тем, что при отправлении посольство в официальных бумагах называлось «Приезд в СПб. старшины Меньшой Орды Коллежского асессора Нур-Мухаммед Ходжи Абжелилова с женою Тайкарою, дочерью умершего Нурали хана, для представления государю Императору». А последующее изучение внутреннего содержания и последующая переписка выводят на первый план Тайкару, оставив ее мужа в тени. Таким образом, можно сказать, что главным действующим лицом посольства была Тайкара [24].

Вероятно, посольство было запланировано при участии Игельстрома. Но в переписке Государственного канцлера кн. Безбородко с Игельстромом в 1798 г. не содержится сведений о планировании посольства, но есть указ канцлера о пожаловании Нур-Мухаммеда Ходжи, мужа Тайкары в коллежские асессоры и покупке им дома в Оренбурге на сумму 1700 рублей.

Само посольство было отправлено уже при новом военном губернаторе Оренбурга Николае Бахметьеве 30 ноября 1798 г. Так, он уведомляет Коллегию иностранных дел о том, что посольство старшины Нур-Мухаммед Ходжи отправлено в Петербург и просит вернуть деньги данные на дорогу – 592 руб. 99 коп. [24, л.5-5 об.].

Таким образом, отправившись в путь 30 ноября 1798 г. посланники 26 декабря 1798 г. оказались в Москве, а уже 31 декабря прибыли в Петербург. Следует отметить, что с этого момента во всех документах упоминается только ее имя, например, «записка о дарах его Императорского Величества ханской дочери, мужу ея и служителям его препровождающему конфиденту – (доверенное лицо). Чиновники называют ее ханской дочерью и все время подчеркивают ее высокое происхождение, например, говоря, что устроена она «с подобающим ею происхождению удобством» [24].

Итак, документы говорят нам, что ханская дочь прибыла в Санкт-Петербург 31 декабря 1798 г. и должна была находиться там 2 месяца (с 1 января по 1 марта 1798 г.). Но документы об отбытии показывают, что на самом деле обратно в Оренбург она уехала 8 марта 1799 г. Данные документы показывают, что расходы Правительство на казахское посольство значительные суммы. При планировании посольства на двухмесячное пребывание была запрошена сумма 2708 руб. 99 коп., на дорогу - 592 руб. 99 коп., на покупку дома в Оренбурге - 1700 руб. [24, л.10].

На первый взгляд посольство Тайкары не отличается ничем от посольств первой половины XVIII в. Формально все выглядит одинаково. Но если внимательно вчитаться в документы, то видно, что Тайкаре были открыты не только Императорский двор, но и все социальные пространства Петербурга для императора и его близкого окружения. То есть поле социального взаимодействия для членов данного посольства было значительно расширено. При этом следует подчеркнуть, что доступ тех или иных страт к определенным светским событиям и физическим пространствам имперской столицы регулировался жесткими правилами и критериями. Так, например, доступ тех или иных социальных страт в каждый из трех Летних садов регулировался двором: он был расширен Елизаветой Петровной сравнительно с предшествующим царствованием, однако критерии доступа оставались строгими [21, с.129]. Две квитанции на десять рублей – за вход на маскарад и на угощение там позволяют нам вообразить Тайкару участницей публичного маскарада, ставшего к этому времени популярной формой развлечения знати. Одним из самых веселых праздников в тот период была масленица (праздник проводов зимы). И счет за аренду саней в четыре рубля – делает Тайкару участницей традиционной масленичной забавы – катания с ледяных горок. А билет

и счет за угощение Тайкары во время посещения театра в четырнадцать рублей?» [24 л.24]. Выражением особой чести для Тайкары стала экскурсия популярной достопримечательности того времени – Императорского фарфорового завода. Сам Император Павел I (1796-1801) имел большой интерес к заводу, который он унаследовал от своей матери Екатерины II. Павел I не только обеспечивал завод крупными заказами, но и часть посещал его сам, а также с удовольствием показывал его своим высоким гостям. Более того, Тайкаре посчастливилось побывать на заводе во время расцвета русского фарфора, когда завод был одним из ведущих в Европе. Источником новых практик, а также новых способов социального взаимодействия для Тайкары становится бал. Ряд современных авторов рассматривают танцы как способ дисциплинирования и контроля над физическими движениями [22]. Среди документов есть квитанции на пошив платья для Тайкары и костюм для ее мужа. Так, мы узнаем, что от казны для аудиенции у императора Тайкаре сделано богатое платье, в котором она и была представлена перед Императором. Платье было из парчи и отделано малиновым бархатом и позументом. Мужу также сшили новый наряд. На его костюм ушло пять аршин тонкого сукна и тринадцать аршин зеленого бархата, парча на бешмет и кушак и шапку, пара соболой на опушку [24, л.42].

Таким образом, переодев Тайкару и ее мужа в дорогой, европейского стиля наряд, соответствующего моде петербургского двора, власти демонстрируют не только стремление «минимизировать физические и до определенной степени культурные отличия» между русскими и зависимыми народами, как это было ранее, а в большей степени стремлением обеспечить доступ к ключевому пространству власти, то есть как способ ассимиляции и усвоения новых практик тела.

Из финансовых документов мы узнаем бытовые подробности ее размещения и условия пребывания в имперской столице. Для проживания Тайкаре была арендована квартира за двадцать семь рублей. Для сравнения обратимся к воспоминаниям крестьянина Леонтия Травина, автора самых ранних по времени крестьянских записок, стоимость съемной квартиры в каменном доме, в три комнаты и конюшней составляла восемь рублей в месяц [25]. Более того, сверх бюджета, квартиру дооснастили «до подобающего ее происхождения удобства». Так, в счет были включены: покупка мебели – ширмы и двуспальной деревянной кровати за четыре рубля семьдесят пять копеек, а также два вставленных окна вместо разбитых [24, л.14 об.]. Для услужения ей была нанята женщина, знающая татарский язык. Кроме того, отдельно оплачивались услуги уборщицы. Для выездов в город на все время ее пребывания был нанят хороший экипаж – двуместная карета с парой лошадей на сумму 90 рублей [24, л.15]. Для сравнения: в 1794 г. стоимость извозчика из Петербурга в Псков расстоянием в 293 км составляла 10 рублей 50 копеек [25], казахской принцессе словно говорят: «ты одна из нас».

В современной историографии наблюдается устойчивая тенденция рассматривать Петербург – имперскую столицу «как место, где зарождались и находили развитие самые значимые в истории России культурные и социальные перемены» [21, с.123]. Как и предыдущие казахские посланники, Тайкара была удостоена аудиенции императора Павла I, став, таким образом, участницей дворцового церемониала. При аудиенции у императора Тайкаре был подарен перстень с бриллиантом в шестьсот рублей и деньги серебром в четыреста рублей. Особо следует отметить, что ей была назначено ежегодное жалованье в сто пятьдесят рублей. Это был не первый случай, когда назначалось жалованье ханским детям, но был первый случай, когда жалованье назначалось женщине [24, л.41]. Но символика данного приема, также как и слишком щедрые подарки говорят о том, что ее считают влиятельной фигурой в Младшем жузе и ожидают от нее, что по возвращению, Тайкара будет убеждать своих родственников-чингизидов в мощи и силе Российской империи, иными словами – необратимости перемен в Младшем жузе.

Таким образом, принимая Тайкару в Петербурге, власти обеспечили ей доступ ко всем модным, принятым для светской знати формам досуга, развлечений и физическим пространствам, близким к правителью, окружили комфортом и уровнем удобства, принятым для петербургской знати. Это можно рассматривать, как стремление имперской власти сформировать инклюзивные формы коммуникации. Символика действий понятна и легко читаема. Тайкаре словно говорят: «Ты – одна из нас», то есть казахскую принцессу рассматривают как часть имперской элиты. Тайкара удостоилась аудиенции у Императора Павла I с назначением жалования не потому, что за нее просил Игельстром, а потому, что она была представительницей правящего дома казахов, то есть обладала предписанным статусом, обусловленным происхождением, а также высоким достигнутым статусом, приобретенным за счет ума, красоты и образованности, то есть за счет личных способностей. Вряд ли имперские власти потратили бы столь значительные суммы, чтобы просто удовлетворить просьбу Игельстрома, который к тому же в это время переживал закат своей политической карьеры.

Представленный материал – пример того, что нам пора избавляться от упрощенного толкования политики Российской империи, клишированного образа ее и перейти к более объемному взгляду на имперскую политику.

Тайкара стала объектом внимания имперских властей, так как ее считали влиятельной фигурой в Младшем жузе, то есть самостоятельным субъектом истории, а не просто объектом мужского внимания. Вмешательство России не ограничивалось только системой управления и властными отношениями, оно было намного глубже. Россия пыталась формировать новую казахскую элиту на основе старой, тонкими методами прививая ей новые ориентиры и ценностные установки.

Список использованной литературы

1. Вяткин М. П. Археографическое введение «К истории распада Казахского Союза» // Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. – Алма-Ата, 1948. – Т. II. – Ч. 2. – С. 3-22.
2. Семенюк Г. И. Политика царизма в Казахстане до Крестьянской войны 173-1775 гг. (Царизм и феодальная верхушка Казахского общества) // Труды института истории Ленинградского отделения. Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник памяти И.И. Смирнова. – Л., 1967. – Вып. 9.
3. Сабырханов А. Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства // Известия АН Каз. ССР. серия общественных наук. – 1965. – Вып. 6.
4. Сабырханов А. Из истории казахско-русских отношений во второй половине XVIII в. // Известия АН Каз. ССР. – Серия общественных наук. – 1965. – Вып. 2.
5. Зиманов С. Политический строй Казахстана конца XVIII первой половины XIX вв. – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – 296 с.
6. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). – Алма-Ата: Наука, 1971. – 276 с.
7. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII вв.. – Астрахань: Облисполком, 1926. – Ч.1. – 262 с.
8. Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
9. Большакова О. В. Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. – М., 2003. – 92 с.
10. Вяткин М.П. Батыр Срым. Учебное пособие. – Алматы: Санат, 1998. – 344 с.
11. Сулейменов Б., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII-начале XX вв. – Алматы: Наука, 1981. – 243 с.

12. Лобысевич Ф.И. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. [Электронный ресурс]. – 1872. – Т.35. – №5. – URL:: <http://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1555/RuPRLIB12035243/index.html> (дата обращения 2 июня 2015 г.).

13. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. – СПб., 1832. – Т.2. – 334 с.

14. И.Ерофеева: Степные браки. Рядовой кочевник никогда не имел много жен. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1146458940>. (Дата обращения 01.06.2015)

15. Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской империи в отношении кочевых народов Северного Прикаспия в XVIII веке: Дис. ... д.и.н. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2005.

16. Кундакбаева Ж.Б. Знаком милости Е.И.В. Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. – М.:АИРО, Дм. Булавин, 2005.

17. Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: Источники и историография проблемы. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т переподгот. и повышения квалификации преподавателей гуманитар. и соц. наук, Ассоц. исследователей Рос. о-ва XX в., 2005.

18. Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII - начала XX вв. – М.: Центрполиграф, 2003. – 228 с.

19. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771. – Cornell University Press, 1992.

20. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1961.

21. Лавринович М.Б. Санкт-Петербург и русский двор // Вивліотика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. – 2014. – Vol. 2. – С. 123-131.

22. Paul Keenan, St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. – London: Palgrave Macmillan, 2013.

23. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Спб. ГА [Главный архив], № 161, П-25, оп.70, 1802 г., д.5.

24. АВПРИ. Ф.122. Оп. 122/3. Меньшая Орда. 1798-1799. Д.6 - Дело о приезде в Санкт-Петербург старшины Младшей Орды Коллежского Ассессора Нур-Мухаммеда – Ходжи Абгелилева с женою Тойкарою, дочерью умершего Нурали-хана при приставе конфиденте Абдул-Фетх – Саямове, для представления Государю Императору

Труды Псковского археологического общества. – 1913–1914. – Вып. 10. – С. 25–429. – URL: <http://statehistory.ru/books/9/Vospominaniya-russkikh-krestyan-XVIII--pervoy-poloviny-XIX-veka/2> (дата обращения 3 июня 2015 года).

References:

1. Vyatkin M.P. Arkheograficheskoe vvedenie «K istorii raspada Kazakhskogo Soyuzha» // Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1741-1751 gg.) / Pod red. M.P. Vyatkina. – Alma-Ata, 1948. – Т.II. – Ch.2. – S.3-22.

2. Semenyuk G. I. Politika tsarizma v Kazakhstane do Krest'yanskoy voyni 173-1775 gg. (Tsarizm i feodal'naya verkhushka Kazakhskogo obshchestva) // Trudy instituta istorii Leningradskogo otdeleniya. Krest'yanstvo i klassovaya bor'ba v feodal'noy Rossii. Sbornik pamyati I.I. Smirnova. – L., 1967. – Вып. 9.

3. Sabyrkhonov A. Rossiyskoe poddanstvo kazakhov v predstavlenii kazakhskoy

feodal'noy znati i tsarskogo pravitel'stva // Izvestiya AN Kaz. SSR: Seriya obshchestvennykh nauk. – 1965. – Vyp. 6.

4. Sabyrkhanov A. Iz istorii kazakhsko-russkikh otnoshenij v vtoroy polovine XVIII v. // Izvestiya AN Kaz. SSR. Seriya obshchestvennykh nauk. – 1965. – Vyp.2.

5. Zimanov S. Politicheskij stroj Kazakhstana kontsa XVIII pervoy poloviny XIX vv. – Alma-Ata: AN KazSSR, 1960. – 296 s.

6. Bassin V. Ya. Rossiya i Kazakhskie khanstva v XVI-XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshney politiki Rossiyskoy imperii). – Alma-Ata, 1971. – 276 s.

7. Pal'mov N. N. Etyudy po istorii privolzhskih kalmykov XVII i XVIII vv.. – Astrakhan', 1926. – Ch.1. – 262 s.

8. Kasp'ye S. Imperiya i modernizaciya: Obshchaya model' i rossiyskaya specifika. – M.: ROSSPEN, 2001. – 256 s.

9. Bol'shakova O. V. Rossiyskaya imperiya: sistema upravleniya (Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya). Analiticheskij obzor / RAN INION. – M., 2003. – 92 s.

10. Vyatkin M.P. Batyr Srym. Uchebnoe posobie. – Almaty: Sanat, 1998. – 344 s.

11. Suleymenov B., Bassin V.Ya. Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII-nachale XX vv. – Almaty, 1981. – 243 s.

12. Lobyssevich F.I. Glavnye nachal'niki Orenburgskogo kraja // Voennyi sbornik. [Elektronnyi resurs]. – 1872. – T.35. – №5. – URL.: <http://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-1555/RuPRLIB12035243/index.html> (data obrashheniya 2 iyunya 2015 g.).

13. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kaysatskikh ili kirgiz-kazach'yih ord i stepey. – SPb., 1832. – T.2. – 334 s.

14. I. Yerofeuyeva: Stepnye braki. Ryadovoy kochevnik nikogda ne imel mnogo zhen. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1146458940>. (Data obrashcheniya 01.06.2015)

15. Kundakbayeva Zh.B. Politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii kochevykh narodov Severnogo Prikaspiya v XVIII veke. Dis...d-ra istoricheskikh nauk. – M.: MGU im. Lomonosova, 2005.

16. Kundakbayeva Zh.B. Znakom milosti E.I.V. Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke. – M.: AIRO, Dm. Bulavin, 2005.

17. Kundakbayeva Zh.B. Politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspiya v XVIII veke: Istochniki i istoriografiya problemy. – M., 2005.

18. Zakharova O. Yu. Vlast' ceremonialov i ceremonialy vlasti v Rossiyskoy imperii XVIII-nachala XX vv. – M., 2003. – 228 s.

19. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771. – Cornell University Press, 1992.

20. Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv. Sbornik dokumentov i materialov. – Alma-Ata: Nauka, 1961.

21. Lavrinovich M.B. Sankt-Peterburg i russkiy dvor // Vivliotika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. – 2014. – Vol. 2. – S. 123-131.

22. Paul Keenan, St. Petersburg and the Russian Court, 1703–1761. – London: Palgrave Macmillan, 2013.

23. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI), f. Spb. GA [Glavnyi arkhiv], № 161, II-25, op.70, 1802 g., d.5.

24. AVPRI. F.122. Op. 122/3. Men'shaya Orda. 1798-1799. D.6 - Delo o priezde v Sankt-Peterburg starshiny Mladshhey Ordy Kollezhsckogo Aссора Nur-Muhammeda – Hodzhi Abgelileva s zhenoyu Toykaroyu, docher'yu umershego Nurali-khana pri pristave konfidente Abdul-Feth – Salyamove, dlya predstavleniya Gosudaryu Imperatoru

25. Trudy Pskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva. – 1913—1914. – Vyp. 10. – S. 25—429. – URL: <http://statehistory.ru/books/9/Vospominaniya-russkikh-krestyan-XVIII---pervoy-poloviny-XIX-veka/2> (data obrashheniya 3 iyunya 2015 goda).

Құндақбаева Ж.Б.¹

¹Т.ғ.д., Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің профессоры,
Алматы қ., Қазақстан

**ҚАЗАҚ ЭЛИТАСЫНЫҢ ЖАҢА ӘЛЕУМЕТТІК ҚАТЫНАСТАР
ФОРМАЛАРЫНА ТАРТЫЛУЫ: ТАЙҚАРА-ХАНЫМНЫҢ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГТЕГІ ЕЛШІЛІГІ 1978/1799**

Түйін

Бұл мақалада, Ресей империясының сыртқы саясаты мұрағатында табылған жаңа құжаттардың негізінде, Кіші Жүздегі хандық билік институтының жойылуы кезеңіндегі империялық бюрократиямен қазақ билеушілерінің өкілдері арасындағы өзара әрекеттесу мәселесі қарастырылған. Автордың айтуы бойынша, Ресейдің араласуы тек қана басқару жүйесі мен өктемшіл қатынастармен шектелген жоқ, бұл одан да тереңірек болды. Осыған орай, Тайқара бастап келген қазақ елшілігінің Петербургте қабылдауы, ресейлік билеушілердің қазақ билеушілері тап өкілдері – Шыңғыс ұрпақтарының мәдени кодын қайта өзгертудің талпынысы деп қарастыруға болады. Император Павел I-нің ресми қабылдауы, сарайдың салтанатты рәсіміне қатысуы, Тайқараның зайырлы шаралар мен астаналық империялық ақсүйектердің кеңістігіне енуіне мүмкіндік беру, байланыстың тарту формасы ретінде қарастырылады. Әрекеттердің символикасы түсінікті әрі жеңіл оқылады. Тайқараға: «Сен – біздің біреуісің» деп айтатындай тәрізді, яғни қазақ ханшайымын империялық элитаның бір бөлшегі ретінде қарастырады.

Түйін сөздер: Шыңғыс ұрпақтары, Императорлық сарай, Императорға жақын, билік пен беделдің негізгі кеңістігіне қол жеткізу, елшілік.

Kundakbaeva Zh.¹

¹Doctor of Historical Sciences, Professor of the al-Farabi KazNU,
Almaty, Kazakhstan

**THE INTRODUCTION OF KAZAKH ELITE TO NEW FORMS
OF SOCIAL COMMUNICATION: THE EMBASSY OF TAIKAR-KHANUM
TO ST. PETERSBURG 1798/1799**

Summary

The paper considers the problem of interaction of the imperial bureaucracy with representatives of the ruling house of Kazakhs at the stage of destruction of the institution of the khanate in the Junior Zhuz (based on the basis of new documents revealed in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire). The author argues that Russia's intervention was not limited only to the system of governance and power relations, but it was much deeper. In this regard, the stay of Taikara, the daughter of Nuraly Khan in St. Petersburg in 1798/1799, as well as the audience with the Emperor Paul I as an independent envoy of the Kazakh steppe, is seen as the desire of the Russian authorities to reformat the cultural code of the representatives of the Kazakh ruling house – Chingizids, providing access to the Imperial Court and to certain social events and physical spaces of the imperial capital. This can be considered as the imperial power's desire to form inclusive forms of communication. The symbolism of actions is understandable and easily readable. They kind of saying Taikara: 'You are one of us', that is, the Kazakh princess is treated as part of the imperial elite. Keywords: Chingizids, Imperial Court, access to key areas of power and influence close to the Emperor, embassy.

Ж. Орамах¹

¹Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университетінің профессоры, тарих ғылымдарының кандидаты,

ЖӘҢГІР ХАННЫҢ БІЛІМ ЖОЛЫ

Аннотация

Бұл ғылыми мақалада патшалық Ресейдің мұсылман оқу жүйесін миссионерлік саясатқа пайдалану және Ордада алғашқы мектептің ашылуымен әрі қарай дамуына, мұсылман оқу орындары мен мектептердің материалдық базасы мен ұстаздар құрамы туралы ғылыми талдау жасалған.

Мақалада Жәңгір ханның тікелей өзінің ынтасымен ашылған, кейін «Жәңгір хан» мектебі болып аталып кеткен мектеп туралы, ондағы оқу үрдісінің барысын хан күнделікті бақылауда ұстап отырғаны және осы мектептің негізінде хандықта мектеп санының көбейгені айтылады. Сондай-ақ, «Кеңес үкіметінің алғашқы жылдарында Бөкей Ордасы губерниясында оқу ісінің дамуы туралы мұрағат деректері мен соңғы кезде жарық көрген әдебиеттер кеңінен пайдаланылып жазылған.

Түйін сөздер: миссионер, «Обрусительная палата», муфти, мұсылман, губерния, тәрбиеші, училище, оқу орны.

Қазақ хандығының құрамдас бөлігі – Бөкей Ордасы екені тарихтан белгілі.

Қазақ хандығы қанша уақыт патшалық Ресейдің отары болса Бөкей Ордасы да сонша отарлықтың қамытын киді.

Ресей империясының отары болған кезде қазақ халқының тарихы, рухани өмірі толық, жан-жақты объективті зерттелген жоқ деп айтуға болады. Бұған тәуелсіздікке қол жеткізгеннен кейін мүмкіншілік туды. Дегенмен, патша үкіметінің қазақтарды христиандырудағы құйтұрқы саясаты, мұсылман діни ұйымдарының тарихын, оқу жүйесін теориялық, ғылыми-практикалық тұрғыдан зерттеу деңгейі әлі де болса өз дәрежесінде емес. Кешегі патша үкіметінің отарлау саясатында дінді халықты рухани езудің, тізгінде ұстаудың басты бір құралы ретінде пайдаланса, кеңестік қызыл империя дінді «апиынға» теңеп, рухани жан-дүниесінің байлығынан айырды.

Отаршылдар қазақ қоғамының рухани тұтастығын ыдыратпай, оны толығымен отарлау, саяси, динит-идеологиялық тұрғыдан игеру мүмкін емес екендігін түсінді. Патша үкіметі отарлау саясатында көздеген мақсатына жету үшін мұсылман дініне ашық қарсылық көрсетпей, тіпті XVIII ғасырдың басында Орынборда муфтилік институт құрып, ұтымды сәттерде оның қызметкерлері мен қызметтерін пайдаланды. Патшалық Ресей қазақтарды рухани отарлау үшін орыс миссионерлері мен ғалымдарын қазақ даласына көптеп жіберіп, жергілікті халықты шоқындыруға, православиелік кітаптарды таратуда, орыс мектептерін ашуда жоспарлы істер атқарылды. Бұл бағытта миссионер – ғалым Ильминский көп тер төкті. 1867 жылдан бастап «қазақтарды шоқындырып, орыстандыру» үшін патша үкіметі Москвада «Обрусительная палата», кейін осы мақсат үшін Қазан рухани академиясы жанынан «противомусульманский» деген кафедра ашылып, оны сол Ильминскийдің өзі басқарды [1, 38-б.].

Миссионерлер қазақ елінің рухани болмысы мен өткен тарихын, психологиясын, мінез-құлқын, салт-дәстүрі мен әдет-ғұрпын зерттеп, православие дінінің кітаптарын қазақшаға аударып, баспасөз арқылы оларды нақты насихаттау ісімен айналысты. Оның негізгі мақсаты – қазақ даласын діни, рухани тұрғыдан ыдырату, мұсылмандардың діни негізде бас көтерулерінің алдын алу еді. Сол

үшін осы мақсатқа әдейі молдалар дайындалды. Олар қазақ халқының арасында дәстүрлі діни танымдарының негіздерін өзгертуге күш салды. Ондай молдаларды «заказной молдалар» деп атады. Себебі, оларды патша үкіметі мен жергілікті билік өз қаражатымен оқытып, сатып алған. Орынбор муфтилігінің қазақтар арасында рухани арандатушылық, ыдыратушылық бағытта қаншалықты пәрменді жұмыс жасағанын, XVIII ғасырдың соңында Ресей империясының саясатын жүргізген 28 ахун, 969 молда, 114 мешіт болғанынан да көруге болады [2, 30-б.].

Жәңгір ханның мұсылман оқу жүйесін реттеп мешіттер мен медреселер, діни мектептер ашуының да басты мақсаты миссионерлік саясатқа тосқауыл қою болар.

XIX ғасырдың ортасынан бастап Қазақ хандығында, әсіресе Ішкі Орда территориясында діни қатынас мәселесінде исламды далалық өңірде нығайту үшін патша үкіметі айтарлықтай белсенділік туғызды. Орда жерінде дінге деген халықтың да белсенділігі байқалды, мешіттер салу кең етек алды. Ордада дін басы – Ахун тағайындалды, ол Орданың кеңсе қызметкерлерінің құрамына енді. Жәңгір хан билік құрған кезде ахун хандықта ерекше мәртебеге ие болып, 1826 жылы I Николай патшаны таққа отырғызу салтанатына ахун Аит Мұхаммед ханмен бірге делегацияда Петербургке барғаны мәлім [3, 185-б.].

Кейбір дерексіз ел арасындағы әңгімелерге қарағанда, Жәңгірдің исламға ерекше көңіл бөлуін Орынбор мүфтиінің қызына үйленумен байланыстырады, ол қате пікір, шындыққа сәйкес келмейді. Өйткені Жәңгір ислам дінін бір кісідей құрметтеген, қағидаларын білген. Оған дәлел 1830 жылы Орынбор губернаторы Павел Сухтеленнің Жәңгірге Құран ізімен заң ережелерінің қысқаша жинағын құрастыруды әдейі тапсыруы осының дәлелі емес пе? Бұл бөлек әңгіме.

Орда халқын отырықшылыққа көшіру барысында хан ставкасында тұрақты мешіт тұрғызу оның жоспарында болған. Оны іске асыру үшін Орынбор әскери - губернаторының атына қаржы бөлуді сұрап хат жазған [4, 10- п.]. 1830 жылғы 25 қаңтарда жазған губернатордың жауабында, оның ұсынысын мақұлдап, кейін қаржы бөліп, 1835 жылы хан сарайының алдында еңсесі биік, сәулеті жағынан ерекше (әрине сол кезең үшін), әдемі мешіт тұрғызылған. Халық оны – «Жәңгір мешіті» деп атап кеткен. Мешіт кейін Орда балаларының ислам қағидаларын оқып үйретуде үлкен роль атқарғаны тарихтан белгілі.

Осы мешітте жұмыс жасауға Ордадағы ең жоғары діни лауазым – ахундыққа Орынбор татары Жанар Қаматовты, тағы да ондаған діни сауатты қожалар мен татарларды шақырған. Ханның әдейі жарлығы бойынша молдалардың міндеті халықты имандылық жолға уағыздау, ел ішінде халық тығыз орналасқан жерлерде шағын мешіттер ашу, балаларды мұсылманша оқытып намазға жығылу, сүндеттендіру, мұсылман мейрамдарын өткізу, үйленгендердің некесін қию, жаңа туған балалардың азан шақырып атын қою, өлген адамды мұсылман діни шариғатымен жерлеу, халықты бұзақылық пен жағымсыз қылықтардан аулақ болуға уағыздау болды. Бөкей Ордасында Жәңгір хан туу туралы кітап енгізуді жоспарлаған. Осындай ойды Орынбор генерал-губернаторы Кіші жүзде де енгізуді ойлаған. Бірақ бұл іс патша үкіметінің ислам дініне екі жақты саясат ұстауына байланысты іске аспай қалды. Кейін Орда қазақтарының арасынан діннің теориясын жан-жақты меңгерген, Жанар Қаматовтың орнына келіп қызмет атқарған хазірет Аткалтіріп Қабыл, кейін оның баласы Ахмет, немересі Тұхпатолла, шөбересі Кәрім ислам дінін кеңінен таратуда ерекше еңбек еткен, мешіт ұстаған хазіреттер, сауатты адамдар болған [5, 50-б.].

Бөкей хандығында ағарту ісі әртүрлі білім беру жүйелері арқылы жүзеге асты. Бірінші кезекте, әрине мұндай міндетті мұсылман мектептері атқарды. Жалпы Қазақстанда XIX ғасырдың 60-шы жылдарына дейін мұсылман оқу жүйесі маңызды роль атқарды. Бірақ та, Қазақстан жерінде мұсылман мектептерінің саны қанша, қай өңірлерде олардың саны басым болғаны туралы толық мәлімет бар деп айтуға әзірге дерек көздері жоқтың қасы. Бөкей хандығындағы жағдайда осындай.

Дегенмен, сол кездегі мемлекеттік шенеуніктер мен сараң мұрағат материалдары азда болса мұсылман мектептері мен онда оқыған шәкірттерінің, сабақ беретін молдалардың саны туралы мәліметтерді кездестіруге болады. Жәңгір мектебі ашылғанға дейін Бөкей Ордасының жерінде балалар негізінен ресми тіркелмеген елді-мекендердегі молдалар оқытты. Мұндай жағдай олардың санын анықтауға мүмкіндік бермеді, ол тек XIX ғасырдың орта тұсына қарай іске аса бастады. Өйткені Ордада мұсылман мектептерін түгелдей болмаса да тіркеуден өткізу қажеттігі жергілікті билікке талап қойылды. Ордада молда басқаратын діни оқу жүйесі құрылды.

Ордада Жәңгір ханның білім беру жолындағы негізгі ойы мешіттер мен мұсылман мектептерінің жанынан қазақ балаларын оқытатын бастауыш орыс мектептерін ашып, кейін олардан бөлек қазақ жастарына білім беретін жаңа типті мектептер ашу болатын. Жәңгір ханның бұл ой-арманы 1841 жылы 6 желтоқсанда Жаскүста жаңа мектеп ашылуымен іске асты.

Бөкей Ордасында ислам дінін тарату мен нығайту мұсылман балалары оқытын мектептер ашуда Орынбор муфтиінің беделі мен ісі үлкен әсер етті. Ордаға Қазан, Орынбор, Астрахан қалаларынан сауатты молдалар шақырылып, оларды хан өзі тағайындады. Хан тағайындаған молдаға мешіт ұстауға рұқсат берілді. Мешіттерді ұстаған молдаға барлық молдалар бағынды. Бұл дегеніңіз діни қызметкерлердің бір орталыққа бағынуға міндетті деген. Орда көлемінде құрылған және тұрақты жұмыс жасаған мешіттер мен молдалар хан тағайындаған ахунға бағынды. Ханның талабымен, ахунның басқаруымен комиссия құрылып, молдалардың білімін тексеру үшін емтихан қабылданып отырды. Осы комиссияның шешімімен молдалар тағайындау, орнын ауыстыру, тіпті молдалық жұмысқа жібермеу мәселелері шешілді.

XIX ғасырдың ортасында әр рудың немесе бөлімнің өз молдасы болды. Бірақ олардың барлығы тіркеуден өтті деуге болмайды, себебі хан ордасынан қашықтықта болуы қиындықтар туғызды. Міне, бұл хандықта мұсылман мектептерінің материалдық жағдайын, дамуын анықтауға мүмкіндік бермеді. Жергілікті жерлерде мұсылман мектептерін бай молдалар, шаруалар қаржыландырып тұрғанмен, мектептердің материалдық жағдайына, молдалардың жетіспеуіне, географиялық және табиғи факторларға байланысты өмір сүруі тұрақсыз болып, көп жағдайда жабылып қалып отырды. Хандықта жай шаруаларда балаларын өз қаржысына оқытты. Олар балаларын оқыту үшін алты айға бір сиыр немесе бес қой немесе бір жылқы, не түйемен ақы төледі [4, 137-п.]. Мұсылман мектептеріндегі оқытын балалардың әлеуметтік құрамы әртүрлі болды. Қарапайым қазақ, татар балаларымен қатар ауқатты шаруалардың балалары оқыды. Мемлекет мұсылман мектептеріне материалдық жағынан қаржы бөлген жоқ.

Орда қазақтарының арасында балаларын, әсіресе қыздарын үйден оқыту кең тараған. Бірақ бұл туралы мәлімет мүлдем жоқ. Мұсылман мектептерінде ресми оқу бағдарламалары мен жарғысы да болмаған, оқу ерікті түрде, жалғыз молла оқытты. Шәкірттер көбейіп кеткен жағдайда, молла көмекке мұсылмандық сауаты бар адамды шақыру құқығына ие болған. Мұсылман мектептерінде негізінен араб жазуы, түрік тілдері, дін және арифметика сабақтары жүрді. Жергілікті жерде мұсылман мектептерінің беделі жоғары болғанмен, білім жағы төмен болды. Оқу-тәрбие жұмысы діни бағытта өрбіді.

Жәңгір хан қайтыс болғаннан кейінде мұсылман оқу жүйесі тоқырап қалған жоқ, жылдан-жылға мұсылман мектептері мен шәкірттерінің саны өсіп отырды. Ішкі Ордада 1850-1852 жылдары 128 мешіт, 1 Ахун, 130 молла болса, 1872 жылы 154 мұсылман мектебінде 3821 шәкірт оқыған [6, 23-п.]. 1898 жылы 4113 оқушысы бар 198 медресе жұмыс жасаған [7, 140-б.].

XIX ғасыр Қазақстанның, сол сияқты Ішкі Орданың мәдени өмірінде мұсылман мектептерімен қатар медреселер де көптеп ашылды. Ішкі Ордада ашылған діни оқу

орындарына қатаң бақылау орнатылып, Н.И. Ильминскийдің жүйесі енгізілді. Бұл ереженің негізгі мәні мұсылмандық оқу орындарында орыс тілін оқыту міндетті болуына байланысты оларды ашу үшін орыс тілді мұғалімдер болған жағдайда рұхсат етілді.

Медресе – діни орта білім беретін оқу орны болып есептеледі. Осыған орай олардың материалдық базасы діни мектептерге қарағанда жоғары болған. Оқу пәндері медреселерде олардың сатысына байланысты белгіленді, әрқайсысының кітапханасы, діни оқу жүйесіне оңтайландырған бағдарламалары, арнайы бөлімшелері мен лектік бөлмелері болды [8, 32-б.].

Орынбор оқу ағарту аймағының Халық ағарту Министрлігіне берген ақпаратында Бөкей Ордасында 400-дей мұсылман мектебі мен медреселері жұмыс жасаса, 1899 жылдың басында 60 мектеп пен медресе болып, онда 1678 шәкірт оқыған. Олардың 1436-ы ұл, 243-і қыздар болатын. Қыздарды молдалардың әйелдері оқытты. Олардың саны – 27 [9, 54-б.]. Қыздарға тәрбие жұмысын жүргізгенде осылар.

XX ғасырдың басында Ордада жаңа типті орысша оқытатын мектептердің көбеюімен байланысты мұсылман мектептері мен шәкірттерінің саны азая бастады, ал кейін оларға тыйым салынды.

Бөкей Ордасында миссионерлердің жүргізген саясатына қарамастан мұсылман оқу жүйесі ханның ойындағыдай қалыптасты, хандықта мұсылман діни қызметкерлерінің, оқушыларының саны өсті, көпшілігі жергілікті халық өкілдері болды. Олар кейін халықтың сауатын ашуда белгілі дәрежеде роль атқарды. Кеңес үкіметі мұсылман оқу жүйесін жауып, сауат ашу курстарымен ауыстырды, кейін большевиктер дінді «апиын» деп үгіттеп, халықты діннен, мұсылман оқуынан алыстата бастады.

Жәңгірдің білім-ғылымға, мәдени өркениеттікке ерекше көңіл бөлуі Астраханда оқыған кезде қалыптаса бастаған.

Жәңгір хан билік жүргізген жиырма төрт жылдың ішінде талай істерді тындырған. Хандықтың жаны мен мал басын көбейтеді, жер аумағын кеңейтеді, халықты отырықшылыққа бейімдейді, өркениетке ұмтылдырды, Ордада хан сарайын, мешіт салғызады, мектеп ашады, қазақ балаларын оқу-білімге тартып, қазақ жұртына пайдасы тиетін көптеген мәселелерді патша өкіметіне ұсынып, көп жағдайда ол ұсыныстары қолдау тапты. Бүгінгі ұрпақ осыны білсе, ақ пен қарасын ажыратуға талпыныс жасаса, өткенді ой елегінен өткізіп, жаңғыртып, кейінгі буынды хабардар етсе, бабалардың рухы риза болып, алғысына бөленбейміз бе?

Біздің санамызда Жәңгір күні бүгінге дейін халқын қанаған, тонаған, қайырымсыз хан бейнесінде көрініп, оған қанымыз қарайып, жеккөрінішті тұрғыдан қарап келеміз. Әсіресе, кеңестік дәуірде, санада таптық көзқарас үстем болып тұрған кезде ханға деген көзқарас та тек ұнамсыз жағынан көрінді. Шынында хандардың бәрі бірдей емес еді. Олардың ішінде еліне, халқына сыйлы, қадірлі, парасатты адамдар көп болды. Дегенмен, хан да, қара да – пенде, ет пен сүйектен жаралған жандар. Олай болса, Жәңгір ханның да бұдан сырт қалуы мүмкін емес, оның жеке басында парасат та, қаталдық пен қатыгездік те болуы өмір заңдылығы. Біздің мақаламыздың арқауы – оның жақсы, жағымды қасиеттері, әсіресе, Жәңгір ханның оқу-ағартушылық саладағы жұмыстары.

Біздіңше, қазақ хандарының ішінде басқа іргелес елдер үлгісімен ұлт болашағын көздеген, жастардың білім мен ғылымға сусындауын алдына мақсат етіп қойған бірінші билеуші – Жәңгір Бөкеев. Шынында, Жәңгірге дейін оқу-ағарту саласында игі істер тындырған бір де бір хан қазақта болған жоқ.

Бөкей Ордасындағы халық ағарту ісі 1801-1841 жылдар аралығында тек халықтың діни сауатын ашумен ғана шектелгені мәлім. Онда да халықтың аз ғана бөлігі Қазан, Уфа, Бұхар, Самарқаннан оқып келсе, көбінесе ауқатты адамдар сол жақтардан келген молдаларды жалдап, балаларын мұсылманша оқытқан. Мұндай

мұсылманша оқудан балалардың алатын білімі арабша әріп үйреніп, Құран сүрелерін жаттаудан әрі аспаған. Ол туралы мақаламыздың алдыңғы бөлімінде біршама баяндағанбыз.

Ал Жәңгір хан Бөкей Ордасында еуропалық білім беретін бастауыш мектеп ашу әрекетіне 1826 жылы-ақ кіріскен. Ол Орынбор шенеуніктеріне, Орынбор әскери губернаторы П.К. Эссенге Ордада қазақ балаларына арнап орыс тілінде білім алатын мектеп ашу қажеттігін дәлелдеп әлденеше рет хат жазған. Жәңгірдің ойынша, ондай мектеп қазақ балаларының Қазан университеті мен Орынбордағы Неплюев атындағы кадет корпусына, Ресейдің басқа да оқу орындарына оқу үшін дайындық беруге тиіс болған.

Ақыры 1841 жылдың 6 желтоқсанында хандықта тұңғыш қазақ балаларына арналған екі сыныптық мектеп ашылады. Ол мұрағат құжаттарында училище деп жазылғанымен, халық аузында «Жәңгір мектебі» болып аталып кетеді. Бірақ кейін 2 кластық училище болғаны ақиқат. Оның бірінші директоры болып Г.Ф. Генс тағайындалды. Бұл міндетті ол Орынбор Шекара комиссиясының төрағалығымен қатар атқарды. Көп ғасырлық қазақ хандарының тарихында білімсіз елдің болашағы жоғын жақсы түсінген Жәңгір хан елге үлгі көрсетіп, алты ұлы мен екі қызына орысша-қазақша білім беріп, қарауындағы елдің де балаларын оқытуға үгіттеген және көмектескен.

Осы мектептің табалдырығын алғаш 25 оқушы аттады. Оның ішінде Жәңгірдің өз балалары Ысмайыл мен Ыбырайым да оқыды. Бұл мектеп Жәңгір ханның жеке өзінің және Орданың қолдауымен қаржыландырылды. Кейін, 1844 жылдан бастап Шекара комиссиясының шешімімен мектепке мемлекет есебінен жыл сайын оқу құралдарымен жабдықтау үшін 85 рубль 5,1 тиын күміспен қаржы бөліп тұрған [10, 1-10-пп.]. Кеңес дәуірінде Жәңгірді қазақ жерінде тұңғыш мектеп ашқан деп айтқызбаудың да басты себебі оның хандық лауазымы болса керек. Қазақстанда алғашқы мектепті Ыбырай Алтынсаринге дейін ешкім де ашпаған, мектеп болмаған деген пікір қалыптасқан.

Ал Ы. Алтынсариннің өзі «Жәңгір мектебі» ашылған жылы дүниеге келген. Торғайдағы Ыбырай ашқан мектеп 1864 жылы Бөкей Ордасындағы мектептен 23 жылдан кейін қазақ тілінде оқитын қазақ балалары үшін ашылған. Тіпті Ы. Алтынсарин мектеп ашу жұмыстарымен Орынбор әскери генерал-губернаторлығына барып-келіп жүргенде, Жәңгір ашқан мектептің оқу-бағдарламасымен, құрылымымен, оқу базасымен танысып, оның тәжірибелерін пайдалануы әбден мүмкін ғой. Өйткені Жәңгірден кейін мектептің жағдайы нашарлап, Уақытша Кеңес мектеп тұрмысын бақылау үшін ерекше инспектор лауазымын тағайындағаны мәлім. Осы лауазымға Ы. Алтынсарин ұсынылыпты. Ыбырайдың Н. Ильминскийге жазған хатында (1877 ж. 18 маусым) оқу бітірген соң Гурьев (қазіргі Атырау), болмаса Бөкей Ордасында қазақ мектептері инспекторының көмекшісі қызметіне бару туралы Орынбор оқу округінің инспекторы В. Катаринскийден ұсыныс алғаны, өзіне қолайлысы Бөкей Ордасы болар деген ойы бар. Бұл ойы іске асқан жағдайда Ы. Алтынсариннің жұмыс орны «Жәңгір мектебі» болары сөзсіз еді. Бірақ ол Торғай облыстық мектептер инспекторы болып тағайындалып, Ішкі Ордаға жолы түспей қалады. Себебі Ыбырайдың өзінің Ордаға баруға пәлендей ықыласы болмаған. Өйткені ол Торғай өңірінде туып өскен, осы кезде өзінің туған аймағында атақ-даңқы шығып, бедел ала бастаған еді. Осындай жағдайда бейтаныс өлкеге барғысы келмеуі адами тұрғыдан да дұрыс болатын.

Ы. Алтынсарин Бөкей Ордасына қызмет етуге бармағанымен, Орда мектептеріне көмектесіп тұрды. Ол өзінің «Қазақ хрестоматиясын» жіберуге тиісті тізімде Бөкей Ордасы бірінші тұрған.

Жәңгір қайтыс болған соң Орда мектебінің тағдыры қиындады. Оқушыларды мерзімінен бұрын демалысқа жіберді, материалдық базасы нашарлады, Орда балаларының оқуға деген құлшынысы төмендеді, мектеп ғимараты ескірді, мектеп

билігі өзіне қалған К. Ольдексон кедей орыстардың балаларын мектепке қабылдап, тегін оқытты. Мұндай жағдай Орынбор, Астрахан басшыларын алаңдатты, ұтымды шешімдер қабылдауды тездетті. Мектептің ұстаздар құрамы толықтырылды, материалдық базасы нығайтылды, оқу құралдары мемлекет қаражатынан алынды. Мектепті жөндеуге жыл сайын 100 рубль күміс ақша бөліп тұру жоспарланды.

Мектептің жағдайы 1868 жылы Ішкі Ордадағы мектептер инспекторы болып А.Е. Алектров келгеннен кейін мүлдем өзгерді. Жас жігіт мектептің білім беру, тәрбие және оқу-материалдық базасын Ресейдегі мектептердің деңгейіне жеткізуге күлшына кірісті және көбін іске асырды.

Жәңгір мектебін сегіз жыл басқарып, мол тәжірибе жинаған Алектров 1894 жылы Торғай облысына жұмысқа ауыстырылып, Ыбырайдың ісін жалғастырды. Қазақ даласында қазақ балаларын алғаш оқу-білімге шақырған ұстаз Ыбырай Алтынсарин. Бұл да шындық.

Жәңгір ханды қазақ балалары үшін Ұлы далада алғашқы орыс тілінде оқитын мектеп ашқан деп түсінуіміз керек. Бұл Ы. Алтынсариннің де, сол тұстағы басқа да ағартушылар мен зиялылардың да беделін бір мысқал төмендетпейді.

Жәңгір мектепті тек ақсүйектердің балалары үшін ашпаған. Шәкірттердің ішінде қарапайым халық ішінен шыққан білімге құмар, зерделі балалар оқыған. Кейбір менменсіген шонжарлардың «Қара сирақ (кедей) қазақ балаларына оқу сән бе?» деген сыңаржақ пікірлеріне хан қарсы болған. Мектепте негізінен арифметика, жағрапия, тарих, қазақ, орыс, араб, парсы тілдері, физика т.б. пәндер оқылған. Шығыс халықтарының мәдениеті мен өнерінің, діннің тарихынан дәрістер тыңдалған. Қазан, Орынбор, Петербург, Астрахан (Әжітархан) қалаларынан білімді ұстаздар шақырылып, оларға хан толықтай жағдай жасаған. Арнайы мектеп үйін салдырып, оқулықтармен қамтамасыз еткен. Оның бірінші меңгерушісі әрі мұғалімі болып әдейі шақырылған білімді маман К. Ольдексон тағайындалған. Жәңгір хан мектептегі оқу сапасын, тәртіп, тәрбие жайын үнемі бақылап, жөн сілтеп отыруды, шәкірттердің сабақтарына, емтихандарына қатынасуды кішілік санамай, кісілікпен зор ықылас қойған. Шәкірттер мен ұстаздарды ынталандыруға қаржысын аямаған. Хан өз қаржысы есебінен жыл сайын 8-15 баланың оқу және мектеп жанынан ашылған интернатта жатқан жеті баланың шығынын төлеген. Кейін мектепте 30 бала Орданың шаруашылық қаржысы есебінен білім алған.

Жәңгір хан Ресейдің алдыңғы қатарлы оқу орындарымен, әсіресе Қазан университетімен және Неплюев кадетімен тығыз байланыс жасап тұрған. Қазан университетінде қазақтың тарихы мен әдет-ғұрпы, дәстүрі жөнінде дәріс-әңгіме өткізіп, үлкен абыройға ие болған. Сол еңбегі және шығыс қолжазбаларын табыс еткені үшін университеттің Ғылыми Кеңесі Жәңгірге «Қазан университетінің құрметті мүшесі» деген атақ береді [11, 771-б.]. Мұндай үлкен беделді оқу орнында сөйлеу Жәңгірдің орыс тілін жақсы меңгергенін, ақаусыз еркін сөйлегендігін дәлелдейді. Ана тілімен қоса ол парсы және араб тілдерін игерген және осы үш тілде да жаза білген. Жәңгірдің оқу-ағарту жұмыстарына ерекше көңіл бөлуі өз басының білімдарлығынан, оқу-тоқудың болашағының ізгілікті екенін түсінгендігінен деп қорытуға болады. Жәңгір мектебі Орынбордағы Неплюев кадет корпусының дайындық курсына айналып, 1845-1851 жылдары осы кадет корпусын Бөкей Ордасынан сегіз шәкірт оқып бітірген. Солардың бірі Жәңгірдің өз баласы Зұлхарнай. Бірақ ол оқуын бітіре алмай қайтыс болған деген деректер бар.

Жәңгірдің еңбегі еш кетпей, мектеп табалдырығын аттаған шәкірттердің бәрі дерлік жақсы оқыған. Мектепті үздік бітіргендердің көбі Орынбор, Петербург, Саратов, Қазан, Омбы қалаларындағы жоғарғы оқу орындарын бітіріп, мамандықтары бойынша көпшілігі туған топырағында еңбек етсе, кейбіреулері империяның басқа да өңірлерінде лауазымды қызметтерде болды. Жәңгір хан үздік оқыған шәкірттерді шетелге оқуға жіберіп, оларға өз қазынасынан арнаулы стипендиялар төлеп тұрған. Мәселен, жеті шәкірт Стамбулдағы діни семинарияны

бітіріп шығады. Ал, Ғабдолғазиз Мұсағалиев деген жас азамат Мысыр қаласындағы университетті бітіріп, шығыстағы сегіз елдің тілін меңгерген.

«Жәңгір мектебінде» оқып, кейін ерекше дарындылығымен көзге түскен, үлкен лауазымды дәрежеге жетіп, халқына қызмет еткен зиялы азаматтар аз болған жоқ. Олардың ішінде ел құрметіне бөленгендердің есімдері тарихи деректерде сақталып, халық жадында қалған. Мәселен, Дәулеткерей Шығаев – өйгілі күйші, Бөкей Ордасы ноғай руының билеушісі, қалмақ бөлімінің әкімі; Шәңгерей Бөкеев – аудармашы ақын; Ғұбайдолла Жәңгіров – кезінде Ресейдің телеграф департаментін басқарған, қазақта тұңғыш генерал-лейтенант атағын алған; Мұхамбетсалық Бабажанов – Бөкей Ордасын басқару жөніндегі Уақытша Кеңестің кеңесшісі, ғалым, Ресей – Жағрапия қоғамының мүшесі; Мұхаметжан (Мақаш) Бекмұхамедов – Бөкей Ордасының I және Теңіз округінің әкімі, этнограф, күйші; Бақтыгерей Құлманов – Бөкей автономиясының басшысы, Уақытша үкіметтің комиссары, I және II Ресей Мемлекеттік Думасының мүшесі, Шығыс тілдері бойынша 1888 жылы кандидаттық диссертация қорғаған тұңғыш қазақ. Жәңгір мектебінен шыққан, халқына адал қызмет жасаған мұғалімдер мен дәрігерлер, заң қызметкерлері мен агрономдар жүздеп саналады.

Солардың бірі ғалым-этнограф – Мұхаммедсалық Бабажанов. Оның қазақтар жөніндегі зерттеулері, тарихи мұралары туралы басылымдары жоғары бағаланып, 1862 жылы орыс-жағрапиялық қоғамының медалімен марапатталды. Жәңгір мектебінен білім алған жүзден астам ғалым-зерттеушілер шыққан. Олардың ішінде Асан Тайманов сынды жиырмадан астам академиктер шықты. Жәңгір хан өзі өлгенге дейін мектеп шәкірттерінің ұлттық құрамын берік сақтаған. Жәңгір өлгеннен кейін оның мектебін 1848 жылы мемлекет өз қарамағына алып, жыл сайын қажетіне 1404 сом ақша бөліп тұрған. Осы жылдан бастап мектепте орыс және басқа да ұлт өкілдерінің балалары да оқи бастаған.

Жәңгір хан дүниеден өткеннен кейін де ол ашқан білім бұлағының арнасы кеңейіп өсе береді. 1849 жылы Бөкей Ордасында 44 болыстық қазақ-орыс мектептері жұмыс істеді. Оның жетеуі «Жәңгір мектебінің» негізінде жаңадан ашылды. Оқушылардың жалпы саны 20 мыңға жеткен. 1879-1880 оқу жылында «Жәңгір мектебі» аты өзгертілмей халық Ағарту Министрлігінің қарамағына өтіп, екі сыныптық ауылдық училище болып қайта құрылды. 1908 жылы осы мектеп жанынан бастауыш мектеп мұғалімдерін даярлайтын екі жылдық курс ашылды. «Жәңгір мектебінің» негізінде ашылған мектептердің саны 14-ке жетті.

Бұл кезде мектепке бала тарту, үгіттеу қиын болса, енді білімнің пайдасын ұққан қазақтар балаларын оқуға берумен қатар Орданың әр бөлігінде мектеп салғызуға бәсекеге түсті. Шолаққопада Торғын, Шұңғайда Қалмақ, Таловка форпастыда Таловка, Глинянск форпосты жанынан Қамыссамар, Ұялықұм жайлауында Нарын, Кокорев кордонының қасынан 1-Теңіз округінің, Бакалеев кордоны маңында 2-Теңіз округінің мектептері ашылды. Бұларды халық өз қаражаттарына салғызды. Мысалы, Таловка мектебінің құрылысына ел 1235 рубль, Нарын мектебіне – 1002 рубль, Теңіз округтерінің мектептеріне – тиісінше 2000 және 1500 рубльден қаржы жинады. Сондай-ақ, екі кластық Орда училищесіне айналған Жәңгір мектебі 2780 рубльге күрделі жөндеуден өтті. Таловка мектебі үшін 1730 рубльге жаңадан дайын үйжай сатып алынды. Үкімет қаржы бөліп, халық жинап Қамыссамар, Торғын, Нарын, Қалмақ білім ұялары үшін әрқайсысына 2500-5000 рубль аралығындағы қаржыға мектеп салынды. Гаюшкиндегі 2 кластық училищеге жұмсалған 13088 рубль 35 тиынның 9000 рублі халық қаржысы еді. Алектров инспектор болған жылдары барлық мектептер қайтадан қарағайдан салынды [12, 181-182-бб.].

Орда мектептеріне бақылау мен басшылықты одан әрі жақсарту мақсатында оқу ісі инспекциясының құрылуы, халық ағарту ісінің жедел қарқын алуына үлкен әсер еткен. 1883 жылы Ордада, қазақ даласында тұңғыш рет Хусни-Жамал Нұрлыханова басшылық еткен қазақ қыздары үшін бастауыш училищенің

ашылуына көп еңбек сіңірген А.Е. Алектров болған. Оқуға қабылданған қазақ қыздарының аз екендігіне халық ағарту министрі қапаланып, бұл істі тез жөндеу керек екенін ескертті. Өйткені әуелбаста мектепте тек қазақ қыздары оқиды деп шешілген. Мектептің материалдық базасын нығайту үшін бірден 2150 рубльге үй сатып алынды, оның жанынан 20 қызға арналған интернат ашылды, мектепті ұстауға жылына 2555 рубль бөлінді. Бұл училищеде 1883-1889 жылдар арасында оқыған қыздардың саны мынадай: 1883 жылы 7 қазақ қызы, 15 орыс қызы, 1885 жылы 6 қазақ қызы, 16 орыс қызы, 1886 жылы 4 қазақ қызы, 14 орыс қызы, 1888 жылы 4 қазақ қызы, 14 орыс қызы, 1889 жылы 3 қазақ қызы, 13 орыс қызы. Жеті жыл ішінде барлығы 96 қыз оқыса, оның 24 қазақ қызы, 72 орыс қызы. [13, 117-б.]. Осы цифрлардан көріп отырғанымыздай, қазақ қыздарының сандық көрсеткіші әлі де болса төмен екенін байқауға болады, бірақ білімдері жоғары болған.

«Қазақ қыздарының оқуға деген қабілеті, ынта-зейіні, үлгерімі керемет айтарлықтай болды», – дейді кейін Орда мектептерінің бақылаушысы болған Вознесенский [14, 45-б.]. Бұл қыздар мектебінен шыққан түлектер арасынан қоғам қайраткерлері – Аққағаз Досжанова, Алма Оразбаева, қазақ қыздарынан тұңғыш металлургия инженері Мәдина Бегалиева, тұңғыш жоғары дәрежелі білімді дәрігер Мүбна Ниязовалар халқына қалтқысыз қызмет еткен.

Жәңгір ханның қазақ балаларын Ресейлік жоғары оқу орындарында оқытуға ерекше көңіл бөлді. Хан өзінің беделімен орман, жол қатынасы, инженер даярлайтын институттарына 1844 жылдан бастап жыл сайын 10 орын алып отырған.

Ордадағы білім саласы Кеңес үкіметінің алғашқы жылдарында да қамқорлыққа алынды. Ордада жалпыға бірдей міндетті бастауыш білім беру жүйесі енгізілді. 1923 жылы Бөкей губерниясында 236 мектеп жұмыс жасады. Оның ішінде Орда уезінде бірінші сатылы 28, екінші сатылы бір мектеп болса, онда тәрбиешілерден басқа 59 ұстаз балаларға білім берген. Орданың жергілікті бюджетінің 32,3 пайызы немесе 922326 рубль 08 копейка оқу ісіне бөлінген. Губернияда сауатсыздықты жою шарасына үлкен мән берген. Ондай мектептің саны 25-ке жетті. Осы шараны іске асырудың нәтижесінде жалпы қазақтардың сауаттылығы 4 пайызға көтерілген. Бұл республикадағы көрсеткіштен аз да болса жоғары еді [15, 1-қор, 1-тізбе, 10-іс, 1-бума, 2-п. , 21-п. , 24-п. , 78-п.].

Бөкей хандығындағы білімнің дамуы кейін жоғары білім берумен жалғасын тапты. 1920 жылы Қазақстандағы тұңғыш педагогикалық жоғары оқу орны – Бөкей ағарту институты ашылды. Институттың он бір оқытушы-педагог кадрларының алтауының жоғары білімі болды. Елдің орталық қалаларында педагогика институттарының ашылуына байланысты, мамандар даярлау жолға қойылғаннан кейін, өз міндетін атқарған деп есептеп, Бөкей институты тағы да бес жыл техникум деңгейінде жұмыс істеп, 1930 жылы таза орталау мектеп статусын алып, қазірге дейін жас жеткіншектерді тәрбиелеуде ұстаздар үлкен жетістіктерге жетуде.

«Жәңгір мектебі» мектептік статус алғанмен Жәңгір мектебі болып аталмай, Ордаға ешқандай қатысы жоқ М. Горький аты таңылды. Тек, 1991 жылы мектептің 100 жылдығын тойлағаннан кейін 1999 жылы Жәңгір есімі қайтарылды. Бөкей ағарту институты жабылғанмен көп ұзамай, 1932 ж. Орда жерінде Қазақстан үкіметінің қаулысымен Орал педагогикалық (қазіргі Батыс Қазақстан мемлекеттік университеті) институты ашылып, батыс аймаққа педагог кадрлар дайындауда бүгінге дейін жемісті еңбек етіп келеді.

Әр ханның өзінің дара жолы бар. Жәңгір ханның жолы – білім жолы.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі

1. Мырзахметұлы М. Рухани құлдықтан әлі күнге дейін толық құтыла алмай келеміз // Аңыз адам. – 2015. – №21. – 22-24-бб.

2. Оразов Р. Қазақ халқын рухани күлдықта, мәнғүрттік үлгіде ұстау көзделді // Аңыз адам. – 2015. – №21. – 27-32-бб.
3. Тасмағамбетов А.С. Преобразования хана Жангира в Букеевской Орде в сфере религии: характер и особенности // Материалы международной научной конференции «Развитие казахского ханства: эпоха, события и личности», посвященной 550 летию казахского ханства. – Актөбе, 2015. – с.297.
4. РФ Орынбор облыстық мемлекеттік мұрағаты (бүдан әрі – РФ ООММ), 6-к., 10-т., 3332-іс.
5. Орамах Ж. Ішкі қазақ Ордасы. – Ақтөбе: «М – Стиль», 2015. – 320 б.
6. РФ ООММ. 6 қ., 3-т., 1432-іс.
7. Бозымов Қ., Орамах Ж.О. Жәңгір хан – реформатор. – Орал-Ақтөбе: БҚМУ-ң баспаханасы, 2011. – 200 б.
8. Мұхаммедиева (Муканбедиева) Г. Батыс Қазақстандағы мектептер мен медреселер // Қазақ тарихы. – 2015. – №6. – 43-47-бб.
9. Харабалин Ғ.Е. XIX ғасырдағы Бөкей Ордасы. – Орал: БҚМУ баспаханасы, 2004. – 197 б.
10. РФ ООММ. 222-қ., 1-т., 16-іс.
11. История Букеевского ханства 1801-1852 гг. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2002. – 1120 б.
12. Боранғалиұлы Т. Жәңгір хан. – Алматы: «Абзал-ай», 2014. – 528 б.
13. Сүйінов С. Бөкей Ордасы. – Алматы: «Өлке», 2000. – 184 б.
14. Мұқанбетжанова А. Бөкей Ордасындағы білім беру // Қазақ тарихы. – 1999. – №1. – 32-41-бб.
15. Қазақстан Республикасы Батыс Қазақстан облысы мемлекеттік мұрағаты: 6-к., 1-т., 10-іс, 1-бума.

References

1. Murzahmetov M. Ruhani kulduktan ali kunge tolik kytilya almai kelemiz // Anuz adam. – 2015. – №2. – 22-24-bb.
2. Orazov R. Kazakh halkyn ruhany kuldukta, mangurt ulgide ustau kozdeldy // Anuz adam. – 2015. – №21. – 27-32-bb.
3. Tasmagambetov A.S. Preobrazovanya khana Zhangir v bokey Orda in sfere religi: character and osobennosty // Materials mezhdynarodnoy nauchnoy conference «Razvitie Kazakh khanstva: ipoha, sobitya and lichnosty», posvechennoy 550 letiy Kazakh Khanstvo. – Aktobe, 2015. – 297 p.
4. RF Orinbor Oblost Memleket Muragaty (budan ari – RFOOMM). 6-q., 10-t., 3332-is.
5. Oramah Zh. Ishki Kazakh Ordasy. – Aktobe: «M – Style» baspahanasy, 2015. – 320 p.
6. RF OOMM. 6-q., 3-t., 1432 -is.
7. Bozymov K., Oramah Zh. Zhangir Khan –reformer – Oral-Aktobe: BKMY baspahanasy, 2011. – 200 p.
8. Muhamedieva (Mukandieva) G. Batis Kazakhstan schools and medreseler // Kazakh tarihy. – 2015. – №6. – 43-47-bb.
9. Harabalin G. E. XIX gasyrdagy Bokey Orda. – Oral: BKMY baspahanasy, 2004. – 217 p.
10. RF OOMM, 222-q., 1-t., 16 -is.
11. Istorya Bokey khanstvo 1801-1852 gg. – Almaty: «Daik-Press», 2002. –1120 p.
12. Borangaliuly T. Zhangir khan. – Almaty: «Abzal-ai», 2014. – 528 p.
13. Syiunov S. Bokey Horda. – Almaty: «Olke», 2000. – 184 p.
14. Mukanbetzhanova A. Bokey Hordasinda bilim bery // Kazakh tarihy. – 1999. – №1. – 32-41-bb.
15. Kazakhstan Republic West Kazakhstan region memleket myragaty, 6-q., 1-t., 10-is, 1-buma.

Ж.О. Орамах¹

¹Профессор Актюбинского регионального
государственного университета
им. К.Жубанова, кандидат исторических наук.

ПУТЬ ЖАНГИР ХАНА К ЗНАНИЯМ

Резюме

В научной статье рассматривается миссионерская политика царской России в создании системы мусульманского образования и школьных сетей в период правления Жангир хана в Букеевской Орде и их дальнейшее развитие. Особое внимание уделяется развитию материальной базы и учительских кадров школ.

В статье говорится, что первая школа в Орде была открыта непосредственно по инициативе Жангир хана, и она была в народе названа «Школа Жангир хана». Хан постоянно контролировал и заботился о ходе учебного процесса, укреплении материальной базы. На основе «Школы Жангир хана» увеличилась сеть школ в Орде.

В первые годы советской власти в Букеевской Орде продолжалась забота о развитии школьных сетей. Об этом приведены интересные архивные материалы.

Ключевые слова: миссионер «обрусительная палата», муфти, мусульман, губерния, воспитатель, училище, учебное заведение.

Zh. O. Oramah¹

¹Professor of the K.Zhubanov Aktobe Regional State University,
Candidate of Historical Sciences,
Aktobe, Kazakhstan

THE WAY OF JANGIR KHAN TO KNOWLEDGE

Summary

The research paper examines the missionary policy of Tsarist Russia in creating a system of Muslim education and school networks during the reign of Zhangir Khan in the Bukey Horde, and their further development. Particular attention is paid to the development of the material base and the teaching staff of schools. The article says that the first school in the Horde was opened directly on the initiative of Zhangir Khan, and it was popularly named 'The Zhangir Khan School'. The Khan constantly monitored and cared about the progress of the educational process, and the strengthening of the material base. Based on the 'Zhangir Khan School' the network of schools in the Horde had increased. In the first years of the Soviet power, the care about the development of school networks in Bukey Horde was continued. Some interesting archive materials are adduced about this events.

Keywords: missionary, "russification chamber", mufti, Muslims, gubernia, educator, school, educational institution.

**«АЛАШ» ҚОЗҒАЛЫСЫНА 100 ЖЫЛ
100-ЛЕТИЕ ДВИЖЕНИЯ «АЛАШ»
100th ANNIVERSARY OF THE 'ALASH' MOVEMENT**

УДК 329(574)

З.Г. Сактаганова¹

¹д.и.н., профессор, директор Центра этнокультурных
и историко-антропологических исследований,
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан

ПАРТИЯ «АЛАШ»: ЭТАПЫ ИСТОРИИ

Аннотация

В данной статье представлен краткий историографический обзор по истории движения Алаш. Предлагается авторский вариант периодизации истории первой национальной партии казахов «Алаш», носившей либерально-демократический характер. Автор статьи в истории Алаш определяет четыре этапа, связанных с основными вехами ее недолгого, но оставившего заметный след, существования. В зависимости от изменений стратегии и тактики, эволюции организационных форм (движение – партия в период выборов в Учредительное собрание – правящая партия в автономии Алаш и правительстве Алаш-Орда) выделяются соответствующие этапы истории Алаш.

Ключевые слова: история Казахстана, советская история, политические партии Казахстана, Алаш, Алаш-Орда, периодизация истории партии Алаш.

Партия Алаш – первая в истории Казахстана национальная партия, ставившая своей задачей возрождение национальной государственности. В современной казахстанской и российской историографии появился значительный пласт научных и публицистических трудов по истории алашского движения и истории партии «Алаш». Но изучение истории партии началось на столетие раньше, еще с середины 1920-х гг., когда партия была объявлена большевиками буржуазно-националистической и главной задачей таких публикаций было развенчание «контрреволюционной Алаш-Орды». Уже сами названия таких трудов – свидетельство выполнения соцзаказа [1-3]. Однако и в этих публикациях содержались ценные материалы – документальные свидетельства деятельности Алаш, неслучайно впоследствии эти работы попали в разряд запрещенных, авторы подверглись репрессиям [4-6]. Но уже с середины 1930-х гг. после разгромной статьи в газете «Правда» и дискуссии об Алаш-Орде обращение к истории Алаш становилось опасным, даже с позиций критики, и историки надолго оставляют эту тему вне исследовательского поля. В советский период партия Алаш не становится объектом специального исследования до конца 1980-х – начала 1990-х гг. и затрагивается лишь в общем контексте при изучении октябрьской революции 1917 г., установления советской власти в Казахстане и гражданской войны, но и в этих публикациях сохраняются те же ортодоксально-большевистские оценки деятельности Алаш [7-8]. И только с обретением независимости РК появляются первые работы казахстанских исследователей М.К. Койгельдиева, К.Н. Нурпеисова, М.К. Козыбаева, С. Аккулы и др. [9-12], в которых дается объективная оценка роли и места Алаш в национальном движении казахов. Работы казахского ученого С. Аккулы способствуют не только появлению в открытой печати значительного пласта архивного, документального, публицистического материалов из казахстанских, российских архивов, дореволюционных изданий и газет, но и исследований, статей главного идеолога и вдохновителя алашской партии А. Букейханова [12]. В 1990-е -2000-

е гг. выходит несколько монографий российского историка Д.А. Аманжоловой, в которых комплексно, с новых концептуальных позиций исследуется история движения Алаш, публикуется и анализируется значительное количество новых, ранее незадействованных материалов из российских архивов [12-15]. Работы исследователя Д.А. Аманжоловой отличает аналитический и системный подход к проблеме алашского движения. Массив литературы за 1990-2000-е гг. стал настолько значительным, что появляется первая монография по историографии данной проблемы [16].

Но говорить о законченности исследований не приходится, история Алаш вновь и вновь обращает к себе историков. В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на вопросе об этапах истории партии Алаш.

К проблемам периодизации движения Алаш, этапов истории партии Алаш исследователи в советское время практически не обращались. Однако уже в 1920-е гг. так или иначе этот круг вопросов был косвенно затронут и обсуждался в связи с дискуссиями о роли и месте национальной интеллигенции. В частности, Т. Рыскулов в некоторых публикациях 1926-1927 гг. отмечает особенности, характер либерально-демократического движения в казахской среде. Исследуя проблему истории национальной интеллигенции, Т. Рыскулов характеризует этапы ее общественно-политической деятельности и делает вывод о прогрессивной роли интеллигенции до февральской революции 1917 г. и об общедемократическом характере движения в целом. Его позиция соответствовала официальной точке зрения первой половины 1920-х гг. на Алаш: «до революции деятельность национальной интеллигенции постольку, поскольку эта деятельность была направлена против царизма, старых отсталых рамок строя, за развитие прогрессивных форм общественных отношений – была положительна. Но во время февральской и, особенно после Октябрьской революции, эта интеллигенция в своей определенной части становится против революции, и отсюда деятельность ее уже приобретает реакционный характер» [17, с.268]. Итак, Рыскулов характеризует и историю алашского движения: до 1917 г. – демократический и после февраля 1917 г. – реакционный период. И хотя он специально не выделяет эти этапы истории движения, наиболее маркерные даты им обозначены. Например, автор в работе «Казахстан» отмечает зарождение западного движения после революции 1905 г., как примыкавшее к русским либеральным политическим партиям (конституционно-демократической партии России); выделяет период 1913-1916 гг., когда «движение казахской националистической интеллигенции ширится и получает известное оформление путем организации повсеместно разных кружков и т.д. После февральской революции эта националистическая интеллигенция организуется уже в политическую партию «Алаш»» [18, с.236-237]. После декабрьского съезда 1917 г. Т. Рыскулов выделяет период «выступления Алаш-Орды против советской власти» [18, с.238]. Таким образом, одним из первых именно Т. Рыскулов ведет речь о этапах истории движения Алаш.

Аналогичную оценку истории движения дает А. Бочагов – автор первого труда, специально посвященного истории Алаш [1]. Он говорит о прогрессивной, революционной роли и массовой ее поддержке народом до 1917 г. и контрреволюционном периоде после 1917 г., выделяя декабрь 1917 г., когда был созван всеказахский съезд. Причем он отмечает, что «этот съезд имел исключительное значение в истории национально-буржуазного движения: именно он придал движению полное организованное оформление и четкую политическую платформу» [1, с.210]. Не останавливаясь на комментариях позиции этого автора (поскольку в дальнейшем нами будет предложен собственный вариант этапов истории Алаш), следует отметить, что А.К. Бочагов алашское движение ограничивает периодом 1917-1919 гг., что заметно сужает историю Алаш.

Итак, в публикациях первой половины 1930-х гг. продолжал доминировать

тезис «об объективно-революционной роли» алашского движения в период первой русской революции и его «контрреволюционном перерождении» после нее, но после дискуссии о роли Алаш-Орды, организованной Казахским научно-исследовательским институтом марксизма-ленинизма в 1935 г., был вынесен вердикт о «контрреволюционной сущности» Алаш и Алаш-Орды. Более к проблеме периодизации истории Алаш советские исследователи, и в целом к проблеме Алаш, как специальному объекту изучения, не обращались.

В 1990-е -2000-е гг. ряд исследователей поднимали данную проблему. В частности, К.Н. Нурпеисов считал, что, хотя истоки партии Алаш уходят корнями в 1905-1907 гг. – годы первой русской революции, но собственно движение связывал с 1917-1920 гг., с созданием партии Алаш и ее дальнейшей деятельностью, периоду создания автономии, ее правительства и противостояния с большевиками [10, с.122]. М. Койгельдиев рассматривает алашское движение применительно к национальному движению казахов в целом. Именно с 1905 г., считает исследователь, на политическую арену выходит алашское движение [9, с.125]. Но и в данных работах вопрос о периодизации истории движения Алаш, как отдельный объект исследования, не ставился.

Первый четко обозначенный и достаточно аргументированный авторский вариант периодизации предложила ведущий российский исследователь алашского движения, профессор, д.и.н. Д.А. Аманжолова: она выделяет в своих монографиях три крупных этапа в истории Алаш – 1905-1916 гг., 1917 г. и 1918-1920 гг. [14, с.185-186; 15, с.349-351]. В монографии по казахскому автономизму профессор Аманжолова, в заключении кратко характеризуя этапы, резюмирует: по первому этапу – «...Зародившись в 1905 г. как течение во главе с либеральной западнически настроенной группой интеллигентов, на 1 этапе (1905-1916 гг.) оно развивалось в русле оппозиционного движения конституционно-демократической и земской общественности. Наиболее важными вехами в выработке его программных основ и организационном укреплении были попытка создания партии кадетов, основание печатного органа – газеты «Казах, петиционное движение...» [14, с.185].

По второму этапу – «Следующий этап истории Алаш был непродолжительным, но крайне важным, так как совпал с революционным 1917 г.» [14, с.185]. «... именно в 1917 г. от организации казахских комитетов как органов национального самоуправления и областных съездов оно (движение Алаш – 3.С.) перешло к созыву двух общенациональных форумов и выдвижению, наряду с формулированием общих политических и социально-экономических требований, новых лозунгов – национально-территориальной автономии в Российской демократической федерации и национальной партии. Сменилась идейно-политическая ориентация ее членов (условно от кадетов к эсерам, с приоритетом национально-демократических задач). ...Однако процесс образования партии не был завершен прежде всего по объективным причинам. Представляется, что Алаш не сложилась в партию...» [14, с.186].

И по третьему этапу – «...Алаш после установления власти советов в крае и неудачных попыток компромисса с ней, объективно вовлекалась в антибольшевистский союз со сторонниками демократической федерации и защиты Учредительного собрания. Именно в этой коалиции руководство движения – партии – непризнанной автономии видело возможность выживания народа, защиты его коренных интересов. При этом в течение всего завершающего этапа своей истории (1918-1920 гг.) алашординцы хорошо осознавали бесперспективность идеи полного суверенитета, прежде всего в силу трезвой оценки уровня развития самого казахского общества и военно-политической ситуации» [14, с.186].

И в целом, обобщая историю Алаш, автор делает вывод, что «Особенностью развития этого движения в 1917-1920 гг. было отсутствие статичности в организационных формах, обусловленное прежде всего, стремлением его руководства оперативно

реагировать на быстро меняющуюся политическую ситуацию, а также более глубокие, коренящиеся в состоянии самого казахского общества, причины. Классифицировать национальные движения и партии по стандартной схеме (консерваторы – либералы – левые – социалисты) невозможно и ненужно. Национальные структуры естественным образом вплетали в свою идейную и организационную основы, программу и тактику целый комплекс разных положений. Они формулировали условия модернизации в наиболее приемлемой для каждого отдельного народа в определенный период комбинации. Это, безусловно, не могло происходить безошибочно и полностью успешно» [15, с.351].

Соглашаясь в принципе с основными выводами об истории Алаш профессора Д. Аманжоловой, считаем возможным предложить несколько иной вариант периодизации. На наш взгляд, в истории Алаш возможно выделить четыре этапа, связанных с основными веками ее недолгого, но оставившего заметный след, существования. Считаем, что обозначение отдельного этапа, захватывающего весь 1917 г., в варианте Д.А. Аманжоловой является не правомерным. За этот год в политической ситуации России произошли значительные изменения: от монархии через демократическую республику до социалистического государства с диктатурой пролетариата. И соответственно этим процессам менялись, эволюционировали и организационные формы, и идейные основы, и стратегия, и тактика, и программа действий алашевцев. И объединять все эти процессы в один этап, на наш взгляд, не следует. В зависимости от изменений стратегии и тактики, эволюции организационных форм (движение – партия в период выборов в Учредительное собрание – правящая партия в автономии Алаш и правительстве Алаш-Орда) предлагается и выделять соответствующие этапы истории Алаш.

Первый этап – 1905 – июль 1917 гг. – период зарождения западнического общественно-политического движения, которое в современной литературе обозначается как движение Алаш, впоследствии (на втором этапе) оно эволюционирует до политической партии. Именно в данный период в среде казахской национальной интеллигенции начинается распространяться политическое направление, обозначенное в исследованиях, как западническое либерально-демократическое. На данной стадии развития алашского движения можно выделить два подэтапа – с 1905 по 1913 гг. и с 1913 по июль 1917 гг.; на первом отрезке западническое движение еще не стало доминирующим, с 1913 г., с появления на общественно-политической арене газеты «Казах» влияние и авторитет алашского движения постепенно становятся доминирующими в казахском обществе.

А. Букейханов констатирует, что первоначально «широкие массы были нейтральны к вопросам политическим...», но после событий 1905 г. «вся степь была вовлечена в сферу политики и захвачена потоком освободительного движения» [19, с.75]. В начале XX в. в казахское общество начинают проникать из российских центров новые политические течения и веяния. Характеризуя политическую ситуацию в Казахстане в 1910 г. в своей работе «Киргизы», А. Букейханов пишет: «В ближайшем будущем, в степи, вероятно, сорганизуются две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названо национально-религиозным и идеалом его явится религиозное единение киргизов с другими мусульманами, другое, западническое направление, видит будущее киргизской степи в сознательном претворении западной культуры – в самом широком смысле этого слова. Первое, вероятно возьмет за образец мусульманские – татарские партии, а второе – оппозиционные русские, в частности, партию «Народной свободы»» [19, с.77].

Однако если же рассматривать политическую ситуацию в целом за весь период до 1917 г., на наш взгляд, можно обозначить не два, а четыре политических течения, проникших в казахскую степь и нашедших определенную политическую нишу и социальную базу.

Одно из политических направлений в среде казахской национальной интеллигенции обозначается как западническое либерально-демократическое. А. Букейханов под данным течением подразумевает «интеллигенцию, воспитанную на русской литературе, верующую в европейскую культуру, видящую счастье родины в здравом претворении плодов западной культуры и считавшие религиозные вопросы второстепенными», за образец данное политическое направление возьмет, как уже отмечалось выше, оппозиционные русские (партии), в частности, партию «Народной свободы». Западнические идеи в начале XX в. не получили широкого распространения в казахском обществе, пишет Букейханов, «благодаря обрусительной политике, до сих пор царящей в киргизской степи, последняя с подозрением относится к западному просвещению и культуре» [19, с.76]. Однако впоследствии (после 1913 г.) именно это течение станет ведущим среди всех политических течений, направлений и общественно-политических движений. И именно оно явится эпицентром наиболее крупных политических событий и процессов. Консолидация «западников» вокруг А. Букейханова, А. Байтурсьнова, М. Дулатова и др., а с 1913 г. вокруг газеты «Казах» приведет к активизации западнического либерально-демократического движения в казахском обществе. Газета «Казах» станет рупором для интеллигенции-западников, аккумулируя наиболее злободневные проблемы и формируя по ним общественное мнение казахов.

Еще одно – «традиционалистское и панисламистское течение, идущее от Туркестана и пытавшееся повернуть взор казахов к востоку». Традиционно его называют в историографии мусульманским, панисламистским. А. Букейханов, характеризуя данное течение, отмечает: «Интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-культурной исключительности, выдвигала религию на первый план; в мусульманской схоластике она видела и продолжает видеть науку, которую никто и никогда не превзойдет; киргизский народ, и вообще магометан, она ставит выше всех народов, искренно и сознательно отождествляя религиозное единство с единством национальным» [19, с.76]. Панисламизм, подчеркивают исследователи, проник в казахскую степь через мусульманское духовенство: татарское и среднеазиатское. Относительно сильнее он был распространен в южном Казахстане, меньше в остальной части. [20, с.268]

Отдельное течение, игравшее заметную роль в общественно-политической жизни казахов, являлось пантюркистским (его в своей работе «Киргизы» Букейханов объединяет с панисламистским). Причем А. Букейханов неоднократно отмечает, что это течение было наиболее влиятельным в казахской среде: «даже в наиболее активных слоях киргизского народа тюркофилы были в большинстве...», «благодаря победе тюркофилов, которых поддерживало активное большинство населения...» и т.п. [19, с.76]. Пантюркизм, подчеркивал С. Асфендиаров, выражало стремление национальной буржуазии более развитых тюркских народностей к объединению под своим руководством остальных более отсталых тюркских народов. На рубеже XIX-XX вв. среди татарской буржуазии намечалось движение в сторону освоения европейской культуры, выработке общенационального языка, открытия новых светских школ взамен старой духовной конфессиональной школы. Появилось течение «джадидизма» («усулджаид» – новый метод преподавания в школе) как ответвление пантюркизма, направление за основание на новом месте светской школы. В Казахстане пантюркистское и джадидистское движения имели влияние, главным образом, в западной и северной его частях и более слабое в южной части [20, с.269-270].

Четвертым направлением, не получившим, на наш взгляд, широкого распространения из-за незначительной социальной базы, стало социал-демократическое течение. Носителями этих идей были преимущественно представители городской демократической, разночинской интеллигенции, пролетарские слои.

Таким образом, не являвшееся по мнению Букейханова самым влиятельным в 1910 г., западническое либерально-демократическое движение (в современной историографии обозначаемое как движение «Алаш») начнет набирать силу, авторитет и расширять социальную базу, а, как уже отмечалось, после 1913 г., с появления газеты «Казах» станет самым влиятельным в степи.

Букейханов подчеркивает ориентацию западников на российских кадетов. В этот период и сам А. Букейханов, один из лидеров казахов – «западников» стал членом партии кадетов, вошел в один из составов ее Центрального комитета. В 1905 г. национальная интеллигенция пытается создать национальный филиал партии кадетов в Казахстане, способствуя распространению либерально-демократических идей в Казахстане. Позже по ряду стратегических вопросов А. Букейханов разойдется со своими соратниками по партии. В открытом письме «Почему я вышел из партии кадетов?» [21, с.414] А. Букейханов обозначит 3 позиции, по которым его несогласие с программой кадетов не позволит ему остаться в ее рядах. Из них важнейшим моментом являлось то, что партия кадетов не поддерживала идеи национальной независимости «инородцев». Кадеты отвергали принцип федеративного устройства России, отстаивая лозунг «культурно-национального самоопределения», что не совпадало с чаяниями и желаниями казахского народа и национальной интеллигенции. Временное правительство считало самоуправление в рамках культурно–национального развития основой буржуазной государственности. Лидеры казахской национальной интеллигенции отстаивали идеи национально-территориальной автономии. Кадетская формулировка «единой неделимой России» не совпадала с чаяниями казахской интеллигенции об автономном Казахстане.

В данный период национальная «западническая» интеллигенция во главе с А. Букейхановым проявляет политическую сдержанность, считая преждевременным открытую политическую борьбу за создание национального государства. Основной их целью в данный период были: формирование национального языка, литературы, культуры, защита земель от колонизации, наконец, защита ислама [19, с. 75-76], в котором они видели серьезную преграду перед политикой насильственной христианизации и русификации казахского населения. После закрытия первой газеты на казахском языке «Дала уалаяты» А. Букейханов активно занимается организацией издания газет на казахском языке. Пройдя огромное количество инстанций чиновников различных иерархий в Омске, Оренбурге и Санкт-Петербурге, А. Букейханов получает разрешение на издание газеты на казахском языке, и в феврале 1913 г. выходит газета «Казах». В первом номере газеты «Казах» ее главный редактор А. Байтурсынов пишет: «... Сама проблема существования народа принимает обостренный характер. Чтобы сохранить нашу автономию, мы должны изо всех сил бороться за приобретение образования и культуры. Мы должны в первую очередь развивать национальную литературу. Мы никогда не должны забывать, что только народ, сумевший создать свою литературу на родном языке, имеет право на независимое существование...» [22, с.21]. Именно в этом направлении и сосредоточили свою политическую, публицистическую, просветительскую деятельность представители национальной интеллигенции: А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и др. Газета «Казах» и другие печатные органы сыграли «серьезную роль в постепенном культурном и политическом просвещении масс, оформлении литературного языка, борьбе против панисламизма, обсуждении и выработке общей и демократической платформы национального движения» [15, с.95].

В 1917 г. все данные общественно-политические движения эволюционируют до политических партий. На основе панисламистского движения весной-летом 1917 г. возникнут партии «Шура-и-Исламие», «Шура-и-Улемия», «Джамилят» в южных районах Казахстана и Средней Азии. Пантюркизм станет политической

платформой Киргизской социалистической партии «Уш-Жуз», возникшей в северных и северо-восточных районах Казахстана в ноябре 1917 г., позже она полевует и перейдет на сторону советской власти. Социал-демократическое течение выльется в создание социал-демократических групп и организаций, которые в 1917-1918 гг. будут представлены в крае организациями РСДРП.

На основе же западнического либерально-демократического движения в июле 1917 г. на I Всеказахском съезде будет создана самая влиятельная в казахской степи «Отдельная киргизская (казахская – З.С.) партия», позже получившая свое название Алаш.

Итак, на данном этапе шел процесс становления нового западнического общественно-политического движения, которое в современной историографии обозначают движением Алаш. Проявившееся в 1905 г., оно постепенно расширило социальную базу, сформировалось активное ядро движения, создало свою периодическую печать, обрело популярность и авторитет в казахском обществе. Способствуя консолидации казахского общества, алашское движение способствовало и росту национального самосознания, обрело значительный политический и организаторский опыт. Именно в эти десятилетия были выработаны различные направления и формы деятельности национальной интеллигенции западнического движения, но среди них возможно выделить пять основных направлений: создание национальной политической прессы и активная организационная и публицистическая работа в газетах, журналах и т.п.; петиционное движение; участие в организации и созыве митингов и общеказахских съездов; участие в работе I и II Государственной Думы (выборная компания, агитационная работа и депутатство); деятельность в различных государственных и общественных структурах (съезды земских деятелей, различные ведомственные совещания, инородческий отдел и др.). Политическая индифферентность и пассивность казахского общества к политическим вопросам, характерные для начала XX в. (что подчеркивалось Букейхановым), особенно после падения монархии в феврале 1917 г. сменились желанием участвовать в социальных и политических изменениях, активизацией политических процессов, пробуждением национального самосознания. И в этих процессах казахское общество шло за своими лидерами в лице западнической либерально-демократической интеллигенции. Следует согласиться с Д. Аманжоловой, которая обозначает, что для понимания причин лидерства Алаш в казахском обществе необходимо учитывать влияние прочных устоев традиционализма, харизматический характер лидеров движения, отличительные особенности национальных движений в целом, в период подъема которых социально-классовые приоритеты уступают место общенациональным [15, с.153].

Второй период в истории Алаш – июль – декабрь 1917 г. – организационный период, период возникновения первой национальной политической партии в Казахстане. После свержения монархии казахская национальная интеллигенция сочла, что демократические преобразования, осуществляемые в России, позволят решить проблемы создания национальной автономии казахов мирным путем, что возможно сотрудничество с либеральными демократическими партиями. Рассчитывая поднять вопрос о создании казахской национальной автономии на Учредительном собрании, А. Букейханов и его сторонники активно поддержали демократические реформы Временного правительства. Выборы депутатов в Учредительное собрание могли осуществляться только от политических партий. К лету 1917 г. в казахской степи не существовало ни одной национальной партии, именно эта избирательная компания катализировала процесс создания первой национальной либерально-демократической партии в Казахстане. На I Всеказахском съезде в Оренбурге в июле 1917 г. было провозглашено создание «Отдельной киргизской (казахской –З.С.) партии». Свое имя «Алаш» она обрела

позже: 5 октября 1917 г. в газете «Казах» (печатный орган вновь созданной партии) выйдет объявление: «Партию нашу желаем именовать лозунгом наших предков «Алаш». В ноябре 1917 г. будет опубликован проект программы партии из 10 пунктов. В проекте программы «Алаш» (авторы – А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Е. Гумаров, Е. Тормухамедов, Г. Жундибаев, Г. Биримжанов) в первом разделе указывается, что «Россия будет демократической федеративной республикой... В федеративной республике каждое государство будет самостоятельным...». Во втором разделе обозначено, что «Области, населенные казахами, объединятся в целое, будут самоуправляться и станут одним из членов Федерации Российской Республики» [23, с.121]. В данный период лидеры Алаш предполагали возможность вхождения казахских областей в состав Российской Федерации на правах «национально–территориальной автономии». Причины такой позиции А. Букейханова и его сторонников достаточно четко изложены в работах современных исследователей. В частности, Д.А. Аманжолова пишет: «Лидеры Алаш, как и ряда других национальных движений и политических партий, считали федерацию... оптимальной формой правового регулирования взаимоотношений центра и национально-территориальных образований, успешного совмещения выгода государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью членов федерации. Стремление к самостоятельности в форме автономии без выдвижения требования полной независимости отражало реализм позиции Алаш и опиралось на объективное положение казахского общества. Руководство Алаш учитывало достаточно глубокую интегрированность края в российскую политико–экономическую систему, исторически сложившуюся взаимосвязь России и Казахстана, весьма значительную вероятность потери даже минимальной самостоятельности в случае провозглашения суверенитета. Кроме того, необходимо иметь ввиду присущее движению Алаш стремление провести модернизацию казахского общества, ускорить его прогресс на основе разумного сочетания традиционализма с лучшими достижениями российской культуры, общечеловеческой цивилизации» [14, с.31-32]. С мнением Д.А. Аманжоловой нельзя не согласиться, это мнение вполне отвечало логике действий «западников» – представителей казахской национальной интеллигенции.

Итак, на данном этапе произошла трансформация западнического общественно–политического движения в политическую партию. Это был важнейший этап эволюции движения в партию; этап поиска и выработки политической платформы в новых политических условиях модернизации российского общества, программных положений молодой национальной партии в условиях, когда отсутствовал подобный опыт в данном регионе и др. Однако данный этап оказался весьма кратковременным, захват власти большевиками изменил текущую ситуацию. Неприятие большевистской политической программы, отрицание их методов управления и т.п. заставили лидеров партии Алаш пересмотреть дальнейший путь в развитии казахского общества и казахской государственности.

Третий этап в истории Алаш – декабрь 1917 – апрель 1918 г. – этап переговоров с Москвой о признании автономии Алаш. Начало этого этапа совпадает с созывом чрезвычайного декабрьского II всеказахского съезда, на котором было принято решение о создании казахской автономии «Алаш» и избрано правительство автономии казахских областей «Народный Совет Алаш–Орда». Это период, когда партия Алаш стала правящей, период переговоров Алаш с правительством РСФСР о признании созданной автономии казахов.

События Октябрьской революции 1917 г. были встречены национальной интеллигенцией крайне негативно. Неслучайно в резолюции, принятой на II всеказахском съезде в декабре 1917, было отмечено, что «в конце октября пало Временное правительство, Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти

в стране, возможно возникновение гражданской войны, ...анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак–киргизского народа, что единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казак–киргизских областей» [4, с.68-69]. Прогнозы А. Букейханова о возможной гражданской войне, об опасности, «угрожающей жизни и имуществу казахского населения» со стороны новой власти, оправдались достаточно скоро.

Несмотря на то, что 2 ноября 1917 г. Совет Народных комиссаров принимает «Декларацию прав народов России», где провозглашалось равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, данная декларация не убедила А. Букейханова в искренности намерений большевиков. 1 декабря 1917 г. Букейханов пишет «Памятку крестьянам, рабочим и солдатам», в которой разоблачает политику большевиков: «Ульянов-Ленин, Председатель Совета народных Комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желает давать отчета ни перед кем... Запомните, крестьяне, рабочие и солдаты, большевики считают: 1) ответственность перед народом правителей, 2) свободу слова, свободу печати, свободу собрания, 3) всеобщее прямое тайное голосование, 4) неприкосновенность граждан и депутатов, 5) власть народа – буржуазным предрассудком... ...с лица большевика спала красная маска революционера и обнажила его сущность черносотенца [24, с.414]. И вновь слова А. Букейханова оказались пророческими. Вся дальнейшая политика советской власти в национальных республиках подтвердила правоту Букейханова.

С учетом политической ситуации и провозглашённым председателем СНК РСФСР В.И. Лениным правом народов на самоопределение, представители национальной интеллигенции на II Всеказахском съезде в декабре 1917 г. идею национальной независимости начали воплощать в жизнь. На данном съезде было принято решение о создании территориально-национальной автономии казак-киргизских областей, ей было присвоено название (как и партии) «Алаш». Решение об автономии на съезде сопровождалось острыми дебатами с представителями Уральской, отчасти Сыр-Дарьинской областей и Букеевской Орды, требовавших немедленное провозглашение автономии (при голосовании о времени провозглашения автономии они оказались меньшинством среди делегатов съезда), и компромисс, на который пошли А. Букейханов и его сторонники, при решении данного вопроса – свидетельство взвешенности решений руководства Алаш-Орды, четкого понимания ситуации и реальной оценки собственных сил.

После съезда с декабря 1917 по апрель 1918 г. члены правительства Алаш-Орда во главе с А. Букейхановым вели переговоры с председателем Совнаркома В.И. Лениным и наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным о признании автономии Алаш. Однако процесс децентрализации (кроме Алаш были уже провозглашены Туркестанская (Кокандская), Башкирская автономии, возникли другие областные правительства) не устраивал большевистское руководство страны. Затянув переговоры, Советское правительство начинает в регионах подготовку по провозглашению автономий на советских началах, не признавая ни одну из созданных национальных автономий. Представления большевистской власти и правительств национальных автономий «о принципах конструирования федерации, полномочиях входящих в нее автономий и органов власти на местах не совпадали» [15, с.199]. Но лидеры Алаш пытались достичь соглашения, «приемлемого компромисса» с советским правительством, однако предложенный алашевцами принцип организации власти «на демократических началах с соблюдением пропорционального представительства от национальностей» был совершенно неприемлем для большевиков с их исключительно классовым подходом. Попытки правительства Алаш-Орда добиться от СНК РСФСР признания созданной автономии Алаш согласно принятой «Декларации прав народов России»

от 2 ноября 1917 г. не дали результатов, и Алаш-Орда переходит в антисоветский лагерь. Параллельно с переговорами Алаш-Орда занимается укреплением созданной алашской автономии.

Не останавливаясь на детальной характеристике данного этапа, достаточно подробно описанного в исследовательской литературе [14-15], отметим, что этот период характеризуется попытками Алаш найти компромисс с советской Россией, с большевистским правительством, с желанием консолидации казахского общества в новых условиях раскола, в условиях дискуссий и борьбы с созданной в ноябре 1917 г. партией «Уш-Жуз». На данном этапе деятельность партии Алаш была полностью сосредоточена и сфокусирована на деятельности правительства Алаш-Орды; на смену проблемам партийного строительства пришла необходимость решения проблем национальной автономии, проблем государственного строительства.

Четвертый, последний этап в истории партии «Алаш» – апрель 1918 – март 1920 гг. – этап противостояния, антисоветской деятельности партии Алаш и правительства Алаш-Орды. Неприятие СНК и Наркомом РСФСР предложений Алаш-Орды о национально-территориальном автономном устройстве края толкнуло партию Алаш, правительство Алаш-Орда в антибольшевистский союз со сторонниками демократической федерации и защиты Учредительного Собрания. Именно в этой коалиции руководство партии и автономии видело возможность выживания народа, защиты его коренных интересов. В данный период антисоветской деятельности Алаш возможно выделить два подэтапа – апрель 1918 – март 1919 гг. и март 1919 – март 1920 гг. На первом подэтапе (апрель 1918 – март 1919 гг.) четвертого этапа истории Алаш шел процесс активной организационной деятельности Алаш-Орды по государственному строительству, созданию народной армии (милиции), законодательной деятельности Алаш-Орды, сохранялось единство в рядах Алаш. В марте 1919 г. один из лидеров Алаш и Алаш-Орды А. Байтурсынов переходит на сторону советской власти, начинается второй подэтап четвертого этапа (март 1919 – март 1920 гг.) – раскол в рядах Алаш, постепенный спад в деятельности Алаш-Орды, распад алашордынских организаций и отделений (весной 1919 г. распадается Торгайское отделение Алаш-Орды во главе с А. Байтурсыновым, в декабре 1919 г. – Западное отделение во главе с Досмухамедовыми, март 1920 г. – Восточное или Семипалатинское отделение во главе с А. Букейхановым).

Одна из основных причин начать активную антибольшевистскую борьбу была обозначена нами выше: Москва отвергла условия Алаш-Орды об автономном национальном обустройстве казахских областей. Но еще ряд причин, заставивших алашских лидеров вести поиск союзников в антисоветской коалиции, четко обозначен в докладной записке в совет министров автономной Сибири от правительства Алаш-Орды, поданной в июле 1918 г.: «Экономический развал, продовольственная разруха, полное расстройство транспорта, окончательное убийство торговой и промышленной жизни страны, расхищение, разграбление народных средств при полном отсутствии хоть какого-нибудь правопорядка подливали масло в огонь, вызывали крайнюю ненависть к большевикам у всех граждан. Все усиленно готовились к перевороту. ... Достигнут был полный контакт для совместного выступления против советской власти во имя самоопределения Сибири и Киргизского края, во имя торжества идеи народоправства. ... Единственно поэтому силой исторических событий, освободившиеся от власти большевиков автономные области и народы вынуждены встать на путь государственной самостоятельности... Но все эти области не могут остаться изолированными: они должны искать тесного контакта, единения своих сил. ... взаимное сотрудничество их является государственно необходимым» [4, с.125].

Попытки найти союзников в «белом» лагере оказались неудачными для Алаш-орды, союз с любой из воевавших с советами сторон (Сибирское правительство,

Комуч, Дутов, Колчак и т.д.) удалял их поставленных задач. Ни один из союзников не собирался сохранить или предоставить национальную автономию казахам, для всех главным принципом оставался принцип «единой и неделимой России». В поисках политических союзников для обеспечения относительного самостоятельного национального пути Алаш-Орда потерпела неудачу главным образом по объективным, независящим от них причинам [14, с.187]. В ходе событий 1918-1920 гг. лидеры Алаш осознали невозможность осуществления идеи национального суверенитета, прежде всего, в силу текущей военно-политической ситуации. В условиях постепенного доминирования красной армии и захвата власти советами в крае, пытаясь предотвратить масштабные карательные акции большевиков по отношению к казахскому населению, поддерживавшему идеи создания национальной автономии, лидеры Алаш были вынуждены принять условия, продиктованные правительству Алаш-Орда центром. 9 марта Киргизский военно-революционный комитет издал приказ, по которому «именующие себя правительством «Алаш-Орда» и подведомственные ему земские учреждения, как не предусмотренные конституцией РСФСР, ликвидируются. Все изданные им за время существования законы, инструкции и приказы считаются недействительными» [15, с.343].

Итак, партия «Алаш», национальная автономия «Алаш» и ее правительство «Народный Совет Алаш-Орда» перестали существовать в марте 1920 г. На этом завершился последний четвертый этап истории Алаш – этап противостояния и антисоветской деятельности партии Алаш и правительства Алаш-Орды.

В отношении лидеров «Алаш» стали активно применяться политические репрессии. И хотя неоднократно были приняты решения о применении амнистии в отношении казахов, боровшихся против советской власти, большевики не простили А. Букейханову и его соратникам нежелание принять диктатуру пролетариата и попытку создать собственную государственность. В период репрессий 1930-х гг. были расстреляны все лидеры национальной партии «Алаш». Но слова А. Букейханова о том, что «силою штыков легко захватить власть, но погубить дух народа, отнять у него идею, которой он живет, оказалось невозможным» [4, с. 125] стали пророческими. Спустя 71 год в декабре 1991 появилось суверенное государство – Республика Казахстан, воплотившая многие демократические идеи и начинания национальной интеллигенции, уничтоженной в период политических репрессий 1937-1938 гг.

Список использованной литературы

1. Бочагов А.К. Алаш–Орда. Краткий исторический очерк о национально–буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919 гг. – Кзыл-Орда: Госиздат КССР, 1927. – 56 с.
2. Кенжин А. К исторической оценке деятельности Алаш-Орды // Степная правда. – № 247. – 1922. –14 ноября
3. Рыскулов Т. О контрреволюционной Алаш-Орде и ее осколках // Рыскулов Т. Избранные труды. – Алма-Аты: Казахстан, 1984. – С.206-213
4. Алаш-Орда. Сборник документов / Состав. Мартыненко Н. – Алма-Ата: Айқап, 1992. – 129 с.
5. Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. – Алма-Ата; Москва: Казахст. краев. изд-во, 1935. – 145 с.
6. Брайнин С., Шафиро Ш. Об истоках алашского движения // Большевик Казахстана. – 1933. – № 6. – С. 42-48
7. Григорьев В.К. Противостояние. Большевики и непролетарские партии в Казахстане в 1917-1920 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. - 248 с.

8. Сармурзин А.Г. Крушение Алаш–Орды // О прошлом для будущего (Некоторые актуал. пробл. истории Компартии Казахстана в свете гласности. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – С. 5-64
9. Койгельдиев М.К. Алаш козгалысы. – Алматы: Санат, 1995. – 368 с.
10. Нұрпейісов К.Н. Алаш һәм Алашорда. – Алматы: Санат, 1995. – 255 с.
11. Козыбаев М.К., Баймаханов М., Алдажуманов К. Навечно в памяти народа // Книга скорби. Расстрельные списки. – Алматы, 1996. – С.6-19
12. Аккулы С.Х. Алихан Букейханов. – Алматы: Ер Жәнібек, 2016. – 528 с.
13. Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. – Семипалатинск: Семипалатинский педагогический институт им. Шакарима, 1993. – 137 с.
14. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М.: Россия молодая, 1994. – 213 с.
15. Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. – Алматы: Издательский дом Таймас, 2009. – 410 с.
16. Нурмагамбетова Р.К. Движение «Алаш» и «Алаш–Орда». Историография проблемы. 1920-1990-е годы XX века. – Алматы: ИИЭ им. Ч. Валиханова, 2003. – 153 с.
17. Рыскулов Т. Ответ на письмо группы молодежи в газете «Советская степь» «Об ауле, интеллигенции, компартии и культуре» // Собрание сочинений в трех томах. – Алматы: Казахстан, 1998. Т.3. – С. 266-272
18. Рыскулов Т. Казахстан // Рыскулов Т. Собрание сочинений в 3-х томах. – Алматы: Казахстан, 1997. Т.2. – С. 199-274
19. Букейхан А. Киргизы // Алихан Букейхан. Избранное. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – С.45-77
20. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е издание. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. – 304 с.
21. Букейхан А. Мен кадет партиясынан неге шықтым? // Алихан Букейхан. Избранное. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – С.414-415
22. Труды общества изучения Киргизского края. Т.3. – Оренбург, 1922. – С.20-25
23. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т.4. – Алматы: Атамұра, 2009. – 768 с.
24. Букейхан А. Памятка // Алихан Букейхан. Избранное. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – С.414

References

1. Bochagov A.K. Alash-Orda. Kratkiy istoricheskiy ocherk o nacional'no-burzhuznom dvizhenii v Kazakhstane perioda 1917-1919 gg. – Kzyl-Orda: Gosizdat KSSR, 1927. – 56 s.
2. Kenzhin A. K istoricheskoy ocenke deyatel'nosti Alash-Ordyy // Stepnaya pravda. – № 247. – 1922. – 14 noyabrya
3. Ryskulov T. O kontrevolyucionnoy Alash–Orde i eyo oskolkah// Ryskulov T. Izbrannyye trudy. – Alma-Aty: Kazakhstan, 1984. – S.206-213
4. Alash-Orda. Sbornik dokumentov / Sostav. Martynenko N. – Alma-Ata: Ajkap, 1992. – 129 s.
5. Braynin S., Shafiro Sh. Ocherki po istorii Alash-Ordyy. – Alma-Ata, 1935. – 145 s.
6. Braynin S., Shafiro Sh. Ob istokah alashskogo dvizheniya // Bol'shevik Kazakhstana. – 1933. – № 6. – S. 42-48
7. Grigor'yev V.K. Protivostoyanie. Bol'sheviki i neproletarskie partii v Kazakhstane v 1917-1920 gg. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1989. – 248 s.

8. Sarmurzin A.G. Krushenie Alash–Ordy // O proshlom dlya budushchego (Nekotorye aktual. probl. istorii Kompartii Kazakhstana v svete glasnosti. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1990. – S. 5-64
9. Koygel'diev M.K. Alash kozgalysy. – Almaty: Sanat, 1995. – 368 s.
10. Nurpeissov K.N. Alash hem Alashorda. – Almaty: Sanat, 1995. – 255 s.
11. Kozybaev M.K., Baymakhanov M., Aldazhumanov K. Navechno v pamyati naroda // Kniga skorbi. Rasstrel'nye spiski. – Almaty, 1996. – S.6-19
12. Akkuly S.Kh. Alikhan Bukeykhanov. – Almaty: Er Zhanibek, 2016. – 528 s.
13. Amanzholova D.A. Partiya Alash: istoriya i istoriografiya. – Semipalatinsk. 1993.
14. Amanzholova D.A. Kazakhskiy avtonomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash. – M: Rossiya molodaya, 1994. – 213 s.
15. Amanzholova D.A. Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana. – Almaty: Izdatel'skiy dom Taimas, 2009. – 410 s.
16. Nurmagambetova R.K. Dvizhenie «Alash» i «Alash–Orda». Istoriografiya problemy. 1920-1990-e gody XX veka. – Almaty, 2003. – 153 s.
17. Ryskulov T. Otvet na pis'mo gruppy molodezhi v gazete «Sovetskaya step'» «Ob aule, intelligencii, kompartii i kul'ture» // Sobranie sochineniy v treh tomah. – Almaty: Kazakhstan, 1998. T.3. – S. 266-272
18. Ryskulov T. Kazakhstan // Ryskulov T. Sobranie sochineniy v 3-h tomah. – Almaty: Kazakhstan, 1997. T.2. – S. 199-274
19. Bukeykhan A. Kirgizy // Alikhan Bukeykhan. Izbrannoe. – Almaty: Kazak enciklopediyasy, 1995. – S.45-77
20. Asfendiarov S.D. Istoriya Kazakhstana (s drevneyshih vremen). 2-e izdanie. – Alma-Ata: Kazak universiteti, 1993. – 304 s.
21. Bukeykhan A. Men kadet partiyasynan nege shyktym? // Alikhan Bukeykhan. Izbrannoe. – Almaty: Kazak enciklopediyasy, 1995. – S.414-415
22. Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya. T 3. – Orenburg, 1922. – S.20-25
23. Istoriya Kazakhstana (s drevneyshih vremen do nashih dney). V pyati tomah. T.4. – Almaty: Atamura, 2009. – 304 s.
24. Bukeykhan A. Pamyatka // Alikhan Bukeykhan. Izbrannoe. – Almaty: Kazak enciklopediyasy, 1995. – S.414

З.Г. Сақтаганова¹

¹Т.ғ.д, профессор,

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті,
Этномәдени және тарихи-антропологиялық зерттеулер
орталығының директоры, т.ғ.д.

«АЛАШ» ПАРТИЯСЫ: ТАРИХЫНЫҢ КЕЗЕҢДЕРІ

Түйін

Берілген мақалада Алаш қозғалысының тарихы бойынша қысқаша тарихнамалық шолу берілген. Либералды-демократиялық сипаты бар, қазақтың тұңғыш ұлттық партиясы «Алаш» тарихын кезеңдестірудің авторлық нұсқасы ұсынылады. Мақала авторы Алаш тарихында төрт кезеңді айқындайды, ол оның өмір сүруінің ұзақ емес, бірақ салмақты із қалдырған негізгі тармақтарымен байланысты. Ұйымдастыру формаларының эволюциясына (қозғалыс) – Құрылтай жиналысына сайлау кезеңінде партия – Алаш Орда үкіметі мен Алаш автономиясында билік етуші партия, стратегиялар мен тактикалардың өзгерісіне тәуелді сөйкесінше Алаш тарихының кезеңдері бөліп көрсетіледі.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, кеңестік тарих, Қазақстанның саяси партиялары, Алаш, Алаш Орда, Алаш партиясының тарихын кезеңдестіру

Z.G. Saktaganova¹,
¹Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Studies,
Academician Ye.A. Buketov Karaganda State University,
Karaganda, Kazakhstan

THE «ALASH» PARTY: STAGES OF THE HISTORY

Summary

This article presents a brief historiographical overview of the Alash movement history. The author proposes own version of periodization for the history of the first national Kazakhs' party «Alash», which had a liberal-democratic character. The author of the article defines four stages in the Alash's history which are connected with the main milestones of its short but significant existence. Depending on the changes in strategy and tactics, and on the evolution of organizational forms (movement – the party during the elections to the Constituent Assembly – the ruling party in the Alash autonomy and the government of Alash-Orda), the relevant stages of Alash's history are distinguished.

Keywords: History of Kazakhstan, Alash, Soviet history, political parties, Alash-Orda, periodization of the «Alash» party's history.

УДК 94(574)

М.Ж. Ташенев¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, д.и.н., профессор
г.Алматы, Казахстан.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ПАРТИИ «АЛАШ»

Аннотация

2017-й год ознаменован столетним юбилеем со дня официального создания национально-демократической партии «Алаш», которая фактически вышла на арену политической и общественной жизни еще раньше – в 1905 году. В статье рассматриваются основные положения политической программы партии «Алаш» от 21 ноября 1917 года, проект которой был опубликован перед выборами в Учредительное собрание. На выборах в Учредительное собрание партия «Алаш» получила 34 депутатских мандата и заняла 8-е место среди партий России. Проект программы партии по структуре соответствовал конституциям европейских государств того времени и включал в себя основные конституционные положения. Автор рассматривает с точки зрения теории конституционализма политические взгляды и программные положения партии «Алаш», которые утверждали демократические ценности и являлись прогрессивными для своего времени.

Ключевые слова: партия «Алаш», конституционализм, Февральская революция, Учредительное собрание, политическая программа партии «Алаш».

2017-й год ознаменован столетним юбилеем со дня официального создания национально-демократической партии «Алаш», которая фактически вышла на арену политической и общественной жизни еще раньше – в 1905 году. В партии «Алаш» сконцентрировались лучшие умы казахской интеллигенции, яркие личности, по-настоящему болевшие за свой народ, положившие свои жизни на алтарь независимости казахского народа. История жизни каждого из них достойна написания отдельной книги.

В данной статье хотелось бы остановиться на основных моментах политической программы партии «Алаш», проект которой был опубликован в газете «Казах» 21 ноября 1917 года перед выборами в Учредительное собрание.

Подготовку общеказахского съезда, на котором и намечалось провозгласить новое государственное образование, казахские демократы начали еще в 1913 году. Особенно активно эта идея пропагандировалась на страницах знаменитых в то время изданий – журнала «Ай-Кап» и газеты «Казах». Впоследствии газета «Казах», редакторами которой были М. Дулатов и А. Байтурсьнов, стала центральным печатным органом Алаш-Ордынского правительства и партии.

Особенно активным и несущим большие надежды оказался 1917 год, в течение которого созывались подготовительные областные съезды и два общекиргизских съезда в Оренбурге (первый – 21-28 июля и второй – 5-13 декабря). Тургайский, Уральский и другие съезды, несомненно, оказались откликом на Февральскую буржуазно-демократическую революцию и провели большую подготовительную работу к созыву первого общекиргизского съезда.

Так, на Уральском областном съезде (19 апреля 1917) говорилось, что «монархизм – это символ рабства демократии, что киргизский народ [1] приветствует идею демократической Республики» [2, с.37].

Участники Тургайского областного съезда приняли постановление, в котором говорилось, что в Учредительное собрание, которое и должно было объявить о новом государственном строе России, должны быть обязательно направлены депутаты от казахского народа. Участники высказались за поддержку нового строя России как демократической, парламентской и децентралистической (т.е. федеративной) Республики [2, с.27].

В целях содействия в укреплении нового строя было решено организовать местные гражданские комитеты общественной безопасности на выборной основе. Причем делалось важное примечание: «все выборы, как в аульные, так и в волостные и уездные комитеты, должны производиться на основе пропорционального представительства (без различия пола) с гарантией прав меньшинства» [2, с.25-26].

Выборы представителей в Учредительное собрание также должны были осуществляться, по резолюции съезда, на основе прямого, тайного, равного и всеобщего (без различия пола) голосования с гарантией прав меньшинства (национальное пропорциональное представительство).

В ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание партия «Алаш» получила большинство голосов и 43 депутатских места. По количеству голосов, полученных на выборах в Учредительное собрание (262404 голоса), «Алаш» занимала 8 место среди полусотни партий, существовавших в России накануне Октябрьской революции.

По данным переписи 1897 года население Казахстана составляло 4147,7 тыс. человек, а к 1917 году достигло 5045,2 тыс. человек, в том числе казахов в 1917 году насчитывалось 3615,1 тыс. человек. Удельный вес казахов, составлявших в 1897 году 81,7 % населения, снизился к 1914 году до 65,1 % [3, с.90-94].

Несмотря на то, что казахи до революции составляли значительное большинство на своей территории и являлись третьим по численности этносом в дореволюционной России (более 5 млн. человек), тем не менее, мы не видим ни в одном документе движения «Алаш» намек на оголтелый национализм или этнократизм, а также на сепаратизм. В принятой резолюции чрезвычайного киргизского съезда 14-17 октября 1918 г. в Кустанае русскому народу предоставлялось полное право на добровольное присоединение (или отказ) к автономии Алаш и предусматривались в таком случае общие с русским населением местные земства [2, с.78].

В пункте IV программы провозглашалось: «Всем, кто живет среди казахов, гарантируются права меньшинства. Во всех учреждениях автономии Алаш представители всех нации должны быть представлены пропорционально.

Предоставляется также территориальная и культурная автономия тем, кто без территории окажется в пределах автономии Алаш» [2, с.78].

5-13 декабря 1917 года в Оренбурге проводится второй общекиргизский съезд в Оренбурге, явившийся самым знаменательным и программным в истории казахского демократического движения. Здесь наряду с объявлением территориально-национальной автономии 12 казахских областей, объединенных под названием «Алаш», было также определено и пропорциональное представительство во всех учреждениях нового государственного образования всех наций, живущих среди казахов-киргиз. Всем им гарантировались права меньшинства. В целях спасения Алаш от общего развала анархии было решено организовать орган исполнительной власти - временный народный совет «Алаш-Орда», состоящий из 25 членов, 10 мест (40%) из которых предполагалось предоставить русским и другим народам, живущим среди казахов [2, с.69].

В дальнейшем в Программе партии «Алаш», составление которой было доверено таким видным идеологам движения, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов и др., избирательное право было дополнено важными антидискриминационными нормами. В пар. 1 провозглашалось, что «правом выборов пользуются все без различия происхождения, вероисповедания и пола» [2, с.88]. На июльском Оренбургском съезде (21-28 июля 1917 г.) политические права женщин также провозглашались равными с мужчинами.

Таким образом, мы видим здесь политическую зрелость молодых казахских демократов, определивших с самых первых съездов равное и всеобщее избирательное право, как одно из важнейших политических прав личности. Влияние теории естественного права Дж. Локка и Конституции США ярко отражено в этом документе. В Программе были зафиксированы, впервые в истории Казахстана, такие важные демократические политические и юридические права, как неприкосновенность личности и тайна частной переписки, свобода слова, печати и союзов, право на скорый и публичный суд (все дела на местах должны рассматриваться в 24 часа). Суд без предъявления обвинения и допроса не может арестовать и осудить, он должен быть обязательно с участием присяжных заседателей. Последняя правовая норма сильно напоминает Шестую поправку к американской Конституции, в которой говорится, что «...обвиняемый имеет право на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных» [4].

На первом общекиргизском съезде в Оренбурге также была поставлена задача создания проекта конституции автономии Алаш, которая должна была быть утверждена на предстоящем в январе 1918 года Всероссийском Учредительном собрании.

На втором Тургайском областном киргизском съезде в Актюбинске (20-25 августа 1917 г.) и первом Всекиргизском съезде в Оренбурге 21-28 июля 1917 г. было принято решение об образовании самостоятельной киргизской национальной партии, которой позднее дали название «Алаш». Впервые на территории Казахстана прозвучала мысль о необходимости создания именно политической партии как самостоятельной организации, призванной сплотить казахский народ, выработать программу демократических преобразований и создать новое правительство.

Но можно ли назвать эту партию националистической, как определяли ее большевики для того, чтобы расправиться с растущим демократическим движением на территории Казахстана?

Провозглашенное политическое и юридическое равенство всех народов, проживающих на территории автономии Алаш, является ярким примером того, что для казахских демократов был неприемлем какой-либо национализм или этнократизм. Кроме того, они пошли дальше американской демократии, которая, как известно, не предоставляла в то время избирательного права негритянскому населению и туземцам, а женщины в США получили избирательное право только в 1929 году (!).

Основатели партии «Алаш» были далеки от сепаратизма, ибо понимали угрозу гражданской войны и не хотели напрасного кровопролития для своего народа. Они видели автономию со своим законно избранным правительством в составе демократической России, которая, по их мнению, должна была провести широкие демократические преобразования и сыграть важную роль в повышении и развитии национальной демократической политической культуры. Однако, именно передовые идеи Просвещения и естественного права были восприняты лидерами партии «Алаш» настолько, что Алихан Букейханов о политической ориентации на либеральные европейские ценности. Однако понимал, что сил для полного отделения от России недостаточно, и движение в этом направлении может привести к войне. Тем более, что Февральскую революцию, принесшую свержение монархизма, все население империи восприняло восторженно как освобождение от царского гнета и многие думали, что, наконец-то, настало время для победы подлинно демократических ценностей. Поэтому он говорил: «Киргизский народ не желает отделения от России. Мы – западники. Наши взоры устремлены на запад» [2, с.139].

Таким образом, мы не можем назвать движение «Алаш» националистическим, поскольку националистические партии ставят своей первейшей целью полное территориальное отделение и самоопределение. Движение «Алаш», скорее, можно определить как национально-демократическое движение, тяготеющее к традициям классического либерализма.

С точки зрения демократических преобразований в современном Казахстане особенный интерес представляют взгляды лидеров партии «Алаш» на утверждение конституционализма, которое должно было найти выражение в становлении политических институтов демократии и гражданского общества.

Вообще Программу партии «Алаш» можно было бы расценивать как проект первой конституции национальной автономии Казахстана, если бы история дала такой шанс. В этом документе мы видим базовые положения, являющиеся основой любой конституции: определение формы правления, формы политико-территориального устройства, порядок образования и компетенцию высших органов власти, правовой статус личности.

Напомним, что на первом всекиргизском съезде в Оренбурге (21-28 июля 1917 г.) было четко указано, что национальная партия «должна основываться на демократической федеративно-парламентской республике». Алихан Букейханов мог бы повторить вслед за Т. Джефферсоном знаменитую его фразу: «Все мы – республиканцы, все мы – федералисты».

В Программе подчеркивалось равенство субъектов федерации и приоритет самоуправления автономий, в чем можно усматривать аналогию с американским федерализмом. Лидеры «Алаш-Орды» понимали, что соединение централизованного управления страной с управлением на местах (в штатах) с большой степенью автономии помогло эффективно решить проблему управления такой большой страной, как США.

Интересно, что с идеей децентрализации власти перекликаются и логически из нее вытекают мысль о правовых средствах ограничения власти и понимание оптимального политического режима, который должен был обеспечить соответствие политической власти характеру социальных преобразований.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что лидеры партии «Алаш» видели конституционализм как переход от монархизма к парламентской демократии. Известно, что при парламентской системе существует более тесная связь между законодательной и исполнительной властью, большинство в законодательном собрании страны определяет, кто возглавит правительство. Таким образом, зависимость правительства от парламента выше, чем при президентской системе правления.

И хотя в Программе партии вводится впервые фигура президента, являющегося главой исполнительной власти, а механизм его избрания и полномочия больше схожи с правовым статусом премьер-министра. Так, в пар.1 Программы указывается, что президент избирается не всенародно, а «учредительным собранием и государственной думой на определенный срок лет. Президент управляет через совет министров, ответственен перед учредительным собранием и государственной думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только государственной думы, которой принадлежит право контроля над правительством» [2, с.88].

На волне антимонархических настроений, которыми бурлила страна после свержения царизма, создатели программы партии «Алаш», конечно же, в первую очередь хотели создать конституционный механизм противостояния возможной угрозе концентрации власти в одних руках. Поэтому, несмотря на включение института президентства в программный документ, нельзя утверждать, что лидеры «Алаш-Орды» отдавали предпочтение президентской форме правления. Скорее, они хотели ограничить сильную исполнительную власть и выступали за парламентскую систему правления с ярко выраженным приоритетом законодательной ветви власти.

Здесь находит свое воплощение главная идея и основная политическая задача теории конституционализма – ограничение власти и создание системы сдержек и противовесов.

Лидеры партии «Алаш» не считали свой народ неготовым к демократии или нерасположенным к введению демократических институтов. Как истинные интеллигенты они уделяли особенно большое внимание вопросам образования, развитию широкой сети школ. В сфере образования они ратовали за всеобщее бесплатное обучение на родном языке, открытие библиотек и читален, за подъем культурного уровня населения. Именно образование должно было поднять демократический дух и политическую культуру народов Казахстана. Конституционное закрепление политических прав и свобод рассматривалось ими как необходимое условие развития демократии в Казахстане.

Изучая ставшие историческим памятником документы партии «Алаш», просуществовавшей всего немногим более двух лет, мы можем в заключение сказать, что у истоков казахской демократии стояли высокообразованные и юридически грамотные личности. Они хорошо знали политико-правовые учения Запада, которые являются базовыми для становления и развития конституционализма: теории естественного права, разделения властей, президентской и парламентской систем правления, демократических прав и свобод личности.

Список использованной литературы

1. Здесь и далее читай: «казахский».
2. Алаш-орда. Сб. док-тов / Состав. Н. Мартыненко. – Алма-Ата: Айкап, 1992. – 192 с.
3. Алексеенко Н.В. население дореволюционного Казахстана: численность, размещение, состав (1870–1914). – Алма-Ата: Наука, 1981. – 111 с.
4. Конституция США. Поправка 6.

References

1. Read here and further as «Kazakh».
2. Alash-orda. Sb. dok-tov / Sostav. N. Martynenko. – Alma-Ata: Aykap, 1992. – 192 s.
3. Alekseyenko N.V. Naselenie dorevolyucionnogo Kazakhstana: chislennost', razmeshchenie, sostav (1870–1914). – Alma-Ata: Nauka, 1981. – 111 s.
4. The Constitution of the United States. Amendment 6.

М.Ж. Тәшенев¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті т.ғ.д., профессор
Алматы қ., Қазақстан.

«АЛАШ» ПАРТИЯСЫНЫҢ САЯСИ БАҒДАРЛАМАСЫ ЖАЙЫНДА

Түйін

Саяси және қоғамдық өмір сахнасына 1905 жылдан шыққанымен 2017 жыл «Алаш» ұлттық-демократиялық партиясының ресми құрылғанына 100 толуын атап өтумен ерекшеленеді. Мақалада, Құрылтай жиналысына дейін жобасы жарияланса да, 1917 жылы 21 қарашада қабылданған «Алаш» партиясының саяси бағдарламасының негізгі ережелері талданған. Құрылтай жиналысына сайлау барысында «Алаш» партиясы 34 депутаттық мандат алып, Ресей партиялары арасында 8-нші орынды иеленді. Бағдарлама жобасы құрылымы жағынан сол кездегі еуропа мемлекеттерінің конституцияларына сәйкес болды және негізгі конституциялық ережелерді қамтыды. Автор, «Алаш» партиясының бағдарламалық ережелері мен саяси көзқарастарын конституционализм теориясы тұрғысынан қарастырады.

Түйін сөздер: «Алаш» партиясы, конституционализм, ақпан төңкерісі, Құрылтай жиналысы, «Алаш» партиясының саяси бағдарламасы.

M.Zh. Tashenev¹

¹Al-Farabi Kazakh National University,
Republic of Kazakhstan, Almaty

ON THE POLITICAL PROGRAM OF THE «ALASH» PARTY

Summary

The year 2017 is marked by the centenary of the official establishment of the national-democratic «Alash» Party, which actually entered the arena of political and public life even earlier – in 1905. In the article there considered the main provisions of the political program of the «Alash» Party dated November 21, 1917, the draft of which was published before the elections to the Constituent Assembly. During the elections to the Constituent Assembly the Alash Party won 34 deputy mandates and took the 8th place among the parties of Russia. The draft of the party's program according to its structure corresponded to the constitutions of the European states of that time, and included the main constitutional provisions. The author considers from the point of view of constitutionalism theory the political views and program provisions of the «Alash» Party, which were promoting democratic values and were progressive for their time.

Keywords: «Alash» Party, Constitutionalism, February Revolution, Constituent Assembly, political program of the «Alash» Party.

**ҚАЗАН РЕВОЛЮЦИЯСЫНА 100 ЖЫЛ
100-ЛЕТИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
100th ANNIVERSARY OF THE OCTOBER REVOLUTION**

УДК 94:91(574).08/084

Г.Н. Ксенжик¹

¹Зав. отделом истории Казахстана нового времени
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
д.и.н., доцент, академик МААО,
г. Алматы, Казахстан

**СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В КАЗАХСТАНЕ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Аннотация

Данная статья направлена на осмысление новых направлений в междисциплинарных исследованиях, чтобы лучше понять всю сложность и трагичность происшедших революционных событий в Казахстане – 1917 г.

Независимость и суверенность Казахстана оказала существенное влияние на интерпретацию прошлого, и в настоящее время историческая наука уделяет большое внимание поиску новых методов и источников по исследованию переломных событий, которые повлияли на текущую жизнь в Казахстане и в корне изменили ход исторического развития.

Ключевые слова: революция, метод, междисциплинарность, компаративистика, картография.

В данном исследовании автор рассматривает опыт применения междисциплинарного подхода в изучении революционных событий, применяет сравнительный и картографический метод для рассмотрения и анализа особенностей установления советской власти в Казахстане с целью выявления новых подробностей и данных.

Общеизвестно, что просчеты высшего руководства Российской империи во внешней и внутренней политике, а также в военном, экономическом и социальном планировании накануне и в период Первой мировой войны привели к тяжелым поражениям и большим потерям на фронте и, как следствие, усугублению положения населения в Казахстане.

При этом создавшееся кризисное положение в Казахстане осложнилось вследствие массового изъятия рабочих рук из ведения казахских хозяйств, согласно царского указа от 25 июня 1916 г. о «Реквизиции» на тыловые работы (устройство оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии) «инородческого» мужского населения Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет. Данные обстоятельства привели казахские хозяйства к разорению. Социальный взрыв в регионах Казахстана вылился в национально-освободительное восстание 1916 г., которое способствовало обострению политического кризиса Российской империи, и в дальнейшем к её краху в 1917 г. [1, с.49-60].

Процесс установления Советской власти в Казахстане не был «триумфальным шествием» [2, с.121], как утверждалось в советской историографии, и вследствие данных обстоятельств вековой юбилей революционных событий 1917 г. требует своего переосмысления.

Изучение и анализ трагических страниц истории, таких как революция и последовавшая вслед за ней Гражданская война, крайне сложно. Тем не менее, историкам необходимо этим заниматься. Исследователям следует искать, изучать, анализировать новые источники, материалы и методы, чтобы прийти к верному осмыслению этого переломного процесса, изменившему ход исторического

развития Казахстана и создать единую инновационную общую концепцию отечественной истории Казахстана.

На современном этапе в развитии методологии истории центральное место занимают идеи междисциплинарности, наблюдается планомерная интеграция исторической науки в единое исследовательское пространство с социологией, экономикой, психологией, картографией, географией и т.д.

К числу основных общеисторических методов научного исследования относятся сравнительный, но использование данного метода в синтезе с картографическим методом, который не принадлежит к числу хорошо разработанных методологий исторической науки, может, с нашей точки зрения, создать новое междисциплинарное направление и новые возможности в исследовании революции.

Что касается опыта использования сравнительного метода исследования революций, то следует обратить внимание на зарубежное исследование «Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады» Тони Рокки – (магистр в области исторических наук – Торонто, Канада, 2017 г.), где отмечено, что «писать об оппозиционных и революционных движениях в Российской империи от отмены крепостного права в 1861 году до свержения царя Николая II в февральской революцией в 1917 году сложное дело. Самое главное обратить внимание на масштабность и многообразие событий в России, особенно в революции 1905-1907, революциях 1917 году и в гражданской войне (главным образом 1917-1921 гг.). Также необходимо учитывать тот факт, что Россия была самая многонациональная страна в Европе».

В связи с данным обстоятельством, автор обращает внимание исследователей на возможности компаративистики в исследовании революции и отмечает, что «сравнительный подход не уменьшает значение и уникальность русской революции. Наоборот, он помогает нам глубже проследить элементы преемственности и перемен, сходств и различий между революциями и контрреволюциями, начиная с французской революции. Этот подход иногда дискуссионный, потому что некоторые историки критикуют сторонников подхода за упрощение, игнорирование уникальных факторов или уменьшение значения великих революций (особенно французской революции)».

Канадский историк пишет в исследовании, что французская революция всегда была образцовой для русских революционеров. Русские революционеры делали сравнения этих революций вплоть до конца НЭПа. Однако при советском режиме, в научных исследованиях, посвященных Октябрьской социалистической революции, сравнительному подходу по идеологическим соображениям не могло быть и речи. Даже названия «Великая французская буржуазная революция» и «Великая Октябрьская социалистическая революция» исключили возможность проследивать элементы преемственности и сходств. Между буржуазной и социалистической революцией могли существовать только различия.

Тони Рокки отмечает, что советские историки обвиняли буржуазию в измене революции и подчеркнули, что только «Великая октябрьская социалистическая революция», под руководством ленинской-сталинской партии большевиков могла принести освобождение трудовому народу».

Первое крупное зарубежное исследование «Анатомия революции» (Anatomy of a Revolution) гарвардского историка Крейна Бринтона, использующего сравнительный метод исследования, было издано в 1938 г. Данное исследование переиздавалось несколько раз, где использовался сравнительный анализ четырех революций – английской, американской, французской и русской. Американский историк определил эти четыре революции как «демократические революции и большинства населения против меньшинства. Все эти революции прошли через определенные этапы развития: кризис старого режима (революционная ситуация),

власть умеренных элементов (либералы и февральская революция, власть экстремистских элементов (якобинцы во Франции и большевики в России) и т.д.

Сравнительный метод исследования революций использовался также американским историком Роберт Палмером и французским историком Жак Годешо. Они изучали революции в Европе и Америке от 1760 до 1800 гг. и пришли к выводу, что эти революции имели много сходств. Концепция Палмера и Годешо о всеобщей волне революций в конце XVIII века получила название «тезис Палмера-Годешо».

В заключение историк Тони Рокки в публикации «Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады», констатирует, что сравнительный метод исследования поможет нам лучше понять место русской революции в истории общеевропейских революций [3, электронный ресурс].

Об использовании картографического метода в исторических исследованиях после революции (1917 г.), необходимо обратить внимание на исследование советского картографа Н.В. Виноградова «Карты и атласы» (1941 г.), который отмечал, что «значение карты трудно переоценить. Даже примитивные картографические схемы, которые касаются военных операций, нередко оказываются для понимания явлений полезнее многословного текста». Учёный накануне Великой Отечественной войны писал о значимости картографического метода исследования в анализе военных действий и революций, «особенно существенна роль карты в деле обороны страны. Недаром с давних пор карту называли глазами армии». Автор в своём исследовании даёт историческую справку развития картографии после Октябрьской революции «в 1918 г. для снабжения картами Красной Армии была учреждена на базе прежнего Корпуса военных топографов Военно-топографическая служба, выполнившая работу по изготовлению карт и снабжению ими многочисленных фронтов гражданской войны». Дальнейшее развитие картографии было определено декретом об организации Высшего геодезического управления при ВСНХ, который был подписан В.И. Лениным 15 марта 1919 г. На высшее геодезическое управление возлагалась ответственная задача по регулированию и проведению съёмочных и картографических работ. 7 августа 1919 г. В.И. Ленин подписал Постановление Совнаркома об изготовлении картограмм, диаграмм, картодиаграмм и других наглядных изображений с целью распространения среди рабочего и крестьянского населения правильных сведений о деятельности советских учреждений и знаний о народном хозяйстве, что тогда поручалось Центральному статистическому управлению совместно с Комиссариатом народного просвещения. В 1923 г. была закреплена для топографических карт система метрических масштабов (1 : 25 000, 1 : 50 000 и 1 : 100 000; позднее также 1 : 5 000, 1 : 10 000 и 1 : 200 000).

В послереволюционный период и до 1941 г. было издано свыше ста листов временного издания 1: 1000000 карты (военным ведомством) и с 1940 г. издается «Государственная карта СССР масштаба 1: 1000000» на всю территорию страны с использованием всех ранее составленных и учтенных материалов по типу международной миллионной карты. В том числе в предвоенный период издаются многочисленные административные карты по отдельным республикам, краям и областям (в крупных масштабах 1: 200000 – 1: 1000000), представляющие собой хорошие справочные издания. Н.В. Виноградов делает вывод в монографии, что «Аналогичных изданий не было в дореволюционной России (кроме карты Тилло, охватывавших не полностью Европейскую Россию)» [4, с. 3-177].

Известный советский исследователь истории, географии, картографии Л.А. Гольденберг (1958 г.) отмечал, что «потребность в карте, точно и наглядно передающей многочисленные пространственные связи всевозможных явлений и процессов, особенно остро ощущается в исторических исследованиях, таких как военные операции и ряд других проблем». Советский автор указывал на особую ценность применения картографического метода в исторических исследованиях, «размещение явлений при помощи карт и планов можно показать с такой

точностью, с какой их нельзя передать ни в каком описании». Л.А. Гольденберг критикует точку зрения некоторых авторов того периода, рассматривающих картографический материал как иллюстрации к издаваемым изданиям, а не как источник, имеющий самостоятельное историческое значение. Интересны его замечания, относящиеся к изучению картографического материала, отображающие события классовой борьбы (революций) и по поводу, что «при использовании картографического метода историки могут преодолеть опасность игнорирования роли и значения географической среды при изучении исторических процессов». Автор даёт рекомендации о том, какие сведения по военным действиям и революционным событиям может почерпнуть историк из картографического материала (переломные моменты сражений, даты и места сражений и т.д.) [5, с. 3-10].

Первое исследование с помощью картографического метода, посвященное революции 1917 г. в Москве, было осуществлено историком А.Я. Грунтом в 1961 г., но при этом он ограничился лишь одним источником «Статистическим атласом 1924 г., в частности «Схематическим планом города Москвы» в масштабе 1:63000 [6, с. 16-29].

Использование картографического метода в исторических исследованиях проводили, помимо уже вышеуказанных ученых, следующие исследователи: В.К. Яцунский – 1950 г.; Л.Г. Бескровный – 1971 г.; О.М. Медушевская – 1977 г., Б.Г. Галкович. – 1980 г.; А. М. Берлянт – 1985 г.; А.В. Постников – 1989 г. [7, с. 9].

На основании многолетнего опыта работы над картографическими источниками российским картографом, профессором МГУ А. М. Берлянтом (1985г.), отмечалось, что «картография не стоит на месте. В ней быстро развиваются новые методы. Карта теперь рассматривается как модель действительности и одновременно как источник информации».

Автор пишет о том, что «Картографическая информация не может быть сведена к сумме условных знаков, она содержит ещё нечто сверх этой суммы. Пытаясь понять сущность картографической информации, никак нельзя забывать, что карта не просто знаковая, но образно-знаковая модель действительности. Свойство образности имеет принципиальное значение для понимания картографической информации, поскольку именно это в корне отличает карты от других источников информации» [8, с.4-51].

Современный исследователь применения информационных систем в исторических исследованиях Н.В. Пиотух утверждает что, «как в руках историка появился компьютер, картографический метод претерпел большие изменения. Овладения ГИС-технологиями широкими слоями исследователей несомненно, сделает работы историков содержательней и интереснее» [9, с.72-89].

Среди современных зарубежных исследователей наиболее широко использует в исторических исследованиях методы исторической географии и картографии американский ученый профессор, доктор Марк Басин, специалист по исторической географии и геополитике Германии и России. Монография М. Басина «*Имперские рёзы*» выпущена в престижной научной серии Кембриджского университета «Кембриджские исследования по исторической географии». Публикация серии содействует развитию исследований, посвященных методологическим и методическим вопросам исторической географии и картографии. Работа автора предполагает новый взгляд на сложные проблемы, рассматривает понятие «предопределённого судьбой», зависимость населения от географического пространства.

М. Басин известен своим дискуссионным утверждением в монографии, что «Первая мировая война в корне изменила ситуацию: центр экономического и политического влияния на мировой арене сместился к Новому Свету, на Североамериканский континент» [10, с.274-280].

Таким образом, опираясь на приведенный выше историографический анализ исследований, посвященных методическим вопросам картографии и

исторической географии, можно утверждать, что использование картографического метода в рассмотрении установления советской власти на территории Казахстана в 1917 г. позволит нам наглядно рассмотреть пространственно-временную сторону установления советской власти и выявить динамику революционных действий, получить всевозможные оценки происходящих событий в зависимости от географического месторасположения населённых пунктов.

Поиск картографических документов, отражающих революционные события, происходящие в Казахстане в 1917 г. производился в фонде картографических изданий Российской Государственной библиотеки (РГБ РФ), которая содержит 250 тыс. единиц хранения с XVI в. по настоящее время. Основной фонд содержит атласы, планы, картосхемы, карты. В фонде находятся карты на листах и на тканях, настенные, в рулонах, на картоне, рельефные, в виде открыток и календарей. В собрание фонда входят текстовые, графические, иллюстрированные приложения к картографическим документам. Вместе с основным фондом картографических изданий как часть справочно-поискового аппарата действует специализированный справочно-библиографический фонд. В него входят справочники административно-территориального деления, топонимические и терминологические словари, библиографические и справочные издания универсального характера.

В ходе подборки материала в РГБ РФ, относящихся к установлению советской власти в Казахстане, были обнаружены несколько тематических карт агитационно-пропагандистского содержания и демонстрирующих процесс установления советской власти в Казахстане [11, Ко 37/II- (10-11), Ко 37/ II-12]; [12, Ко 73/V-26]; [13, Ко100/ N-4,5]; [14, Ко70/X-447, 448, 449]. Данные карты имели яркое оформление, дополнялись различными диаграммами, рисунками и имели элементы плаката.

Остановимся более подробно на двух картах (рис.1 и рис.2) и применим метод сравнения для их анализа и выявления особенностей установления советской власти в Казахстане:

1) Дополнительная карта № 4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России. М 1:20000000. – М.: – 1958 г. [15, Ко 62/ II-38,39; Ко 62/ II- 40 арх, рис.1].

Рис. 1. Дополнительная карта № 4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России. М 1:20000000. - М. - 1958 г. При составлении использованы материалы сектора истории Гражданской войны Института марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. Редактор Кузнецова // РГБ РФ Ко 62/ II-38,39; Ко 62/ II- 40 арх. СССР – Историческая, 1917-1918.

Описание: На карте условными значками (красными знаменами) показаны места и даты установления Советской власти в Казахстане: Кустанай – 7.01.1918 г.; Актюбинск – 21.01.1918 г.; Петропавловск – 5.12.1917 г. Семипалатинск – 3.02.1918 г.; Верный – 24.02.1918 г. и т.д. Территория Казахстана по революционной активности на карте окрашена в три цвета. Наиболее интенсивный окрас, ярко-розовый, соответствует наибольшей революционной активности и отмечен на юге Казахстана, охватывает территорию к югу от реки Сыр-Дарья до границы с Афганистаном. Розовым цветом отмечена средняя революционная активность, которая занимает западную и центральную часть Казахстана до реки Сары-Су. Бледно розовым показана наименее активная часть Казахстана в революционном отношении, которая включает территорию от реки Сары-Су до реки Иртыш (северо-восточная часть Казахстана). Причем условные знаки наглядно показывают установления советской власти по границам территории Казахстана и её отсутствие, внутри степи.

2) Дополнительная карта. Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918 г.). – М.:ГУГК, 1982 г. 2 л. – М 1:22000000. [16, Ко 90/ VI-76, 77, 78, рис.2].

Рис. 2. Дополнительная карта. Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918) Составил и подготовил к печати ПКО Картография ГУГК в 1981 г. / Ред. Н.А. Смирнова.– М.:ГУГК, 1982 г. 2 л. – М 1:22000000 // РГБ РФ Ко 90 / VI-76, 77, 78. з.).

Описание: На карте условными значками (красными знаменами) показаны места и даты установления советской власти в Казахстане: Кустанай – 25.12.1917 (в предыдущей карте 1958 г. – 7.01.1918 г.); Актюбинск – 6.01.1918 г. (в предыдущей карте 1958 г. – 7.01.1918 г.); Петропавловск – 22. 11. 1917 г. (в предыдущей карте 1958 г. – 5.12.1917 г.); Акмолинск – 27.12.1917 г.; Семипалатинск – 17.02.1918 г. (в предыдущей карте 3.02.1918 г.); Перовск – 30.01.1917 г.; Верный – 3.03.1918 г. (в предыдущей карте 24.02.1918 г.). Территория Казахстана по революционной активности на карте окрашена в два цвета. Розовый окрас, соответствует наибольшей революционной активности и отмечен на севере, западе и юге Казахстана. Бледно-розовым показана наименее активная часть Казахстана в

революционном отношении, которая включает территорию от реки Сары-Су до реки Иртыш (северо-восточная часть Казахстана).

В результате сравнения двух карт (рис.1 и рис.2), наблюдаем такую закономерность: на карте (рис. 2 «Азиатская часть СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917-март 1918)», 1981 г.) срок установления советской власти в основном имеют более раннюю дату. Причем на карте (рис. 2) отмечается некоторое усреднение революционной активности, нежели на карте (рис. 1 «Дополнительная карта №4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Азиатская часть России», 1958 г.). Но, тем не менее, она наглядно показывает, что советская власть устанавливалась в первую очередь на приграничных с Россией территориях и по линиям железной дороги, которая имела массовое скопление рабочих-железнодорожников, тесно связанных с центральными районами России. Из сравнения и анализа карт следует, что революционная ситуация была привнесена извне и отсутствовала внутри степи Казахстана.

В результате сравнения двух картографических произведений, можно утверждать что карта (рис.2 – 1981 г.) в более радикальном виде явно хочет продемонстрировать торжество нового мира над старым и показать триумфальное шествие советской власти, а также идеологически запечатлеть революционные успехи в сознании людей.

Как было отмечено в исследовании «Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи» В.В. Тихонова (к.и.н, Институт российской истории РАН, 2017) в 80-х гг. XX в., «память о Великой Октябрьской социалистической революции буквально пронизывала символическое пространство: монументы, пантеоны героев, о которых знали с детства, города и улицы, названные в честь революционеров и даже юбилеев революции» [17, с.92-112].

По свидетельству историка ГАРФ РФ А.Р. Литвина (2017 г.) «Карты, напечатанные в 70-х гг. XX в., исключали массу информации, там отсутствует информация, которая для западного потребителя подобного уровня карт была абсолютно естественной [18, электронный ресурс].

Карта (рис. 1 – 1958 г.) Азиатской части России, выполненная в эпоху «хрущевской оттепели», стремится максимально достоверно показать процесс установления советской власти в Казахстане, тем самым редактор Кузнецова Н.А начала процесс демифологизации революции, но только в дозволенных рамках того периода.

С целью выяснения достоверности и корректировки данных, полученных с картографического материала, используем для сравнения сборники документальных материалов. Произведем сравнение по датам, географическому положению населённых пунктов и выявим особенности установления советской власти в Казахстане. Так, в материалах отмечено: «Раньше всего советская власть установилась южных районах Казахстана (Сыр-Дарьинская и южная часть Семиреченской области), примыкавших к г. Ташкенту, где уже 31 октября (13 ноября) 1917 года (*карта рис. 2-30 октября*) победила Советская власть», а также то, что «города Перовск (Кзыл-Орда), Чимкент, Туркестан и другие, расположенные по линии железной дороги, имели компактные массы рабочих-железнодорожников и были наиболее тесно связаны с центральными районами страны».

Вскоре после этого советская власть победила в северных районах Казахстана, примыкавших к Западной Сибири, так «22 ноября (5 декабря) 1917 года новая власть была установлена петропавловскими рабочими и солдатами, которыми руководила местная большевистская организация, возглавляемая Дубининым».

Вооруженное восстание рабочих было проведено в «г. Верном (Алма-Ата) под руководством большевиков в ночь со 2-го на 3-е марта 1918 года. На протяжении марта 1918 года она была установлена во всех уездах Семиреченской области».

Исключительно большое стратегическое значение для победы советской власти в Казахстане имела борьба «за г. Оренбург, расположенный на железнодорожной магистрали Самара-Ташкент и связывавшая Казахстан с центральными районами России» [19, с. 92-112].

Согласно данным исследования Института истории СССР (1942 г.), революция победила в «Акмолинске – 29.12.1917 г.» (на карте – рис. 2 27.12.1917 г.) [20, с. 116].

Из архивных данных мы узнаём, что на местах повсеместно испытывались значительные сложности в сохранении советской власти на местах, так например уже «29 декабря 1917 г. общее собрание служащих, мастеровых, рабочих станции Перовск обсудив всесторонне события в Оренбурге, постановило немедленно мобилизовать всех могущих, носить оружие» [21, с. 116].

Таким образом, в результате сравнительного анализа обнаружено, что имеются небольшие расхождения между письменными и картографическими источниками по историческим датам. Междисциплинарный подход представляет особую ценность в исследовании революции. Так как при помощи карт, планов, схем можно показать пространственную динамику революционных событий в Казахстане с такой точностью, с какою их нельзя передать ни в каком описании. Рассмотрение картографических документов с привлечением архивных документов и материалов и использование метода сравнения позволяет исследователям не только уточнить исторические даты, но и выявить новые подробности о революционных событиях 1917 г. в Казахстане, а также дает возможность избежать ошибок при интерпретации малоисследованных исторических фактов, заметно углубить и обогатить исторические знания. Значительные успехи в применении междисциплинарного подхода в изучении революционных событий могут быть достигнуты с помощью средств географических информационных систем (ГИС), которые позволяют осуществлять накопление, хранение, обработку и использование картографического материала. Применение картографического метода в синтезе с методом сравнения даёт возможность корректировки сведений и данных, тем самым возрастает степень достоверности и наглядности происходящих революционных событий.

Список использованной литературы

1. Ксенжик Г.Н. Причины и последствия Семиреченского восстания 1916 г. в картографических источниках и документах // Отан тарихы. – 2016 – № 2. (74). – С.49-60.
2. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алматы: «Атамұра», 2000. – Том 4. – 768 с.
3. Рокки Т. «Русская революция в контексте общеевропейской истории: размышления из Канады». [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://REX.iagex.ru> Статьи 53569. html от 31 января 2017. Дата просмотра: 5.03.2017 г.
4. Виноградов Н.В. Карты и атласы / Под редакцией. Проф. М.С. Бондарского и инж. М.П. Мурашова. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1941. – 187 с.
5. Гольденберг А.Г. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация: Автореферат ... кандидата исторических наук. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 17 с.
6. Галкович Б.Г. Источниковые сведения старых карт и планов // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. Исторические исследования / Ответственный редактор Л.А. Гольденберг. – М.: Московский филиал географического общества СССР. – 1980. – С. 16-29.
7. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. – М.: Наука, 1989. – 227 с.
8. Берлянт А.М. Карта - второй язык географии: (Очерки о картографии). – М.: Просвещение, 1985. – 192 с.

9. Пиотух Н.В. Картографический метод в исторических исследованиях: прошлое и настоящее // История. Карта. Компьютер. Сб. научных статей. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1998. – С. 72-89.

10. Bassin Mark. Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. (Cambridge Studies in Historical Geography, number 29.) (New York: Cambridge University Press. 1999): 280.

11. РГБ РФ Ко 37/II-(10-11), Ко 37/ II-12. СССР – Историческая, 1917 – 1918 гг. Великая Октябрьская. Дополнительная карта № 4. Составлена в 1947 г. Исправлена в 1954 г. Редактор Мартова К.Б. – М. ГУГК. – М1:2500 000.

12. РГБ РФ Ко 73/V-26 СССР. Партия – вождь октября. Подготовка социалистической революции. / Сост. И подготовил к печати ПКО «Картография» в 1986 г. Старший ред. И.Я. Сукетин; редактор И.Ю. Каменская. М 1: 6000000. – М.:ГУГК 1988. – 1л. многокрасочная диаграмма; Дополнительные карты; 1 Подготовка вооруженного восстания Петрограде; 2 Сибирь и Дальний Восток. М 1:15000000. Диаграмма расстановка партийных сил по районам страны накануне октября. Рост численности членов партии большевиков.

13. РГБ РФ Ко 100 / N - 4, 5. Партия – вождь октября / Составил и подготовил к печати ПКО «Картография» в 1986 г. Старший ред. И.Я. Сукетин; редактор Шаурина Г.В.

14. РГБ РФ Ко 70 /X-447, 448, 449. Партия – вождь октября. Карта 1. Подготовка социалистической революции (март-октябрь 1917 г). / Составил и подготовил к печати ПКО «Картография» в 1987 г. / Редактор И.Ю. Каменская. Научный консультант д.и.н. П.А. Голут. М 1: 12000000. – М. ГУГК, 1987. 1л. Текст, диаграмма. Дополнительная карта Азиатская часть России.

15. РГБ РФ Ко 62/ II-38,39; Ко 62/ II- 40 арх. СССР – Историческая, 1917-1918. Великая Октябрьская социалистическая революция. Дополнительная карта № 4. Азиатская часть России. М 1:20000000. – М.: 1958 г. При составлении использованы материалы сектора истории Гражданской войны Института марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. Редактор Кузнецова Н.А.

16. РГБ РФ Ко 90/ VI-76, 77, 78 Великая Октябрьская социалистическая революция и триумфальное шествие Советской власти (октябрь 1917 – март 1918 г.). Дополнительная карта. Азиатская часть СССР. Составил и подготовил к печати ПКО Картография ГУКГ в 1981 г. Ред. Н.А. Смирнова. – М.: ГУГК, 1982 г. 2л. - М 1:22000000.

17. Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. – 2017. – № 2. – С. 92-112.

18. Литвин А.Р. Россия как цивилизация. Зеркало мира (картография). [Электронный ресурс]. Режим доступа [archive.svoboda.org › programs / civil /2004/ civil](http://archive.svoboda.org/programs/civil/2004/civil). Commons - от 22.02.2017. Дата просмотра 5.03.2017 г.

19. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР (сборник документальных материалов) / Под редакцией Покровского С.Н. – Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1947. – 290 с.

20. Летописи Великой Октябрьской Социалистической революции / Под редакцией А.М. Панкратовой и Г.Д. Костомарова. – М.: Издательство АН СССР, 1942. – 147 с.

21 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. – Алма-Ата: «Казахстан», 1977. – 284 с.

References

1. Ksenzhih G.N. Prichiny i posledstviya Semirechenskogo vosstaniya 1916 g. v kartograficheskikh istochnikah i dokumentah // Otan tarihy. – 2016. – № 2.(74). – S.49-60.

2. Istoriya Kazakhstana (s drevneyshih vremen do nashih dney). V pyati tomah. – Almaty: «Atamura», 2000. – Tom 4. – 768 s.

3. Rokki T. «Russkaya revolyuciya v kontekste obshcheevropeyskoy istorii: razmysleniya iz Kanady». [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa <http://REX.iarex.ru/Stat'i/53569.html> ot 31 yanvarya 2017. Data prosmotra: 5.03.2017 g.

4. Vinogradov N.V. Karty i atlasyy. / Pod redakciey. Prof. M.S. Bondarskogo i inzh. M.P. Murashova. – Moskva– Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. – 187 s.

5. Gol'denberg A.G. Russkie kartograficheskie materialy kak istoricheskiy istochnik i ih klassifikaciya: Avtoreferat ... cand. istoricheskikh nauk. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. – 17 s.

6. Galkovich B.G. Istochnikovye svedeniya staryh kart i planov. // Ispol'zovanie staryh kart v geograficheskikh i istoricheskikh issledovaniyakh. Istoriicheskie issledovaniya / Otvetstvennyj redaktor L.A. Gol'denberg. – M.: Moskovskiy filial geograficheskogo obshchestva SSSR. – 1980. – S. 16-29.

7. Postnikov A.V. Razvitie krupnomasshtabnoy kartografii v Rossii. – M.: Nauka, 1989. – 227 s.

8. Berlyant A.M. Karta – vtoroy yazyk geografii: (Ocherki o kartografii). – M.: Prosveshchenie, 1985. – 192 s.

9. Piotuh N.V. Kartograficheskiy metod v istoricheskikh issledovaniyakh: proshloe i nastoyashcheye // Istoriya. Karta. Komp'yuter. Sb. nauchnyh statey. – Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 1998. – S. 72-89.

10. Bassin Mark. Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. (Cambridge Studies in Historical Geography, number 29.) (New York: Cambridge University Press. 1999): 280.

11. RGB RF Ko 37/II - (10-11), Ko 37/II-12. SSSR – Istoriicheskaya, 1917-1918 gg. Velikaya Oktyabr'skaya. Dopolnitel'naya karta № 4. Sostavlena v 1947 g. Ispravlena v 1954 g. Redaktor Martova K.B. – M.: GUGK. - M1:2500 000.

12. RGB RF Ko 73/V-26 SSSR. Partiya – vozhd' oktyabrya. Podgotovka socialisticheskoy revolyucii. /Sost. i podgotovil k pečati PKO «Kartografiya» v 1986 g. Starshiy red. I.YA. Suketin; redaktor I.Yu. Kamenskaya. M 1: 6000000. – M.:GUGK 1988. – 11. mnogokrasochnaya diagramma; Dopolnitel'nye karty; 1 Podgotovka voozruzhennogo vosstaniya Petrograde; 2 Sibir' i Dal'niy Vostok. M 1:15000000. Diagramma rasstanovka partiynyh sil po rayonam strany nakanune oktyabrya. Rost chislennosti chlenov partii bol'shevikov.

13. RGB RF Ko 100 / N - 4, 5. Partiya – vozhd' oktyabrya / Sostavil i podgotovil k pečati PKO «Kartografiya» v 1986 g. Starshiy red. I.YA. Suketin; redaktor Shaurina G.V.

14. RGB RF Ko 70/H-447, 448, 449. Partiya - vozhd' oktyabrya. Karta 1. Podgotovka socialisticheskoy revolyucii (mart-oktyabr' 1917 g). Sostavil i podgotovil k pečati PKO «Kartografiya» v 1987 g. Redaktor I.Yu. Kamenskaya. Nauchnyi konsul'tant d.i.n. P.A. Golut. M 1: 12000000. – M.: GUGK, 1987. 11. Tekst, diagramma. Dopolnitel'naya karta Aziatskaya chast' Rossii.

15. RGB RF Ko 62/ II-38,39; Ko 62/ II- 40 arh. SSSR – Istoriicheskaya, 1917-1918. Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya. Dopolnitel'naya karta № 4. Aziatskaya chast' Rossii. M 1:20000000. – M.: – 1958 g. Pri sostavlenii ispol'zovany materialy sektora istorii Grazhdanskoy voyny Instituta marksizma-leninizma pri CK KPSS. Redaktor Kuznetsova N.A.

16. RGB RF Ko 90/ VI-76, 77, 78 Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya i triumfal'noe shestvie Sovetskoy vlasti (oktyabr' 1917 - mart 1918 g.). Dopolnitel'naya karta. Aziatskaya chast' SSSR. Sostavil i podgotovil k pečati PKO Kartografiya GUGK v 1981 g. Red. N.A. Smirnova. – M.: GUGK, 1982 g. 21. – M 1:22000000.

17. Tikhonov V.V. Revolyuciya 1917 goda v kommémorativnyh praktikah i

istoricheskoy politike sovetской epohi // Rossiyskaya istoriya. – 2017. – № 2. – S. 92-112.

18. Litvin A. R. Rossiya kak civilizaciya. Zerkalo mira (kartografiya). [Electronnyy resurs]. Rezhim dostupa. archive. svoboda. org›programs /civil /2004/ civil. Commons - ot 22.02.2017. Data prosmotra 5.03.2017 g.

19. Pobeda Velikoy Oktyabr'skoy socialisticheskoy revolyucii v Kazakhstane i obrazovanie Kazakhskoy ASSR (sbornik dokumental'nyh materialov) / Pod redakciey Pokrovskogo S.N. – Alma-Ata: Kazakhskoe ob'yedinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947. – 290 s.

20. Letopisi Velikoy Oktyabr'skoy Socialisticheskoy revolyucii / Pod. redakciey A.M. Pankratovoy i G.D. Kostomarov. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1942. – 147 s.

21. 1917 god v Kazakhstane. Dokumenty i materialy. Alma-Ata: «Kazakhstan», 1977. – 284 s.

Г.Н. Ксенжик

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Жаңа дәуірдегі Қазақстан тарихы бөлімінің меңгерушісі, т.ғ.д., доцент
Алматы, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТӨҢКЕРІСТІҢ ЖҮЗЖЫЛДЫҒЫ: ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ЖАҢА БАҒЫТТАРЫ

Түйін

Бұл мақала 1917 ж. Қазақстанда болған революциялық оқиғалардың бүкіл күрделілігі мен трагедиялығын білу үшін зерттеулердегі жаңа бағыттардың мәнін түсінуге икемделген.

Қазақстанның тәуелсіздігі мен егемендігі өткен өмірді түсіндіруге елеулі әсер еткен және қазіргі уақытта тарихи ғылым Қазақстанда ағымдағы өміріне әсер еткен және түбегейлі тарихи даму барысын өзгерткен бетбұрысты оқиғаларды зерттеу бойынша жаңа әдістер мен деректерді іздестіруге үлкен назар аударады.

Түйін сөздер: революция, әдіс, пәнаралық, компаративистика, картография.

G.N. Ksenzhik¹

¹Institute of History and Ethnology of Ch.Ch.Valikhanov,
Head of Department of History of Kazakhstan of Modern Times, Doctor of Historical
Sciences, Academician of IAAR,
Almaty, Kazakhstan

100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION IN KAZAKHSTAN: NEW DIRECTIONS IN INTERDISCIPLINARY STUDIES

Summary

This article is aimed at comprehension the new directions in research to better understanding of the complexity and tragedy of the revolutionary events in Kazakhstan in 1917.

The independence and sovereignty of Kazakhstan had a significant impact on the interpretation of the past, and now historical science pays a great attention to the search of new methods and sources for investigating critical events that affected the current life in Kazakhstan and radically changed the course of historical development.

Keywords: revolution, method, interdisciplinarity, comparativistics, cartography.

ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
RESEARCHES OF YOUNG SCHOLARS

ӘӨЖ 323.31(574)(09)

Р.Е. Оразов¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және
этнология институтының ғылыми
қызметкері, PhD докторанты

**ӘКЕ ЖОЛЫН ЖАЛҒАСТЫРА АЛҒАН ҮРПАҚ:
ЖАПАР ЖӘНЕ СЫЗДЫҚ СҰЛТАНДАР**

Аннотация

Мақалада Кенесарының азаттық күресін жалғастырған ұлдары Жапар мен Сыздық сұлтандардың Ресей билігіне қарсы күрестері, 1851 жылы Жапар сұлтанның орыстар қолына тұтқынға түсуі, кейіннен Сібірдегі Березов қаласына қатаң қадағалаудағы түрмеге жер аударылуы мен сол қаладағы он сегіз жыл айдаудағы тағдыры айтылады. Сонымен қатар, 1869 жылы түрмеде қашып шығып, Перовскідегі анасымен жолығуы, қайтадан қолға түсіп Перовскідегі госпиталда ақыл есінің дұрыстығын анықтау мақсатында жатқызылуы, одан қашып шығып, Хиуадағы бауыры Сыздықпен табысуы нақты мұрағат деректері негізінде дәйектелген.

Түйін сөздер: Жапар Кенесарин, Сыздық Кенесарин, әскери-губернатор, Березов қаласы, госпитал, лазарет.

XIX ғасырдың 50-жылдарында патша өкіметінің Қазақ даласына екі бағыт бойынша: Солтүстік арқылы Шығысты басып өтіп, Жетісуға басып кірсе, Батыс арқылы қимылдаған патша әкімшілігі Арал өңіріне өз бекіністерін сала отырып, Сырдың төменгі бойына орналасуға ұмтылады. Осылайша екі жақтан қыспаққа алған патшалық Ресей қазақ даласының Оңтүстік бөлігін империяның құрамына енгізуге түпкілікті түрде кірісе бастайды. Ал орыстардың бұл басқыншылық саясаты болса жергілікті халықты ғана емес көрші жатқан Қоқан хандығының да наразылығын туғызады. Сондықтан Қоқан хандығы басқыншылыққа қарсы тосқауыл қою үшін әр түрлі айла-әрекеттер мен іс-қимылдарға барады. Сондай амалдардың бір түрі патша өкіметінің билігін мойындағысы келмеген қазақ сұлтандары мен ру басшыларын қарамағына алып, оларға қоныс беріп, әр түрлі қызметтерге тартады. Міне осындай қызметтерді иеленген Кенесарының ұлдары Созақтың маңына қоныстанып, сол жерден қазақ халқының азаттығы үшін өмірін қиған әкесінің жолын жалғастыруға белсене түрде кіріседі. Әкесінің азаттық жолындағы күресін оның балалары жалғастырады. Әсіресе солардың ішінде Жапар мен Сыздық сұлтандар еліміздің тәуелсіздік жолындағы күресін ерекше өжеттілік пен айбындылық және табандылық арқылы көрсетеді. Жапар мен Сыздық сұлтандардың мұндай қасиет тікелей арғы атасы Абылай ханнан қонса керек. Әкесінің қазасынан кейін, оның күрес жолын жалғастырған ұлы Жапар сұлтан болғандығын мұрағат қорларында сақталған деректер растай түседі.

Қазан төңкерісіне дейінгі зерттеу еңбектерінде Жапар сұлтанға қатысты мәліметті алғаш Н. Коншиннің [1] зерттеу мақаласынан кездестіреміз. Ал қазан төңкерісінен кейін 1946 жылы Ташкентте кандидаттық жұмыс қорғаған Е. Дильмухамедов [2] еңбегінде Жапар сұлтанға арнайы тоқталып, әкесінің күрес жолын Жапар мен Сыздық сұлтандар жалғастырғанын нақты мұрағат

күжаттарымен көрсете отырып, аталған сұлтандарға қатысты деректердің дені Ташкент мұрағатында жатқандығын зерттеушілер қаперіне салады. Еліміз тәуелсіздік алғаннан кейін Жапар сұлтанның тарихи тағдыры қатысты мақала жазып, оқырман назарына ұсынған зерттеушілер Г. Мұқанова [3], Р. Оразов [4], С. Сайфулмаликова [5].

Зерттеуші А. Махаева Жапар сұлтанның әкесі Кенесарымен бірге қырғыздарға қарсы күреске қатысқанын жазады. Ондағы мәліметке қарағанда, Кенесары хан тұтқынға түскен баласы Жапар төрені босатып алу үшін Ағыбай батыр мен Ержан төрені екі рет Орман манапқа елшікке жібереді, содан соң, Орман манап Жапар төрені 6 жолдасымен босатады [6, 124-б.] деген деректерді келтіреді. Аталған мәліметке назар салсақ 1846-1847 жылдары Жапар сұлтан әкесі Кенесарының әскерімен бірге қырғыздарға қарсы күреске қатысып, қырғыздарға тұтқынға түсіп, кейіннен босағанын байқаймыз. Ал мұрағат қорларында сақталған мына құжатта Сібір қазақтарының шекаралық басқармасының қызметін атқарушы подполковник Спиридонов 1847 жылы 28 тамызда Кенесары ұрпақтарының қайда тұратындығы туралы мәлімет жинау үшін, Ақмола округіне мынадай нақты нұсқау берді: бірінші, Сұлтан Көшек және Кенесары ұрпақтары қандай рулармен бірге тұратындығын анықтауды, олардың нақты түгін саны қанша екендігін және Кенесарының қазасынан кейін олардың қайда көшкендігі мен тұрақтаған мекенін анықтауды;

Екіншіден, Кенесарының баласы Жапардың жасын және оның қазақтар арасындағы беделін анықтауды; үшіншіден, Жапардан басқа Кенесарының қандай балаларының барлығын, сондай-ақ Саржанның ұрпақтары жайлы олардың қайда көшіп қонатындығын анықтауды тапсырды [7, 8-п.]. Бұл Ресей империясының Кенесары ұрпақтарын әрбір басқан ізін бақылауда ұстау ниетінен туған болатын.

Осы шараға орай тікелей тапсырма алған Ақмола округінің аға сұлтаны полковник Құдайменді 1847 жылы 23 қазанда төмендегідей жауап жолдады: сұлтан Көшек пен Кенесарының ұрпақтары Ағыз Қалқаман болыстығының биі Бұланбай және Садырбек бастаған 60 түгінмен, Әлеке Байдаланың Сүйін Хожақанов бастаған 70 түгіні, Қарауылдың Балтабек пен Шалақұт бастаған 100 түгіні, Шұбыртпалының Маныбай мен Ағыбай бастаған 70 үйлі түгіні, Байторы Теменгі болыстығының биі Кенже Тәттімбетов бастаған 30 үйлі түгіні және төленгіттер мен Жекебатыр Шонқұт бастаған 90 үйлі түгінмен бұл күндері Созақ пен Түркістан қаласының аралығында Қаратау тауының етегіне қоныстанғандығын; Кенесарының баласы Жапардың жасы 15-те қазақтардың арасында беделінің жоғарылығын баяндай отырып, Кенесарының одан басқа да екі ұлын көрсетіп, Тайшық 13-те, Ахмет 9-да, Саржанның бір бала қалғандығын, ол Қошқарбай 12 жаста деп көрсетеді [7, 11-12-пп.]. Яғни, Жапар 1832 жылы туылған болып шығады. Бұл жерде Құдайменді тек Күнімжаннан туған үш ұлды ғана көрсетіп, ал Жаңылдан тараған ұлдарды айтпаған. Сонымен қатар, Тайшық пен Ахметтің жастарын көрсеткенде қателікке ұрынған. Кезінде бұл жөнінде Ахмет Кенесарынның еңбегінде 1847 жылы Кенесары қаза тапқанда Тайшық 20 жаста, Ахмет бес жаста деп көрсеткен болатын [8, с.25].

Ал бұдан әрі Жапар сұлтанның өміріне қатысты Сібір қырғыздарының шекаралық басқармасындағы құжаттарда 1850 жылғы 11 қыркүйекте Жапар мен Қошқарбай Саржанұлы бастаған 900 адам осы жылғы жаз айында Сібір генерал-губернаторлығына қарасты Тоқа Байбасшы болыстығынан жеті мәрте алты мыңдай жылқыны барымталаса, Қаракесек Байбасшы болыстығы ауылдарынан да жылқы барымталады дейді [9, 7-п.]. Ақмола округінің басшысы Сібір шекаралық басқармасына берген мәліметінде Кенесарыұлы Жапар мен Саржанның балалары Байменді, Иса бастаған 140 адам мамыр айының 19-ында Айтқожа Қарпық болыстығынан 2400 мал барымталап, осы болыстықтан бірнеше адамды жаралап, олар Шу бойына қарай кетті дей отырып, соңынан әскер шығаруды өтінеді [9, 5-6-пп.]. Ал, шындығында Кенесары ұрпақтары Ресей билігі қарасты ауылдардағы әкесі Кенесарының отаршылық басқыншылыққа қарсы күресінде оны қолдамаған казак сұлтандары мен билер ауылын үнемі барымталап отырды.

Көкшетау округінің 1851 жылғы 18 наурыздағы № 1619 мәліметінде сұлтан Кенесары Қасымовтың ұлдары 6 наурызда таңғы 4-те Бағаналы болысынан 135 түйе, 987 жылқы барымталады. Сондай-ақ олар 3 адамды өлтіріп, 26 адамды жаралады деп көрсетеді. Сонымен қатар, Сібір қырғыздарының шекаралық басқармасының 1851 жылғы 6 маусымда берілген мәліметінде «Ташкент билігіндегі сұлтан Кенесары Қасымовтың баласы Жапар өткен наурыз айында 500-дей адаммен Сібірге бағынышты Көкшетау округінің Бағаналы болыстығына қарасты Қадыр бидің 2000 жылқысы мен мыңға жуық түйесін барымталап кетті. Қадыр би Жапардың соңынан 200-дей адамды өзінің екі ұлының басқаруымен аттандырды. Барымташылар мен қуғыншылар арасында атыс болып, одан Қадыр бидің бір баласы өліп, біреуі жараланды» [10, 1-8; 16-17-пп.].

1851 жылы Ақмола округінің Мойын Алтай болыстығының болысы Өтебай Бабықовтың 3 наурызда берген мәліметінде 2-нен 3-не қараған түнде Ақтау бекінісіне Кенесары Қасымовтың баласы Жапар шабуыл жасап, оның болыстығындағы казактар мен өзінің малдарын барымталап кеткендігін баяндап, барымташылардың соңынан қарулы жасақ шығаруын өтінеді. Сол күні подполковник Шрамов жүзбасы Рыбин бастаған 25 казакты Жапардың соңынан қуға аттандырады. Казак-орыс отрядына көмекке Өтебай Бабықов пен би Қосыбай Бабықов бірнеше жергілікті казакты қосқан. Олар отрядтарға жөн сілтеп, барымташылардың уақытша аялдаған жерін тауып береді. Рыбин бастаған жасақ екіге бөлініп, жылдамдата Жапардың ізіне түседі. Жапар мен жүзбасы Рыбин бастаған әскер арасында атыс болып, атыс кезінде Рыбин әскерінен 1 адам жараланады. Ал осы қақтығыс кезде Жапар жараланып, қолға түседі. 5 наурызда жүзбасы Рыбин Өтебай Бабықовтың барымталанған 20 жылқысын, 14 түйесі мен 10 қойын өзіне қайтарады. Жапар сұлтанды Ақтау бекінісіне әкеп қамайды. Тұтқынның Жапар Кенесарин екенін анықтау үшін оның немере апасы, Батырбай Тоғынов сұлтанның әйелі Үршықты (Уршак деп көрсетілген - *P.O.*) алдырады. Ол кісі тұтқынның шын мәнінде Жапар екендігін куәландырады. Тұтқынға дәрігерлік көмек көрсетілген. Жапардың жасы сол кезде 19-да деп көрсетілген [11, с. 89-91.]. Кезінде 1840 жылы Өтебай Бабықовпен Кенесары Қасымов арасында да қақтығыс болған болатын.

Мұрағат қорларындағы құжаттарда 19 жасар Жапардың жеке басының ерлігін, батылдығын, сабырлылығын көрсетеді. Бір топ жігітті басқарып, батыл қимылдауы, жаралы болса да, жолдастарын күтқарып, жалғыз өзі жау қолына түсуі, одан жауап алған тергеушілерге қайсарлықпен жауап беруі, барлық кінәні тек өз мойнына алып, бірде-бір серігінің атын атамауы, оның өз әкесі Кенесарыдан кем түспейтін тарихи тұлға екендігін айғақтай түседі.

1851 жылы Ақтау бекінісінде орыстар қолына жараланып тұтқынға түскен Жапар сұлтанды Верный бекінісіне әкеп қамады деп кейбір зерттеушілер қателікке бой алдырған. Бұл жөнінде Е.Д. Ділмұхамедов: «Әкесінен 7 жасында қалған Жапар сұлтанды орыс жасағы ұстап алады да Верный бекінісіне апарды, ол кезде жасы 13-те болатын. Верныйда 13 жыл тұрып, одан бір алыс жерге аударылады, одан екі жылдан соң қайта Верныйға әкелініп, қамақта төрт жыл отырғаннан кейін 1868 жылы қашып шығып, Перовскіге шешесіне келеді» [2, с. 227.], – деп жазады. Осы пікірді С. Сайфулмаликовада өз мақаласында қайталайды. Аталған зерттеушілердің Жапар сұлтанға қатысты қолына түскен бір дерекпен осылай жазды деп топшылаймыз. Егер Жапар сұлтанға қатысты деректермен толық таныс болса мұндай қорытынды жасамас еді. Екіншіден, Жапар сұлтан Ақтау бекінісінде қолға түскеннен кейін, оның қауіпті тұлға екендігін ескеріп бірден Омбы қаласына аттандырған.

Жапар сұлтанның жарасы жазылғаннан кейін, осы жылы Ақтау бекінісінен Омскіге қарулы жасақпен аттандырады. 1851 жылғы 1 тамызда Сібір корпусының басшысы Гасфордтың әскери министрге жолдаған мәліметінде Жапардың казак даласында өте қауіпті адам екендігін айтып, бізге бағынышты елге үнемі

шабуылдап, мазасын алды. Жапарды Омбыда емес Березов қаласында тұтқында ұстау керек деп көрсетеді [11, с. 127.]. Жапарды тұтқыннан босату үшін Ташкенттің күшбегі Юлдаш би Құрбанбеков пен керуен басы мырза Ғұбайдулла Батыс Сібір генерал-губернаторлығына Нар Мұхаммедтің хатын әкеп тапсырады. Онда сұлтан Жапар Кенесарыұлын босату жайы айтылған. Бірақ Г. Гасфорд Жапар сұлтанды босата алмайтындығын ескертіп, Нар - Мұхаммедке хат жазып, сыйлықпен үш казакты аттандырады. Хатта: Жапар сұлтан қазақ даласындағы тыныштықты бұзушы бірден-бір кінәлі адам. Сондықтан Жапардың туыстары өздерінің тонаушылық әрекетін тоқтатып, бейбіт өмір сүруін ісімен көрсету керек деген талабын қояды [11, с. 189-192]. Батыс Сібір генерал-губернаторлығына Жапар сұлтанды босату жөнінде елшілік жіберуге мұрындық болған Қоқан хандығындағы Тайшық пен Сыздық сұлтандардың әрекеті екендігі түсінікті. Әскери Министрдің №8552 шешімімен 1851 жылы 4 қыркүйекте Жапар сұлтанды Березов қаласына жер аударып, жазасын сондағы түрмелердің бірінде өтеуге жібереді [11, с.140.]. Батыс Сібір генерал-губернаторы Гасфорд Жапар сұлтан туралы мәліметті әскери министр княз А. Чернышев пен Сыртқы істер министрі граф Нессельродке бірдей жолдап отырғанын құжаттардан анық көрінеді.

1853 жылы 1 мамырда Сібір корпусы командирінің Орынбор генерал - губернаторына жолдаған №184 құпия хатында «сұлтан Кенесары Қасымовтың балалары Ташкенттен 500-дей жасакпен шығып, Орынбор ведомствосына қарасты Досбол бидің ауылына қарай бет алғаны туралы кедендік басқармадан хабар алдым. Сондықтан өзіңізге қарасты елге абай болыңыз деп ескертеді» [12,190-п.]. Осы жылғы 7 мамырда Орынбор шекара комиссиясына берілген мәліметте «Ақмешіттегі әскер ішінде Кенесарының ұлдары: Тайшық пен Оспан, Саржанның балалары: Қошқарбай мен Иса бар, бірақ олардың нені басқаратыны белгісіз деп көрсетеді» [12, 224-п.]. Аталған деректерге қарай отырып, Кенесары балаларының отарлық билікке қарсы күресіп, олардан Ақмешітті қорғағанын көреміз.

1853 жылы 17 тамызда Березов қаласынан Жапар сұлтан туыстарына хат жолдаған. Хаттың мазмұны төмендегіше: *«Асыл текті, бақытқа ие (бақтияр) һәм алдымен аталатын Көшек ағам, Бопай мен Күнім ханишаларға, мені есіне алатын (білетін) ұстаздар мен молдаларға, мәртебелі старшындарға, кедей бұқара халыққа (қаймана халыққа) һәм барша жастарға кәміл сәлемдемемді жазамын!*

Менің жағдайымды білмек болғандарға – мен Березов шаһарындамын және өз тарапымнан айтарым, мен хат жазып, сіздерді келуге және шапандар мен тон өкелуге шақырған болатынымын, бұл хатты сіздерге жеткізуді өтініш қылып, Омбы қ. болған генерал губернаторға жаздым, хатты генерал губернатор Ақмола округінің сұлтаны Қоңырқұлжа арқылы беріп жіберді. Омбыда тұратын бастық генерал-губернатор мен тұрып жатқан Березовқа келді, мен оған өзімді таныстырып кешірім беру туралы өтініш жаздым, ол өтінішті оң қабылдап патшадан сұрауға уағда етті, осыдан соң Ресей патшалығы жеріндегі қазақтардың малына барымта жасамауды, бейбіт һәм тыныштықта өмір сүруді айтты, соңында сіздерге Күнім мен Бопайға өтініш қыламын – келіп Омбыда тұратын бастық Генерал-губернаторға мен туралы айтыңыз, өз жақындарыңызбен ешқашан бүлік қылмаңыз.

Бұл хат арыстан айы (шілде), сәрсенбі күні жиырма тоғызыншы санада, 1269 жылы жазылды.

Жүректегі алыс және жақын бауырлар! Өзімде жоқ нәрселерді көруге деген күшті ниетім мені қасіретті күйге түсіруде; тағдырдың жазуымен дәруіштің күйін кешіп өз туған жерімнен жырақ кеткен, тұма-туыстарым мен аса құрметті үй-ішімнен ажыратылған мен біздің қауышуымызды ойлап қайғыланамын, өзімнің пенде әлі тірі екенімді білдіріп тұрған жерімнен хат жаздым. Сұлтан Жапар Кенесарыханұлы, Алла Тағала бір-бірімізді көруге жазады деп үміттенемін. Әумин. Құдайым оңда!» [13, 2-3-пп.]. Хат мазмұнына үңілсек Жапар сұлтанның Сібір

жеріндегі тағдыры ауыр болғанын байқаймыз. 1853 жылы 18 қыркүйекте Ақмола округының басшысының Омбыдағы полковник Спиридоновқа берген мәліметінде: «9 қыркүйекте сідің жіберген хатыңызды яғни Кенесарыұлы Жапардың жазған хатын алдым. Оны Кенесарының туыстарына жеткізіп беру үшін аға сұлтан пропорщик Ибрагим Жайықбаевті жібердім» [13, 7-п.]. Дегенмен Жапардың хаты оның анасының қолына жеткен немесе жетпегендігі туралы нақты мәлімет кездеспеді.

1854 жылы 3 шілдеде Сібір корпусы командирі әскери министрге «Қоқандықтар Кенесары мен Саржан балаларына қаратаулық қазақтармен бірге Сібір даласына шабуыл жасауды ұсынды» деп хабарлаған [12, 252-п.].

1869 жылы Ақмола облысы Сарысу уезінің бастығының Ақмола облысының әскери губернаторға жолдаған № 1952 мәлімдемесінде Алысей – Алтай болыстығының қазағы Айнағұл Ералин осы жылғы шілденің жетісінде Тама болыстығына келгенде, Жапар Кенесарыұлын көргендігін, бірнеше күн осы болыста болып, Перовскідегі туыстарына кеткендігі жөнінде хабарлады. Мен, өзіме қарасты болыстықтардың басшыларына сұлтан Жапарды ұстап, қарулы күзетпен әкелуін тапсырдым [14, 1-3 пп.]-деді.

Жапар сұлтанның Сібір абақтысынан қашып шығуы жөнінде Ә. Диваевтың жазып алған «Бекет батыр» атты жырда: «...Бекет батырды өзінің жан жолдасы Шернияз Орынбор генерал-губернаторына алдап ұстап береді. Орынбор генерал-губернаторы Бекетті Сібірге айдады. Сол кезде Бекеттің жасы 33-те болған. Бекетпен жолығу үшін сегіз мың сом ақша жинап, Бекеттің болат кездігін алып, артынан іздеп әйелі шығады. Сібір жерінде айдауда жүрген Бекетті көрген әйелі құдайы айтып бір жылқы сойып, қазы айналдырып ішіне Бекеттің болат кездігін салады. Сонымен бірге хат жазып бір адамнан Бекетке жолдайды. Хат пен кездікті алған Бекет батыр ешкімге сыр бермей түнде қашуға дайындалады. Түн жарымда ел қалың ұйқыға кеткен кезде жалғыз Кенесары төренің ұлы Жапар төре ояу жатады. Бекеттің қашуға даярланып жүргенін күні бұрын білген Жапар төре Бекет батырға: «әй батыр, Құдай біледі, сен бүгін кетесің! Егер де кетпек болсаң, мені бірге ала кет» - деп екеуі аяқтарындағы шынжыр кісенді болат кездікпен ашып, бірге қашып шығады» [15, с. 42-43]. Осылайша Жапар Сібірдегі айдаудан Бекет батыр екеуі бірге қашып шыққан.

Жапар сұлтан 1869 жылы Перовскіде тұтқынға қайта түсіп, қамауға алынады. Мұнда Жапар сұлтан ақыл-есінің дұрыстығын тексеру мақсатында Перовскідегі лазаретке жатқызылып қатаң бақылауға алынады. Жапарды туыстарымен кездесуге рұқсат берілгенімен де, мұның барлығы қадағаланады. Лазаретте Жапармен кездескендердің ішінде анасы мен қайын атасы Бабәлі сұлтан, оның баласы Жәңгір келгені көрсетіледі. 11 шілде де Жапар сұлтанды госпиталға жақын жерде тігілген өз үйінде тұруға рұқсат берілсе, 22 шілде де уез бастығының бұйрығымен қайта лазаретке көшіріледі. Ол дәрігерлер мен әскерилердің қатаң бақылауына алынады. 5 тамызда Перовскі уезінің басшылығына Жапардың таңғы серуен кезінде лазареттен қашқаны туралы мәлімет жетеді, бірақ уез басшылығы бұл хабарды жасырып тек 29 қазанда Сырдария әскери губернаторына хабарлайды [16, 71-72-пп.].

Жапар сұлтан Перовскідегі лазареттен қашуының себебін кейіннен берген түсініктемесінде былайша баяндайды: «1869 жылдың күзінде Перовскідегі лазаретке жатқызды. Қалада жаппас руынан Аралбай және менің бұрынғы танысым қыпшақ Бөрібай, Нияздың туысы тұратын. Бір күні Бөрібай мені Сібірге айдау жөнінде шешім шыққанын хабарлап және қашуға өз көмегін ұсынды. Анамның мен үшін Аралбайға ақша бергенін және оның да көмек көрсететінін жеткізді. Бөрібай өз жоспарын Ниязға (Перовскі уезі бастығының кіші көмекшісі – *Р.О.*) да айтқан. Бес күннен кейін Аралбай мені қонаққа шақырды, Нияз бен дәрігерлердің рұқсатын алдым. Қонаққа бару үшін маған үш сағатқа рұқсат берілді. Сонымен

қатар қасыма бір татар қызметкерін және Балтабай, Құрманәлі деген жігіттерді қосып берді. Жол бойы анама соғып, кейін Аралбайдың үйіне бардық. Аралбай жанымдағы жігіттерді арақ, шарапқа тойдырып, қолдарын байлап, ал маған жаңа киім кигізіп, астыма ат мінгізіп, қасыма Балтабай мен Молдабайды қосып берді. Біз Түркістан маңындағы Үшқайық өткелінен өтіп, Бұқан тауына жеттік. Сол жерде Досмұхамед бимен кездестім. Ол мені күшәк жая қарсы алды. Сыйлыққа ат, түйе, қосауызды мылтық беріп, інісі Көбейсінге Хиуаға жеткізуге тапсырма берді. Мен Досмұхамедте бес күн болып, Мыңбұлақ, Бесектіден өтіп Амударияға жеттік. Амударияның сол жағалауындағы Шураханнан қашық емес жерде тұратын інім Сыздыққа келдім» - деп айтады [16, 87-п.].

1869 жылы тамыз айында хорунжий Нияз Мұхамедов полковник Панкратовтың бұйрығымен Жапар сұлтанды іздестіруге зауряд сотник Құрман Тайпин, ауыл старшыны Масақ Қуатов, Машаулы болысының болысы Бектас Қаңлыбаевты 60 жігітімен аттандырады. Нияз Мұхамедов Қаңлыбаевқа Жапар сұлтан Шымкент уезінде деген жалған ақпарат бергізіп және уез бастығы Панкратовтың бірнеше рет шақыруына қарамастан, оның алдына да бармады [16, 72-73-пп.].

Жапар сұлтан інісі Сыздықпен табысқан соң Сыздық оны Хиуаға жеткізіп, ханның қабылдауына алып барады. Хан Жапарға шапан жауып, 600 теңге беріп, және өз есебінен үйлендіруге тапсырма береді. Бұл 1870 жылдың наурызы болатын. Бір аптадан кейін ханның рұқсатымен Сыздық Жапарды өзінің қасына алып жер береді және үйлендіреді. Хиуада Жапар бір жылдай тұрып 1871 жылы ақпан айында Бұхарға кетеді. Бұхарада Жапар сұлтан тұтқындалып бес айдай бір үйде қамауда болады. Ауруыма байланысты кейінен мені босатты. Содан кейін мен өз туысым Көшек төремен жиырма күндей бірге тұрдым. Ол маған 200 тіллә көлемінде қаржы берді. 1871 жылы тамыз айында Жапар сұлтан Хиуа жеріне қайтіп келіп, Мыңбұлақтағы Бесбұлақ пен Түзқұдық аралығындағы Ашықұдыққа келіп орналасады. Бұқан тауында Жапар Пірәлі, Қарабай, Тампыш және т.б. билермен кездеседі. Олар Жапарға ақшалай 50 тіллә, 3 түйе, 1 жылқы беріп көмек көрсетеді. Осы жылы тамызда Тамдыға келген Сырдария облысының әскери губернаторы Голочаев Жапарды ұстауға бұйрық береді. Досмұхамед би Жапарға інісі Көбесіннің үйіне жасырынуға ақыл қосады. Жапар өзін ұстауға келгендерге Сыздық сыйлаған алтын қылыш, 1 түйе, 3 жылқы мен 200 тіллә ақша беріп құтылғанын айтады [16, 87-88-пп.].

Жапардың берген түсініктемесінде Көшек сұлтан жөнінде мынадай мәлімет берілген: «Кенесарының туған ағасы Көшек сұлтанның жасы 90-да. Бұхарға 1868 жылы Сыздық Кенесарыұлымен бірге келіп өмірді жақтап соның қол астына өткен. Қазіргі кезде Гиждуанда тұрады. Әмірден жылына 40 батман бидай, 600 тіллә ақша алады. Балалары Көтеш, Әбілқайыр, Арыстанбек және Қашқынбай. Үлкен ұлы Көтеш Шымкент уезіне қарасты Шу бойында тұрады. Кіші ұлы Қашқынбай өкесінің жанында, қалған ұлдары Бұхарада [16, 89-п.].

1872 жылы қаңтардың 11 күні Жапар Шымкент уезіндегі бауыры Ахмет сұлтанға күндізгі сағат үштің кезінде келеді. Жапар Ресей билігін мойындайтындығын және ақ патшаға қызмет ететінін айтты. Мен оны қолыма алу үшін алдымен уез басшылығына хабар бердім деп көрсетеді Ахмет Кенесарин өз мәліметінде. Шымкент уезі бастығының сол күні Сырдария облысы әскери губернаторына берген мәліметінде: «Менің кіші көмекшім зауряд сотник Кенесариннің үйіне оның туған ағасы Жапар Кенесарин келгені туралы ақпарат алғаннан кейін, оны тұтқындап алып келу үшін сотник Иванов бастаған 3 казакты жібердім. Олар Жапарды тұтқындап басқармаға жеткізді. Сонымен бірге Шымкентке Жапар сұлтанмен Бұқан тауы арқылы бірге келген Тұмар Мамбетовті де ұстап Шымкенттегі түрмеге қамадым» [16, 39-42-пп.]. Кейінен Жапарды Ташкент түрмесіне қамайды үш жылға жуық уақыт Жапардың өзінен және оны білетіндерден жауап алу арқылы тергеу

жұмыстарын жүргізеді. Ондағы мақсат нағыз Жапар ма әлде авантюрист Жапар ма деген ниеттен туындаған.

1875 жылы 10 сәуірде Ақмола облысының әскери губернаторының Сырдария облысының әскери губернаторына жолдаған № 4117 жауабында Батыс-Сібір әскери округының берген мәліметіне сүйене отырып, Жапар Кенесарыұлы 1851 жылы мамыр айында тұтқынға түсіп, Березов қаласына жер аударылады, 1856 жылы қарашада Жапар ауруына байланысты Тобылға ауыстырылып, ауруханаға жатады. 1857 жылы тамыз айында Жапар Кенесарыұлы Тобыл ауруханасында қайтыс болды деп Тобыл әскери губернаторының берген мәліметіне сүйенеді [17, 4-п.].

Бұл мәліметке қанағаттанбаған Г.А. Головачев 1875 жылы 28 маусымда Шымкент уезінің бастығынан оның тірі ме, әлде өлгені анық па деген сұраққа жауап беруін өтінеді. Бұған жауапты уез бастығының кіші көмекшісі Ахмет Кенесарин беріп, бұдан 24 жыл бұрын Жапар Кенесарин бірнеше жүз адаммен Ақмола бағытына барымта жасау үшін аттанып, орыстар қолына тұтқынға түсіп, оны ішкі Ресей қалалардың біріне жіберген нақты қай қала екендігі маған белгісіз. Ол кезде менің жасым он екіде болатын. Одан кейін Жапар Кенесарин туралы ешқандай мәлімет болмады. Қазіргі уақытта Жапар сұлтан менің ауылымда тұрады. Оның Жапар сұлтан екендігі туралы нақты айта алмаймын. Тек менің марқұм анам оны өз баласы Жапар екендігін мойындады [16, 28-п.]. Осы ақпараттардан кейін Сырдария әскери губернаторы Жапар сұлтанды білетін адамдардан оның анық Жапар ма жоқ басқа адам ба соны нақтылау үшін түсініктемелер алуды тапсырады. Сондай түсініктемелердің бірнешеуіне тоқтала кетейік.

Ақташ болысының болысы Күзеке Тұғабаевтың берген түсініктемесінде: «Бұдан 20-25 жыл бұрын мен Түркістан қаласында Кенесарының ұлы Жапарды көргем. Сол кезде оның жасы 20 болатын. Содан кейін бір барымтада Жапардың орыстар қолына тұтқынға түскенін, кейіннен оның өлгенін естідім. Бүгінде Ахмет Кенесаринмен бірге тұратын адам өзін Жапармын деп атайды. Менің жеке пікірім бұл нақты Жапар сұлтан. Жапарды білетін онымен кезінде бірге көшіп жүрген Түркістан уезіне қарасты Сіргелі болысының қазақтары Құлжабай мен Текей, Құттыбай Бостанов, Тілек болысының қазақтары Жарас бй, Қоңырбай мен Маманбай, Төрегелді Шоқаевтар» [16, 30-п.].

Сондай-ақ, Сарыкөл болысының болысы Иманберді Шапақовтың берген түсініктемесінде: «Бұдан 27 жыл бұрын мен Түркістан қаласында Кенесары баласы Жапар сұлтанды көрдім. Ол кезде оның жасы 17 еді. Ол менен бір жас кіші болатын. Биыл мен 46 жасқа толамын. Кенесарының алты баласы болды. Олар Омар, Жапар, Оспан, Ахмет, Жекей және Сыздық. Менің естуімше Жапар Кенесарыұлы бұдан 24 жыл бұрын орыстардың қол астына қараған қазақтардан барымта жасау үшін аттанғанда, орыстар қолына тұтқынға түсіп, Ресейдің бір қаласына жіберілгені туралы естідім. Оның туыстары алғашында Жапардан хат алған, содан кейін Жапар өлді деген мәліметті естідім. Ал бүгінгі уақытта Ахмет Кенесариннің ауылында тұрып жатқан өзін Жапармын дейтін адам туралы ештеме білмеймін. Кенесарының барлық туыстары бүгінде Түркістан уезінде тұрады» [16, 31-п.].

Сонымен қатар, Басырқұм болыстығының қазағы Мәдәлі қожа Жүсіп қожаның берген түсініктемесінде: «Жапар Кенесарыұлы Түркістан уезінде тұрғанда мен екі рет көрдім. Алғашқы рет Түркістан қаласында көргенімде Жапардың жасы 15-ге болатын. Екінші рет көргенімде оның жасы 17-де болатын, сол кезде Жапар маған өзінің буырыл жылқысын ұсынды. Бірақ мен Жапардың ұсынысынан бас тартқанмын. Бұдан кейін Жапардың бір барымтада орыстардың қолына түскенін естідім. Жапар жас кезінде бойшаң, аққұба мұрнының үстінде шешек ауруының дақтары болды. Осыдан жеті жыл бұрын мен Түркістан уезіндегі туғандарына Жапар Кенесарыұлының келгені туралы естіп, оны көруге тырыстым. Анасы оның өзінің туған ұлы екендігін таныды. Басында мен Жапар екеніндігіне

күдіктенгенмін, бірақ ол маған бұрылып: «Сіз неге сонда менің бұрыл жылқымды алмадыңыз деп кейіді», содан кейін барып мен оның Жапар екендігіне нақты көзім жетті. Жапар орыстар қолына тұтқынға түскенде Ахмет 12 жаста болатын. Қазір Жапардың жасы 45-46» – деп көрсетеді [16, 32-п.].

1876 жылы Түркістан уезі Шу болысындағы би Қалдыбай Шөрекиннің Жапар сұлтанға қатысты берген жауабында: «Мен Жапарды 14-15 жасымнан білемін. Аққұба өнді орташа бойлы келген, ешқандай ерекше белгілері болмайтын. Ол сұлтан Баба әлінің Айша атты қызына үйленген еді. 23-24 жыл бұрын Жапармен бірге Сарысу өзенінің жоғарғы ағысындағы Ақтау бекінісіне барымтаға аттандық. Мен қалыңқырап қалдым, кейін Жапардың орыс тұтқынына түсіп Сібірге айдалғаны жөнінде естідім. Ол қамауға алынған кезде әйелі анасымен бірге тұратын, бір жылдан кейін әйелі қайтыс болды» [15, 50-п.]. 1876 жылы 27 ақпанда Жапар тергеушіге берген жауабында: «Менің есімім Жапар Кенесарыұлы, Әкем қайтыс болғанда менің жасым 15-те еді. Әкемнің үш әйелі болды. Күнімжаннан үш бала: Мен, Тайшық, Ахмет. Екінші әйелі Мәуітіден бір қыз аты Қалыш. Үшінші әйелі Жапылдан бес бала: Омар, Оспан, Әбубәкір, Сыздық және Жәкей. Әбубәкір қайтыс болып кеткен, ал Омар Оспан, Жәкей бүгінде Түркістан уезінің Шу болысында тұрады. Мен ол кезде Ахмет, Тайшықпен бірге көшіп қонып жүрдік. Ол кезде Омар мен Осман үйленген болатын, бірақ балалары болмады. Осман менімен жасты. Менің мықты құласұр атым болды. Жылқы көп болды нақты қанша болғаны есімде жоқ. Түйеміз 200-дей қойымыз 300, ал ірі қарамыз болмады. Мен сұлтан Бабаәлінің қызы Айшаға үйлендім, Бабаәлі Перовскі уезінде тұрады» деп айтады [16, 35-36-пп.].

Жапар сұлтан жөнінде 1878 жылы 21 тамызда Сыздық Сырдария әскери губернаторына берген жауабында: «мен ауылда тұрғанда әкем Жапарды оқытты, тұтқынға түскенде оның жасы шамамен 20-да болатын, мен одан 4-5 жас кіші едім. 1872 жылға дейін мен Жапарды көрмедім. 1872 жылы Хиуада ол маған келді. Мен Жапарды бірден таныдым. Жапарды үйлендіріп, жеке үй бердім. Ол менде шамамен жылға жуық уақыт тұрды, бірде аң аулауға шығып, содан қайта оралмады. Мен кейін Жапардың орыс билігіне кетіп қалғанын естідім дейді. Жапардың ақыл есінде ауытқушылық бар екендігін байқадым» [17, 22-п.].

Міне осылайша ұзақ жылға созылған тергеу барысында алынған нақты мәліметтерге сүйенген генерал-лейтенант Г.А. Головачев 1857 жылы Жапардың Тобылдағы ауруханада өлгендігі қате екендігіне көзін жеткізеді. Осыдан кейін Жапар Кенесарыұлына қатысты тексеру ісін доғарады.

Жапар мен Сыздық сұлтандарды 1878 жылы Ахмет Кенесарин өзі қызмет жасайтын Шымкент уезіне алып, оларды баспанамен және Сыздықтың Бұхар хандығындағы жанұясымен табысуына көмектеседі. 1878 жылы қараша айында Жапардың Хиуада бұрынғы әйелі Фатиманың Қазалы уезі Сарытоғай болысындағы Тоқпан Темірбековке ерге шығып кетуіне байланысты қалың малды қайтару ісі билер сотында қаралады. Кезінде Тама руының қазағы Түбекбайға қызы Фатиманы алғаны үшін қалың мал ретінде 13 түйе, 3 жақсы жылқы, екі ірі қара және 15 хиуалық тіллә бергендігі көрсетілген. Бұл іске куәлікке Сыздық Кенесарыұлы да шақырылады [18, 3-5-пп.]. 1879 жылы 21 қаңтарда Жапар Қара өлең Кеңдік төбе деген жерлерді өзінен сарттардың тартып алып қойғаны жөнінде мәселе көтереді. Бұл жердің Қарамұрт қышлағы мен болысына тиеселі жер екені жөнінде жауап қайтарылып оның өтініші қанағаттандырылмады [19, 1-5-пп.].

Жапар сұлтаннан Түсен, Абдраман атты екі ұл тараған. Абдраманнан – Нақыпбек, Зарап, Шарап, Ақып, Еркін атты бес ұл өрбиді. Нақыпбектен Қабыл. Ал Зараптан – Сейітбек, Темірбек тараса, Ақыптан – Мақсат, Максұт атты балалар бар. Бүгінде Жапар сұлтаннан тараған ұрпақтар Арыс бойында тұрады [20].

Қорыта айтқанда, Жапар Кенесарыұлы отарлық билікке қарсы шығып, тағдырының он сегіз жылын Сібір жерінде айдауда өткізіп, одан қашып шығып,

туған жеріне келгенде Жапардың әр басқан қадамы бақылауда болғанын деректер нақтылай түседі.

Пайдаланылған әдебиеттер мен деректер

1. Коншин Н.Я. Материалы к истории степного края. К истории Каркаралинского и Аягузского округов в 30-х и 40-х годах XIX в. // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Вып. I-й. – Семипалатинск, 1903. – С. 101-102.

2. Дильмухамедов Е.Д. Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837-1847 гг. – Ташкент, 1946. – С. 258.

3. Муқанова Г.К. Дело Джафара // Нива. – 1992. – №1. – С.82-83; Его же: Сын за отца не отвечает... (архивные документы о судьбе Джафара Кенесарина) // Известия АН РК. – Серия общественных наук. – 1992. – №2. – С.77-80; Соныкі: Кенесары ұлының тағдыры // Халық кеңесі. – 1991. – 3 желтоқсан.

4. Оразов Р.Е. Ұлт азаттық күрес және Жапар Кенесарыұлының тарихи тағдыры // «Қазақстан жалпы адамзаттық тарих ойлау аясында»: халықаралық Бекмаханов оқуларының материалдары (25-26 мамыр 2005 жыл). – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 535 б.

5. Сайфулмаликова С.С. Кенесары ұрпағы мұрағат деректерінде // Қазақстан мұрағаттары. – 2005. – №1. – 42-46-бб.

6. Махаева А.Ш. Қазақ-қырғыз саяси байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). – Алматы: «Ценные бумаги», 2007. – 357-б.

7. Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік мұрағаты (Бұдан кейін ҚР ОММ). 374-қ., 1-т., 1922-іс.

8. Кенесарин А. Султаны Кенесара и Садык. – Ташкент, 1889.

9. ҚР ОММ. 374-қ., 1-т., 4489-іс.

10. ҚР ОММ. 374-қ., 1-т., 4512-іс.

11. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания 1851 и 1852 годы. / Соб. Полковника А.Г.Серебренников. – Ташкент, 1915.

12. Өзбекстан Республикасы Орталық Мемлекеттік мұрағаты (Бұдан кейін ӨР ОММ). 715-қ., 1-т., 14-іс.

13. ҚР ОММ. 374-қ., 1-т., 2749-іс.

14. ҚР ОММ. 369-қ., 1-т., 1952-іс.

15. Киргизская былина о Бекет-батыре. Записанная и переведенная А.А. Диваевым. – Казан, 1897 // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Том 568.

16. ӨР ОММ. 17-қ., 1-т., 12953-іс.

17. ӨР ОММ. 1-қ., 19-т., 331-іс.

18. ҚР ОММ. 267-қ., 1-т., 138-іс.

19. ӨР ОММ. 17-қ., 1-т., 19101-іс.

20. Уәлиханов Ш.Ы. Хандар, сұлтандар һәм төрелер шежіресі // Ана тілі. – 1992. – 21 қазан.

References

1 Konshin N.Ja. Materialy k istorii stepnogo kraja. K istorii Karkaralinskogo i Ayaguzskogo okrugov v 30-h i 40-h godah XIX v. // Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Вып. I-j. – Semipalatinsk, 1903. – S. 101-102.

2 Dil'muhamedov E.D. Vosstanie kazakhov pod rukovodstvom Kenessary Kassymova v 1837-1847 gg. – Tashkent, 1946. – S. 258.

3 Mukanova G.K. Delo Dzhafara // Niva. – 1992. – №1. – S. 82-83; Ego zhe: Syn za ottsa ne otvechaet... (arkhivnye dokumenty o sud'be Dzhafara Kenessarina) // Izvestiya AN RK. – Seriya obshchestvennyh nauk. – 1992. – №2. – S.77-80. Sonyki: Kenessary ulynyn tagdyry // Halyk kenesi. – 1991. – 3 zheltoksan.

4 Orazov R.E. Ult azattyq kures zhane Zhapar Kenessaryulynyn tarihi tagdyry. // «Qazaqstan zhalpy adamzattyq tarih oilau ayasynda»: halyqaralyq Bekmakhanov okularynyn materialdary (25-26 мамыр 2005 zhyl). – Almaty: Qazaq universiteti, 2005. – 535 b.

5 Saifulmalikova S.S. Kenessary urpagy muragat derekterinde // Qazaqstan muragattary. – 2005. – №1. – 42-46-bb.

6 Makhaeva A.Sh. Qazaq-kyrgyz sayasi bailanystarynyn tarihiy (XVIII gasyrdyn ekinshi zhartysy–XX gasyrdyn bas kezi). – Almaty: «Cennye bumagi», 2007. – 357 b.

7 Qazaqstan Respublikasy Ortalyq Memlekettik muragaty (Budan keyin QR OMM). 374-q., 1-t., 1922-is.

8 Kenessarin A. Sultany Kenessara i Sadyk. – Tashkent, 1889.

9 QR OMM. 374-q., 1-t., 4489-is.

10 QR OMM. 374-q., 1-t., 4512-is.,

11 Turkestanskiy kray. Sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya 1851 i 1852 gody. / Sob. Polkovnika A.G. Serebrennikov. – Tashkent, 1915.

12 Ozbekstan Respublikasy Ortalyk Memlekettik muragaty (Budan keyin OR OMM). 715-q., 1-t., 14-is.

13 QR OMM. 374-q., 1-t., 2749-is.

14 QR OMM. 369-q., 1-t., 1952-is.

15 Kirgizskaya bylina o Beket-batyre. Zapisannaya i perevedennaya A.A. Divaevym. – Kazan, 1897 // Turkestanskiy sbornik. Stat'yi i zametki iz russkikh i inostrannyh gazet. Tom 568.

16 OR OMM. 17-k., 1-t., 12953-is.

17 OR OMM. 1-k., 19-t., 331-is.

18 QR OMM. 267-k., 1-t., 138-is.

19 OR OMM. 17-k., 1-t., 19101-is.

20 Ualikhanov Sh.Y. Khandar, sultandar ham toreler shezhiresi // Ana tili. – 1992. – 21 qazan.

Р.Е. Оразов¹

¹Институт истории и этнологии им Ч.Ч. Валиханова,
г. Алматы, Казахстан

ПОТОМКИ, ПРОДОЛЖИВШИЕ ПУТЬ ОТЦА: СУЛТАНЫ ЖАПАР И СЫЗДЫК

Резюме

В статье рассказывается о борьбе сыновей Кенесары султанов Жапара и Сыздыка, продолживших дело отца, против российских властей; о пленении русскими войсками Жапара в 1851 г., высылке его в тюрьму со строгим наблюдением в город Березов в Сибири, а также о 18-летнем периоде жизни, проведенном им в данном городе. Кроме того, автор повествует о побеге Жапара из тюрьмы в 1869 г., его встрече с матерью, повторном его задержании, нахождении в госпитале в Перовске для определения умственных способностей. Также в работе на основе архивных источников рассказывается о побеге Жапара из госпиталя и его встрече с младшим братом Сыздыком в Хиве.

Ключевые слова: Джапар Кенесарин, Сыздык Кенесарин, военный губернатор, город Березов, госпиталь, лазарет.

R.Y. Orazov¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Almaty, Kazakhstan

**DESCENDANTS WHO CONTINUED THE FATHER'S PATH:
THE SULTANS ZHAPAR AND SYZDYK**

Summary

The article tells about the struggle of Kenessary's sons, sultans Zhapar and Syzdyk (who continued the father's case) against the Russian authorities, about the capture of Japar by the Russian troops in 1851, his expulsion to prison with strict supervision in the city of Berezov in Siberia, as well as the 18-year period of his life in this city. In addition, the author tells of Zhapar's escape from that prison in 1869, his meeting with his mother, his second arrest, and being in a hospital in Perovsk, for the determination of his mental abilities. Besides, the paper based on archival sources tells about Zhapar's escape from the hospital and his meeting with his younger brother Syzdyk in Khiva.

Keywords: Japar Kenessarín, Syzdyk Kenessarín, military governor, Berezov city, hospital, infirmary.

Г. Абдыкулова¹

¹Докторант кафедры истории Казахстана
Кокшетауского Государственного университета
имени Ш.Ш. Уалиханова,
г. Кокшетау, Казахстан

ЖАТАЧЕСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX ВЕКЕ

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена жатачества, которое автор предлагает рассматривать не только как прямое следствие обеднения кочевников, но и как проявление приспособления казахов к сложившейся исторической ситуации конца XIX в. и пример адаптации к новому миропорядку. Предпринимается попытка иной трактовки проблемы возникновения жатачества.

Ключевые слова: жатаки, формирование жатачества, расслоение казахского общества, быт жатаков, хозяйственная адаптация жатаков, трансформация самосознания, русификация, социальная история.

Одним из результатов общественного развития казахской общины в дореволюционный период является формирование социального слоя жатаков. Этот процесс длился долгое время, если учесть, что термин «джатак», или «ятук», впервые упоминался Махмудом Кашгари еще в XI веке и означал «оседлый бедняк, не имеющий скота для кочевания» [1, с. 247]. Но окончательное оформление жатаков в качестве отдельной социальной группы произошло во второй половине XIX в.

Изучение жатачества как общественного и социального явления представляет большой интерес. Разложение веками существовавшей традиционной структуры свидетельствует о глубоких социальных противоречиях, существовавших в казахском обществе в XIX в. Как свидетельствует история, социальные противоречия, как правило, имеют экономическую подоплеку. Поэтому исследование кризисных явлений в экономической жизни общества даст возможность определить причины возникновения феномена жатачества.

В дореволюционной историографии имеется ряд трудов, посвященных изучению жизни и хозяйственной деятельности жатаков [2]. Авторами большей части исследований были члены Императорского Русского Географического Общества, и это неудивительно, поскольку Степной край был объектом изучения его отделов. Члены РГО занимались исследованием географического, геологического, исторического, этнографического положения края. Для этой цели снаряжались многочисленные экспедиции. В результате этих экспедиций был накоплен огромный фактологический материал, описывающий жизнь и быт местного населения. Среди них встречаются работы, которые непосредственно посвящены описанию жизни жатаков. Возможно, это было связано со все увеличивающимся количеством последних, что и вызвало интерес к ним.

В советский период истории Казахстана специальным изучением истории жатаков занимался выдающийся казахский ученый Е.Б. Бекмаханов [3]. Исследованием социально-экономической жизни населения дореволюционного Казахстана занимались Н.Б. Бекмаханова, Ж.К. Касымбаев, Н.В. Алексеенко, П.Г. Галузо, С.А. Сундетов и другие [4]. Общественный строй казахов изучал известный казахский ученый, академик Академии наук Казахской ССР С.З. Зиманов [5]. В своем фундаментальном труде автор исследует хозяйственный строй, общественный быт, вопросы собственности и состав казахского общества

первой половины XIX века. Сведения о структуре казахского общества имеются в трудах Н.Г. Аполловой [6], в работе Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина [7].

В современной казахстанской историографии история жатаков изучена недостаточно. Проблема «жатачества» не являлась объектом специального изучения, но упоминалась в научных работах, посвященных исследованию истории казахского народа, социальной структуры общества, в этнографических трудах [8]. В частности, представляет интерес диссертационный труд С.Ш. Казиева, в котором проводится скрупулезное исследование межэтнических отношений в Казахстане в советские годы, предыстория которых начинается на рубеже XIX-XX вв. Автор исследует истоки формирования толерантных отношений между казахским и русским народами, основной акцент в которых он ставит на взаимодействие и взаимообогащение культур в повседневной жизни. По его мнению, распространение жатачества является одним из фактов «аккультурации и социальной адаптации казахских кочевников в русской среде» [9, с. 64]

Несмотря на наличие научных работ по исследуемой проблеме, по нашему мнению, проблема возникновения жатаков в исторической литературе рассматривалась однообразно. Во всех трудах, описывающих социальный состав казахского общества, жатаки представлены как одна из низших прослоек общества, бесправных и неимущих. Подобный подход при описании жатаков применялся в советской историографии и продолжает преобладать в период развития современной исторической науки. В связи с этим в данной работе будет предпринята попытка другой трактовки рассматриваемой проблемы и освещения истории возникновения жатаков с иных позиций.

Суть нашего мнения в том, что формирование жатачества необходимо рассматривать не только как прямое следствие обеднения кочевников, но и как некое проявление приспособления казахов к сложившимся обстоятельствам, которые были не в их пользу. Под давлением внешних факторов обедневшим казахам необходимо было адаптироваться к новым условиям существования, поскольку перед ними остро стоял вопрос самовыживания. Неблагоприятные экономические условия вынуждали казахов отказаться от традиционной хозяйственной деятельности для улучшения своего положения. Во второй половине XIX века, эта социально уязвимая часть населения оказалась брошенной на произвол судьбы, это были «люди, выбитые из колеи исконного строя казахской жизни» [10, с. 43]. Как считают философы, каждый индивид застает окружающий мир уже организованным единством и вынужден лишь приспособливаться к нему» [11, с. 52-56]. В данном случае, формирование жатачества мы предлагаем рассматривать как один из примеров адаптации к новому миропорядку. Возможно, это был своего рода эволюционный процесс перехода от одной ступени общественного развития к другой - от низшей ступени к высшему, как бы парадоксально это не звучало.

Остановимся на причинах и предпосылках этого процесса.

Основным признаком социально-экономического кризиса в крае, возникшего после проведения реформ 60-80-х гг. XIX в. стал упадок кочевого скотоводства. Рядовые общинники, имевшие в «хорошие» времена небольшое поголовье скота, становятся безлошадными и переходят в категорию «лежачих», то есть не кочующих. Даже определение самого термина «жатак» говорит сам за себя. Г.Н. Потанин писал: «Слово жатак происходит от глагола «лежать». Жатак, следовательно, в буквальном смысле значит «лежень», так киргизы, прозвали их потому, что в жатаки превращаются такие киргизы, у которых пал скот от болезни и не на чем кочевать в степи – приходится лежать на одном месте» [12, с. 112]. Такое же описание жатаков приводится в известном многотомнике: жатак - «лежачий, то есть не имеющий скота для кочевки». [13, с. 214-215].

Как следует из определений, основной причиной появления жатаков стало их «безлошадное» положение, которому предшествовала деградация основного

хозяйства казахов из-за сокращения пастбищных угодий. Косвенно на кризис кочевого скотоводства повлияли падежи скота в результате джутов. Традиционно, основная часть скота казахов содержалась на подножном корме - тебеневке. Обильные снегопады и бураны – обычные явления в зимнюю пору в северной части Казахстана – затрудняли добывание пищи из-под снега. А природные катаклизмы в виде гололедицы – зимой и засухи-летом, часто приводили к джуту. Российский исследователь В.К. фон Герн в своей работе, посвященной описанию нравов коренного населения, приводит слова казахов о том, что «большие падежи скота бывают раз в 20-25 лет. Местные же падежи от бескормицы, буранов и гололедицы чаще» [14, с. 34]. К примеру, один из таких губительных для кочевников джутов в крае был отмечен в суровую зиму 1879-1880 года, когда в Акмолинской области пало 819775 голов скота [13, т. 18, с. 240]. Только в Кокчетавском уезде погибло от джута лошадей - 78153, овец и коз - 111217, крупного рогатого скота-19341, верблюдов-88 [15, л. 39-39об.]. Такая же массовая гибель скота была отмечена в Атбасарском и Петропавловском уездах [15, л. 26-26об., 33об., 39-39об.]. Джут за несколько дней мог «превратить богача в бедняка» [13, т. 18, с. 240], а бедного человека обречь на нищенское существование. Мору среди скота так же способствовали распространение чумы, сибирской язвы и других заразных болезней [15, л. 89об.].

После джутов хозяйство казахов поднималось очень медленно и требовалось длительное время для того, чтобы восстановить бывшее поголовье скота. В сложившихся условиях конца XIX века, при нехватке пастбищ и водопоев, конечно же, о восстановлении поголовья не было и речи. Казахи пытались сохранить и удержать тот «прожиточный минимум», который был необходим для того, чтобы иметь средства для кочевания и вести относительно безбедную жизнь. В итоге, кочевой казах, «лишившийся скота и не имеющий ни возможности, ни надобности кочевать», превращается в жатака [7, с. 142-143].

Предпосылкой возникновения жатачества стала социальная дифференциация в казахском обществе. Нестабильная экономическая ситуация обострила негативные тенденции в социальной жизни. В среде рядовых казахов интенсивно шел процесс расслоения. Из шаруа – «беднейшей части кочевников», начали выделяться байгуши, жатаки, жалшы, егиншы, которые в целях «добывания средств для существования» были вынуждены работать «в различных отраслях хозяйства» [5, с. 232]. Появились консы, которые тоже за неимением скота, работали на баев, пользуясь за это различными видами «помощи» со стороны своего хозяина [16, с. 329]. Кроме жатаков и консы, С. Асфендиаров отмечает возникновение таких типов шаруа, как «жалчи»-батраков и «кыска-аяк»-коротконогих, то есть не могущих совершать длительные перекочевки [17, с. 119].

О характере роста жатачества отмечалось и в периодической печати того периода. К примеру, в газете «Восточное обозрение», которая публиковала научные статьи по истории, географии и этнографии Сибири, говорилось, что «обеднение киргизов, голодовки и падежи скота в киргизских степях все чаще и чаще дают себя чувствовать... Среди киргизского народа все более и более увеличивается число так называемых «джатаков» и «байгушей» [18]. По подсчетам П.П. Румянцева, в конце XIX века «киргизы, не кочующие по недостатку скота», то есть жатаки, составляли 4,3% населения [19, с. 38], хотя фактически их число было намного больше. Углубление социальной дифференциации предопределило дальнейший рост в среде казахов числа байгушей, жалшы, егиншы, жумыскеров, консы и жатаков.

С одной стороны, увеличение числа жатаков можно рассматривать как следствие экономических проблем, но, с другой стороны, это был один из итогов закономерного процесса развития социальных отношений. Именно во второй половине XIX в. в умах народа происходит осознание необходимости

преобразований в общественно-экономической жизни, а также складываются условия для их реализации. Однозначно, это был тяжелый и болезненный процесс. Однако в результате процесса адаптации к новым политико-экономическим условиям формируется новый тип казахов – «лежачих», то есть жатаков. Жатаки – это образ первых оседлых казахов. Скажем даже больше, в какой-то степени, жатаки – это прообраз нынешних «обрусевших» казахов. Как отмечает С.З. Зиманов, «степные кочевники называли жатаков «орысқа шоқынған қазақ» [5, с. 254]. Их отличие от «настоящих», то есть кочевых казахов, еще сохраняющих традиционное хозяйство и быт, проявлялось как в облике, так и в образе жизни. Это подтверждает описание, которое приводится в периодической печати того времени: «Пребывание жатаков между русскими приносит им несомненную пользу: во-первых, они почти все говорят по-русски, некоторые даже превосходно владеют этим языком; во-вторых, и по наружному виду заметно, что они не так строго, как степные киргизы, держатся своих старых обычаев. Так, например, одеваются они, если не совсем еще по-русски, то и не по-киргизски, потому что мужчины не носят на голове остроконечных, длинных с ушами тумачков, а носят просто мерлушечьи шапки. Вместо обыкновенных длинных киргизских халатов носят коротенькие, вроде татарских бешметов, т.е. кафтаны с пуговицами. Рубахи носят не длинные, с полным разрезом спереди, как киргизы, а коротенькие, с малым разрезом. Вместо калта (сумки с кушаком) носят просто пояс. На голове вместо тюбетеек носят одну шапку, некоторые даже не бреют на голове волос. Женщины, если еще не все, то многие, бросили головной убор – джавлук, обвертываемый на голове, из бязи, миткаля, кисеи и без которого вы не встретите в киргизской степи ни одну замужнюю женщину. Вместо этого джавлука они носят шапочки, которые в киргизской степи имеют право носить только одни незамужние девицы. Точно так же женщины не носят на голове саукеле (остроконечный головной убор), и джатаки, даже выдавая замуж дочерей, вовсе не делают этого убора, как степные киргизы, у которых он составляет главное приданое девушек. Дома свои джатаки держат в чистоте, употребляют самовар, имеют столы, стулья, посуду, ложки, вилки и тарелки и т.д.» [20, с. 319].

С.Б. Броневский в своём исследовании о казахах Среднего жуза также пишет о существовании «бедного класса киргизов», которые «с охотою отдается в услужение за малую плату козакам, зажиточные имеют их по десяти и более». Крайне бедственное положение «вынудила их прибегнуть к трудам, для снискания себе и семействам пропитания. Одни, живя постоянно по найму на год и более, в домах козаков и крестьян, исправляют всякую домашнюю работу, ходят за скотом, носят сено, возделывают землю; другие более дикие, считая за неволю отдаться на долго, работают по денно, копают гряды на огороде, поливают, шьют одежду, катают войлоки, и тому подобное. Есть много таких, которые довольно обрусели, и с пользою служат у почто-содержателей в ямщиках, расторопны, и переняли все уловки наших почтарей» [21, с. 30-31]

Подобные изменения в повседневной жизни «лежачих» казахов также подтверждает известный исследователь Сибири Г.Е. Катанаев. Описывая жизнь жатаков, он писал: «Порвав всякие связи с одноаульцами, эти работники-джатаки строят все свое благополучие исключительно на работах в русских поселениях: редкие из них оправившись, от несчастья, заставившего их покинуть свои аулы, возвращаются в те же аулы... Есть джатаки, которые могут указать не только отцов и дедов, но и прадедов, не знавших иного быта кроме джатачества; они отлично говорят по-русски, не обходятся без хлеба и чая, не знают другого жилища кроме русской избы и не могут себе представить, как бы они устроились, если бы судьба вновь выкинула их в степь, где нет привычной для них оседлой обстановки и заработков» [22, с.143]. В первое время жатаки, в основном, работали в казачьих станицах. Как исследователь казачества, Г.Е. Катанаев особо обращает внимание

на особенности отношений казаков и жатаков, и пишет так: «казак сам полукиргиз и потому в своих требованиях к батраку-киргизу более выносим, чем крестьянин и мещанин, еще, так сказать, не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга» [22, с. 144]. По всей видимости, отношения жатаков с крестьянами-переселенцами складывались не так благоприятно, как с казаками. Конечно, это был вопрос времени. История показала, что хозяйственное взаимодействие в итоге привело к формированию межкультурных отношений казахов и переселенческого населения. Но этот процесс для коренного населения был достаточно сложным.

Еще одним немаловажным фактором формирования жатачества стало усиление родовой разобщенности. Казахи, издревле жившие родами вне зависимости от условий и обстоятельств, начинают отделяться от рода, от общины. В частности, обособлению жатаков способствовало отчуждение богатых сородичей от них, отказ от существовавшей до этого времени внутриродовой взаимопомощи. Данное обстоятельство тоже вынуждало жатаков искать другие пути решения возникших хозяйственно-экономических проблем.

Русские исследователи XIX-начала XX вв. приравнивали положение жатаков к положению рабов, учитывая их тягостное экономическое состояние [13, с. 214]. Подавляющее большинство жатаков были бедняками. Многие из них зарабатывали себе на жизнь, уходя в города или нанимаясь на работы по строительству железных дорог. На этих видах работ жатаки зарабатывали намного меньше, чем их русские собратья. Часть из них, наиболее беднейшая, оставалась на зимовках своих богатых родственников охранять их дома и хозяйственные постройки [23]. Однако, среди жатаков встречались и зажиточные, живущие в достатке. Такие жатаки занимались торговлей, товарным земледелием и скотоводством. Если во второй половине XVIII-начале XIX в. жатаки выступали в качестве наемных рабочих представителей белой кости. Они пасли и доили скот, стригли овец, обрабатывали кожу и шерсть [6, с. 381-382]. То во второй половине XIX в. жатаки брались за любую работу, которая могла доставить им средства существования. Преимущественно занимались сезонными работами. Нанимались в работники к зажиточным казакам, купцам. Ж.О. Артыкбаев отмечает, что жатаки селились «вокруг и вблизи городов, населенных центров, меновых дворов, стоянок торговых караванов» [8, с. 256], так как именно в таких местах можно было найти любую оплачиваемую работу. Предприимчивые жатаки занимались мелкой торговлей, могли выступать в роли посредников в торговых сделках по продаже скота. За любую выполненную работу жатаки получали определенные вознаграждения [5, с. 252]. По сведениям историка К.К. Абуева, который занимается изучением прошлого кокшетауского региона, «в Кокчетавском уезде Акмолинской области основным занятием жатаков был промысел, а в Атбасарском, земледелие» [24, с. 248]. С.Ш. Казиев отмечает, что «из числа успешно адаптировавшихся в русско-казахских поселениях джатаков формируется городская социальная прослойка «шала-казахов», занимавшихся мелкой торговлей и промыслами» [9, с. 65].

С.А. Сундетов отмечает, что при рассмотрении деятельности жатаков необходимо применять дифференцированный подход. По его мнению, «подавляющее большинство» жатаков «относилось к пауперизированной части населения аула». Однако «в единичных же случаях, они являлись скупщиками-алыпсатарами, из которых рекрутировалась часть казахской торговой буржуазии» [25, с. 20].

Таким образом, из приведенных исторических исследований следует, что в конце XIX в. в самосознании осевших казахов произошла кардинальная трансформация. Они стали отходить не только от традиционного хозяйства. Подверглась изменениям самобытная этнокультура казахов! В поисках путей самообеспечения, казахи незаметно для себя начали менять свое мировосприятие. Произошедшие внешние перемены и изменения в повседневной жизни

свидетельствуют об их отношении к новому миропорядку, который они приняли. «Лежачие» казахи стали осваивать русский язык, могли выступать в роли переводчиков, выступали посредниками при торговых сделках, начали заниматься земледелием и сенокосением, выполняя работу по найму, постепенно перенимали элементы быта прошлого населения. В результате меняется внешний вид, поведение казахов, что свидетельствует о восприимчивости казахов к новой системе. Все, что веками было незыблемым в жизни казахов подвергается пересмотру, меняются стереотипы.

Завершение присоединения Казахстана к России, административные реформы 60-х гг. XIX вв., переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX-начале XX вв., вхождение в орбиту экономических отношений с Россией – все это в совокупности предопределило дальнейшее развитие Казахстана и казахского общества. Налаживание контактов и тесное хозяйственное взаимодействие жатаков с русским населением повлияло на распространение оседлости среди казахов. Реструктуризация общественного устройства казахов способствовала формированию нового социума. Жатаки стали одним из предвестников коренных преобразований в жизни казахского народа. Несмотря на сложность их жизни и многогранность деятельности, они заложили основы современной хозяйственной деятельности коренного населения.

Проблема жатачества остается одной из интересных вопросов в социальной истории Казахстана и, несомненно, требует дальнейшего изучения.

Список использованной литературы

1. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. – 328 с.

2. Небольсин П. Рассказы проезжего. - СПб.: Издательство: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. –2, 345 с.; Кадомцев А.В. Отчет о поездке в киргизские степи. – СПб.: Типография и литография А.К. Ландау, 1877. – 107 с.; Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». – Семипалатинск, 1898; Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник ИРГО. – 1855. – Кн. 1; Киргизы-джатаки // «Русская речь». – 1879. – №8; Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки зауральской степи и Внутренней или Букеевской области в оседлое состояние // «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». – Семипалатинск, 1898; Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // «Записки ЗСОИРГО». – Кн. XVIII. – Вып. 2. – Омск, 1895; Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем / Сост. П.П. Румянцев. – Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. – 66 с.

3. Бекмаханов Е.Б. Жатаки (первая половина XIX в.) // Вестник АН КазССР. – 1949. – №8. – С. 60.

4. Бекмаханова Н.Б. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.) / Н.Б. Бекмаханова; Отв. ред. В. М. Кабузан; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1986. – 242 [2] с.; Касымбаев Ж.К. О роли отходничества в расширении рынка наемного труда в Казахстане (вторая половина XIX в.) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. – М., 1989; Его же. Развитие жатачества (отходничества) как следствие социальной дифференциации казахского аула в XIX-начале XX вв. // Известия АН РК. – Сер. общ. наук. – 1992. – №6; Его же. Переход жатаков (отходников) к оседлости как фактор расширения аграрного рынка в Казахстане (вторая половина XIX в.) // Аграрный рынок в его историческом развитии. – М., 1991; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. – 112 с.; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-

1914 гг. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 378 с.; Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – 126 с.

5. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1958. – 298 с.

6. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 456 с.

7. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в начале XVIII-начале XX века. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 243 с.

8. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации [Текст] / Ж.О. Артыкбаев. – Караганда: Полиграфия, 1993. – 330 с.; Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX - начале XX в.): дисс. ... к.и.н.: 07.00.02. – Алматы, 2001. – 170 с.; Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 годы): дисс. ... д.и.н.: 07.00.07. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. – 556 с.

9. Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 годы): дисс. ... д.и.н.: 07.00.07. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. – 556 с.

10. Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области на оседлое состояние. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год». – Семипалатинск, 1898.

11. Киричек Ю.А. Структуры повседневности и политическая наука: особенности обыденного познания // Социум и власть. – 2013. – №1.

12. Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. - СПб. – 1884. – Т. XI. – С. 112.

13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. В 20 т. – Т. 18. Киргизский край / под ред. В.П. Семенова. – СПб.: изд. А.Ф. Девриена, 1903. – 479 с.

14. Герн фон В.К. Характер и нравы казахов. -2-ое изд. – Астана: «Алтын кітап», 2007. – 140 с.

15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16548. Л. 39-39 об.

16. Народы мира. Этнографические очерки. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.2. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – С. 797.

17. Асфендияров С. История Казахстана (с древнейших времен). – Алматы.: «Қазақ университеті», 1993.

18. ГАСКО. Ф. 1370. Оп. 3. Д. 138а. Л. 166.

19. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем / Сост. П.П. Румянцев. - Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. – 66 с.

20. Киргизы-джатаки // «Русская речь». – 1879. – № 8.

21. Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. 2-ое изд., доп. – Астана, «Алтын кітап», 2007. – 166 с.

22. Катанаев Г.Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. - 2-е изд., доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 223 с.

23. ГАСКО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

24. Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники. – Кокшетау: Типография КГУ им. Ш. Уалиханова, 2016. – 386 с.

25. Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – 126 с.

References

1. Tolstov S.P. Po sledam drevnehorezmiiskoi civilizacii. – Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. – 328 s.

2. Nebol'sin P. Rasskazy proezzhego. - SPb.: Izdatel'stvo: tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenii, 1854. –2, 345 s.; Kadamcev A.V. Otchet o poezdke v kirgizskie

stepi. - Spb.: Tipografiya i litografiya A.K. Landau, 1877. – 107 s.; Konshin N.K. voprosu o perehode kirgiz Semipalatinskoi oblasti v osedloe sostoyanie. «Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1898 god». – Semipalatinsk, 1898; Kolmogorov G.O. promyshlennosti i torgovle v kirgizskikh stepyakh Sibirskogo vedomstva // «Vestnik IRGO» - 1855. – Kn. 1; Kirgizy-dzhataki // «Russkaya rech'». – 1879. – №8; Soldatenkov K., Shchepkin N. Ocherki zaural'skoi stepi i Vnutrennei ili Bukeyevskoi oblasti v osedloe sostoyanie // «Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1898 god». – Semipalatinsk, 1898; Ostaf'yev V.A. Kolonizatsiya stepnykh oblastei v svyazi s voprosom o kochevom hozyaistve // «Zapiski ZSOIRGO». – Kn. XVIII. - Vyp. 2. – Omsk, 1895; Romyancev P.P. Kirgizskiiy narod v proshlom i nastoyashchem / Sost. P.P. Romyancev. – Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustroistva i zemledeliya. – Sankt-Peterburg: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1910. – 66 s.

3. Bekmakhanov E.B. Zhataki (pervaya polovina XIX v.) // Vestnik AN KazSSR. – 1949. – №8. – S. 60.

4. Bekmakhanova N.B. Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epohu kapitalizma (60-e gody XIX v. - 1917 g.) / N.E. Bekmakhanova; Otv. red. V.M. Kabuzan; AN SSSR, In-t istorii SSSR. – M.: Nauka, 1986. – 242 [2] s.; Kassymbaev Zh.K. O roli otkhodnichestva v rasshirenii rynka naemnoogo truda v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX v.) // Vzaimosvyazi goroda i derevni v ih istoricheskom razvitii. – M., 1989; Ego zhe. Razvitie zhatachestva (otkhodnichestva) kak sledstvie social'noi differentsiatsii kazakhskogo aula v XIX-nachale XX vv. // Izvestiya AN RK. – Ser. obshch. nauk. – 1992. – №6; Ego zhe. Perekhod zhatakov (otkhodnikov) k osedlosti kak faktor rasshireniya agrarnogo rynka v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX v.) // Agrarnyi rynek v ego istoricheskom razvitii. – M., 1991; Alekseyenko N.V. Naselenie dorevolucionnogo Kazakhstana. – Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1981. – 112 s.; Galuzo P.G. Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867-1914 gg. – Alma-Ata: Nauka, 1965. – 378 s.; Sundetov S.A. O genezise kapitalizma v sel'skom hozyaistve Kazakhstana. – Alma-Ata, 1970. – 126 s.

5. Zimanov S.Z. Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka. – Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk KazSSR, 1958. – 298 s.

6. Apollonova N.G. Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiey v XVIII - nachale XIX v. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 456 s.

7. Suleimenov B.S., Bassin V.Ya. Kazakhstan v sostave Rossii v nachale XVIII-nachale XX veka. – Alma-Ata: Nauka, 1981. – 243 s.

8. Artykbayev Zh. O. Kazakhskoe obshchestvo v XIX veke: traditsii i innovatsii [Tekst] / Zh. O. Artykbayev. – Karaganda: Poligrafiya, 1993. – 330 s.; Rakhimbekova A.K. Rol' imperskogo faktora v transformatsii kazakhskogo obshchestva (XIX - nachale XX v.): diss. na soisk. uch. st. k.i.n.: 07.00.02. – Alma-Ata, 2001. – 170 s.; Kaziev S.SH. Sovetskaya nacional'naya politika i problemy doveriya v mezhyetnicheskikh otnosheniyah v Kazakhstane (1917-1991 gody): diss. na soisk. uch. st. d.i.n.: 07.00.07. – M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2016. – 556 s.

9. Kaziev S.Sh. Sovetskaya nacional'naya politika i problemy doveriya v mezhyetnicheskikh otnosheniyah v Kazakhstane (1917-1991 gody): diss. na soisk. uch. st. d.i.n.: 07.00.07. – M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2016. – 556 s.

10. Konshin N. K voprosu o perehode kirgiz Semipalatinskoy oblasti v osedloe sostoyanie. «Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1898 god». – Semipalatinsk, 1898.

11. Kirichek YU.A. Struktury povsednevnosti i politicheskaya nauka: osobennosti obydennoogo poznaniya // Socium i vlast'. – 2013. – №1.

12. Potanin G.N. Sibirskie kazaki // Zhivopisnaya Rossiya. - Spb. – 1884. – T. XI. – S. 112.

13. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei. V 20 t. – T. 18. Kirgizskii krai / pod red. V.P. Semenova. – Spb.: izd. A.F. Devriena, 1903. – 479 s.

14. Gern fon V.K. Kharakter i nravy kazakhov. -2-oe izd. – Astana: «Altyn kitap», 2007. – 140 s.
15. GAOO. F. 3. Op. 10. D. 16548. L. 39-39 ob.
16. Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Narody Srednei Azii i Kazakhstana. T.2. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. – S. 797.
17. Asfendiyarov S. Istoriya Kazakhstana (s drevneishih vremen). – Almaty.: «Qazaq universiteti», 1993.
18. GASKO. F. 1370. Op. 3. D. 138a. L. 166.
19. Rumjancev P.P. Kirgizskii narod v proshlom i nastoyashchem / Sost. P.P. Rumjancev. - Pereselench. upr. Gl. upr. zemleustroistva i zemledeliya. – Sankt-Peterburg: Pereselench. upr. G.U.Z. i Z., 1910. – 66 s.
20. Kirgizy-dzhataki // «Russkaya rech'». – 1879. – № 8.
21. Bronevskii S.B. O kazakhah Srednei Ordy. 2-oe izd., dop. – Astana, «Altyn kitap», 2007. – 166 s.
22. Katanaev G.E. Priirtyshskie kazakhi i kazaki: istoriya, hozyaistvo i byt. - 2-e izd., dop. – Astana: Altyn kitap, 2007. – 223 s.
23. GASKO. F. 158. Op. 1. D. 9. L. 10.
24. Abuev K.K. Chokan Valikhanov i ego sovremenniki. – Kokshetau: Tipografiya KGU im. Sh. Ualikhanova, 2016. – 386 s.
25. Sundetov S.A. O genezise kapitalizma v sel'skom hozyaistve Kazakhstana. – Alma-Ata, 1970. –126 s.

Г. Абдықұлова

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау Мемлекеттік университеті
Қазақстан тарихы кафедрасының докторанты

ЖАТАҚШЫЛЫҚ ХІХ ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ДАҒДАРЫС РЕТІНДЕГІ ҚҰБЫЛЫС

Түйін

Мақала жатақтар қауымының қалыптасу құбылысын зерттеуге арналған. Автор жатақтардың пайда болуын көшпелі қазақтардың кедейленуінің салдары ретінде емес, ХІХ ғ. аяғында Қазақстанда қалыптасқан тарихи жағдайға және жаңа дүние талабына бейімделуі ретінде қарауды ұсынады.

Түйін сөздер: жатақтар, жатақтардың қалыптасуы, қазақ қоғамының жіктелуі, жатақтардың тұрмысы, жатақтардың шаруашылыққа бейімделуі, ой-сана трансформациялануы, орыстандыру, қоғамдық тарих.

G. Abdykulova

¹Doctoral Student of the Department of History of Kazakhstan,
Sh. Ualikhanov Kokshetau State University
Kokshetau, Kazakhstan

ZHATAKSHILIK AS A PHENOMENON OF SOCIAL CRISIS OF KAZAKH SOCIETY IN THE XIX CENTURY

Summary

The article is devoted to the study of the phenomenon of zhatakshilik. The author proposes to consider it not just as a direct result of the nomads' depletion, but also as a manifestation of the adaptation of the Kazakhs to the historical situation of the late XIXth century and an example of adaptation to the new world order. The author made an attempt to interpret the problem of the zhatakshilik appearance in a different way.

Keywords: zhataks, formation of the zhatakshilik, separation of the Kazakh society, life of the zhataks, economic adaptation of the zhataks, transformation of self-consciousness, Russification, social history.

ЕСКЕ АЛУ
НЕКРОЛОГ
OBITUARY

ЕДЫГЕНОВ НУРИ

8 июня 2017 г. ушёл из жизни известный ученый, кандидат исторических наук, ветеран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, участник войны Едыгенов Нури Едыгенович. Он родился 27 августа 1923 года в ауле Тентек бывшей Талдыкурганской (ныне Алматинской) области. Трудовую деятельность начал в 1942 году. С 1943 года, выполняя специальное задание Советского Правительства, находился в рядах армии. После войны, окончив исторический

факультет КазГУ им. С.М. Кирова, был преподавателем университета, а с 1956 года до 1999 года (до ухода на пенсию) работал в Институте истории и этнологии им Ч.Ч. Валиханова МОН РК.

Н.Е. Едыгенов внёс огромный вклад в изучение истории Казахстана военного времени. Его монографии «Алматы Ұлы Отан соғысы жылдарында», «Участие казахстанцев в партизанском движении Белоруссии в годы войны» (переиздана в 2015 году). «Труд во имя Победы» (в соавторстве с М.К. Козыбаевым) получили высокую оценку научной общественности. При его активном участии вышли: 2-х томный сборник документов и материалов «Казахстан в период Великой Отечественной войны», 2-х томный очерк «Герои Советского Союза – Казахстанцы», «Книга Памяти – Боздақтар» и другие издания.

Память о замечательном ученом и человеке – Н.Е. Едыгенове останется в наших сердцах.

*Коллектив Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова.*

ГАЛИЕВ ВИЛЬ ЗАЙНУЛЛОВИЧ

22 июня 2017 г. после тяжелой болезни скончался известный ученый, доктор исторических наук, профессор Галиев Виль Зайнуллович. Он родился в 1938 г. в Алматы. В 1960 г. окончил исторический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. В период учебы на историческом факультете участвовал в Мангышлакской (1957) и Кызыл-Ординской (1958) этнографических энциклопедиях под руководством В.В. Вострова.

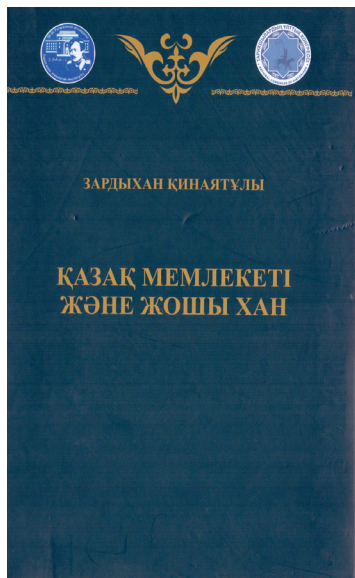
В 1960-1961 гг. – преподаватель Туркестанского педучилища, а в 1961-1964 гг. учился в аспирантуре на кафедре истории Казахстана КазГУ им. С.М. Кирова. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством Е.Б. Бекмаханова. В последующие годы работал в Чимкентском и Карагандинском педагогических институтах. В 1968-1990 гг. – доцент, профессор, зав. кафедрой истории СССР КазгосЖенПИ. В 1983 г. при Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова защитил докторскую диссертацию на тему «Влияние российского освободительного движения на общественно-политическую жизнь Казахстана в XIX веке». В 1990-1995 гг. – заведующий Отделом новой истории, с 1995 г. до кончины – главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова.

Основные работы Галиева В.З. посвящены изучению истории казахско-русских отношений, культурных связей, колониальной политики царизма, национально-освободительной борьбы казахов XVII-XIX вв. В.З. Галиев был участником различных всесоюзных и международных научных конференций по проблемам истории нового времени. Работал в составе экспертного совета по историческим наукам в Высшем аттестационном комитете МОН РК. Руководил научной работой группы сотрудников Национальной библиотеки и Центральной научной библиотеки по вопросам библиотекосведения и библиографии.

Болеe пятнадцати лет В.З. Галиев по совместительству проработал в Национальной библиотеке РК. Им подготовлено 4 кандидата исторических наук.

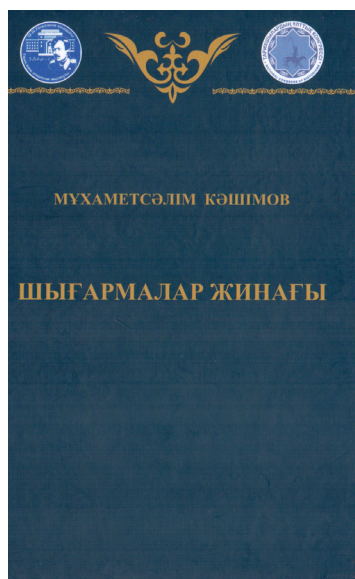
Память о замечательном ученом и педагоге сохранится в наших сердцах.

*Коллектив Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова*

Сатылым бағасы – 1200 теңге

ISBN 978-601-7348-45-8

Сатылым бағасы – 900 теңге

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
К 53

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Пікір жазғандар:

Н. Мұхаметханұлы, тарих ғылымдарының докторы,
профессор; Қ. Өскенбай, тарих ғылымдарының кандидаты

Қинаятұлы З.

Қ 53 Қазақ мемлекеті және Жошы хан (екінші басылым). – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. — 360 бет.

ISBN 978-601-7348-45-8

Оқушы қауымның сұранысы бойынша тарих ғылымдарының докторы Зардыхан Қинаятұлының «Қазақ мемлекеті және Жошы хан» атты монографиялық туындысының екінші басылымын назарларыңызға ұсынып отырмыз. Монографиялық еңбектің алғашқы бөлімдері Жошы ханның өмірбаянына, екінші жартысы Қазақ мемлекеттілігінің үлгі, бастауы – Ақ Орда мемлекеті тарихына арналған. Еңбектің деректемелік негізі бай, тілі жатық, ойы орамды болғандықтан оқушы қауымды бейжай қалдырмас деп сенеміз.

УДК 94 (574)
ББК63.3(5Каз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014

© Қинаятұлы З., 2014

УДК 070

ББК 76.01
К 26

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Күрастырып, алғы сөзі мен түсініктерін жазған және еңбектерін қазіргі әріпке аударған тарих ғылымдарының докторы С. О. Смағұлова

Кәшімов М.

К 26 Шығармалар жинағы / М. Кәшімов. – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 216 бет.

ISBN 978-601-7348-46-5

Кітапқа ХІХ ғ. соңы мен ХХ ғ. 30-жылдары өмір сүрген ақын, журналист Мұхаметсәлім Кәшімовтың кітаптары мен «Айқап» журналына жарияланған мақалалары, очерктері топтастырылып отыр. Автордың еңбектерінде бала тәрбиесі, жер дауы, жесір дауы, әмеңгерлік, барымта мәселелері, дін-шарият қағидалары, тазалық, қазақтардың тұрмыс халі, мәдениеті, ағарту ісі, музыка мәселелері көтерілген.

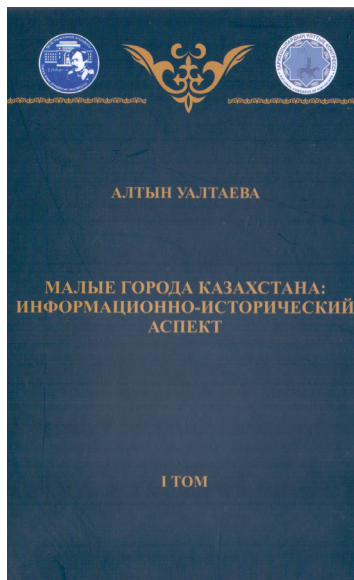
Бұл еңбек гуманитарлық ғылымдар саласы мамандарына, жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары мен оқытушыларына, сондай-ақ көпшілік оқырман қауымға арналған.

УДК 070
ББК 76.01

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014

ISBN 978-601-7348-46-5

© Құраст.: Смағұлова С., 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

УДК908
ББК 26.89
У13

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Рецензенты:

М.Х. Асылбеков, академик, доктор исторических наук, профессор
А.И. Кудайбергенова, доктор исторических наук

Уалтаева А.

У 13 Малые города Казахстана: информационно-исторический аспект. – Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014.

ISBN 978-601-7348-53-3

Т. I. – 2014. – 312 с.

ISBN 978-601-7348-52-6

Книга посвящена социально-экономическому и демографическому развитию малых городов Республики Казахстан, отражает историческую ретроспективу образования, развития этих городских поселений и в период независимости. В I том вошли материалы по малым городам Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей по состоянию на 2011-2012 год в информационном формате, остальные городские поселения республики войдут в последующие тома и соответствующие временные периоды.

Содержание основано на обширной источниковой базе. В работе использованы статистические материалы, сборники, материалы отчетных докладов акимов городов за 2012 г., данные переписей населения, периодической печати, интернета. Имеются таблицы и научный аппарат.

Автор выражает благодарность акимам малых городов за сотрудничество и помощь, оказанную в подготовке материалов.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

УДК 908

ББК 26.89

© Уалтаева А., 2014

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

ISBN 978-601-7348-53-3
ISBN 978-601-7348-52-6

УДК 004
ББК32.81
А 50

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Рецензенты:

Ж.Б. Абылхожин, д.и.н., профессор

Л.И. Бородкин, д.и.н., профессор

Научный редактор:

С.Ф. Мажитов, д.и.н., профессор

Алимгазинов К.

А 50 Современные технотронные источники: информационный анализ исторических гипертекстов. Монография. — Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. — 348 с.

ISBN 978-601-4378-42-7

Начало XXI века ознаменовалось бурными процессами информатизации практически всех сфер жизни. Это особенно коснулось сферу политики, экономики, общественных отношений, повседневной жизни. Возникают новые формы общественной коммуникации, новые форматы презентации, переработки и консервации документальных сведений. Традиционные в понимании историка технотронные источники дополняются появлением новых их видов – электронных. При этом изучение современной истории имманентно подводит к пониманию того, что оно будет неполным без использования этого массива информации, который возникает, распространяется, хранится в цифровой среде и не имеет печатного аналога. Работа представляет источниковедческий обзор электронных источников количественными методами. Междисциплинарный синтез предложен как подход при изучении их содержания на примере материалов современной истории Казахстана. Исследование основано на обширном комплексе цифровых форм информации, широком привлечении источников историографического и документального содержания, справочных изданий, периодической печати. Впервые в казахстанской историографии электронные источники вводятся в научный оборот и рассматриваются в качестве объекта научного исследования.

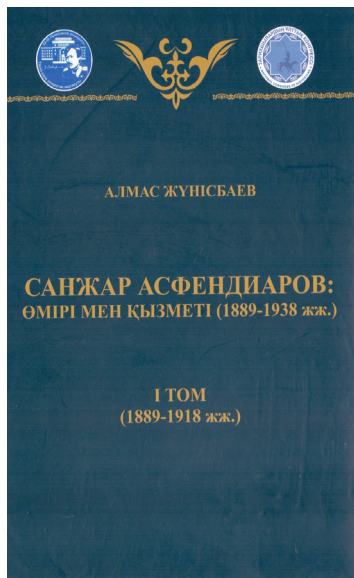
Книга ориентирована для специалистов, исследователей современного периода истории Казахстана, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами отечественной истории.

УДК 004

ББК 32.81

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014
© Алимгазинов К., 2014

ISBN 978-601-4378-42-7

Сатылым бағасы – 1200 теңге

түрде зерттелініп, сараланды. Кітаптың соңында Санжар Асфендияров пен оның отбасы мүшелерінің өмірі мен қызметіне қатысты тың тарихи құжаттар келтірілген.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшы-ғалымдарға, саясаттанушыларға, жоғары оқу орындарының тарих факультеттерінің ұстаздары мен студенттеріне, Санжар Асфендияров пен оның замандастарының өмірі мен қызметін білгісі келетін барша оқырмандарға арналған.

ISBN 978-601-7348-48-9
ISBN 978-601-7348-49-6

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
© Жүнісбаев А., 2014

Сатылым бағасы – 560 теңге

на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

ISBN 978-601-7348-38-0

УДК 61 (092)
ББК 63.3-8

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Ғылыми редакторы:

О.М. Қоңыратбаев, *тарих ғылымдарының кандидаты, доцент*
Пікір жазғандар:

Т.Ә. Төлебаев, *тарих ғылымдарының докторы, профессор*
С.С. Смағұлова, *тарих ғылымдарының докторы, доцент*

Жүнісбаев А.

Санжар Асфендияров: өмірі мен қызметі (1889-1938 жж.). Т. I: (1889-1918 жж.). – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 256 + 12 бет суретті жапсырма.

ISBN 978-601-7348-48-9

ISBN 978-601-7348-49-6

Бұл монографиялық зерттеу еңбегі халқымыздың біртуар азаматы, көрнекті мемлекет және қоғам қайраткері Санжар Асфендияровтың 1889-1918 жылдар аралығындағы өмірі мен қызмет жолына арналған. Санжар Асфендияровтың туған жері мен халқына еңбегі сіңген көрнекті қайраткер болғанымен, оның сан-салалы қызметі мен өмірі осы күнге дейін арнайы зерттеу еңбектің нысанына айнала қоймауы салдарынан көпшілік оқырманға, тарихшыларға, өсіп келе жатқан жас буынға беймәлім.

Кітапта Санжар Асфендияровтың қоғам және мемлекет қайраткері ретінде қалыптасуы, оның отбасы мүшелерінің өмірі мен тағдырлары, училище мен академияда оқыған жылдары, әскери-дәрігерлік қызметі және Түркістан халықтарының азаттығы үшін күресі тың мұрағат құжаттарының негізінде жан-жақты әрі кешенді

УДК 930
ББК63
Н 55

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, Д.А. Рахимқұлов

Рецензенты:

М.Х. Абусеитова, доктор исторических наук
А.Т. Қашпаева, кандидат исторических наук

Несипбаева Ж.

Н 55 Методологические вопросы истории в советской историографии (60-80-е годы XX в.). – Алматы: «Издательство Елтаным», 2014. – 160 с.

ISBN 978-601-7348-38-0

Казахстанская историография методологии истории сравнительно молода. Она начала свои методологические изыскания с момента обретения Республикой Казахстан независимости. Ее интересует накопленный советской историографией опыт изучения методологических основ исторической науки. В этой связи данная книга включает в себя исследования фундаментальных проблем методологии истории таких, как понятие «методология истории», ее содержание и структура, категория «исторический факт». Хотя многие методологические вопросы в советской историографии носили порой дискуссионный характер, а также не было завершено формирование исторического категориально-понятийного аппарата. Однако следует отметить, что советская историография методологии исторической науки имеет значительный научный пласт специальных методологических исследований. В этой связи обращение к основам методологии истории и к наследию советской историографии представляет огромный научный интерес для казахстанских исследователей.

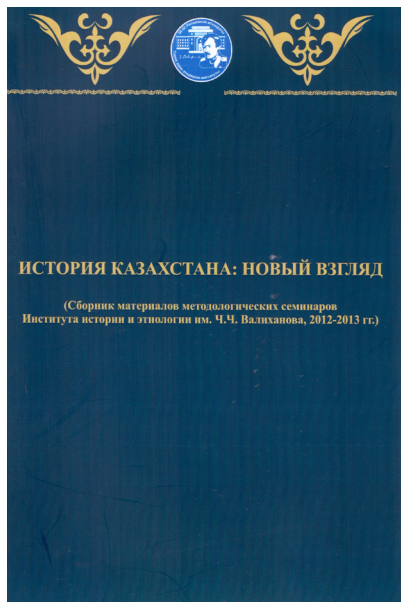
Так же в монографии выделены узловые моменты интерпретации данных понятий.

Работа рассчитана на специалистов историков, философов, а также

УДК 930
ББК 63

© Несипбаева Ж., 2014

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

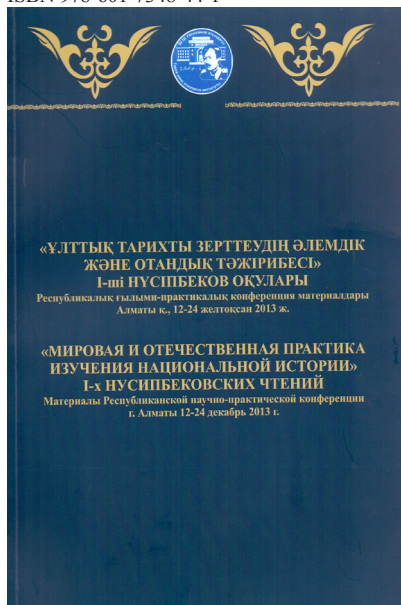

Сатылым бағасы – 340 теңге

историософского знания.

Издание адресовано специалистам, исследователям, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана.

ISBN 978-601-7348-44-1

Сатылым бағасы – 340 теңге

Басылым Қазақстан тарихын зерттеуші мамандарға, магистранттарға, студенттерге, сонымен қатар ұлт тарихына қызығушылық танытатын көпшілікке арналған.

ISBN 978-601-7348-50-2

УДК С94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
И 89

Рекомендовано ученым советом Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (председатель), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов

Ответственный редактор

К.Ш. Алимгазинов

Ответственный секретарь методологического семинара

Ж.Ж. Несипбаева

Рецензенты:

Г.С. Жугенбаева, Ж.Б. Кундакбаева

И 89 История Казахстана: новый взгляд: Сборник материалов методологических семинаров Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2012-2013 гг. / отв. ред. К.Ш. Алимгазинов. – Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. – 140 с.

ISBN 978-601-7348-44-1

Сборник содержит тексты выступлений докладчиков на методологических семинарах Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. Материалы представлены в хронологической последовательности проведения мероприятий, в период за 2012-2013 гг., освещают итоги проведенной научной работы по выполнению приоритетных программ исследований Института, акцентируют внимание на актуальных проблемах изучения национальной истории, в русле современных парадигм

УДК 94(574)
ББК63.3(5Каз)
У43

Басаға ҚР ҒҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атыгаев, Д.А. Рақымқұлов

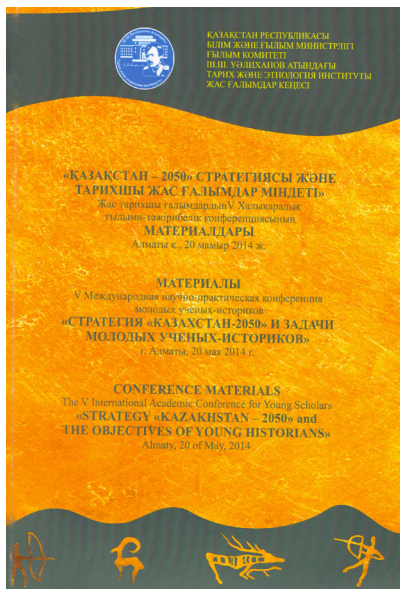
Құрастырушылар:

А.Т. Саурықова, Г.Ж. Өскенбаева, С.Ә. Асанова
**У 43 «ҰЛТТЫҚ ТАРИХТЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ӘЛЕМДІК ЖӘНЕ
ОТАНДЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ. I НУСИПБЕКОВ ОҚУЛАРЫ.**
Республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары.
Алматы қ., 12-24 желтоқсан 2013 ж. – Алматы: «Елтаным баспасы»,
2014. – 76 б.

**«МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА
ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» I-х НУСИП-
БЕКОВСКИХ ЧТЕНИЙ.** Материалы Республиканской научно-
практической конференции. г. Алматы 12-24 декабрь 2014 г. —
Алматы: «Изд-во Елтаным», 2014. – 76 с.
ISBN 978-601-7348-50-2

Жинаққа Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтында «А.Н. Нүсіпбеков оқулары» бағдарламасы бойынша өткен «Академик А.Н. Нүсіпбеков және ұлттық тарихты зерттеу» конференциясы мен «Халық тарих толқынында» аясында «Тәуелсіз Қазақстан: мәселелері мен келешегі», «Тарих ғылымының әдісі және әдістемесі», «Қазақстанның этникалық тарихын және мемлекеттілігін зерттеу мәселелері: жаңа көзқарастар — тың материалдар», «Жүз қария, жүз ауыл», «Оно-өрнек күпиясы», «Шежіре» атты дөңгелек үстел және 2013-2014 ж. жүргізілген экспедиция барысында жинақталған материалдар ұсынылып отыр.

УДК 94 (574)
ББК63.3(5Каз)
© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2014

Сатылым бағасы – 1350 теңге

ISBN 978-601-7348-57-1

УДК 93/94 (063)

ББК 633

Қ 18

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесі (29 сәуір, 2014 ж. №4 хаттама) ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі

Д.А. Рахымқұлов — тарих ғылымдарының кандидаты

Р.Ж. Көбеев — ғылыми қызметкер

А.Ә. Жүнісбаев — ғылыми қызметкер

Жауапты редакторы

А.Ә. Жүнісбаев

Құрастырушы:

А.А. Оралова

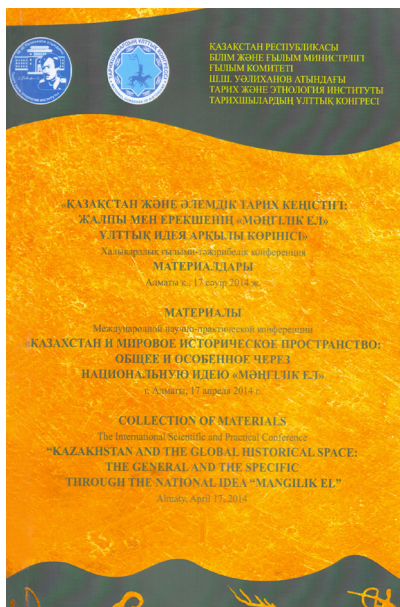
Қ 18 «Қазақстан-2050» Стратегиясы және тарихшы жас ғалымдар міндеті» атты жас тарихшы ғалымдардың V Халықар. ғыл.-тәж. конф. материалдары. 20 мамыр 2014 ж. / ред. Х.М. Әбжанов, Д.А. Рахымқұлов. — Алматы: Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының редакциясы, 2014. – 368 б. ISBN 978-601-7348-57-1

Бұл жинақта аталмыш ғылыми конференцияға қатысушылардың Отан тарихы, әлем тарихы, деректану және тарихнама, археология және этнология, «Қазақстан-2050» стратегиясы: ғылым және жастар мәселелеріне қатысты жасаған баяндамалары мен тарих ғылымының әртүрлі аспектілеріне арналған зерттеулері топтастырылған.

УДК 93/94 (063)

ББК63.3

© ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, 2014

Сатылым бағасы – 1200 теңге

ISBN 978-601-7348-56-4

УДК 93/94(063)

ББК 63.3

Қ 18

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесі (3 маусым, 2014 ж. №5 хаттама) ұсынған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,

Н.Ә. Атығасев, Қ.С. Алдажұманов

Құрастырушылар: т.ғ.к., доцент З.М. Төленова;

т.ғ.к. К.Қ. Нұрымбетова

Қ18 «Қазақстан және әлемдік тарих кеңістігі: жалпы мен ерекшелігі «Мәңгілік ел» ұлттық идея арқылы көрінісі» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. материалдары. 17 сәуір, 2014 ж. / ред. Х.М. Әбжанов. — Алматы: «Елтаным» баспасы, 2014. – 344 бет.

ISBN 978-601-7348-56-4

Бұл жинақта аталмыш халықаралық конференция жұмысына қатысқан отандық және шетелдік тарихшы, әдебиетшілер мен философтардың және экономист ғалымдардың Елбасы Н.Ә. Назарбаев көтеріп отырған «Мәңгілік Ел» ұлттық идеясын зерттеу, насихаттау, оқу үдерісіне енгізу мәселелері мен көптомдық «Отан тарихын» жазу барысындағы идеялар мен іркілістерді, әлемдік тарихи кеңістіктегі Қазақстан және Отан тарихын дәуірлеу, қазақ мемлекеттілігінің пайда болуы, өрлеуі мен өркендеуі, ұлт тарихының әлемдік тарихи үдерістермен ықпалдасуы, тарихтағы тұлғалардың ролі, тәуелсіздіктің бастау-бұлақтары мен жемістерін ғылыми ойдың соңғы жетістіктеріне сүйеніп, жаңа методологиялық ұстаныммен және «Халық тарих

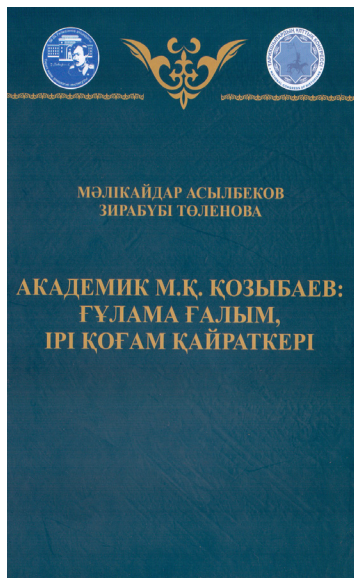
толқынында» бағдарламасы аясында отандық, шетелдік мұрағаттардан жинақталған тың деректер негізінде қозғаған ойлары мен ұсыныстары топтастырылған.

Жинақ материалдары тарихшыларға, археологтарға, этнологтарға, демографтарға және көпшілік оқырман қауымға арналған.

УДК 93/94 (063)

ББК63.3

© ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, 2014

УДК 94(574)(092)
ББК 63.3-8
А89

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған.

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Пікір жазғандар:

Құдайбергенов Ә.Н., *тарих ғылымдарының докторы, профессор;*
Алдажұманов Қ.С., *тарих ғылымдарының кандидаты*

Асылбеков М., Төлөнова З.

А 89 Академик М.Қ. Қозыбаев: ғұлама ғалым, ірі қоғам қайраткері / М. Асылбеков, З. Төлөнова. – Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. – 280 бет +16 бет суретті жапсырма.

ISBN 978-601-7348-55-7

Сатылым бағасы - 1350 теңге

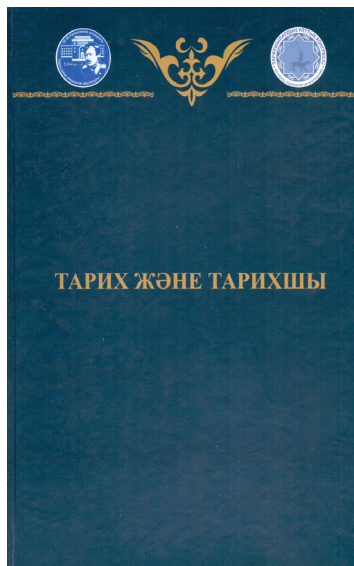
Кітапта Қазақстандағы тарих саласының дамуына өзіндік үлес қосқан ірі ғалымдардың бірі – академик М.Қ. Қозыбаевтың өмірі, шығармашылық мұрасы, ғылыми-ұйымдастырушылық және қоғамдық қызметіне талдау жасалып, баға берілген. Ғалымның XX ғасыр басындағы Қазақстан тарихына ерекше көңіл бөліп, әлі нақтылана зерттеліп, өзіндік бағасын алмаған, кеңестік идеологияның шырмауында болып келген мәселелерді көтеріп, әділ бағалануына көшбасшы болғаны көрсетілген. Әсіресе, 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалысқа, Қазақстанда Кеңес өкіметінің орнауна және азамат соғысы 1920-1930-жылдардың күрделі, қайшылыққа толы мәселелеріне, оның ішінде ашаршылық, зұлмат, қуғын-сүргінге, 1941-1945 ж. Кеңес Одағының фашистік Германияға қарсы Ұлы Отан соғысындағы жеңісіне Қазақстанның қосқан үлесіне арналған іргелі еңбектерінің Отан тарихын дамытудағы орны мен рөлі баяндалған.

Кітап тарихшы ғалымдарға, ғалым өмірін танып білсем деген оқырман қауымға арналған.

УДК 94 (574) (092)
ББК63.3-8

ISBN 978-601-7348-55-7

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
© Асылбеков М., Төлөнова З., 2014

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Қаз)
Т21

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған.

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов, С.О. Смағұлова (жауапты редактор),
Н.Ә. Атығаев, Д.А. Рахымқұлов

Т 21 Тарих және тарихшы / Құраст.: З.М. Төлөнова, А.А. Оралова.
— Алматы: «Елтаным баспасы», 2014. — 200 бет.

ISBN 978-601-7348-54-0

Бұл кітапта Қазақстандағы тарих ғылымының дамуында өзіндік орны бар белгілі ғалым, тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі Ханкелді Махмұтұлы Әбжановтың өмірі, зерттеулері, ғылыми-ұйымдастырушылық және қоғамдық қызметі хронологиялық тәртіппен берілген. Сондай-ақ республикалық баспасөз беттерінде жарияланған әріптестерінің ой-толғамдары мен мақалалары енгізілді.

УДК 94 (574)
ББК63.3 (5Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2014
Құраст.: Төлөнова З.М., Оралова А.А., 2014

Сатылым бағасы - 1350 теңге ISBN 978-601-7348-54-0

Сатылым бағасы - 1500 тенге

ISBN 978-601-7317-83-6
ISBN 978-601-7317-82-9

УДК 070 ББК 76.01 А89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев

Асфендиаров Санжар

А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ. Төрттомдық шығармалар жинағы.
Санжар Асфендиаров. / - Алматы: «Ел-шежіре», - 2014.

ISBN 978-601-7317-82-9

Т. I: - 368 б.

ISBN 978-601-7317-83-6

Көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, шығыстанушы-ғалым, қазақтан шыққан тұңғыш профессор Санжар Жағыпарұлы Асфендиаровтың төрттомдық шығармалар жинағының I-томына оның 1917-1928 жылдар аралығында мерзімді баспасөз беттерінде қазақ және орыс тілдерінде жарық көрген мақалалары, әртүрлі съездер мен мәжілістерде жасаған баяндамалары, сондай-ақ 1928 жылы Ташкент қаласында жарияланған «Материалы к изучению Востока. Часть I. Причины возникновения ислама» атты алғашқы іргелі зерттеу еңбегі енді.

Қайраткер өмір сүрген дәуірінің ерекшелігін ашып көрсету мақсатында жинаққа енген барлық шығармалардың мәтіндері өзгеріссіз, яғни түпнұсқа күйінде басылып, хронологиялық тәртіпте берілді.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

УДК 070 ББК 76.01

© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 тенге

ISBN 978-601-7317-84-3
ISBN 978-601-7317-82-9

УДК 070 ББК 76.01 А89

*Қазақстан Республикасы Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
Томды құрастырып, баспаға дайындағандар және жауапты
шығарушылар: Х.М. Әбжанов, А.Ә. Жүнісбаев
Асфендиаров Санжар А 89 ШЫҒАРМАЛАРЫ.

Төрттомдық шығармалар жинағы. Санжар Асфендиаров.
/ - Алматы: «Ел-шежіре», - 2014.

ISBN 978-601-7317-82-9

Т. 2: - 376 б.

ISBN 978-601-7317-84-3

Көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, шығыстанушы-ғалым, қазақтан шыққан алғашқы профессор Санжар Сейітжафарұлы Асфендиаровтың төрт томдық шығармалар жинағының 2-томына оның 1929-1937 жылдар аралығында мерзімді баспасөз беттерінде қазақ және орыс тілдерінде жарық көрген мақалалары, әр түрлі жиындар мен басқосуларда сөйлеген сөздері, сондай-ақ 1935 жылы жарияланған «Шатер мира» атты тұңғыш әрі жалғыз көркем туындысы, 1936 жылы жарық көрген «Қазақстан» атты кітаптың құрамына енген «Историческое прошлое Казахстана» атты қысқаша очеркісі кірді.

Қайраткер өмір сүрген дәуірінің ерекшелігін ашып көрсету мақсатында жинаққа енген барлық шығармалардың мәтіндері өзгеріссіз, яғни түпнұсқа күйінде басылып, хронологиялық тәртіпте берілді. Жинаққа енген Санжар Асфендиаровтың

мақалалары мен баяндамалары, көркем туындысы, ғылыми-көпшілік жанрындағы шығармалары оның Қазақстанда әр түрлі жылдары атқарған сан-салалы қоғамдық-саяси, мемлекеттік және ғылыми-педагогикалық қызметі туралы айқын көрініс бере алады.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

УДК 070 ББК 76.01

© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 теңге

лениндік тұрғыдан қарастыруға талпыныс жасады. Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

ISBN 978-601-7317-85-0
ISBN 978-601-7317-82-9

УДК070
ББК 76.01
© Әбжанов Х. Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1500 теңге

С. Асфендиаровтың ұлт бостандығы үшін күреске толы өмірі, сан-салалы қызметі, қайраткердің тұлғалық келбеті туралы жан-жақты әрі мол мәлімет ала алады.

Кітап Отан тарихын зерттеуші тарихшыларға, саясаттанушылар мен әдебиетшілерге, жоғары оқу орындарының студенттері мен оқытушыларына, С. Асфендиаровтың бай ғылыми-шығармашылық мұрасымен танысуға ынта танытқан барша оқырман қауымға арналған.

ISBN 978-601-7317-85-0
ISBN 978-601-7317-86-7

УДК 070 ББК 76.01
© Әбжанов Х., Жүнісбаев А. құраст.
© «Ел-шежіре» ҚҚ., 2014

Сатылым бағасы - 1600 теңге

жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары мен оқытушыларына, сондай-ақ, көшпiлiк оқырман қауымға арналған.

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ63.3(5Қаз)
К31

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Қ.С. Алдажұманов, Т.Ә. Нүрпейісов,
Д.А. Рахымқұлов

Құрастырғандар:

С. О. Смағұлова, тарих ғылымдарының докторы;
Г.Ж. Өскембаева, тарих ғылымдарының кандидаты

К 31 Кеңес Нүрпейіс. Шығармалар жинағы

Құраст.: С.О.Смағұлова, Г.Ж. Өскембаева. - Алматы:
«Елтаным баспасы», 2015. - 344 бет + 16 бет суретті жапсырма.
ISBN 978-601-7348-68-7

Кітапта тарихшы ғалым, академик Кеңес Нүрпейістің мерзімді баспасөз беттеріне жарық керген мақалалары мен ғылыми конференцияларда баяндалған еңбектері топтастырылып отыр. Автордың еңбектерінде тарих ғылымында өзекті болған ХХ ғасырдағы ұлт зиялыларының қоғамдық-саяси қызметі, 1916 ж. ұлт-азаттық қозғалыс барысы, аштық, қуғын-сүргін, тұлғатану және т.б. мәселелер көтерілген.

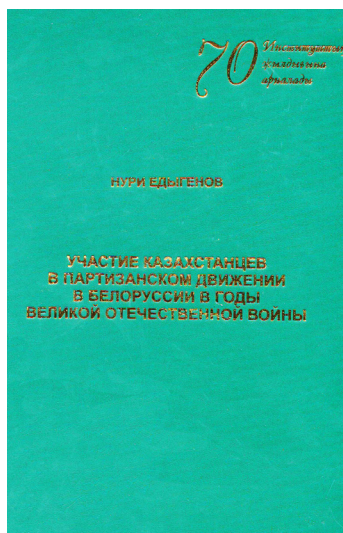
Жинақ гуманитарлық ғылымдар саласы мамандарына, жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары мен оқытушыларына, сондай-ақ, көшпiлiк оқырман қауымға арналған.

ӘОЖ 94 (574) КБЖ 63.3 (5 Каз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы

Тарих және этнология институты, 2015

ISBN 978-601-7348-68-7 © Құраст. Смағұлова С, Өскембаева Г, 2015

Сатылым бағасы - 1500 теңге

Книга представляет интерес для историков, пропагандистов, учителей школ, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-601-7398-79-3

УДК 355/359
ББК 63.3 (2) 622
Е34

*Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова*

Редакционный совет:

Х М Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, К.С. Алдажұманов, Д.А. Рахымқұлов

Подготовили к изданию:

К.К. Нурумбетова, Ж.Ж. Несипбаева, А.А. Оралова,
Г.У. Орынбаева, А.Н. Конакбаева

Н.Е. Едыгенов

Е 34 Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Едыгенов Нури. Повт. изд. - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. - 192 стр. ISBN 978-601-7398-79-3

В книге на фактическом материале показывается участие казахстанцев в организации всенародной партизанской борьбы, развернувшейся под руководством Коммунистической партии на временно оккупированной врагом территории Советской Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. В этой борьбе особенно ярко проявились советский патриотизм и дружба народов СССР.

Читатели познакомятся со многими неизвестными до сего времени именами своих земляков, которые героически сражались с гитлеровскими оккупантами до полного изгнания их с территории Советской Белоруссии.

Книга представляет интерес для историков, пропагандистов, учителей школ, а также широкого круга читателей.

УДК 355/359 ББК63.3(2)622

© Едыгенов Н.Е., 1972
©Издательство «НАУКА» Казахской ССР, 1972
© Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 1500 теңге

рет ғылыми айналымға тартылып, қатаң хронологиялық тәртіпте келтірілген. Бұл құжаттар соғыс жылдары еліміздің облыстары мен аймақтарында жүргізілген жаппай мобилизациялау науқаны, оны жүзеге асыру барысы, ұлттық әскери құрамаларды жасақтау, өнеркәсіп пен өндіріс орындарының соғыс жағдайына көшірілуі, Қазақстанға жер аударылған халықтардың шаруашылық орналасуы, олардың тұрмыстық жағдайы, республика халқының майданға және Қызыл әскерге көмек көрсетуі, әйелдердің ауыр жұмысқа тартылуы, ашаршылықтың етек жаюы сынды мәселелер туралы мол мәлімет бере алады.

Жинақ Ұлы Отан соғысы тарихын зерттеуші мамандар мен тарихшыларға, ЖОО оқытушыларына, студенттеріне, магистранттары мен докторанттарына, көпшілік оқырманға арналған.

ISBN 978-601-7348-
ISBN 978-601-7348-

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)
С

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смағұлова,
Н.Ә. Атығаев, Қ.С. Алдажұманов, А.Ә. Жүнісбаев

Құрастырғандар:

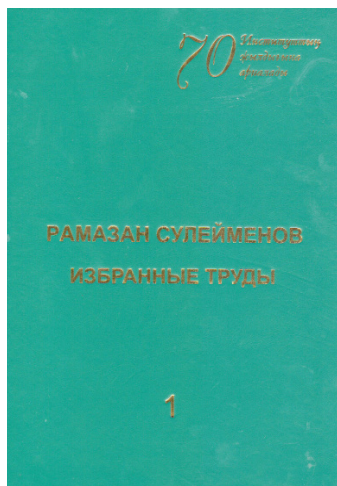
А.Ә. Жүнісбаев (жауапты), Г.Ж. Өскембаева, С.Ә. Асанова,
Қ.К. Қожаханова, А.Т. Саурықова

С «Соғыс. Халық. Жеңіс». Құжаттар мен материалдар жинағы (1941-1945 жж.). Том 1. / т.ғ.к. Қ.С. Алдажұмановтың редакциясымен. - Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. - 224 бет. ISBN 978-601-7348- ISBN 978-601-7348-

Көпшілік оқырман қауымның назарына ұсынылып отырған «Соғыс. Халық. Жеңіс» атты құжаттар мен материалдар жинағы Ұлы Жеңістің 70-жылдық мерейтойына арналған. Жинақтың деректік базасын «Кенес Одағының Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстан. 1941-1945 жж.» атты ғылыми жобаның аясында 2014 жылдың аяғында - 2015 жылдың басында жүзеге асырылған кешенді ғылыми экспедицияның нәтижесінде 14 мұрағаттан жинақталған құжаттар мен материалдар құрайды. Жинаққа енген 80-нен астам құжаттың басым көпшілігі алғаш

ӘОЖ 94 (574) КБЖ
63.3 (5 Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2015

Сатылым бағасы - 1500 теңге

статья, написанные ученым, в разные периоды жизни и отражающие многообразие научных интересов Рамазан Бимашевича Сулейменова. Большинство произведений, выпущенные не большим тиражом к сегодняшнему дню стали библиографической редкостью.

Составители:

к.и.н. С.А. Асанова, А.Н. Конкабаева

ISBN 978-601-7348-86-1 ISBN 978-601-7348-85-4
ISBN 978-601-7348-86-1 ISBN 978-601-7348-85-4

УДК 94 (574) ББК 63.3 (5 Қаз)
© Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 340 теңге

историософского знания.

Издание адресовано специалистам, исследователям, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется проблемами методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана.

ISBN 978-601-7348-80-9

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Қаз)
И 90

Рекомендовано:

Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (председатель, ответ. редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, Д.А. Рахимкулов, К.Ш. Алимгазинов,

Г.С. Жугенбаева

Составитель:

к.и.н. Ж.Ж. Несипбаева

И90 История Казахстана: новый взгляд: Сборник материалов методологических семинаров № 2 Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова за 2014 г.). - Алматы: «Издательство Елтаным», 2014-72 стр.

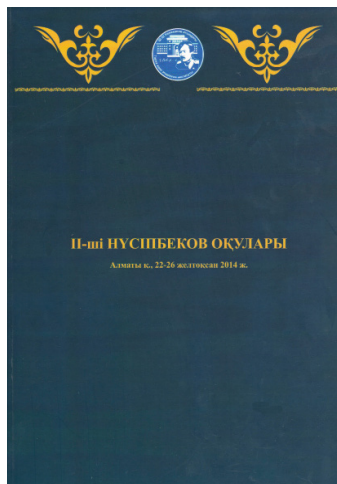
ISBN 978-601-7348-80-9

Сборник содержит материалы выступлений докладчиков на методологических семинарах Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК. Материалы представлены в хронологической последовательности проведения мероприятий за 2014 г., освещают итоги проведенной научной работы по выполнению приоритетных программ исследований Института, акцентируют внимание на актуальных проблемах изучения национальной истории, в русле современных парадигм

УДК 94(574)

ББК 63.3(5Қаз)

© ИИЭ им Ч.Ч. Валиханова. 2014

Сатылым бағасы - 1500 теңге

ұлттық тарих», «Әділет» қоғамына - 25 жыл», «Қазақ мемлекеттілігінің тарихы (ХІҮ-ХҮІІғғ)», «Ақжан-әл-Машани мұрасы және ұлттық ғылыми зерде», «Терезіміз еді ғой теңіз дерлік...», «Қазақстан Республикасының тәуелсіздігі - Мәңгілік елдің ұлы тарихы» атты жинақталған конференциялар мен дөңгелек үстел материалдары ұсынылып отыр.

Басылым Қазақстан тарихын зерттеуші мамандарға, магистранттарға, студенттерге сонымен қатар ұлт тарихына деген қызығушылық танытқан көпшілікке арналған.

УДК 94(574)(063)
ББК 63.3 (5Қаз)
Е40

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), С.О. Смагулова,
Н.Ә. Атыгаев, Д.А. Рақымқұлов

Құрастырушылар:

З.Б. Байжұманова, А.Ә. Жүнісбаев, А.Т. Саурыкова,
А. Нұрманова

Е40 II-ші НҮСІПБЕКОВ ОҚУЛАРЫ. Алматы қ., 22-26 желтоқсан 2014 ж. - Алматы: «Елтаным баспасы», 2014-304 б.

ISBN 978-601-7348-82-3

Жинаққа Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтында II-ші А. Нүсіпбеков оқулары аясында өткен «Академик А. Нүсіпбеков және «Қазақ тарихы» академиялық басылымдарын даярлау тәжірибесі», «Тарих ғылымы жас ғалымдардың үлесі мен рөлі», «Санжар Асфендияров және

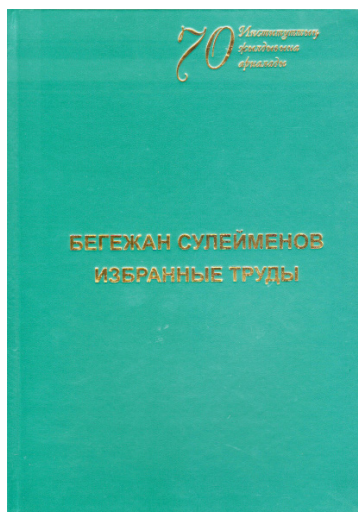
УДК 94(574)(063)

ББК 63.3 (5Қаз)

Е40

ISBN 978-601-7348-82-3

© ИИЭ им Ч. Ч. Валиханова. 2014

Сатылым бағасы - 2000 теңге

и переселенческой политики царизма в Казахстане, территориально-хозяйственного устройства, колонизации аула.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-7348-96-0

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
Б 42

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:
Х.М. Абжанов (ответственный редактор),
С.О. Смагулова, Н.А. Атыгаев, А.А. Джунисбаев

Составители:
к.и.н. А.С. Уалтаева, А.Т. Саурькова

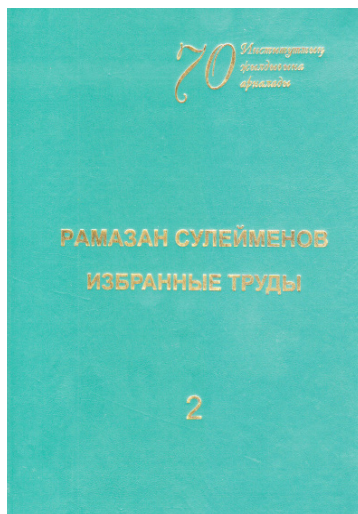
Б 42 Бегежан Сулейменов. Избранные труды.
Повт.изд. -Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. 408 с.

ISBN 978-601-7348-96-0

Предлагаемое издание публикуется в рамках издаваемых наиболее значимых работ казахстанских историков, составляющих гордость отечественной историографии, чьи имена и наследие должны быть сохранены для потомков. Среди них ярким примером казахстанского патриотизма является научное наследие Бегежана Сулейменова.

В первый том произведений историка вошли исследования, посвященные истории аграрных отношений, анализу аграрной

© Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963
© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

ISBN 978-601-7348-93-9 (Т. 2)
ISBN 978-601-7348-85-4

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
С 89

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:
Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, К.С. Алдажуманов, Д.А. Рахымкулов

Составители:
к.и.н. С.А. Асанова, А.Н. Конкабаева

Сулейменов Р.Б.
С 89 Избранные труды / Р.Б. Сулейменов. Т. 2. - Алматы:
Изд-во «Елтаным», 2015. - 360 стр.

ISBN 978-601-7348-85-4
ISBN 978-601-7348-93-9

Второй том избранных трудов Р.Б. Сулейменова состоит из статей, написанных ученым в разные периоды жизни и отражающие многообразие научных интересов Рамазан Бимашевича Сулейменова. Большинство из них, выпущенные небольшим тиражом к сегодняшнему дню представляют библиографическую редкость.

УДК 94 (574) ББК 63.3
(5 Каз)

© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

Событий, ему есть что рассказать, и он рассказывает о них естественно, искренне, не скрывая своих эмоций и своих чувств. Его могут упрекнуть в излишней, как покажется, субъективности оценок известных деятелей, оставивших свой след в истории, а также целого ряда фактов, будто бы уже устоявшихся и неопровержимых. Но он, автор, имеет право на свой взгляд, на выражение собственной жизненной позиции. Тем и интересна эта книга.

УДК 94 (574) (093)
ББК 63.3 (5ВД)

ISBN 978-601-7348-98-4

УДК 94 (574) (093)
ББК 63.3 (5Каз)
Т 82

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, К.С. Алдажуманов, Д.А. Рахымкулов

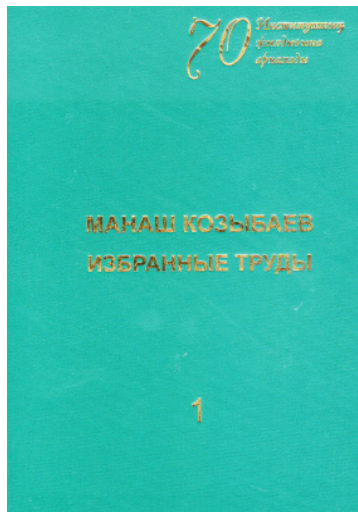
Т 82 Б.А. Тулепбаев. Великие созидания и крушения в XX веке (Мемуары) / - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. - 336 с.

ISBN 978-601-7348-98-4

Предлагаемая широкому кругу читателей книга хотя и названа мемуарами, однако она далеко выходит за пределы этого жанра, поскольку очень уж тесно переплетены в ней судьба автора с судьбами многих его современников, с судьбой страны. Книга представляет собой своеобразное сочетание научного анализа происшедших и происходящих событий, их причин и следствий с личными воспоминаниями и оценками.

Автор - Байдабек Ахмедович Тулепбаев, крупный ученый-историк, государственный и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, которую он прошел, что называется, от звонка до звонка. Не только как свидетелю, но и зачастую как активному участнику многих исторически значимых событий. Автор рассказывает о них естественно, искренне, не скрывая своих эмоций и своих чувств. Его могут упрекнуть в излишней, как покажется, субъективности оценок известных деятелей, оставивших свой след в истории, а также целого ряда фактов, будто бы уже устоявшихся и неопровержимых. Но он, автор, имеет право на свой взгляд, на выражение собственной жизненной позиции. Тем и интересна эта книга.

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

героической истории казахского народа, казахстанцев в тылу, связи фронта и тыла. Фон, сопутствующий содержанию и концептуальным основам монографии, является свидетельством того времени, когда вся жизнь советского государства и общества регулировалась организационными и идеологическими установками КПСС.

Книга предназначена массовому читателю, в особенности тем, кто интересуется эволюцией отечественной историографии советского периода.

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Каз) 622.78
ISBN 978-601-7849-00-9 - (Т. 1)
ISBN 978-601-7348-99-1 - (общ)

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Каз) 622.78
К 59

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор),
С.О. Смагулова, Н.А. Атыгаев, А.А. Жунисбаев

Составитель:
к.и.н., доцент З.М. Толенова

Козыбаев М.К. К 59 Избранные труды. - Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015.

ISBN 978-601-7348-99-1 Т. 1.-456 с.

ISBN 978-601-7849-00-9

Монография выдающегося ученого и организатора науки, академика Национальной академии наук Республики Казахстан М.М. Козыбаева посвящена истории республики периода Великой Отечественной войны Советского Союза. В ней на основе новых, в 60-70 гг. XX в. во многом закрытых и недоступных большинству исследователей материалов впервые воссоздана история Казахстана военного времени. Материалы и содержание книги свидетельствуют о самоотверженной героической истории казахского народа, казахстанцев в тылу, связи фронта и тыла.

© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Қаз) 622.78
ISBN 978-601-7849-01-6 - (Т. 2)
ISBN 978-601-7348-99-1 - (общ)

УДК 355/359
ББК 63.3 (5Қаз) 622.78
К 59

Рекомендовано в печать Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Редакционный совет:

Х.М. Абжанов (ответственный редактор), С.О. Смагулова,
Н.А. Атыгаев, А.А. Жунисбаев

Составитель:

к.и.н., доцент З.М. Толенова

К 59 **Козыбаев М.К.** Избранные труды. В двух томах. -
Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. Т. 2. - 304 с.
ISBN 978-601-7348-99-1
ISBN 978-601-7849-00-9

В монографию включены исследования, выполненные после 1985 г. В них прослеживаются традиционные проблемы истории Казахстана с точки зрения новых подходов. Значительную часть занимают материалы, посвященные участию народов Казахстана и других республик в Великой Отечественной войне. Рассматриваются также проблемы, связанные с присоединением Казахстана к России, Октябрьской революцией, гражданской войной, коллективизацией, индустриализацией и т. д.

Для историков, преподавателей и студентов вузов, пропагандистов.

©Козыбаев М.К., 1991 © Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2015

Сатылым бағасы - 2000 теңге

еңбекте қазақ даласында XV-XVII ғғ. салтанат құрған Қазақ хандығы бойынша дерек көздерді зерттеуге, екінші бөлім хандықтың саяси тарихы мен зерттеу методологиясына, үшінші бөлім қазақ мемлекетін басқарған тарихи тұлғаларға, төртінші бөлім Қазақ хандығының әлемдік тарихтағы үдерістегі рөліне арналған, соңғы бөлімде автордың ғылыми рецензиялары берілген.

Басылым кәсіби тарихшылар мен ортағасырлық Қазақстан тарихына қызығушылық танытатын көпшілік қауымға арналған.

ISBN 978-601-7849-05-4

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Қаз)
А92

Кітап Қазақ хандығының 550-жылдығына орай Алматы қаласы Мәдениет басқармасының тапсырысымен жарық көрді

Баспаға Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Ғылыми кеңесінде ұсынылған

Редакция алқасы:

Х.М. Әбжанов (жауапты редактор), А.О. Қырықбаев,
Ғ. Өтелбайұлы, Е.Қ. Әуезов, А.Ж. Сыдықов, С.Ө. Смағұлова,
К.Ө. Торланбаева, Қ. Өскенбай, А.П. Ермұхамедова

Пікір жазғандар:

ҚР ҰҒА академигі, профессор Б.Е. Көмеков,
тарих ғылымдарының кандидаты, профессор А.И. Исин

Атыгаев Н.Ә.

А 92 **Қазақ хандығы тарих толықнында. Очерктер/Н.Ә. Атыгаев.**
– Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. – 384 бет + 16 бет суретті жапсырма.
ISBN 978-601-7849-05-4

Кітап қазақ халқының ортағасырлық ұлттық мемлекеті – Қазақ хандығының тарихына арналып, оның құрылуының 550-жылдығына орай шығып отыр. Бес бөлімнен тұратын

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Қаз)

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, 2015
© Атыгаев Н.Ә., 2015

УДК 355/359 (063)
ББК 63.3 (2) 622.78
Т 53

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының
Ғылыми кеңесімен ұсынылды

Редакция алкасы:

Х.М. Әбжанов (бас редактор), С.О. Смағұлова, Н.Ә. Атығаев,
К.С. Алдажұманов, А.Ә. Жүнісбаев

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов (главный редактор), С.О. Смағұлова,
Н.А. Атығаев, К.С. Алдажұманов, А.А. Джунисбаев

Т53 «Токтағали Жанкелдин: мемлекет қайраткері, ғалым,
майдангер-жазушы»

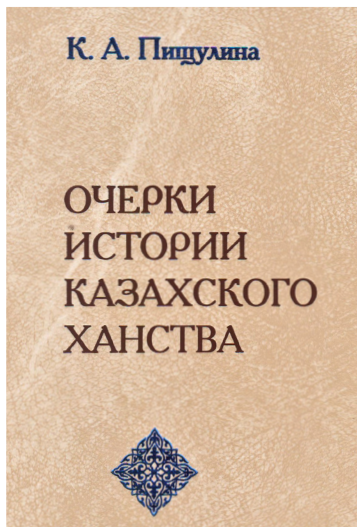
көрнекті қоғам және мемлекет қайраткері, ғалым. Токтағали
Жанкелдиннің 100 - жылдық мерейтойына арналған Халықар.
ғыл.-тәжір. конф. мат-ры (Алматы қ., 28 сәуір 2016 ж.) =
«Токтағали Жангельдин: государственный деятель, ученый,
фронтовик-партизан»: мат-лы Междунар. науч.-прак. конф.,
посвященной 100-лет. юбилею видного общественного и

государственного деятеля, ученого Токтағали Жангельдина (г. Алматы, 28 апреля 2016 г.) / Ред. А.Ә.
Жүнісбаев. - Алматы: Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология ин-ты, 2016. - 100 б. / қазақша, орысша.
978-601-7342-17-3

Жинаққа қоғам және мемлекет қайраткері, ғалым, майдангер-жазушы Токтағали Жанкелдиннің өмірі
мен қызметіне, ғылыми және шығармашылық мұрасына арналған ғылыми баяндамалар, ол туралы
замандастары мен ұрпақтарының естеліктері, 1941-1945 жылдардағы Кеңес Одағының Глы Отан соғысы
тарихының жекелеген мәселелеріне қатысты ғылыми мақалалар енді.

В сборник вошли научные доклады, посвященные жизни и деятельности, научному и творческому
наследию Токтағали Жангельдина, воспоминания нем и его супруге, научные статьи, освещающие
некоторые проблемы истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.

© Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты, 2016 © Алматы қаласының әкімдігі, 2016

УДК94(574)
ББК63.3(5Каз)
П36

Утверждено к печати
Институтом истории и этнологии
им. Ч. Ч. Валиханова

Автор вступительной статьи, составитель:
кандидат исторических наук
К. З. Ускенбай

Научные редакторы:
кандидат исторических наук, доцент З. А. Джандосова
кандидат исторических наук К. З. Ускенбай

Пищулина К. А.
Очерки истории Казахского ханства. Сборник статей. -
Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2016.
- 350 с.

ISBN 978-601-7342-14-2

Настоящее издание – это сборник статей известного казахстанского историка, востоковеда и медиевиста, кандидата исторических наук Клавдии Антоновны Пищулиной, опубликованных в разные годы. Исследования, охватывающие вопросы истории казахской государственности позднего средневековья

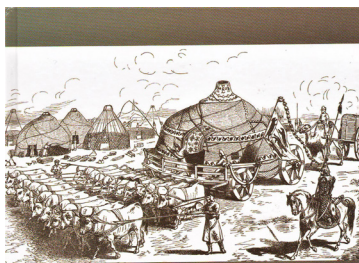
XIV-XVII вв., не потеряли своей актуальности и в наши дни. В книге представлены подробные исследования по истории присырдарьинских городов и их значению в истории Казахского ханства; письменные восточные источники, историография Казахского ханства, Моғулистана, Моғульского государства.

Книга предназначена историкам, востоковедам, преподавателям школ и вузов, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется историческим прошлым Казахстана и Центральной Азии.

© Пищулина К.А., 2016

© Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2016

© Ускенбай К.З., авт. вступ. ст., 2016

ӘОЖ94(574)(063)
КБЖ 63.3(5 қаз)
Е 33

Редакциялық алқа:

Х.М. Әбжанов - т.ғ.д., проф., ҚР ҰҒА мүше-корр.,
Н.Ә. Атығаев - т.ғ.к., доц.,

К.Ө. Торланбаева - т.ғ.д., К. Өскенбай - т.ғ.к.,
М. Морякова

Редакционная коллегия:

Х.М. Абжанов - Д.И.Н., проф., чл.-корр.
НАН РК, Н.А. Атығаев - к.и.н., доц.,

К.У. Торланбаева - д.и.н., К. Ускенбай - к.и.н.,
М. Морякова

ЕЖЕЛГІ, ОРТАҒАСЫР ЖӘНЕ ЖАҢА КЕЗЕҢДЕГІ
ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ІРГЕЛЕС ЕЛДЕР
ТАРИХЫНДАҒЫ БІЛІК ИНСТИТУТЫНЫҢ
ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Халықаралық ғылыми-тежірибелік
конференция материалдары

ЭВОЛЮЦИЯ
ИНСТИТУТА ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ,
СРЕДНЕВЕКОВОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ
КАЗАХСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Материалы Международной
научно-теоретической конференции

Е 33 Ежелгі, орта ғасырлар және жаңа замандағы Қазақстан және іргелес елдер тарихындағы билік институтының эволюциясы: Халықар. ғыл.- теор. конф. мат-ры = Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств: Мат-лы междунар. науч.-теоретич. конф., Алматы қ., 2 маусым 2016 жыл. - Алматы: Тарих және этнология институты, 2016. - 272 б. - қазақша, орысша.

Басылымда 2016 жылы 2 маусым күні Алматы қаласында өткізілген «Ежелгі, орта ғасырлар және жаңа замандағы Қазақстан және іргелес елдер тарихындағы билік институтының эволюциясы» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференция қатысушыларының баяндамалары мен хабарламалары ұсынылған.

Жинақ материалдарында Қазақстан және шекаралас мемлекеттердің ежелгі, орта ғасыр және жаңа замандағы билік институты эволюциясының әр түрлі көріністері баяндалады.

Бұл жинақ ғылыми қызметкерлерге, тарих оқытушыларына, аспиранттар мен магистранттарға арналған.

В издании представлены доклады и сообщения участников международной научно-теоретической конференции «Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств», состоявшейся в Алматы 2 июня 2016 г.

В материалах сборника освещаются различные аспекты эволюции института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей истории, аспирантов и магистрантов.

ISBN 978-601-7342-15-9

© Тарих және этнология ин-ты, 2016 © Мақала авторлары, 2016

Басуға 19.03. 2017 қол қойылды
Шартты баспа табағы –13
Офсеттік басылым
Таралымы 500 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»
журналының редакциясында басылды

Редакцияның мекен-жайы:
050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28